

RUSSISCH UND RUSSLAND
Landeskundliche Texte für Anfänger,
Fortgeschrittene und Interessenten ohne Sprachkenntnisse

Zusammengestellt von PhD E. Koudrjajtseva

Redaktion: G. Müller, K. Kehrer

Wir beraten Sie gerne:

Alle Dienstleistungen und Programme für Russland
Einladung, Visum, Flug, Bus und Zug
Vermittlung von Unterkünften, DolmetscherIn, Reisebegleitung
Sprachkurse mit TRKI – Zertifikat in Moskau
Studieren in Russland, Praktikum in Moskau
Konferenzen in Moskau (Stadtmitte)
Extrem – Tourismus und Banja – Reisen
Ganzjährig: Angeltouren
Spezialangebote für Schüler, Studenten (Uni, FA, VHS) und Pensionäre
Sonderprogramme für Volkshochschulen und Berufsakademien
Unterstützung bei der Suche nach russischen Geschäftspartnern für private Kunden und Unternehmen
Fachmännische Beratung (VWL, BWL, Jura, Sozialarbeit in RF u.s.w.)
Verlagstätigkeit in Russland und in der Ukraine

medved500@web.de

Vorwort

Liebe LeserInnen und KollegInnen,

vor Ihnen liegt der zweite Teil der Reihe «Russisch und Russland». Damit präsentieren wir erstmals Texte, die besonders gut die Entwicklung des Landes und der menschlichen Charaktere darstellen, und zwar in der Umgangssprache der verschiedenen Perioden. Wir haben bewusst lustige Geschichten als landeskundliche Informationsquelle ausgewählt, damit der Leser Russland mit Vergnügen kennen lernt.

Die Aufgaben zu den Texten wurden gewählt, um dabei zu unterstützen, das Gespür für die Stilistik des Russischen bei den Studenten und Schülern zu entwickeln und sie zum Dialog mit den Lehrenden zu ermuntern.

Alles wurde übersetzt, wie es Prof. L. Müller sagte: «So wörtlich wie nötig und so künstlerisch wie möglich». Deshalb kann dieses Buch zum Nachdenken anregen, auch für Leute, die mit der russischen Sprache noch nicht vertraut sind und Russland nicht nur aus der Feder von Vladimir Kaminer kennen lernen möchten.

Lediglich zwei Themen bleiben ohne Übersetzung, da sie uns im Original besonders wertvoll erscheinen.

Wir haben auch darauf verzichtet, die Biographien der Autoren zu publizieren, weil diese zum einen keine landeskundliche Informationen im engeren Sinne darstellen und zum anderen problemlos im Internet zu finden sind (z.B. unter www.lib.ru).

Was die Betonungen angeht, so haben wir nur am Anfang alle Wörter damit versehen, um später nur in den schwierigen Fällen die betonten Vokale hervorzuheben.

Zum Schluss noch eine Anmerkung für Spezialisten, welche Landeskunde und russische Sprache anhand der Klassiker unterrichten wollen: Das grundsätzliche Problem besteht darin, dass niemand auf der Straße die Worte Puškins, Dostojevskis oder Lermontovs benutzt (im Deutschen übrigens keiner die Goethes, Schillers oder Heines). Die Studierenden und Schüler müssen dagegen mit Bewohnern von Moskau, St. Petersburg oder Ekaterinburg heute kommunizieren können.

So wünschen wir Ihnen viel Spaß beim Lesen und Lernen und sind für Ihre Anregungen und Kommentare sehr dankbar.

Für die Hilfe bei den Übersetzungen bedanke ich mich bei: N. Brekenfeld, M. Heinritz, G. Müller, S. Schacht, M. Linkor, H. Staeger, T. Hentschel. Meine besondere Dankbarkeit geht an meine unersetzliche und immer hilfsbereite Redaktorin – Kathrin Kehrer.

Оглавление/ Inhaltsverzeichnis

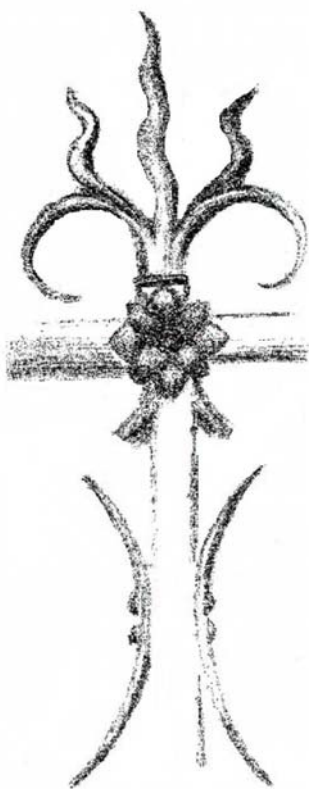
Vorwort.....	2
Erziehung des russischen Geistes.....	8
Как волки учат своих детей.....	8
Wie die Wölfe ihre Kinder erziehen.....	8
Телёнок на льду.....	9
Das Kälbchen auf dem Eis.....	9
Самые лучшие груши.....	10
Die allerbesten Birnen.....	10
Мужик и лошадь.....	10
Der Mann und das Pferd.....	11
Муравей и голубка.....	12
Die Ameise und das Täubchen.....	12
Осёл и лошадь.....	12
Der Esel und das Pferd.....	13
Галка и голуби.....	13
Die Dohle und die Tauben.....	13
Черепаша и орёл.....	14
Die Schildkröte und der Adler.....	14
Лисица и виноград.....	14
Der Fuchs und die Trauben.....	14
Работницы и петух.....	15
Die Arbeiterinnen und der Hahn.....	15
Садовник и сыновья.....	15
Der Gärtner und seine Söhne.....	16
Мышь под амбаром.....	16
Die Maus unter dem Getreidespeicher.....	16
Сокол и петух.....	17
Der Falke und der Hahn.....	17
Собака и волк.....	18
Der Hund und der Wolf.....	18
Царские братья.....	18
Die Brüder des Kaisers.....	19
Лев и лисица.....	19
Der Löwe und der Fuchs.....	20
Камыш и маслина.....	20
Das Schilf und der Olivenbaum.....	20
Ворон и лисица.....	21
Der Rabe und der Fuchs.....	21
Учёный сын.....	21
Der gelehrte Sohn.....	22
Царь и рубашка.....	22
Der Zar und das Hemd.....	23
А.П. Чехов Die russische Natur.....	24
Das Bildungssystem in RF/ Система образования в РФ.....	27

Hurra, hurra, die Schule brennt!	28
На уроке.....	28
In der Schulstunde	28
К. Мелихан Пророк	29
K. Melichan Der Prophet.....	32
С. Альтов Последний раз.....	34
S. Al'tov Das letzte Mal.....	36
Hochschulbildung in RF.....	40
Hinter den Türen der Alma Mater	41
Лекция профессора Н.....	41
Die Vorlesung von Professor N.....	41
А. Фединец На экзамене	42
A. Fedinez In der Prüfung	43
В. Константинов, Б. Рацер Записки абитуриента.....	43
V. Konstantinov, B. Racer Aufzeichnungen eines Abiturienten.....	44
В. Константинов, Б. Рацер Сон студента	45
V. Konstantinov, B. Racer Der Traum eines Studenten.....	46
Unvergessliche Arbeitsstunden	49
На концерте.....	49
Im Konzert.....	49
Смешанный хор	49
Gemischter Chor.....	49
Имитатор	49
Der Imitator	49
В магазине	50
Im Geschäft	50
И. Тургенев Корреспондент	50
I. Turgenev Der Korrespondent.....	51
Г. Рыклин Как её фамилия?.....	51
G. Ryklin Wie lautet ihr Familienname?.....	52
К. Мелихан Правила русского языка.....	53
K. Melichan Die Regeln der russischen Sprache	55
С. Альтов Именинница	57
S. Al'tov Geburtstagskind.....	59
М. Городинский Сигнал.....	61
M. Gorodinskij Das Signal	64
Gesundheitssystem in Russland/ Система здравоохранения в России.....	69
Bei Askular	70
Средство от полноты.....	70
Ein Mittel gegen Beileibtheit.....	70
Совет врача.....	70
Der Rat des Arztes.....	70
А.П. Чехов Лошадиная фамилия.....	71
A.P. Čechov Der Pferde-Familienname	74
М.А. Булгаков Тьма египетская	78
M.A. Bulgakov Ägyptische Finsternis	82
К. Грейдина На приёме у врача.....	86
K. Grejdina In der Sprechstunde beim Arzt	88
А. Фединец Со мною что-то происходит	89
A. Fedinec Mit mir geschieht etwas	89

Alltägliches Nicht-Dasein	91
А.П. Чехов Специалисты в бане	91
А.Р. Čechov Spezialisten in der Banja	91
А.П. Чехов Самая бедная бедность.....	91
А.Р. Čechov Besonders arme Armut.....	91
С. Альтов Спасибо.....	92
S. Al'tov Danke	93
В. Верижников Обои.....	95
V. Verižnikov Die Tapeten.....	96
В. Верижников Мой увлекающийся муж.....	97
V. Verižnikov Mein leicht zu begeisternder Ehemann.....	98
К. Мелихан 01	99
K. Melichan 01	102
К. Мелихан Тоска объявлений	104
K. Melichan Die Schwermut der Anzeigen.....	106
С. Альтов Собачья жизнь.....	108
S. Al'tov Das Hundeleben	111
Der gefährliche ÖPNV	115
А.П. Чехов Вагонное освещение.....	115
А.Р. Čechov Die Beleuchtung des Abteils.....	115
Билет	115
Die Fahrkarte	115
Нынешние времена.....	115
Heutige Zeiten	116
Воспитанность	116
Gute Erziehung.....	116
И. Ильф, Е. Петров Золотой телёнок.....	116
I. Il'f, E. Petrov Das goldene Kalb.....	118
В. Алексеев Загадочная московская душа	119
V. Alekseev Die rätselhafte Moskauer Seele	120
С. Альтов Дорожно-транспортное происшествие.....	120
S. Al'tov Ein Verkehrsvorfall	122
С. Альтов Истина.....	124
S. Al'tov Die Wahrheit	126
М. Городинский Сумма знаний.....	128
M. Gorodinskij Die Summe der Kenntnisse.....	131
Die Freizeitgestaltung.....	135
В. Верижников Не все предусмотрели	135
V. Verižnikov Wir haben nicht alles vorausgesehen.....	136
Б. Ласкин На футболе.....	136
B. Laskin Beim Fußball.....	138
В. Константинов, Б. Рацер В туристический поход.....	140
V. Konstantinov, B. Racer Auf zur Bergtour	142
Die berühmte Gastfreundschaft	145
Гостеприимство	145
Gastfreundschaft.....	145
Им скучно без тебя.....	145
Sie langweilen sich ohne dich	145
А.П. Чехов Закуска.....	145
A. P. Čechov Vorspeise.....	148

Тэффи (Н.А. Лохвицкая) Широкая масленица	151
Teffi Breiter Fasching.....	153
В. Верижников По последней моде	154
V. Verižnikov Nach der neuesten Mode	156
С. Альтов Кто там?	157
S. Al'tov Wer ist da?	164
Die vielen Gesichter der Liebe	172
И. Тургенев Воробей	172
I. Turgenev Der Spatz.....	172
В. Берестов Любовь	173
V. Berestov Die Liebe	174
Ф. Кривин Карандаш и резинка	175
F. Krivin Der Bleistift und der Radiergummi	175
В. Константинов, Б. Рацер Тяжёлая сессия.....	176
V. Konstantinov, B. Racer Die schwierige Prüfungszeit	178
Etwas über wahre Freundschaft.....	180
И. Тургенев Враг и друг.....	180
I. Turgenev Freund und Feind	181
И. Василенко Друг.....	181
I. Vasilenko Der Freund	183
Russische Küche.....	185
Я не могу есть этот суп	185
Ich kann die Suppe nicht essen.....	185
А.П.Чехов Глупый француз.....	185
A. P. Čechov Der dumme Franzose	188
Тэффи (Н.А. Лохвицкая) Блины.....	191
Teffi Die Pfannkuchen.....	193
К. Мелихан Творческая кухня Гоголя	196
K. Melichan Die künstlerische Küche Gogols	197
М. Городинский Странная мечта	199
M. Gorodinskij Der eigenartige Traum	205
Bei den Nachbarn in Europa.....	212
Эксперимент.....	212
Das Experiment	212
А.П. Чехов Добрый немец	213
A. P. Čechov Der gutmütige Deutsche.....	216
М. Зощенко Иностранцы	219
M. Soščenko Die Ausländer	221
М. Городинский Стриптиз.....	223
M. Gorodinskij Striptease.....	228
С. Альтов Фортель.....	232
S. Al'tov Fortel (Streich)	236
С. Альтов Хор	239
S. Al'tov Der Chor	245
К. Мелихан И я там был.....	250
K. Melichan Auch ich war dort!	256
Texte für die selbständige Arbeit	262
Noch etwas über die russische Sprache.....	262
И.С. Тургенев Русский язык.....	262
Тэффи (Н.А. Лохвицкая) О русском языке	262

Е.Л. Ка О «ну».....	265
Разговоры всерьёз.....	267
А. Н. Радищев Путешествие из Петербурга в Москву Пешки	267
А. И. Герцен Москва и Петербург	268
А.А. Блок Интеллигенция и революция.....	270
М. Горький Несвоевременные мысли	276
Н. Бердяев Психология русского народа	277
Тэффи (Н.А. Лохвицкая) Русские профили	282
Д.С. Лихачёв О русской культуре.....	283
Е.Л. Ка О причинах и следствиях несовместимости менталитетов в Германии	285
Anstelle eines Nachwortes: Was muss man über uns wissen?.....	296
Bibliographie	299

Erziehung des russischen Geistes *(nach L.N. Tolstoj)*

Как волки учат своих детей

(Быль)

Я шёл по дороге и позади себя услышал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал по полю и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидел: по полю бегут два волка: один старый, другой молодой. Молодой нес на спине зарезанного ягнёнка, а зубами держал его за ногу. Старый волк бежал позади. Когда я увидел волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидел собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягнёнка, перекинул себе на спину, и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягнёнка, зарезал его и понёс. Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягнёнку. Старый отдал нести ягнёнка молодому волку, а сам налегке побежал вóзле.

Только когда пришла беда, старый оставил учёнье и сам взял ягнёнка.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Ученье – свет, а неученье – тьма. Учи, пока поперёк лавки укладывается, а во всю вытянется – не научишь. Тяжело в ученье, легко в бою. Век живи – век учись. Бей галку и ворону: руку набьёшь, и сокола убьёшь.

Wie haben Ihre Eltern Ihnen die Grundkenntnisse für weiteres Leben beigebracht?

Wie die Wölfe ihre Kinder erziehen

(Eine wahre Geschichte)

Ich ging die Straße entlang und hörte hinter mir einen Schrei. Ein Hirtenjunge schrie. Er rannte querfeldein und zeigte auf jemanden.

Ich schaute hin und sah: Zwei Wölfe rennen über das Feld: Ein alter und ein junger. Der junge trug ein gerissenes Lamm auf dem Rücken, mit den Zähnen hielt er es am Bein. Der alte Wolf rannte hinterher.

Als ich die Wölfe erblickte, lief ich mit dem Hirten hinter ihnen her und wir fingen an zu schreien. Auf unser Schreien hin kamen die Bauern mit Hunden herbei.

Sobald der alte Wolf die Hunde und die vielen Menschen sah, rannte er zu dem jungen, entriss ihm das Lamm und warf es sich auf den Rücken. Beide Wölfe rannten noch schneller davon und verschwanden aus unseren Blicken.

Dann begann der Junge zu erzählen, was es mit der Sache auf sich gehabt hatte: Aus der Schlucht war der große Wolf hervorgesprungen, hatte sich das Lamm geschnappt, es gerissen und davongetragen. Da war ihm der Wolfsjunge entgegen gerannt und hatte sich auf das Lamm gestürzt. Der Alte hatte also dem jungen Wolf das Lamm zu tragen gegeben und war selbst unbeschwert nebenhergerannt. Im Augenblick der Gefahr jedoch hatte der Alte das Lehren gelassen und wieder selbst das Lamm genommen.

Телёнок на льду

(Бáсня)

Телёнок скака́л по заку́те и выучился де́лать круги и поворо́ты. Когда́ пришлá зимá, телёнка выпустили с друго́ю скотиною на лёд к водопо́ю. Все корóвы осторо́жно подошли к корыту , а телёнок разбежа́лся на лёд, загну́л хвост, приложил у́ши и стал кружиться. На пе́рвом же кругу́ нога́ его́ раскатилась, и он уда́рился голово́ю о корыто.

Он заревéл: «Несча́стный я! По колéно в соло́ме скака́л — не па́дал, а тут на гла́дком поскользну́лся». Ста́рая корóва сказа́ла: «Ка́бы ты был не телёнок, ты бы знал, что где лёгче скака́ть, там труднее держа́ться».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Наше дело телячье – поел, да в закут. Ласковый телёнок двух маток сосёт. Где легко скакать, там труднее держаться. Молоденький умок – всё ему невдомёк, а старый ум – достанет и двум. Erzählen Sie passende Situationen aus Ihrem eigenen Leben.

Das Kälbchen auf dem Eis

(Fabel)

Ein Kälbchen sprang auf der Weide und lernte, Kreise und Drehungen zu vollführen. Als der Winter kam, ließ man das Kälbchen zusammen mit dem anderen Vieh zum Tränken auf das Eis hinaus. Alle Kühe gingen vorsichtig an den Trog heran, das Kälbchen aber rannte auf das Eis, hob den Schwanz hoch, legte die Ohren an und begann sich zu drehen. Aber schon bei der ersten Umdrehung rutschte sein Fuß weg und es schlug mit dem Kopf gegen den Trog.

Es fing an zu brüllen: «Ich Unglücklicher! Ich bin im knietiefen Stroh gesprungen und nicht gefallen, doch hier, wo es eben ist, bin ich ausgerutscht».

Eine alte Kuh sagte: «Wenn du kein Kälbchen wärst, dann wüsstest du, dass man sich dort, wo es sich leichter springt, schwerer halten kann».

Самые лучшие груши

(Бáсня)

Один бáрин послáл слугú за гру́шами и сказа́л ему́: «Купи мне са́мых хоро́ших». Слугá пришёл в лáвку и спросил груш. Купе́ц по́дал ему́, но слугá сказа́л: «Нет, дай мне са́мых лу́чших». Купе́ц сказа́л: «Отве́дай одну́, ты увидишь, что они хорош». «Как я узнаю,— сказа́л слугá,— что они все хороши, — е́сли отве́даю то́лько одну́?» Он откусил понемно́гу от ка́ждой гру́ши и принёс их ба́рину. Тогда́ ба́рин прогна́л его́.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Дурака учить, что мёртвого лечить. Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт. Сто раз отмерь, один раз отрежь. Простота хуже воровства.

Die allerbesten Birnen

(Fabel)

Ein Gutsherr schickte seinen Diener Birnen kaufen und sagte zu ihm: «Kauf mir die allerbesten». Der Diener kam in den Laden und fragte nach Birnen. Der Kaufmann gab ihm welche, doch der Diener sagte: «Nein, gib mir die allerbesten». Der Kaufmann sagte: «Koste eine, du wirst sehen, dass sie gut sind». «Aber wie weiß ich denn», – entgegnete der Diener, – «dass sie alle gut sind, wenn ich nur eine probiere?» Also biss er ein wenig von jeder Birne ab und brachte sie dem Gutsherrn. Daraufhin jagte der Gutsherr ihn fort.

Мужик и лошадь

(Бáсня)

Поёхал мужик в го́род за овсо́м для ло́шади. То́лько что выехал из дере́вни, ло́шадь ста́ла заворáчивать назад к до́му. Мужик уда́рил ло́шадь кнуто́м. Она пошла́ и ду́мает про мужика́: «Куда́ он, дура́к, меня́ го́нит; лу́чше бы до́мой».

Не доезжая до города, мужик видит, что лошади тяжело по грязи, своротил на мостовую, а лошадь воротит прочь от мостовой. Мужик ударил кнутом и дернул лошадь: она пошла на мостовую и думает: «Зачем он меня повернул на мостовую, только копыта обломает. Тут под ногами жестко».

Мужик подъехал к лавке, купил овса и поехал домой. Когда приехал домой, дал лошади овса. Лошадь стала есть и думает: «Какие люди глупые! Только любят над нами умничать, а ума у них меньше нашего. О чем он хлопотал? Куда-то ездил и меня гонял. Сколько мы ни ездили, а вернулись же домой. Лучше бы с самого начала оставаться нам с ним дома; он бы сидел на печи, а я бы ела овес».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: На вожжах и лошадь умна. Ум молчит, а глупость кричит. Всякая палка – о двух концах, а медаль – о двух сторонах. В чужом глазу сучок видим, а в своём – бревна не замечаем.

Handelt es sich bei diesem Text um Dummheit oder um ein Missverständnis?

Der Mann und das Pferd

(Fabel)

Ein Mann fuhr in die Stadt, um Hafer für sein Pferd zu kaufen. Als er eben aus dem Dorf herausgefahren war, begann das Pferd sich wieder heimwärts zu wenden. Der Mann versetzte dem Pferd einen Schlag mit der Peitsche. Es ging weiter und dachte sich: «Wohin jagt mich der Dummkopf denn? Ich ginge lieber nach Hause». Noch bevor er in der Stadt angekommen ist, sah der Mann, dass es dem Pferd schwer fiel im Schlamm zu gehen und er bog auf die gepflasterte Fahrbahn ein. Das Pferd aber geht wieder von der gepflasterten Straße herunter. Der Mann schlug mit der Peitsche und zerrte an dem Pferd: Da lief es auf den gepflasterten Weg und denkt: «Warum hat er mich auf die gepflasterte Fahrbahn gelenkt, hier bricht man sich nur die Hufe. Hier ist es doch unter den Füßen hart».

Der Mann kam am Geschäft an, kaufte Hafer und fuhr nach Hause. Als er zu Hause angekommen war, gab er dem Pferd den Hafer. Das Pferd begann zu fressen und dachte: «Was sind doch die Menschen dumm! Sie kehren uns gegenüber gerne den Gescheiten raus, aber Verstand haben sie weniger als unsereins. Um was hat er sich denn gesorgt? Ist irgendwohin gefahren und hat mich gehetzt. Wieweit wir auch gefahren sind, schließlich sind wir ja doch nach Hause zurückgekehrt. Wären wir nur besser gleich zu Hause geblieben; er hätte hinter dem Ofen gesessen und ich hätte Hafer gefressen».

Муравей и голубка

(Басня)

Муравей спустился к ручью: захотел пить. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка неслá ветку; она увидела — муравей тонет и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник óхнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Долг платежом красен. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Как аукнется, так и откликнется.

Die Ameise und das Täubchen

(Fabel)

Eine Ameise war zum Bach hinab gestiegen: Sie wollte sich satt trinken. Da überspülte sie eine Welle und ertränkte sie beinahe. Ein Täubchen trug einen Zweig; es sah, dass die Ameise zu ertrinken drohte und warf ihr den Zweig in den Bach. Die Ameise setzte sich auf den Zweig und rettete sich. Später warf ein Jäger ein Netz über das Täubchen und wollte es zuziehen. Da kroch die Ameise an den Jäger heran und biss ihn ins Bein; der Jäger stöhnte auf und ließ das Netz fallen. Das Täubchen flatterte hoch und flog davon.

Осёл и лошадь

(Басня)

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади: «Мне тяжело, не дотащú я всего, возьми с меня хоть немного». Лошадь не послушалась. Осёл упал от натуги и умер. Хозяин как наложил всё с ослá на лошадь, да ещё и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: «Ох, горе мне бедной, горюшко мне несчастной! Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот всё тащú да ещё и шкуру».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Гром не грянет – мужик не перекрестится. Поделенное горе – половина горя, поделенная радость – двойная радость. Своя рубашка ближе к телу. Не рой яму другому, сам в неё попадёшь.

Der Esel und das Pferd

(Fabel)

Ein Mensch hatte einen Esel und ein Pferd. Sie gingen die Straße entlang und der Esel sagte zum Pferd: «Es ist mir zu schwer, ich schaffe es nicht alles zu tragen, nimm mir wenigstens einen kleinen Teil ab». Aber das Pferd hörte ihm nicht zu. Da fiel der Esel vor Anstrengung hin und starb. Doch als der Herr alles vom Esel auf das Pferd packte und noch das Eselsfell dazu, heulte das Pferd auf: «Oh, welch ein Leid widerfährt mir Armen, welch eine Not mir Unglücklichem! Ich wollte ihm nicht einmal ein bisschen helfen und jetzt schleppe ich alles und auch noch sein Fell!»

Галка и голуби

(Басня)

Галка увидела, что голубей хорошо кормят, — выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили её. Но галка забылась и закричала по-галочьи. Тогда голуби стали её клевать и прогнали. Галка полетела назад к своим, но галки испугались её оттого, что она была белой, и тоже прогнали.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Всяк кулик в своём болоте велик. Не в свои перья не рядись, а своей одежкой гордись. Где кто родился, там и пригодился. На чужой кусок не разевай роток. Попал в стаю: лай не лай, а хвостом виляй.

Die Dohle und die Tauben

(Fabel)

Eine Dohle sah, dass die Tauben gut gefüttert werden. Sie strich sich weiß an und flog in den Taubenschlag. Zuerst dachten die Tauben, dass sie auch eine Taube sei und ließen sie herein. Doch die Dohle vergaß sich und begann auf Dohlenart zu rufen. Daraufhin fingen die Tauben an sie zu picken und verjagten sie. Die Dohle flog zu den Ihren zurück, doch die Dohlen erschrecken deshalb vor ihr, weil sie ja weiß war und jagten sie auch davon.

Черепаша и орёл

(Басня)

Черепаша просила орла, чтобы научил её летать. Орёл не советовал, потому что ей не пристало, а она всё умоляла. Орёл взял её в когти, поднял вверх и отпустил: она упала на камни и разбилась.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: По одежке протягивай ножки. Всяк сверчок знай свой шесток. Не в свои сани не садись. Рождённый ползать, летать не сможет (М. Горький). Выше головы не прыгнешь.

Woher stammt die Redewendung?: Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

Die Schildkröte und der Adler

(Fabel)

Die Schildkröte bat den Adler, ihr das Fliegen beizubringen. Der Adler riet ihr davon ab, weil sich das für sie nicht gehöre, aber sie bettelte weiter. Da nahm sie der Adler mit seinen Krallen auf, erhob sie in die Lüfte und ließ sie los: Sie fiel auf die Steine und zerschellte.

Лисица и виноград

(Басня)

Лисица увидела — висят спелые кисти винограда и стала приглядываться, как бы их съесть. Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говорит: «Зелены ещё».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Близок локоток, да не укусишь. Видит око, да зуб неймёт. Видит собака молоко, да рыло коротко.

Der Fuchs und die Trauben

(Fabel)

Der Fuchs sah reife Weintrauben hängen und begann darüber zu sinnen, wie er sie denn essen könnte. Er schlug sich lange damit herum, doch er konnte sie nicht erreichen. Um jedoch seinen Unmut zu ersticken, sagt er: «Sie sind noch zu grün».

Работницы и петух

(Басня)

Хозяйка по ночам будила работниц и, как запоют петухи, сажала за дело. Работницам тяжело показалось, и они вздумали убить петуха, чтобы не будил хозяйки. Убили, им же стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работниц.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Кто другому яму копал, сам в неё и попал. От добра добра не ищут. Рассердясь на блох, да и шубу в печь. Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи. Кто рано встаёт, тому Бог подаёт.

Die Arbeiterinnen und der Hahn

(Fabel)

Die Wirtin weckte nachts die Arbeiterinnen und schickte sie beim ersten Hahnenschrei an die Arbeit. Den Arbeiterinnen kam das hart vor und so kamen sie auf die Idee den Hahn umzubringen, damit er die Wirtin nicht weckt. Sie brachten ihn um, doch es erging ihnen noch schlechter: Die Wirtin hatte Angst zu verschlafen und weckte die Arbeiterinnen noch früher.

Садовник и сыновья

(Басня)

Хотел садовник сыновей приучить к садовому делу. Когда он стал умирать, позвал их и сказал: «Вот, дети, когда я умру, вы в виноградном саду поищите, что там спрятано».

Дети подумали, что там клад, и когда отец умер, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю в винограднике так хорошо вскопали, что стало плодов родиться много больше. И они стали богатыми.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Согласно стада и волк не берёт. Под лежащий камень вода не течёт. Без труда не выловишь и рыбки из пруда. Терпенье и труд всё перетрут.

Der Gärtner und seine Söhne

(Fabel)

Ein Gärtner wollte seine Söhne das Gärtnerhandwerk lehren. Als sein Ende nahte, rief er nach ihnen und sagte: «Nun Kinder, wenn ich gestorben bin, sucht im Weinberg, was dort versteckt ist».

Die Kinder dachten, dass dort ein Schatz versteckt sei, und als der Vater gestorben war, begannen sie zu graben und gruben die ganze Erde um. Einen Schatz haben sie nicht gefunden, doch die Erde im Weinberg haben sie so gut umgegraben, dass die Ernte viel reicher ausfiel und sie wohlhabend wurden.

Мышь под амбаром

(Басня)

Жилá одна Мышь под амбáром. В полú амбáра былá дырочка, и хлеб сыпался в дырочку, Мыши житьё было хорóшее, но она захотéла похвáстаться своим житьём. Прогрызла дырú побольше, позвала других мышéй к себе в гóсти: «Идите, — говорит, — ко мне гулять. Я вас угощú. Кóрму на всех достáнет». Когда она привелá мышéй, все увидели, что дыры совсём не было. Мужик примéтил большúю дырú в полú и задéлал её.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Погоди хвалиться, а то как бы не провалиться. Жадность до добра не доведёт. Наделала синица славы, а моря не зажгла.

Die Maus unter dem Getreidespeicher

(Fabel)

Es wohnte eine Maus unter dem Getreidespeicher. Im Boden des Speichers war ein kleines Loch, durch welches das Korn herausrieselte. Das war ein gutes Mäuseleben, doch die Maus wollte sich ihres Daseins rühmen. Sie nagte das Loch größer und lud die anderen Mäuse zu sich ein.

«Kommt zu mir zum Feiern», – sagte sie, – «Ich werde euch bewirten. Es ist genug Futter für alle da».

Als sie aber die Mäuse mit nach Hause brachte, sahen alle, dass es kein Loch mehr gab. Der Bauer hatte das große Loch im Boden bemerkt und es geflickt.

Сокол и петух

(Басня)

Со́кол привык к хозяину и ходил на руку, когда его звали; пету́х бе́гал от хозяина и крича́л, когда к нему́ подходили. Со́кол и говорит петуху́:

«В вас, петуха́х, нет благодарности; видна́ холо́пская поро́да. Вы идёте к хозяевам то́лько ко́гда го́лодны. То ли де́ло мы, дикая птица: в нас и силы мно́го, и летать мы мо́жем быстрее́ всех; а мы не бе́гаем от люде́й, а са́ми ещё ходи́м к ним на́ руку, когда́ нас кличу́т. Мы по́мним, что они ко́рмят нас».

Пету́х и говорит:

«Вы не бе́гаете от люде́й оттого́, что никогда́ не видели жа́ренного со́кола, а мы то и де́ло видим жа́ренных петухо́в».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: На рогоже сидя, о соболях не рассуждают. Сколько волка не корми, он всё равно в лес смотрит. Ласковый телёнок двух маток сосёт. У всякой пташки – свои замашки. Сытый голодного не разумеет. Пуганая ворона и куста боится.

Der Falke und der Hahn

(Fabel)

Der Falke war an seinen Herrn gewöhnt und setzte sich auf dessen Hand, wenn man ihn rief. Der Hahn dagegen flüchtete vor dem Herrn und schrie, wenn man sich ihm näherte. Da sagt der Falke zum Hahn: «Ihr Hähne, kennt keine Dankbarkeit; da erkennt man die kriecherische Rasse. Ihr geht nur zum Herrn, wenn ihr hungrig seid. Wir dagegen sind Raubvögel, wir haben viel Kraft und auch fliegen können wir schneller, als alle anderen. Aber wir rennen vor den Menschen nicht davon, sondern setzen uns sogar noch auf ihre Hand, wenn sie rufen. Denn wir erinnern uns daran, dass sie uns füttern».

Darauf entgegnet der Hahn: «Ihr rennt deshalb nicht vor den Menschen davon, weil ihr noch niemals einen gebratenen Falken gesehen habt. Wir dagegen sehen gebratene Hähnchen immer wieder».

Собака и волк

(Басня)

Соба́ка засну́ла за дворо́м. Голо́дный волк набежа́л и хоте́л съесть её. Соба́ка и говорит: «Волк, подожди меня есть, — тепе́рь я костлява, худá. А вот, дай срок, хозяева бу́дут сва́дьбу игра́ть, тогда́ мне еды бу́дет вво́лю, я разжире́ю, — лу́чше тогда́ меня съесть». Волк пове́рил и уше́л. Вот приходи́т он в друго́й раз и видит — соба́ка лежит на крыше. Волк и говорит: «Что ж, была́ сва́дьба?» А соба́ка отве́чает: «Вот что, волк, ко́ли друго́й раз заста́нешь меня со́нную пе́ред дворо́м, не дожида́йся бо́льше сва́дьбы».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Дорого яичко к Христову дню. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Хитрость – второй ум. Живи своим умом, но учись на чужих ошибках. После драки кулаками не машут. На то и щука в море, чтоб карась не дремал.

Der Hund und der Wolf

(Fabel)

Ein Hund war hinter dem Hof eingeschlafen. Ein hungriger Wolf rannte herbei und wollte ihn fressen. Da sagte der Hund: «Wolf! Warte mit dem Fressen, jetzt bin ich knochig und dünn. Aber gib mir Zeit, bald wird die Herrschaft Hochzeit feiern, dann werde ich Essen in Hülle und Fülle haben, ich werde Fett ansetzen. Besser ist es, mich dann zu fressen».

Der Wolf glaubte ihm und ging fort. Nun kommt er ein andermal wieder und sieht den Hund auf dem Dach liegen. Und der Wolf sagt: «Nun, ist die Hochzeit um?» Darauf meinte der Hund: «Tja, Wolf, solltest du mich das nächste Mal schläfrig vor dem Hof antreffen, dann warte besser nicht auf die Hochzeit».

Царские братья

(Сказка)

Один царь шёл по улице. Нищий подошёл к нему́ и стал просить милостыню. Царь не дал ничего́. Нищий сказа́л: «Царь, ты, видно, забыл, что Бог — всем один Оте́ц: мы все бра́тья, нам всем делиться положено». Тогда́ царь остано́вился и кивнул: «Ты пра́вду говоришь, мы бра́тья и нам полага́ется делиться», — и дал попрошайке золоту́ю моне́ту. Нищий взял зо́лото и

сказал: «Ты мало дал; разве так делятся с братьями? Надо делить поровну. У тебя миллионы, а мне ты дал одну монетку». Тогда царь сказал: «Это правда, что у меня миллионы, но у меня и братьев столько же, сколько денег».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Где мёд, там и мухи. У него снегу зимой не допросишься. Курица по зёрнышку клюёт, да сыта бывает. На чужой кусок не разевай роток.

Die Brüder des Kaisers

(Märchen)

Ein Kaiser ging die Straße entlang. Ein Bettler trat zu ihm heran und bat um eine milde Gabe.

Der Kaiser gab ihm nichts. Da sagte der Bettler: «Kaiser, du hast offenbar vergessen, dass Gott der Vater aller ist; wir sind alle Brüder und wir müssen alles teilen».

Darauf blieb der Kaiser stehen und sprach: «Du sagst die Wahrheit, wir sind Brüder und es steht uns an zu teilen». Und er gab dem Bettler eine goldene Münze. Der Bettler nahm das Gold und sagte: «Du hast zu wenig gegeben; teilt man etwa so unter Brüdern? Man muss zu gleichen Teilen teilen. Du hast Millionen, aber mir hast du nur eine Münze gegeben».

Darauf entgegnete der Kaiser: «Es ist wahr, dass ich Millionen besitze, doch ich habe auch so viele Brüder wie ich Geld habe».

Лев и лисица

(Басня)

Лев от старости не мог уже ловить зверей и задумал хитростью жить: зашёл он в пещеру, лёг и притворился больным. Стали ходить звери его проведывать, и он съедал тех, которые входили к нему в пещеру. Лисица смекнула, в чём дело, стала у входа в пещеру и говорит: «Что, лев, как можешь?»

Лев стонет: «Плохо», — и приглашает гостью: «Да ты отчего же не входишь?»

А лисица отвечает: «Оттого не вхожу, что по следам вижу — входов много, а выходов нет».

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Старого воробья на мякине не проведёшь. Встречают по одежке, провожают по уму. Поводился волк – телят пасти. Не верь речам, верь своим очам. Не гонкой волка бьют, а уловкой. Не спросясь броду, не суйся в воду.

Der Löwe und der Fuchs

(Fabel)

Seines Alters wegen konnte der Löwe keine Tiere mehr jagen und beschloss deshalb, mit Hilfe einer List zu leben. Er ging in eine Höhle hinein, legte sich hin und stellte sich krank. Da begannen die Tiere ihm Krankenbesuche abzustatten, und er fraß diejenigen auf, die in seine Höhle kamen. Der Fuchs roch den Braten, blieb am Höhleneingang stehen und sagte: «Nun, Löwe, wie geht es dir?» Der Löwe stöhnte: «Schlecht». Und er lädt den Gast ein: «Aber warum kommst du denn nicht herein?» Doch der Fuchs sagt: «Ich komme deshalb nicht herein, weil ich an den Spuren sehe, es gibt viele Eingänge, aber keinen Ausgang».

Камыш и маслина

(Басня)

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнётся. Камыш промолчал. Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался — уцелел. Маслина напружинилась сучьями против ветра — и сломалась.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Не гордись горох над бобами, будешь и ты под ногами. Где глупый упрётся и сломится, умный согнётся и поклонится. Гордым быть – глупым слыть. Против рожна не попрёшь. Только пустой колос голову кверху носит.

Das Schilf und der Olivenbaum

(Fabel)

Der Olivenbaum und das Schilf begannen darüber zu streiten, wer härter und stärker sei. Der Olivenbaum lachte über das Schilf, weil sich dieses bei jedem Wind biege. Das Schilf schwieg. Es kam ein Sturm: Das Schilf schwankte, schaukelte, bog sich bis zur Erde — blieb aber unversehrt. Der Olivenbaum aber stemmte seine Äste gegen den Wind — und zerbrach.

Ворон и лисица

(Басня)

Ворон добыл кусок мяса и сел на дерево. Захотелось лисице мяса, она подошла к подножью ствола и ласково так воркует:

— Эх, ворон, как посмотрю на тебя, — по твоему росту да красоте быть бы тебе царём! И, верно, был бы ты царём, кабы у тебя голос был.

Ворон хвост расправил, крылья в стороны развёл, разинул рот и заорал, что было мочи. Мясо выпало. Лисица подхватила лакомство и смеётся:

— Ах, ворон, коли бы ещё у тебя и ум был, быть бы тебе царём.

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: На чужой кусок не разевай роток. В чужих руках и ломоть велик. Бог дал, Бог и взял.

Lesen Sie die Fabel von I. Krylov – «Ворона и лисица».

Der Rabe und der Fuchs

(Fabel)

Der Rabe hatte ein Stück Fleisch erbeutet und setzte sich auf einen Baum. Der Fuchs bekam Appetit auf das Fleisch, so ging er zum Fuß des Stammes und säuselte lieblich: «Ach, Rabe, wenn ich dich so anschau — wenn man deiner Statur und deiner Schönheit folgt, solltest du Kaiser sein! Und bestimmt wärst du Kaiser, wenn du eine schöne Stimme hättest».

Der Rabe reckte den Schwanz, breitete die Flügel nach den Seiten aus, riss das Maul auf und schrie aus Leibeskräften. Das Fleisch fiel hinunter. Der Fuchs schnappte die Köstlichkeit und lachte: «Ach, Rabe, wenn du auch noch Verstand hättest, wärest du Kaiser».

Учёный сын

(Басня)

Сын приехал из города в деревню повидать своего отца. Отец сказал: «Сегодня сенокос, возьми грабли и приходи мне помогать». Но сыну не хотелось работать и потому он ответил: «Я занимался наукой и позабыл деревенские названия. Что такое «грабли»?» Однако, едва он вышел во двор, как наступил на грабли и их рукоятка ударила его по лбу. Тут наш учёный

сразу вспомнил, что такое «грабли» и проворчал, потирая ушибленное место: «Какой только идиот бросил здесь грабли?»

Aufgabe:

Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Что с возу упало, то пропало. За одного битого двух не битых дают. Горбатого исправит могила, а упрямого – дубина.

Der gelehrte Sohn

(Fabel)

Der Sohn war aus der Stadt aufs Land gekommen, um seinen Vater besuchen. Der Vater sagte: «Heute ist Heumahd, nimm den Rechen und komm, um mir zu helfen». Doch der Sohn hatte keine Lust zu arbeiten und entgegnete: «Ich habe mich mit den Wissenschaften beschäftigt und die bäuerlichen Bezeichnungen vergessen. Was ist das - ein Rechen?» Kaum trat er aber in den Hof, als er schon auf einen Rechen trat und dessen Stiel ihm gegen die Stirn schlug. Da erinnerte sich unser Gelehrter, was ein Rechen ist und brummte, indem er sich die verletzte Stelle rieb: «Was für ein Idiot hat hier den Rechen hingeworfen?»

Царь и рубашка

(Сказка)

Один царь был болен и сказал: «Половину царства отдам тому, кто меня вылечит». Тогда собрались все мудрецы и стали судить, как царя вылечить. Никто не знал. Один только мудрец сказал, что царя можно спасти: если найти счастливого человека, снять с него рубашку и надеть на царя, — царь выздоровеет. Придворных послали искать по всему царству счастливого человека. Долго ездили послы царя вокруг да около, не могли найти абсолютно счастливого человека. Не было ни одного такого, чтобы всем был доволен. Кто богат, да хворает; кто здоров, да беден; кто и здоров и богат, да жена не хороша, а у кого дети не хороши, — все на что-нибудь да жалуются.

Один раз идет поздно вечером царский сын мимо избушки, и слышно ему — кто-то говорит: «Вот, слава Богу, поработался, наелся и спать лягу; чего мне еще нужно?» Царский сын обрадовался, велел снять с этого человека рубашку и дать денег, сколько захочет, рубашку же отнести к царю. Посланные пришли к счастливому человеку и хотели с него снять рубашку; но счастливый был так беден, что на нем не было даже рубашки.

Aufgabe:

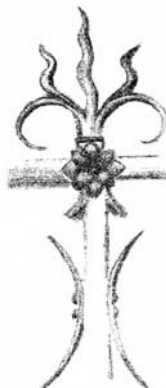
Welche Redewendung gibt den Sinn des Textes wieder?: Свою болячку чужим здоровьем не лечат. Гольй, что святой: беды не боится. Беден как церковная мышь. Отдать последнюю рубашку. Истинно счастлив лишь тот, кому нечего терять. Кто беды не видал, тот счастья не знал.

Der Zar und das Hemd

(Märchen)

Der Zar war krank und sagte: «Das halbe Reich gebe ich dem, der mich heilt». Da versammelten sich alle Weisen und begannen zu beraten, wie der Zar zu heilen sei. Niemand wusste es. Ein Weiser sagte, dass der Zar nur dann zu retten sei, wenn man einen glücklichen Menschen fände, ihm sein Hemd auszöge und es dem Zaren anziehe. So würde der Zar gesund. Höflinge wurden ausgeschiedt, um im ganzen Reich einen glücklichen Menschen zu suchen. Lange reisten die Gesandten des Zaren überall umher, doch konnten sie keinen vollkommen glücklichen Menschen finden. Es gab nicht einen Einzigen, der mit allem zufrieden gewesen wäre. Wer reich war, war krank; wer gesund war, war arm. Wer gesund und reich war, hatte keine gute Frau oder bei manch einem sind die Kinder schlecht geraten. Alle beklagten sich über irgendetwas. Einmal ging der Sohn des Zaren spät abends an einer kleinen Hütte vorbei und hörte wie jemand sagte: «Nun Gott sei Dank, ich habe mich satt gearbeitet, satt gegessen und lege mich schlafen; was brauche ich mehr?» Der Zarensohn freute sich, befahl diesem Menschen, das Hemd auszuziehen und ihm dafür soviel Geld zu geben, wie er wolle, das Hemd aber dem Zaren zu bringen. Die Gesandten kamen zu dem glücklichen Menschen und wollten ihm das Hemd ausziehen, doch der glückliche Mensch war so arm, dass er nicht einmal ein Hemd anhatte.

КОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ.

Eine Aufgabe mit hohem Schwierigkeitsgrad: Übersetzen Sie den nachfolgenden Text und schreiben die Wörter heraus, welche der «ehrliche und dumme Deutsche» falsch verstanden hat. Warum konnte diese Art von Fehler entstehen?

А.П. Чехов

Die russische Natur

Один чётный, но глупый немец, патриот и большой любитель всего прекрасного, раскрыл однажды какую-то русскую книжку и на стр. 83 прочёл следующее:

«Был вечер... Солнце заходило и обливало золотистым пурпуром землю. Лёгкий *зефир* нежно колыхал спящую рожь. В воздухе стоял вечерний концерт... Пели птицы... В синеве неба висел неподвижно жаворонок и щебетал свою звонкую песню. В траве трещали *кузнечики*, тянули свою однообразную песню *скрипачи*... На листьях, сверкавших росой, ползали *божьи коровки*... С цветка на цветок порхали чудесные *бабочки*...»

Это поэтическое описание произвело сильное впечатление на любителя всего прекрасного... Глубоко вздохнув, он взял в руки немецко-русский словарь и занялся переводом... Перевод вышел точный, буквальный, как всё немецкое... Чётный патриот, однако, не довольствовался одним переводом. Он ещё раз вдохновился, взял в руки карандаш и создал... Создав, он выпил пива...

Его создание и предлагаем на рассмотрение поклонникам хорошей живописи.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Welche deutschen Volksweisheiten kennen Sie? Welche davon entsprechen den russischen Aussagen?

Береги платье снову, а честь смолоду.

Бережёного Бог бережёт.

Бог не выдаст, свинья не съест.

Бодливой корове Бог рог не дал.

Была бы шея, а хомут найдётся.

В тихом омуте черти водятся.

В тесноте, да не в обиде.

Ворон ворону глаз не выклюет.

Дарёному коню в зубы не смотрят.

Добрая слава лежит, а худая бежит.

Дома и стены помогают.

Жизнь прожить – не поле перейти.

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.

Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло.

Казённого козла за хвост подержать – можно шубу сшить.

Каков поп, таков и приход.

Куй железо, пока горячо.

Либо пан, либо пропал.

Начал за здравие, кончил за упокой.

Обжёгшись на молоке, дуёт на воду.

Один в поле – не воин.

От сумы да от тюрьмы не отказывайся.

От трудов праведных не наживёшь палат каменных.

Охота пуще неволи.

Первый блин – комом.

Перед смертью не надышишься.

Повинную голову меч не сечёт.

Попытка – не пытка.

С волками жить – по волчьи выть.

С глаз долой – из сердца вон.

Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай.

*Семь вёрст, и всё лесом.
Сколько верёвочке не виться, а конец будет.
Цыплят по осени считают.
Что посеешь, то и пожнёшь.
Яблочко от яблони недалеко падает.
Язык до Киева доведёт.
Яйца курицу не учат.*

2. Was bedeuten folgende Redewendungen:

*скрыться из глаз
расставить сети на кого-либо
заглушить досаду/ обиду
просить милостыню
попасть впросак
жить своим умом
ходить вокруг да около
бежать, что было мочи*

3. Was wissen Sie über die Geschichte folgender Wörter:

*деревня
мостовая
мужик
межа
острога
подсобить
калач
баранка*

4. Vergleichen Sie die russischen Fabeln mit den Fabeln von Lafontaine. Welche Gedanken und Weisheiten sind völker- und kulturenübergreifend? Warum?

Das Bildungssystem in RF/ Система образования в РФ

Alter	Bildungsanstalt	Образовательное учреждение
1/3 – 5/6	Kindergarten; Aufnahmeprüfungen (zählen bis 10 u.s.w., einfache Wörter lesen und schreiben, um zur privilegierte Schule zu kommen) und Eignungsuntersuchung bei dem Arzt	детский сад
6/7 – 8/9	Grundschule: 3 Klassen, danach – Auswahlprüfungen	начальная школа (3 класса), дневник – eine Art vom Tagebuch, wo die Hausaufgaben, Lehrernotizen und Noten eines Schülers drin stehen. Muss jede Woche von den Eltern unterschrieben werden.
10/11–16/18	Hauptschule, Schule mit erweitertem Fachunterricht (Fremdsprachen, Mathematik u.s.w.) oder Gymnasium; nach der 8. Klasse Auswahlprüfungen, ob das Kind in der Schule bleiben darf oder diese verlassen und zur PTU gehen muss) nach der 10./11. Klasse – Abitur (Juni) und Aufnahmeprüfungen zur Hochschule (Juli – August) oder – Anfang des Berufslebens	средняя школа (7/8 классов) или гимназия
13/14–16/17	PTU (Berufstechnische Lehranstalt); danach – die Berufstätigkeit oder (selten) die Hochschule	ПТУ – профессионально-техническое училище (3/4 года – 9-11 классы школы и профессиональное образование)
17/18–21/22	Hochschule (staatlich oder privat); falls die jungen Männer bei den Aufnahmeprüfungen nicht erfolgreich abschneiden, müssen sie Wehrdienst leisten (1 bis 3 Jahre)	вуз – высшее учебное заведение
ab 22 (je nach Wunsch)	Doktorantur (3 Jahre – Fern- oder Präsenzstudium) und Habilitation (dasselbe)	аспирантура (3 года очно или заочно) и докторантура (то же самое)

Hurra, hurra, die Schule brennt!

На уроке

In der Schulstunde

Учитель попросил учеников написать о футболе.

Один мальчик написал очень быстро и сдал свою работу. Учитель взял его тетрадь и прочитал: «Шёл дождь, футбола не было».

Der Lehrer bat die Schüler – über Fußball zu schreiben.

Ein Junge war sehr schnell fertig und gab seine Arbeit ab. Der Lehrer nahm das Heft und las: «Es regnete, es gab keinen Fußball».

Учитель: Почему ты опоздал?

Ученик: Я поздно вышел из дома.

Учитель: Почему ты не вышел раньше?

Ученик: Было уже поздно выходить раньше.

Lehrer: Warum bist du zu spät gekommen?

Schüler: Ich bin zu spät aus dem Haus gegangen.

Lehrer: Warum bist du nicht früher aus dem Haus gegangen?

Schüler: Es war schon zu spät, um früher aus dem Haus zu gehen.

Учитель: Что вы можете сказать о знаменитых учёных XVIII века?

Ученик: Они все умерли.

Lehrer: Was können Sie über die berühmten Gelehrten des 18. Jahrhunderts sagen?

Schüler: Sie sind alle gestorben.

Учитель спросил ученика:

— Что такое полуостров? Объясни, пожалуйста.

— Полуостров? Это остров, который разделили на две части.

Der Lehrer fragt den Schüler:

— Was ist eine Halbinsel? Erklär das, bitte.

— Eine Halbinsel? Das ist eine Insel, die man in zwei Teile geschnitten hat.

Учитель спрашивает ученика:

— Как можно поделить пять яблок на девять человек?

— Надо сварить компот, — отвечает ученик.

Der Lehrer fragte den Schüler:

— Wie kann man fünf Äpfel auf neun Leute verteilen?

— Man muss Kompott daraus kochen, — antwortet der Schüler.

К. Мелихан

Пророк

Все вы хорошо знаете стихотворение Пушкина «Пророк». Нет, не про рок-музыку, а вот это:

«Духовной жаждою томим,

В пустыне мрачной я влачился,

И шестикрылый Серафим

На перепутье мне явился...»

Ну и дальше в таком же духе.

А мы с Роговым этого стихотворения не знали. То есть мы знали, что такое стихотворение имётся в книгах, но вот о чём оно, тем более наизусть, мы не знали. Да, честно говоря, и не хотели знать.

Рогов так и сказал:

— Зачем нам свои головы лишними буквами забивать? Тебя к доске вызовут — я тебе подскажу. Меня вызовут — ты мне подскажешь.

Вызвали Рогова.

Он смело вышел к доске и громко сказал:

— Пушкин. «Пророк».

И на меня смотрит. Выжидаяще. А я — надо же! — никак не могу в книжке страницу нужную отыскать.

Учительница наша, Юлия Францевна, что-то записывает в свои бумаги и говорит:

— Хорошо, Рогов.

Рогов говорит:

— «Пророк»! Пушкин — наш пророк!

Юлия Францевна, не отрываясь от своих бумаг, говорит:

— Ну-ну, Рогов. Начинай.

Рогов говорит:

— Начинаю! Стихотворение известного вам и всеми горячо любимого поэта Пушкина. А. С. Александра Сергеевича. Александр Сергеевич — имя-отчество. Поэт — имя существительное. Любимый — имя прилагательное.

И на меня опять смотрит. Я наконец нашёл это стихотворение и подсказываю Рогову:

— Духовной жаждою...

Рогов говорит:

— Духовной жадностью...

Я шепчу:

— Духовной жаждою томим...

Он говорит:

— Духовной жадности туман...

Я шепчу:

— В пустыне...

Он говорит:

— В простыне...

Юлия Францевна говорит:

— В какой ещё простыне?

Я шепчу:

— В пустыне мрачной...

Рогов говорит:

— В простыне брачной...

Я шепчу:

— В пустыне мрачной я влачился...

Он говорит:

— Я лечился...

Я шепчу:

— И шестикрылый Серафим...

Он говорит:

— И шестирылый семафор...

Я уже почти во весь голос говорю:

— На перепутье мне явился...

Он говорит:

— На перекрестке развалился...

Я говорю:

— Глухня!

Но тут Рогов меня хорошо услышал.

— Глухня! — говорит, но чувствует уже, что это не совсем Пушкин.

У Юлии Францевны даже очки с носа соскочили.

— Что, что?! — говорит. — Повтори!

Рогов вяло так повторяет:

— Глухня. Развалилась на перекрестке. Ей семафор сигналил, а она лежит себе и рылом не ведёт.

В общем, Юлия Францевна дальше слушать известное стихотворение Пушкина «Пророк» не стала.

— Садись, — сказала она Рогову. — Четвёрка. На двоих.

Aufgaben:

Erzählen Sie über A.S. Puškin und seine Zeit.

Wovon handelt das Gedicht «Der Prophet»? Lesen Sie den gesamten Text und versuchen Sie, ihn zu

übersetzen. Welche Probleme treten bei der Übersetzung auf?

Was denken Sie, warum hatte Rogov Schwierigkeiten – seinen Freund akustisch zu verstehen?

Welche Wörter erscheinen Ihnen als «veraltet» (устаревшие)? Übersetzen Sie diese Wörter ins Deutsche.

Warum ist es schwer – diesen Text adäquat zu übersetzen?

Was bedeuten die Redewendungen: забивать голову, честно говоря, вызвать к доске, в таком же духе, во весь голос, рылом не ведёт

K. Melichan

Der Prophet

Ihr alle kennt Puškins Gedicht «Der Prophet». Nein, nicht über die Rockmusik¹, sondern dieses:

*«Von seelischem Durst gequält,
Schleppte ich mich durch die dunkle Wüste,
Und ein sechsflügeliger Seraphim
Erschien vor mir auf der Wegkreuzung...»*

Und so weiter in der Art.

Jedoch — Rogov und ich kannten das Gedicht nicht. Genauer gesagt, wir wussten, dass es ein solches Gedicht in den Büchern gibt, aber – worum es darin geht, vor allem, auswendig, das wussten wir nicht. Und ehrlich gesagt, wollten wir es überhaupt nicht wissen.

Rogov meinte ebenso:

— Wozu sollen wir unsere Köpfe mit überflüssigen Buchstaben voll stopfen? Wenn man dich zur Tafel ruft, werde ich dir vorsagen. Wenn man mich ruft, sagst du mir vor.

Rogov wurde gerufen.

Er trat mutig zur Tafel und sagte:

— Puškin. «Der Prophet».

Und schaut auf mich. Abwartend. Und ich — du meine Güte! — konnte im Buch nicht die richtige Seite finden.

Unsere Lehrerin, Julia Francevna, notiert sich etwas in ihre Papiere und sagt:

— Gut, Rogov.

Rogov spricht:

— «Prophet»! Puškin ist unser Prophet!

¹ «Пророк» (der Prophet) und «про рок» (über die Rockmusik) klingen auf Russisch absolut gleich und können nur beim Schreiben auseinander gehalten werden.

Julia Francevna, ohne sich von ihren Papieren zu lösen, sagt:

— Auf auf, Rogov. Fang an.

Rogov spricht:

— Ich fange an! Das Gedicht eines euch allen bekannten und von allen heiß geliebten Poeten Puškin.

Von A.S.. Alexander Sergejevič. Alexander Sergejevič — Name-Vatersname. Der Dichter — Substantiv. Geliebter — Adjektiv.

Und schaut wieder auf mich. Ich habe endlich das Gedicht gefunden und sage Rogov vor:

— Von seelischem Durst...

Rogov sagt:

— Von seelischem Geiz...

Ich flüstere:

— Von seelischem Durst gequält...

Er sagt:

— Von seelischem Geiz der Nebel...

Ich flüstere:

— In der Wüste...

Er sagt:

— Im Bettlaken.

Julia Francevna sagt:

— In was für einem Bettlaken?

Ich flüstere:

— In der dunklen Wüste...

Der Rogov sagt:

— Im ehelichen Bettlaken...

Ich flüstere:

— Schleppte ich mich durch die dunkle Wüste...

Er sagt:

— Ich habe mich geheilt...

Ich flüstere:

— Und der sechsflügelige Seraphim...

Er sagt:

— Und das sechsmaulige Semaphor...

Ich sage schon fast in der vollen Lautstärke:

— Durchkreuzte meinen Weg...

Er sagt:

— Ist auf der Kreuzung auseinander gebrochen...

Ich sage:

— Taube Nuss!

Aber da hat mich der Rogov gut gehört.

— Taube Nuss! — sagt er, aber er spürt schon, dass das nicht ganz Puškin ist.

Bei Julia Francevna ist sogar die Brille von der Nase gerutscht.

— Was, was?! — sagt sie. — Wiederhole!

Rogov wiederholt lustlos:

— Die taube Nuss. Ist auf der Kreuzung auseinander gebrochen. Der Semaphor warnt sie, aber sie liegt vor sich hin und schenkt ihm keine Aufmerksamkeit.

Auf jeden Fall, wollte Julia Francevna das berühmte Gedicht «Der Prophet» von Puškin nicht mehr weiter hören.

— Setz dich, — sagte sie zu Rogov. — Eine Vier². Für beide.

С. АЛЬТОВ

Последний раз

Чем ближе к школе, тем больше нервничала Галина Васильевна. Она машинально поправляла вóвсе не выбившуюся из-под платкá прядь и, забывшись, разговáривала самá с собóй.

«Когда это кóнчится?! Недéли нет, чтоб в школу не вызвали! В шестóм классе такой хулигáн, а вырастет?! И бáлуешь, и бьёшь, и как по телевизору учат, — мучаешься! Всё впустúю! Да и бить-то остáлось полгóда, а потом вдруг сдачи даст? Вон какой здоровый! В Петра́ пошёл!» — с гóрдостью подúмала Галина Васильевна.

Поднявшись по лéстнице, она долго еще стояла перед кабинéтом дирéктора, не решáясь войти. Но тут дверь распахнúлась и вышел Фёдор Никола́евич, дирéктор. Увидев Серёжину маму, он улыбнúлся и, подхватив её пóд руку, втащил в кабинет.

— Дело вот в чём... — нáчал он.

Галина Васильевна напряжённо смотре́ла в глаза́ дирéктора, не слыша слов, старáясь по тёмбру гóлоса определить величину́ материáльного ущёрба, нанесённого Серёжкой на этот раз.

² In Russland ist eine Zwei die schlechteste Note, dafür eine Fünf die beste.

— Такое в нашей школе случается не каждый день, — говорил директор. — Да Вы садитесь! Оставить этот поступок без внимания мы не хотим.

«Тогда за стекло десять рублей, — тоскливо вспоминала Галина Васильевна, — потом Куксовой за портфель, которым Серёжка Рындина бил, — восемь пятьдесят! Нанесение телесных повреждений скелету из кабинета зоологии — двадцать рублей! Двадцать рублей за килограмм костей! Ну и цены! Да что я, миллионер, что ли?!»

— Вы послушайте, какое письмо мы получили... — донеслось до Галины Васильевны.

«Боженька! — задыхнулась она. — Что ж это за наказание такое? Тянешь его одна с трёх лет! Вся жизнь для него! Одеть, обусть, накормить, чтобы как у людей! Себе ведь ничего, а он...»

— «Дирекция металлического завода, — с выражением читал директор, — просит объявить благодарность и награждает ценным подарком ученика Вашей школы Пárшина Сергёя Петровича, совершившего героический поступок. Сергёй Петрович, рискуя жизнью, вынес из горящего детского сада один троих детей...»

«Один — троих», — повторила про себя Галина Васильевна. — И как один с тремя справился?! Вылитый бандит! Почему у других дети как дети? У Кирилловой Витька на тубе играет! У Лозановой девочка, как придёт из школы, так до вечера спит! А этот где целыми днями пропадает?! Пианино в комиссионке купила. Старое, но клавиши есть! Так хоть раз без ремня сел?! Гаммы наизусть не исполнит! «Слуха нет!» А что у него есть?!»

— Вот так, уважаемая Галина Васильевна! Какого парня мы с Вами воспитали! Трёх детишек из огня вынес! Такого в нашей школе ещё не было! И мы этого так не оставим! Завтра же...

«Конечно, не оставите, — зажмурилась Галина Васильевна. — Небось, двадцать пять рублей вынь да положь. Сейчас скажет: «Это в последний раз!» А мне опять за Серёжкой с ремнём бегать и бить, если достану. А он кричать будет: «Мамочка! Последний раз! Мамочка!» Господи! А потом опять все сначала! Вчера в саже и копоты явился, будто трубы им чистили! Лучше бы умереть...»

— Жду его завтра утром перед торжественной линейкой. Там все и объявим! — улыбаясь, закончил директор.

— Товарищ директор! Последний раз! — Галина Васильевна вскочила, машинально комкая в руках бланк, лежавший на столе. — Слово даю, больше такое не повторится!

— Ну почему? — Директор нежно разжал ее кулачок и забрал бланк. — Если мальчик в тринадцать лет совершил такое, то в будущем — на что он способен?! Представляете, если бы все у нас были такие?

— Не дай Бог! — прошептала Галина Васильевна.

Директор проводил её до дверей и крепко пожал руку.

— Вы уж дома сынóчка отмётьте как смóжете!

На úлице Галина Васильевна постояла, глубоко дышá, чтóбы не расплáкаться.

— Был бы муж, он бы его отмétил как полóжено! А я баба, что с ним сдéлаю одна? У всех есть отцы, а у него нет! Вот и растёт сам по себе! Ну, выпорю...

Она зашла в магазин, купила две бутылки молока и одно пирóжное с крёмом.

— Выпорю, потом молока с пирóжным — и спать!

А там, глядишь, перебéсится, человекóм стáнет...

Aufgaben:

Versuchen Sie, die Biographie von Sergej Paršin anhand des Textes niederzuschreiben.

Warum reden Galina Vasil'evna und der Direktor aneinander vorbei?

Was verstehen Sie unter dem Begriff «Vater – Sohn – Probleme»?

Was versteht man in Russland und in Deutschland unter «Erziehungsmaßnahmen»?

Was bedeutet die Redewendung «стать человеком» für die Mutter von Sergej und für den Direktor?

Wessen Meinung unterstützen Sie?

Übersetzen Sie ins Deutsche: всё впустую, дать сдачи, пойти (ростом, силой) в отца, нанести материальный ущерб, оставить без внимания, нанести телесные повреждения, дети как дети, слуха нет, объявить благодарность, вынь да положь, не дай Бог.

S. Al'tov

Das letzte Mal

Je näher Galina Vasil'evna der Schule kam, desto nervöser wurde sie. Mechanisch richtete sie eine nicht aus dem Kopftuch hängende Strähne zurecht und zerstreut sprach sie mit sich selbst.

«Wann hört das auf?! Keine Woche vergeht, in der ich nicht in der Schule vorgeladen werde! In der 6. Klasse solch ein Rabauke, und wenn er erst aufwächst?! Man schlägt ihn, man verwöhnt ihn. Und so wie man uns das im Fernsehen beibringt, quält man sich! Alles nutzlos! Und es ist nur noch ein halbes Jahr zum Schlagen geblieben. Danach kann man auch was zurückbekommen. Schaut mal wie er gewachsen ist?!»

«Kommt ganz nach Peter!» — dachte Galina Vasil'evna mit Stolz.

Als sie die Treppe hinaufgestiegen war, blieb sie eine Weile vor dem Büro des Direktors stehen, ohne sich hinein zu trauen. Plötzlich öffnete sich die Tür und Fedor Nikolajevič, der Direktor kam heraus. Nachdem er Sergejs Mutter gesehen hatte, lächelte er, nahm sie an der Hand und zog sie in sein Büro.

— Die Sache ist die... — begann er.

Galina Vasil'evna schaute angestrengt in die Augen des Direktors, ohne ein Wort zu hören und bemühte sich nach seiner Intonation die Größe des diesmal von Sergej zugefügten Sachschadens festzustellen.

— So etwas geschieht in unserer Schule nicht jeden Tag, — sagte der Direktor. — Ja, setzen Sie sich nur! Ohne Aufmerksamkeit möchten wir diese Tat nicht belassen.

«Damals die Fensterscheibe kostete 10 Rubel», — erinnerte sich Galina Vasil'evna wehmütig, — «danach für den Schulranzen, mit welchem Serjožka Ryndin geschlagen hat, — 8,50! Die Körperverletzung des Skeletts aus dem Zoologiezimmer — 20 Rubel! 20 Rubel für ein Kilogramm Knochen! Das sind aber Preise! Denken die, ich sei Millionär, oder was?!»

— Hören Sie, was für einen Brief wir erhielten... — vernahm Galina Vasil'evna.

«Oh, mein Gott», — sie schnappte nach Luft. — «Wofür wird man so bestraft? Ziehst ihn seit seinem dritten Lebensjahr allein auf! Das ganze Leben nur für ihn! Kleidung, Schuhe, Essen — alles, wie bei den anderen Menschen! Für einen selbst bleibt nichts, und er...»

— Die Leitung des Metallbetriebs, — las der Direktor ausdrucksvoll, — spricht dem Schüler Ihrer Schule Paršin Sergej Petrovič Dankbarkeit aus und will ihn mit einem wertvollen Geschenk für seine Heldentat auszeichnen. Sergej Petrovič hat - sein Leben riskierend - aus dem brennenden Kindergarten allein drei Kinder gerettet...

«Allein — drei...», — wiederholte Galina Vasil'evna für sich. — «Und wie ist er mit dreien zurechtgekommen?! Ein richtiger Verbrecher! Warum sind andere Kinder normal? Bei Kirillova spielt Viktor Trompete! Und das Mädchen bei Lozanova schläft bis zum Abend, wenn sie von der Schule kommt! Und dieser, wo treibt er sich den ganzen Tag herum?! Ein Klavier aus zweiter Hand habe ich gekauft. Alt, aber alle Tasten noch vorhanden! Und — hat er es mindestens einmal ohne Schlägerei berührt? Die Tonleiter kann er nicht auswendig! «Er hat kein Gehör!» Und was hat er überhaupt?!»

— So ist es, verehrte Galina Vasil'evna! Solch einen Burschen haben wir da gemeinsam erzogen! Drei Kinderchen hat er aus dem Feuer geholt. So etwas gab es an unserer Schule bisher noch nicht! Und dabei werden wir es nicht belassen! Morgen dann...

«Natürlich wird ihr es nicht dabei belassen», — Galina Vasil'evna kniff ihre Augen zusammen. — «Bestimmt, 25 Rubel aus der Tasche ziehen und hinlegen. Jetzt wird er sagen: «Das ist das letzte Mal!» Und ich muss schon wieder mit den Gürtel hinter Sergej her rennen und ihn schlagen, natürlich wenn ich ihn erwische. Und er wird schreien: «Mütterchen! Das letzte Mal! Mütterchen!» Herrje! Und danach wir alles von vorne anfangen! Gestern erschien er zu Hause mit Asche und Ruß beschmiert, als ob man mit ihm den Schornstein geputzt hätte! Besser ist es — zu sterben...»

— Ich warte morgen früh vor dem Appell auf ihn. Dort wird alles bekannt gegeben! — endete lächelnd der Direktor.

— Herr Direktor! Das letzte Mal! — Galina Vasil'evna sprang auf, zerknüllte mechanisch den Bogen in ihrer Hand und legte ihn auf den Stuhl. — Ehrenwort, das sich so etwas nicht mehr wiederholt!

— Aber warum? — Der Direktor öffnete zärtlich ihre Faust und nahm ihr den Bogen weg. — Wenn der Junge mit dreizehn Jahren solch eine Tat vollbringen konnte, zu was wird er in Zukunft fähig sein?! Stellen sie sich vor, was wäre, wenn alle so wären?

— Um Gottes Willen! — flüsterte Galina Vasil'evna. Der Direktor führte sie zur Türe und hielt ihre Hand fest.

— Behandeln Sie Ihren Sohn zuhause so wie es sich gehört!

Auf der Straße blieb Galina Vasil'evna stehen, tief atmend, um ja nicht mit Heulen anzufangen.

«Wenn ein Ehemann da wäre, würde er ihn schon so behandeln, wie es sich gehört! Aber ich bin ein Weib, was soll ich mit ihm machen? Alle haben einen Vater, nur er nicht! So wächst er alleine auf! Nun versohle ich ihm den Hintern...»

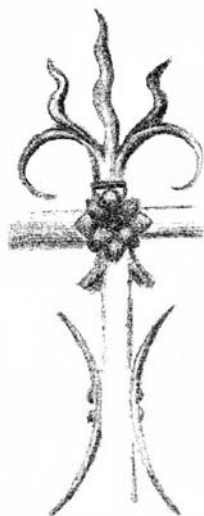
Sie ging in ein Geschäft, dort kaufte sie zwei Flaschen Milch und ein Törtchen mit Schlagsahne.

— Ihn schlagen, dann Milch mit Törtchen und — schlafen!

Und dann, vielleicht, wird er erwachsen werden, ein Mensch sein...

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Was bedeuten folgende Redewendungen?: Век живи, век учись. На обмане далеко не уедешь.
Welche Aussage passt zu welchem Text?
2. Wie sah das russische Bildungssystem (Schulwesen) im XVIII, XIX Jh. und am Anfang XX. Jh.?
Was hat sich nach der Revolution 1917 verändert? Wann fanden weitere Schulreformen statt? Was haben sie beinhaltet? Warum befassen sich — Ihrer Meinung nach — die meisten Reformen mit Sprache und Rechtschreibung?
3. Um mehr über die Schule in Russland zu erfahren, schauen Sie sich die Filme an: «Доживём до понедельника» (1968, С. Ростоцкий), «Дорогая Елена Сергеевна» (1988, Э. Рязанов).

Hochschulbildung in RF

Juli – August	Aufnahmeprüfungen für die Hochschule (Russisch, mündlich oder/ und schriftlich, Fremdsprachen, Spezialfächer, maximal 4 Prüfungen)	вступительные экзамены в вуз – die Aufnahmeprüfungen, аттестат зрелости – das Abiturzeugnis, абитуриент – Person, die sich den Aufnahmeprüfungen an der Hochschule unterzieht
August–September	Das Einschreiben bei der Fakultät (falls die Durchschnittsnote der Aufnahmeprüfungen dafür gereicht hat). Jeder muss 1 Fach gründlich studieren, aber auch genügend Allgemeinwissen erwerben (z.B. für Philologen bedeutet dies auch Kenntnisse in Pädagogik, Psychologie, ausländischer Literatur, Kulturwissenschaften, altrussischer und russischer Literatur, Sprachen u.s.w.)	зачисление в институт на факультет – sich an der Fakultät/am Institut einschreiben зачётная книжка - Studienbuch, darin werden von den Lehrenden alle Vorprüfungs- und Prüfungsnoten eingetragen. студенческий билет – Studentenausweis und Fahrkarte gleichzeitig: стипендия – das Stipendium (muss nicht zurück gezahlt werden)
Ende Dezember – Anfang Februar, Ende Mai – Anfang Juli	Jedes Jahr finden die schriftliche und mündliche Vorprüfungen (bis 8 Stück) und danach (wenn der Student alles erfolgreich bestanden hat) – schriftliche und mündliche Prüfungen (bis 5 Stück) statt. Nur nach dem Bestehen beider Teile darf man das Studium fortsetzen. Die Fragen zu jeder Vorprüfung und Prüfung umfassen den Stoff eines Semesters oder bzw. eines Studienjahres. Dies können pro Fach max. 200 Stück sein und werden Mitte Dezember an die Studenten verteilt.	зимняя и летняя сессия - Winter- und Sommervorprüfungen und -prüfungen зачёты и экзамены – Vorprüfungen (nicht benotet – bestanden/ nicht bestanden) und Prüfungen
Ab dem 3. Studienjahr	Einmal pro Jahr muss eine schriftliche Arbeit zum Schwerpunkt des Studiums abgegeben werden, sog. «kursovaja rabota».	курсовая работа – schriftliche Forschungsarbeit
Ende des 5./ 6. Studienjahres	Fachbezogene Prüfungen im Mai - Juni (zu den Hauptfächer der Studenten, umfassen den Stoff aller Semester) und danach – die Verteidigung der Diplomarbeit (Juni – Juli)	Дипломная работа – Diplomarbeit
Besonderheiten	Alle Studenten in einem Studienjahr haben denselben Stundenplan (vom Dekanat aufgestellt) und müssen alle Übungen, Seminare, Vorlesungen und Praktika besuchen.	

Hinter den Türen der Alma Mater

Лекция профессора Н.

Два незнакомых человека разговаривают в автобусе.

— Пойдёте ли Вы сегодня на лекцию профессора Н.? — спрашивает один из них.

— Да, — отвечает другой.

— Не ходите. Я слышал, что Н. плохо читает лекции.

— Я должен пойти, — отвечает другой. — Я — профессор Н.

Die Vorlesung von Professor N.

Zwei unbekannte Menschen unterhalten sich im Bus.

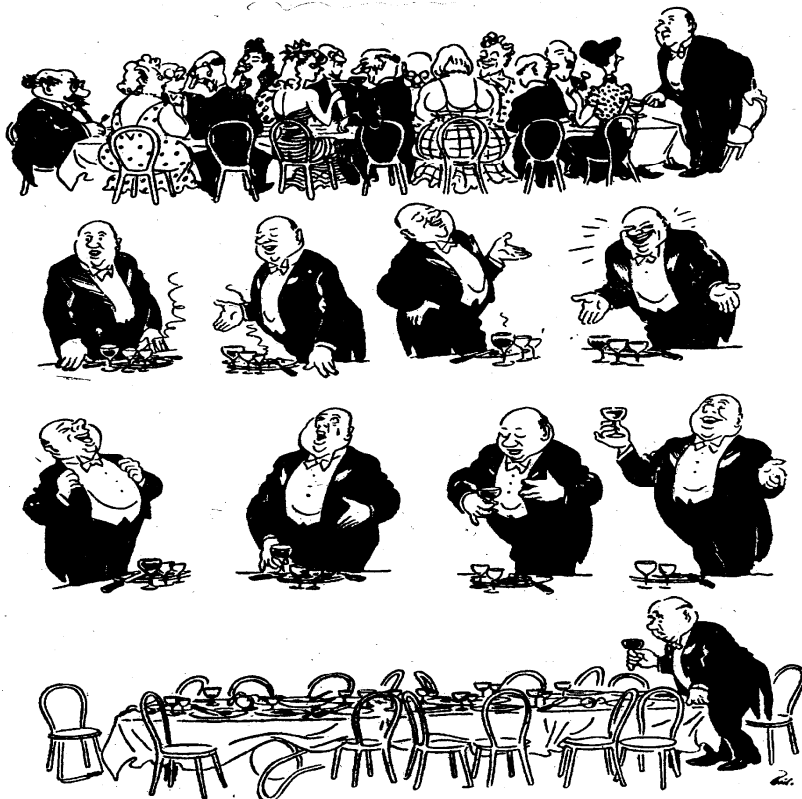
— Gehen Sie heute in die Vorlesung von Professor N.? — fragt einer.

— Ja, — antwortet der andere.

— Gehen Sie nicht hin. Ich habe gehört, dass N. schlechte Vorlesungen hält.

— Ich muss hingehen, ich bin Professor N.

Aufgabe: Was bedeutet die Redewendung «читать лекцию»?

Спич. Х. Бидstrup

А. Фединец

На экзамене

Студент-мédик экзаменовался у профессора Лагранта.

— Как Вы поступите, если Вам будет нужно, чтобы больной хорошо пропотел? — спросил профессор.

— Я дам ему сильное потогонное...

— Напримёр?

— Горячий чай, малину, липовый цвет...

— Ну, а если это не подéస్తుет?

— Я прибéгну к пóмоци летúчих мáсел эфира...

— А если этого будет недостатóчно?

— Я попрóбую ртúтные препараты.

— А если дéйствия всё-таки не будет?

— Я попрóбую применить сальсапарель, шафран, — отвéтил студéнт и смахнул со лба крупныe кáпли пóта.

— А если и этого не хватит?

— Я пошлю больно́го экзаменовáться к Вам.

Aufgaben:

Wie können Sie den Kenntnisstand der Medizin-Studenten und das Verlangen des Professors beurteilen? Passt zu diesem Dialog die berühmte russische Redewendung: «Тяжело в ученье – легко в бою»?

Welche Wörter haben Sie nicht verstanden? Warum?

Erzählen Sie, wie die Prüfungen in Russland und in Deutschland verlaufen. Falls sich in Ihrer Gruppe ein russischer Muttersprachler befindet – befragen Sie ihn.

A. Fedinez

In der Prüfung

Ein Medizinstudent machte das Examen bei Professor Lagrant.

— Wie gehen Sie vor, wenn es nötig ist, dass der Kranke ordentlich durchschwitzt? — fragte der Professor.

— Ich gebe ihm ein starkes schweißtreibendes Mittel.

— Zum Beispiel?

— Heißen Tee, Himbeeren, Lindenblüten...

— Und was, wenn das nicht wirkt?

— Dann nehme ich ätherische Öle zu Hilfe...

— Und wenn das nicht ausreicht?

— Dann versuche ich Quecksilberpräparate.

— Und wenn das immer noch keine Wirkung zeigt?

— Dann versuche ich Safran anzuwenden, — antwortete der Student und wischte sich große Schweißperlen von der Stirn.

— Und wenn auch das nicht ausreicht?

— Dann werde ich den Kranken zu Ihnen in die Prüfung schicken.

В. Константинов, Б. Рацер

Записки абитуриента

29 июля

Через два дня — сочинение. Волнуюсь, конечно, но держусь. Главное — уверенность.

30 июля

Был на консультации. Познакомился с одним длинным. Ходит печальный. «Мне, — говорит, — надеяться не на что. Здесь что ценится? Стаж! А на спортивный разряд никто и не посмотрит. Тебе-то что...». По дороге домой встретил Тóлика. Идёт печальный. «Мне, — говорит, — надеяться не на что. Здесь что ценится? Спортивный разряд! А на стаж никто и не посмотрит! Тебе-то что...» А мне, действительно, — ничего. У меня ни стажа, ни разряда. Стараюсь держаться.

31 июля

Звонил Юрка. «Ты что, — говорит, — жизни не знаешь? У меня точные сведения — на этот факультет одних девчонок возьмёт. Эксперимент». — «А что же делать?» — «Что делать?»

Доставай справку, что ты... ха-ха». Вечером встретил Натáшу. «Да, — говорит, — хорошо вам, мальчишкам. Все знают, что на этом факультете у вас преимущество». Пытаюсь держаться.

1 августа

Написал сочинение. О Лермонтове. Встретил длинного. Уверяет, что сочинение на эту тему даже проверять не будут: «В сторону, и – 2! Я точно знаю». Еще держусь.

2 августа

Получил 5. Встретил Тóлика. «Ну,— говорит, — брат, не повезло тебе! У меня точные сведения — всех пятёрочников будут резать на истории!» Трудно, но держусь.

20 августа

Давно не писал. Отличное настроение! В институт поступил. Звонил Юрка: «Ты что, младенец? Не знаешь, что с первого курса половину студентов отсеют после сессии? У меня сведения точные!» Старюсь держаться.

Aufgaben:

Bereiten Sie die Fragen an den Lehrenden zum Thema: «Die Einschreibungsprozedur an der sowjetischen und russischen Universität» vor. Unterscheiden sich die Vorgänge für staatliche und private Hochschulen? Was zählt bei den Aufnahmeprüfungen (früher und heute)? Wie sehen die Aufnahmeformalitäten in Europa (Deutschland, Frankreich, England) aus? Warum versuchen immer mehr Russen, Ukrainer, Weißrussen zum Studium ins Ausland zu fahren?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen?: держаться (из последних сил), спортивный разряд, (трудовой) стаж, повезло (кому-либо в чём-либо), резать на экзаменах, отсеивать с первого курса?

V. Konstantinov, B. Racer

Aufzeichnungen eines Abiturienten

29. Juli

In zwei Tagen – Aufsatz. Bin natürlich nervös, aber ich halte durch. Das Wichtigste ist Zuversicht.

30. Juli

War bei der Beratung. Habe einen Langen kennen gelernt. Lläuft traurig herum. «Ich», — sagt er, — «kann auf gar nichts hoffen. Was zählt denn? Die Berufserfahrung! Aber die sportliche Leistung interessiert niemanden! Na, ist dir ja egal...»

Unterwegs Tolik getroffen. Lläuft traurig herum. «Ich», — sagt er, — «kann auf gar nichts hoffen. Was zählt denn? Der Sport. Auf die Berufserfahrung achtet überhaupt niemand. Na, dir ist es ja egal...»

Ja mir ist es tatsächlich egal, ich habe weder viel Erfahrung noch sportliche Leistung. Versuche durchzuhalten.

31. Juli

Jurka hat angerufen: «Was ist, sagt er, kennst du das Leben nicht? Ich habe zuverlässige Informationen — an dieser Fakultät werden nur Mädchen angenommen. Ein Experiment».

«Und was sollen wir tun?» — «Was tun? Besorg dir ein Attest, dass du... ha-ha».

Habe abends Nataša getroffen. «Ja», — sagt sie, — «ihr, Jungs, habt es gut. Es ist ja bekannt, dass ihr an dieser Fakultät vorgezogen werdet».

Versuche durchzuhalten.

1. August

Habe einen Aufsatz geschrieben. Über Lermontov.

Habe den Langen getroffen. Versichert, dass die Aufsätze zu diesem Thema erst gar nicht korrigiert werden: «Weg damit und eine Eins! Ich weiß es sicher!»

Ich halte noch durch.

2. August

Habe eine Fünf bekommen. Tolik getroffen. «Also, Bruder», — sagt er, — «du hast aber auch kein Glück! Ich habe sichere Informationen — die werden alle Fünferschüler in Geschichte auflaufen lassen!»

Es ist schwer, aber ich halte durch.

20. August

Schon lange nichts mehr geschrieben. Habe die allerbeste Laune!

Wurde an der Universität angenommen.

Jurka rief an: «Bist du ein Baby, oder was? Weißt du denn nicht, dass im ersten Semester die Hälfte der Studenten ausgesiebt wird? Ich habe sichere Informationen».

Versuche durchzuhalten.

В. Константинов, Б. Рацер

Сон студента

На кровати лежит студент.

Стук в дверь. Заглядывает пожилой человек.

Профессор (робко): Разрешите войти?

Студент (зевая): Входите, входите, профессор.

Профессор (входя): Дóбрый день, Пётр Николаевич!

Студент: Здравствуйте. Садитесь...

Профессор: Не могли бы Вы сейчас сдать экзамен?

Студент: Это зависит целиком от Вас.

Профессор: Благодарю. Вытащите, пожалуйста, билетик. Тяните, тяните, я не смотрю. Какой у Вас номер?

Студент: Тридцать второй. (Пауза). Знаете что, профессор, Вам придётся прийти в другой раз.

Профессор (чуть не плача): Но, господин студент, я прошу Вас...

Студент: Нет.

Профессор: Но я умоляю Вас...

Студент: Я сказал — приходите в другой раз.

Профессор: Когда же я смогу принять у Вас экзамен?

Студент: Пробуйте, просто пробуйте. Обычно я в институте по четвергам.

Профессор: Большое спасибо... Простите за беспокойство. (Выходит).

В дверь стучат. Студент просыпается. Входит уборщица.

Уборщица: Вставай, Петя! Я должна тут помыть... Снова ты спишь! Когда же начнёшь заниматься?

Студент: Ох, тётя Нюша. Мне такое приснилось — точно на экзамене провалюсь.

Aufgaben:

Was bedeuten folgende Redewendungen?: сдать экзамен, принять экзамен, провалится на экзамене, тянуть/ тащить билет? Kann man diese wörtlich ins Deutsche übersetzen? Argumentieren Sie.

Was wissen Sie über studentischen Aberglauben in Deutschland und in Russland? Befragen Sie Ihre Kommilitonen und Dozenten.

V. Konstantinov, B. Racer

Der Traum eines Studenten

Auf dem Bett liegt ein Student.

Es klopft an der Tür. Ein älterer Mann schaut herein.

Professor (zaghft): Darf ich eintreten?

Student (gähnend): Kommen Sie herein, Professor.

Professor (eintretend): Guten Tag, Pjotr Nikolajevič!

Student: Guten Tag. Setzen Sie sich.

Professor: Könnten Sie nicht jetzt die Prüfung ablegen?

Student: Das hängt ganz von Ihnen ab.

Professor: Danke. Bitte, ziehen Sie ein Prüfungsblatt. Ziehen Sie, ziehen Sie, ich schaue nicht hin. Welche Nummer haben Sie?

Student: Zweiunddreißig. (Pause). Wissen Sie was, Professor, Sie werden ein andermal wiederkommen müssen.

Professor (den Tränen nahe): Aber Herr Student, aber ich bitte Sie.

Student: Nein.

Professor: Aber ich flehe sie an...

Student: Ich habe gesagt — kommen Sie ein andermal wieder.

Professor: Wann wird es mir dann möglich sein, Sie prüfen zu dürfen?

Student: Versuchen Sie es, versuchen Sie es einfach. Gewöhnlich bin ich donnerstags im Institut.

Professor: Vielen Dank. Entschuldigen Sie die Störung. (Geht).

Es klopft an der Tür. Der Student erwacht. Eine Putzfrau tritt ein.

Putzfrau: Steh auf, Petja! Ich muss sauber machen. Du schläfst ja schon wieder! Wann lernst du denn eigentlich?

Student: Oje, Tante Njuša. Ich hab so was geträumt - bestimmt falle ich durch die Prüfung.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Was bedeuten folgende Redewendungen?: Учиться всегда пригодиться. Учиться никогда не поздно.

Nennen Sie ähnliche Redewendungen im Deutschen.

2. Wie verstehen Sie folgende Wörter? Kennen Sie ihre Geschichte?

выпускные экзамены

аттестат зрелости

вступительные экзамены

абитуриент

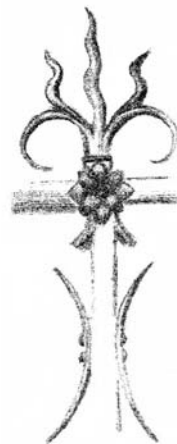
консультация (в вузе)

зачётная и экзаменационная сессия

дипломная работа

3. Wann und wo entstand die erste Universität in Russland? Seit wann dürfen die Frauen in Russland und in Europa studieren? Warum kamen vor 1917 sehr viele Russen nach Europa zum Studium? Welche berühmte russische Wissenschaftler haben in Deutschland studiert?

4. Schauen Sie sich den Film «Курьер» (1987, К. Шахназаров) an. Welche neue Information über die Jugend in Russland haben Sie bekommen?

Unvergessliche Arbeitsstunden

На концерте

Однажды на концерте знаменитый композитор Брамс играл вместе с одним скрипачом. Скрипач был очень плохой, и Брамс играл громко, чтобы не слышать, как играет скрипач. После концерта скрипач сказал Брамсу:

- Вы играли так громко, что я не слышал, как я играю.
- Счастливый, — ответил Брамс.

Im Konzert

Eines Tages spielte der berühmte Komponist Brahms bei einem Konzert zusammen mit einem Geiger. Der Geiger war sehr schlecht, und Brahms spielte laut, damit man nicht hörte, wie der Geiger spielt. Nach dem Konzert sagte der Geiger zu Brahms:

- Sie haben so laut gespielt, dass ich nicht gehört habe, wie ich gespielt habe.
- Sie Glücklicher! — entgegnete Brahms.

Смешанный хор

- Почему Вы называете этот хор «смешанным»? Здесь только мужчины.
- Да. Но одни умеют петь, а другие — нет.

Gemischter Chor

- Warum nennen Sie diesen Chor «einen gemischten Chor»? Hier sind doch nur Männer.
- Ja. Aber die einen können singen und die anderen nicht.

Имитатор

К цирковому антрепренёру приходит неизвестный артист.

- Я предлагаю Вам сенсационный номер. Я подражаю птице.
- Птице? Нет, не надо, у меня уже полно имитаторов.
- Жаль, — сказал артист и выпорхнул в окно.

Der Imitator

Zum Zirkusmanager kommt ein unbekannter Artist.

- Ich biete Ihnen eine sensationelle Nummer an. Ich imitiere einen Vogel.
- Einen Vogel? Danke, nicht nötig, ich habe schon eine Menge Imitatoren.

— Schade, — sagte der Artist und flatterte aus dem Fenster.

В магазине

— Обратите внимание на эту ручку, — говорит продавец. — Это очень хорошая ручка. Вы можете бросить ее в воду. Вы можете делать с нею всё, что хотите...

— Извините, — обращается к нему один из покупателей, — могу ли я ей писать?

Im Geschäft

— Sehen Sie sich diesen Kugelschreiber an, — sagt der Verkäufer.

— Das ist ein sehr guter Kugelschreiber. Sie können ihn ins Wasser werfen, Sie können mit ihm machen, was Sie wollen...

— Entschuldigen Sie, sagt einer der Kunden, aber kann man damit auch schreiben?

И. Тургенев

Корреспондент

Двое друзей сидят за столом и пьют чай.

Внезапный шум поднялся на улице. Слышны жалобные стоны, ярые ругательства, взрывы злорадного смеха.

— Кого-то бьют, — заметил один из друзей, выглянув из окна.

— Преступника? Убийцу? — спросил другой. — Слушай, кто бы он ни был, нельзя допустить бессудной расправы. Пойдём заступимся за него.

— Да это бьют не убийцу.

— Не убийцу? Так вора? Всё равно, пойдём отнимем его у толпы.

— Нет, не вора.

— Не вора? Так кассира, железнодорожника, русского мецената, адвоката, благонамеренного редактора, общественного жертвователя?.. Всё-таки пойдём поможем ему!

— Нет... это бьют корреспондента.

— Корреспондента? Ну, знаешь что, допьём сперва стакан чаю.

Aufgaben:

Die Vertreter welcher Berufe werden im Text erwähnt? In welcher Beziehung steht das russische Volk dazu? Warum?

Welche von den genannten Berufen existieren bis heute? Existieren diese auch in Deutschland? Von welchen Leuten werden diese Berufe ausgeübt und unterstützt?

Warum können wir mit hundertprozentiger Sicherheit behaupten, dass die oben genannte «Freunde» zur Intelligenz gehören?

Wie waren und sind die Ansichten der russischen Intelligenz zur Fragen: «Verbrechen und Strafe», «Volk und Gerechtigkeit»? Um diese Frage zu beantworten, erinnern Sie sich an die Werke von F.M. Dostojewskij (v. a. «Schuld und Sühne» in der Übersetzung von S.M. Geier) und A.P. Čechov.

I. Turgenew

Der Korrespondent

Zwei Freunde sitzen am Tisch und trinken Tee.

Da erhebt sich unerwarteter Lärm auf der Straße. Man hört klägliches Stöhnen, heftige Schimpfworte und schadenfrohe Lachsalven.

— Da wird jemand geschlagen, — bemerkte einer der Freunde - aus dem Fenster schauend.

— Ein Verbrecher? Ein Mörder? — fragte der andere. — Hör zu, egal wer er sein mag, man darf einen gesetzlosen Gewaltakt nicht zulassen. Lass uns für ihn eintreten.

— Sie schlagen aber keinen Mörder.

— Keinen Mörder? Dann einen Dieb? Ganz egal, lass uns ihn der Meute entziehen.

— Nein, keinen Dieb.

— Keinen Dieb? Dann vielleicht einen Kassierer, einen Eisenbahner, einen russischen Mäzen, einen Rechtsanwalt, einen regierungstreuen Redakteur, einen gesellschaftlichen Wohltäter? Lass uns trotzdem gehen und ihm helfen.

— Nein, man schlägt einen Korrespondenten³.

— Einen Korrespondenten? Na dann, weißt du was: Lass uns doch erst noch die Tasse Tee zu Ende trinken.

Г. Рыклин

Как её фамилия?

В кабинет начальника входит секретарь.

— Здравствуйте, Платон Николаевич.

— Здравствуйте. Лиза.

³ Das russische Wort «Korrespondent» steht für «Journalist».

- Простите, Лиза вчера дежурила. А сегодня — я. Меня зовут Лида.
- Очень рад. Я Вас слушаю, Лида.
- Я, Платон Николаевич, давно хотела у Вас спросить... Но стеснялась...
- Смелее, Лида, спрашивайте.
- Я хотела у Вас спросить — как моя фамилия?
- Чья фамилия?
- Моя.
- Странно. Зачем Вам это надо знать? То есть, я хотел сказать, почему Вы вдруг спрашиваете меня об этом?
- Видите ли, Платон Николаевич... Мне кажется, что я — тоже человек. Не правда ли? Смеею Вас уверить, что у меня есть имя, отчество. Есть и фамилия. Хорошая фамилия. Но я часто слышу, как Вы говорите: «Дайте ей эту бумажку», «Скажите ей, чтобы она позвонила», «Она все сделает». И у меня появилась мысль, что Вы не знаете, кто я такая, не знаете, как моя фамилия... А я уже второй год работаю под Вашим руководством...
- В это время в приёмной зазвонил телефон. Лида заторопилась:
- Кто-то звонит. Побегу к телефону. Простите за беспокойство, Платон Николаевич.
- Девушка быстро вышла из кабинета. А Платон Николаевич ломал себе голову:
- Как же, в самом деле, её фамилия? Она права. Да, права... Но как её фамилия?

Aufgaben:

In welcher Beziehung stehen Platon Nikolajevič und Lida zueinander? Wie lange arbeiten sie schon zusammen?

Was erfahren wir aus dem Dialog über ihren Arbeitsplatz? Wo findet die Handlung statt?

Versuchen Sie, eine ausführliche Charakteristik der beiden Helden zu geben. Sind dies typische Vertreter des russischen Volkes oder könnte solch eine Geschichte auch in Deutschland geschehen?

G. Ryklin

Wie lautet ihr Familienname?

Das Büro eines Vorgesetzten betritt eine Sekretärin.

- Guten Tag, Platon Nikolajevič.
- Guten Tag..... Lisa.
- Entschuldigen Sie bitte, aber Lisa hatte gestern Dienst. Heute arbeite ich. Ich heiße Lida.
- Sehr erfreut. Ich höre Ihnen zu, Lida?

— Ich wollte Sie schon lange fragen, Platon Nikolajewič...aber ich habe mich nicht getraut...

— Nur Mut, Lida, fragen Sie.

— Ich wollte Sie fragen — wie lautet mein Familienname?

— Wessen Familienname?

— Meiner.

— Seltsam,... warum wollen Sie das wissen? Nein, ich wollte sagen, warum fragen Sie mich das auf einmal?

— Sehen Sie, Platon Nikolajewič.... Mir scheint, dass ich auch ein Mensch bin. Nicht wahr? Ich darf Ihnen versichern, dass ich einen Namen habe und einen Vatersnamen. Ich habe auch einen Familiennamen. Einen schönen Familiennamen. Aber oft höre ich, wie Sie sagen: «Geben Sie ihr dieses Schreiben», «Sagen Sie ihr, sie soll anrufen», «Sie erledigt alles»... Da ist mir der Gedanke gekommen, dass Sie nicht wissen, wer ich bin, dass Sie nicht wissen, wie mein Familienname lautet...Und ich arbeite schon das zweite Jahr für Sie.

In diesem Moment klingelte im Vorzimmer das Telefon. Lida geriet in Eile.

— Es ruft jemand an. Ich gehe schnell ans Telefon. Entschuldigen Sie die Störung, Platon Nikolajewič.

Die junge Frau verließ das Büro. Platon Nikolajewič jedoch zerbrach sich den Kopf: «Also, wirklich, wie lautet denn nun ihr Familienname? Sie hat Recht. Ja, Recht... Aber wie lautet bloß ihr Familienname?»

К. Мелихан

Правила русского языка

(Посóбие для редакторóв)

В редакции журналов часто приходят письма от читателей, в которых они спрашивают: «Что надо иметь при себе, чтобы хоть раз прочитать свою фамилию в Вашем журнале?»

Отвечаем. Чтобы прочитать свою фамилию в журнале, надо иметь при себе деньги. Столько, сколько стóит журнал. А купив журнал, Вы можете зачеркнуть фамилию редактора и вписать свою. И читать её сколько душе угодно.

А если говорить серьёзно, чтобы писать, надо изучить ПРАВИЛА РУССКОГО ЯЗЫКА.

Допустим, слово «редактор». Какая это часть речи? Совершенно верно — МЕСТОИМЕНИЕ.

Потому что редактор имеет место в редакции, а автор — нет.

А слово «автор»? Что это? Правильно — ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ. Потому что автор всегда спрашивает у редактора, какого числа ему прийти. Редактор ему русским языком говорит:

«Приходите мѣсяца через два»,— а он почему-то приходит ровно через два мѣсяца.

Или, например, слово «поэт». Что это? Правильно — ПРИЧАСТИЕ. Потому что поэт всегда к чему-нибудь прича́стен. То есть часто причаща́ется. Почти каждый вечер. А утром говорит: «Де я? Де я?» И это уже — ДЕЕПРИЧАСТИЕ. То есть последняя ста́дия прича́стия.

Теперь — о ЗНАКАХ.

Если редактор зевну́л и посмотре́л на часы — это МЯГКИЙ ЗНАК, что автору порá уходить.

Если редактор зевну́л и ударил автора по голове́, то это уже — ТВЕРДЫЙ ЗНАК, что автору порá уходить. А если редактор, зевáя, пина́ет автора, чтобы тот уходил, а автор, зевáя, пина́ет редактора, чтобы тот его не пина́л, то это уже — ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ.

Вот возьмём «женщину». Это хорошее слово всегда пишется с каким-нибудь зна́ком.

Настоящий мужчина при слове «женщина» всегда ставит ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК.

Пионер — ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ. А пенсионёр — ТОЧКУ.

Многие плохо знают и ВРЕМЕНА. К примѣру, какое это время: «Я ем. Ты ешь. Он ест»?

Правильно — обе́денное.

Несколько слов о РО́ДАХ, точнее — о РОДáХ. Большинство авторов дѣлится на два РО́ДА:

МУЖСКОЙ и ЖЕНСКИЙ. Как же отличить мужско́го автора от жѣнского? Очень просто. Если

поэт,— значит, мужчина. А если поэтѣсса,— значит, женщина. И так далее. Критик и критикѣсса. Баснописец и баснописка. Сатирик и сатиричка.

Теперь — о ПЕРЕНОСЕ СЛОВ. Не все знают, как переносить слова́. Один перенóсит их хорошо. Другой — плохо. Третий вообще не перенóсит слов. Осóбенно — тех слов, которые ука́зывают ему место, в какое он должен идти.

И наконец — о СКЛОНЕНИИ ПО ПАДЕЖАМ.

Склонять, как оказалось, умеют все. Причѣм, склоняют не только в редакции, но и выйдя на улицу. Автор склоняет редактора. Мужчина склоняет женщину. Причѣм, мужчина склоняет женщину в двух слúчаях: когда ему не удалóсь её к чему-нибудь склонить и когда ей удалóсь склонить к этому других мужчин.

Так что внимательно следите за своим языком, потому что, когда распуска́ется язык, вьнут úши.

Aufgaben:

Versuchen Sie, den Text mit Hilfe eines Wörterbuches zu übersetzen. Welche Wörter und Redewendungen verändern im Laufe des Textes ihre Bedeutung? Welche Redewendungen kann man nicht wörtlich ins Deutsche übertragen?

Was versteht der Autor unter der Begriffen: местоимение, числительное, причастие, деепричастие; знаки препинания – мягкий и твёрдый знак; род – мужской и женский; перенос слов; склонение по падежам? Was verstehen Sie unter diesen Termini? Kann man hier über eine sog. «individuelle» (оказиональное) Verwendung der Begriffe sprechen? Welche der oben genannten Wörter werden abgeleitet von: иметь место, причастность, причастие, препинаться, пинать, тонкий намёк, переносить, выносить, склонять кого-либо = ругать, склонять к чему-либо? Übersetzen Sie diese Wörter.

Was heißt: иметь при себе, распускать язык, уши вянут?

Welche von den Wörtern sind in der russischen, literarischen Sprache nicht vorhanden: поэтецца, критикесса, баснописка, сатиричка? Nach welchem Muster wurden diese gebildet? Nennen Sie weitere Beispiele.

K. Melichan

Die Regeln der russischen Sprache

(Hilfsmittel für Redakteure)

In den Zeitschriftenredaktionen gehen oft Briefe von Lesern ein, in denen diese fragen:

«Was muss man bei sich haben, um wenigstens einmal den eigenen Namen in ihrer Zeitschrift zu lesen?»

Wir antworten. Um den eigenen Namen in der Zeitschrift zu lesen, muss man Geld bei sich haben. Soviel, wie viel die Zeitschrift kostet. Und nach dem Kauf der Zeitschrift, können Sie den Namen des Redakteurs durchstreichen und Ihren eigenen hineinschreiben. Danach können Sie ihn sooft lesen, wie Sie wollen.

Nun im Ernst, um zu schreiben, muss man die REGELN DER RUSSISCHEN SPRACHE beherrschen.

Nehmen wir das Wort «Redakteur». Welche Wortart ist das? Vollkommen richtig — das PRONOMEN⁴. Weil der Redakteur einen Platz in der Redaktion hat, der Autor aber nicht.

Und das Wort «Autor»? Was ist das? Richtig – ein ZAHLWORT. Weil nämlich der Autor immer den Redakteur fragt, an welchem Datum er kommen soll. Der Redakteur sagt ihm auf gut Russisch: «Kommen Sie so ungefähr in zwei Monaten», — und der Autor kommt aus irgendeinem Grund genau in zwei Monaten.

⁴ Pro Nomen (Latein) – bedeutet so viel, wie «Platzhalter». Der Redakteur ist angestellt, hat einen Platz, eine Stelle.

Oder, beispielsweise, das Wort «Dichter». Was ist es? Richtig — das PARTIZIP⁵. Weil der Dichter immer an etwas beteiligt ist. Das heißt, dass er oft das Blut Christi zu sich nimmt. Fast jeden Abend. Und am Morgen sagt er: «Wo bin ich? Wo bin ich?» Und das ist schon — das ADVERBIALPARTIZIP. Das heißt, das letzte Stadium des Partizips⁶.

Nun — zu den ZEICHEN⁷.

Wenn der Redakteur gähnt und auf die Uhr geschaut hat — ist es ein WEICHES ZEICHEN⁸, dass es für den Autor Zeit ist, zu gehen. Wenn der Redakteur gähnt und den Autor auf den Kopf geschlagen hat, so ist das schon — das HARTE ZEICHEN, dass es für den Autor höchste Zeit ist, zu gehen. Und wenn der Redakteur gähnend den Autor tritt, damit jener geht, und der Autor gähnend den Redakteur tritt, damit jener ihn nicht tritt, das sind dann schon – Interpunktionszeichen⁹.

Nehmen wir da die «FRAU». Dieses gute Wort wird immer mit irgendeinem Zeichen geschrieben. Ein echter Mann stellt bei dem Wort «FRAU» immer ein AUSRUFEZEICHEN. Der Pionier – ein FRAGEZEICHEN. Und der Rentner — einen PUNKT.

Viele kennen auch die ZEITEN schlecht. Zum Beispiel, welche Zeitform ist das: «Ich esse. Du isst. Er isst?» Richtig — Mittagszeit¹⁰.

Nun einige Wörter über die GEBURTEN, genauer gesagt — über die GESCHLECHTER. Die Mehrzahl der Autoren wird in zwei GESCHLECHTER geteilt: MÄNNLICH und WEIBLICH. Aber wie kann man einen männlichen Autor von einem weiblichen unterscheiden? Sehr einfach. Wenn es ein Dichter ist, — dann ist es ein Mann. Aber wenn eine Dichterin — dann eine Frau. Und so weiter. Der Kritiker und die Kritikerin. Der Fabeldichter und die Fabeldichterin. Der Satiriker und die Satirikerin.

Jetzt — über das ÜBERTRAGEN¹¹ der Wörter. Nicht alle wissen, wie man die Wörter über- und verträgt. Einer verträgt sie gut. Der Andere — schlechter. Ein Dritter verträgt die Wörter überhaupt nicht. Besonders — jene Wörter, welche ihm den Platz weisen, wohin er gehen soll¹².

Und schließlich — über die DEKLINATION¹³.

⁵ Причастие in einer seiner nicht-grammatikalischen Bedeutungen wird vom russischen Wort «причащаться» abgeleitet und bedeutet in dem Fall - «Abendmahl». In der orthodoxen Kirche nimmt man bei dem Abendmahl zu sich «Leib und Blut Christi». Dabei versteht man unter «Blut Christi» Wein. Deshalb sagt man in Russland über Menschen, die zu viel trinken, dass sie gerne und oft ,am Abendmahl teilnehmen' («причащаются»).

⁶ Adverbialpartizip kann im Russischen weder konjugiert, noch dekliniert werden. Das Partizip hingegen kann im Singular und im Plural dekliniert werden.

⁷ Eigentlich – zu den Satzzeichen. Doch im Kontext greift der Autor zur anderen Bedeutung des Wortes: Es handelt sich hier vor allem um Mimik und Gestik.

⁸ In der nicht-grammatikalischen Bedeutung – «sanfter Hinweis». Kontextuelles Gegenteil – «deutlicher Hinweis».

⁹ Einige Muttersprachler verbinden das Wort «препирание» mit dem Verb «препираться» (um etwas streiten). In dem Fall bedeutet die Aussage soviel wie «Gezänk».

¹⁰ Kann man auch als «Mahlzeit» übersetzen.

¹¹ «Перенос слов» bedeutet in der Grammatik - «Silbentrennung», aber hat eine ähnliche Wurzel wie das Verb «переносить» (übertragen, vertragen). Damit spielt der Autor in diesem Text.

Beugen, wie es sich zeigte, können alle. Wobei, beugen kann man nicht nur in der Redaktion, sondern auch auf der Straße. Der Autor lästert über den Redakteur. Der Mann lästert über die Frau. Wobei der Mann über die Frau in zwei Fällen lästert: Wenn es ihm nicht gelungen ist, sie zu irgendetwas zu verleiten und wenn es ihr gelungen ist, dazu andere Männer zu verleiten.

Also, achtet aufmerksam auf eure Zunge, weil: Hat die Zunge freien Lauf hat, gehen die Ohren ein.

С. АЛЬТОВ

Именинница

— Ещё больше внимания каждому! — сказал директор. — Поэтому проведём день именинника. Попрошу вас, Галочка, выписать лиц, которым в этом году исполняется сорок лет, пятьдесят, шестьдесят и до конца. В пятницу всех разом и отмётим. А чтоб этот день врзался в память людям,— сорокалётним дадим по десятке, пятидесятилетним по двадцатке и так далее.

Через час список был готов. Директор пробежал его глазами и вздрогнул:

— Что такое?! Почему Ефимовой М. И. исполняется сто сорок лет?! Вы думаете, что пишете?! Секретарша обиделась:

— А сколько ей может быть лет, если она 1836-го года рождения?

— Ерунда какая-то. — Директор набрал номер. — Петров?! Опять беспорядок! Почему Ефимовой М. И. сто сорок лет? Она что, памятником у нас работает?! В паспорте так написано?.. Сам видел?! М-да. Вот заработалась женщина.

Директор бросил трубку и закурил. «Какой-то идиотизм! Если за сорок лет даём десять рублей, за сто сорок... сто десять рублей вынь да положи, так?! Хитрющая баба эта Ефимова М. И.! Чёрт с ней! Пусть всё будет красиво. Заодно остальным стимул будет. За такие деньги любой до ста сорока дотянет!»

На следующий день в вестибюле появился плакат:

«Поздравляем именинников!» Ниже тремя столбиками шли фамилии, возраст и соответствующие возрасту суммы. Против фамилии Ефимовой М. И. стояло: «140 лет — 110 рублей».

¹² Gemeint sind Redewendungen wie: «geh zum Teufel», d.h. Schimpfworte.

¹³ «Склонение», ggf. «склонять» hat im Russischen drei Bedeutungen – «deklinieren, beugen» («просклонять», gram.), «lästern» (kein vollendete Form) und «verleiten» («склонить», umgangspr.). Hier wird mit allen drei Bedeutungen gespielt.

Люди толпились у плаката, сверяли свои фамилии с написанными, как с лотерейной таблицей, вздыхали и шли поздравлять счастливых. К Марье Ивановне Ефимовой подходили неуверенно. Долго разглядывали её. Пожимали плечами и поздравляли.

Сначала Марья Ивановна, смеясь, говорила: «Перестаньте! Это же шутка! Мне в паспорте по ошибке написали 1836-й год рождения, а на самом деле 1936-й! Это опечатка, понимаете?!»

Сослуживцы кивали головой, пожимали ей руку и говорили: «Ну, ничего, ничего, не расстраивайся! Выглядишь прекрасно! Больше восьмидесяти тебе никто не даст, честное слово!» От таких комплиментов Марье Ивановне стало плохо.

Дома она выпила валерьянки, легла на диван, и тут начал звонить телефон. Звонили друзья, родственники и совсем незнакомые люди, которые от души поздравляли Марию Ивановну с замечательной годовщиной.

Потом принесли ещё три телеграммы, два букета и один венок. А в десять вечера звонкий детский голос в телефонной трубке произнёс:

— Здравствуйте! Мы, учащиеся 308-й школы, создали музей фельдмаршала Кутузова! Мы хотим просить Вас как участницу Бородинского сражения...

— Как тебе не стыдно, мальчик! — закричала Марья Ивановна, поперхнувшись валидолом. — Бородинская битва была в 1812-м году! А я 1836-го года рождения! Вы ошиблись номером! — Она швырнула трубку.

Спала Марья Ивановна плохо и два раза вызывала «неотложку».

В пятницу к 17.00 все было готово к торжествам.

Над рабочим местом Ефимовой прикрепили табличку с надписью: «Здесь работает Ефимова М. И. 1836 — 1976».

В полшестого актовый зал был полон. Директор вышел к трибуне и сказал:

— Товарищи! Сегодня мы хотим поздравить наших именинников, и в первую очередь — Ефимову М. И.!

В зале захлопали.

— Вот с кого надо брать пример нашей молодёжи! Хочется верить, что со временем наша молодёжь станет самой старой в мире! Все эти годы Ефимова М. И. была исполнительным работником! Она постоянно пользовалась уважением коллектива! Мы никогда не забудем Ефимову, грамотного инженера и приятную женщину!

В зале кто-то всхлипнул.

— Не нужно слёз, товарищи! Ефимова до сих пор жива! Хочется, чтобы этот торжественный день запомнился ей надолго! Поэтому давайте вручим ей ценный подарок в размере ста десяти

рублѐй, пожелаѐм дальнѐйших успѐхов, а главное, как говорится, — здорѐвья! Введите именинницу!

Под грѐхот аплодисмѐнтов два дружинника вывели Мѐрью Ивѐновну на сцѐну и уложили в крѐсло.

— Вот она — наша гѐрдость! — Голос дирѐктора задрожѐл. — Посмотрите, рѐзвѐ дашь ей сто сорок лет?! Да никогда! Вот что делает с людьми забѐта о человеке!

Aufgaben:

Stellen Sie dem Dozenten Fragen zum Thema: «Feiertage am Arbeitsplatz»: Wie und was wurde in der Sowjetunion (Brežnev-Ära) von den Menschen im Kollektiv gefeiert? Wie hat sich die Situation nach 1990 verändert? Wer hat früher das Signal zum Festakt gegeben und wer tut dies heute? Wie sah der Feiertag am Arbeitsplatz in Deutschland aus?

Warum wollte der Direktor alle Geburtstagkinder auf einmal auszeichnen – und zwar nicht mit Geschenken, sondern mit Geld? Zu welcher Zeit könnte eine solche Geschichte passieren?

Wie verstehen Sie folgende Aussagen: Ещѐ больше внимания каждому! Хочѐтся верить, что со врѐменем наша молодѐжь станет самой старой в мире! Вот что делает с людьми забѐта о человеке! Welchen Stil gebraucht der Direktor?

Was bedeuten die Redewendungen: врезаться в память, пробежать глазами, бросить трубку, пожимать плечами, пожать руку, ошибиться номером, брать пример?

S. Al'tov

Geburtstagskind

«Noch mehr Aufmerksamkeit für jeden!» — sagte der Direktor. — «Daher werden wir den Tag des Geburtstagkindes feiern. Ich bitte Sie, Galočka, sich die Namen der Leute herauszuschreiben, die in diesem Jahr vierzig, fünfzig, sechzig Jahre usw. bis zum Schluss alt werden. Am Freitag zeichnen wir dann alle auf einmal aus. Und damit sich der Tag im Gedächtnis der Leute verankert, geben wir jedem Vierzigjährigen zehn Rubel, jedem Fünfzigjährigen zwanzig usw. bis zum Schluss»

Nach einer Stunde war die Liste fertig. Der Direktor überflog sie und erschrak: «Was ist das denn?! Wieso wird Efimova M. I. 140 Jahre alt?! Denken Sie, wenn Sie schreiben?»

Die Sekretärin war beleidigt: «Wie alt kann sie sein, wenn sie 1836 geboren wurde?»

«Was für ein Unsinn!» — Der Direktor wählte eine Nummer. — «Petrov?! Schon wieder ein Durcheinander! Wieso ist Efimova M. I. 140 Jahre alt? Arbeitet sie bei uns als Denkmal oder was?! Steht das so im Personalausweis? ... Hast du es selbst gesehen?! Mhh, ja. Da hat sich die Frau überarbeitet». Der Direktor legte den Hörer auf und zündete sich eine Zigarette an: «Irgendein

Unsinn! Wenn wir für 40 Jahre 10 Rubel geben, dann für 140 ... hol 110 Rubel raus und leg sie hin?! Schlaues Weib ist diese Efimova M. I.! Zum Teufel mit ihr! Es soll alles schön sein! Gleichzeitig wird es ein Anreiz für die übrigen sein. Für solches Geld schafft es jeder bis 140 Jahre!»

Am nächsten Tag erschien in der Vorhalle ein Plakat: «Wir gratulieren den Geburtstagskindern!» Drei Zeilen tiefer kamen die Familiennamen, das Alter und die dem Alter entsprechenden Prämien. Neben dem Familienname Efimova M.I. stand: «140 Jahre – 110 Rubel».

Die Leute tummelten sich vor dem Plakat, verglichen ihre Familiennamen mit den aufgelisteten wie mit einer Lotterietabelle, seufzten und gingen um den Glücklichen zu gratulieren. Sie kamen unsicher zur Mar'ja Ivanovna Efimova, man betrachtete sie lange. Dann zuckten sie mit den Achseln und gratulierten ihr.

Anfangs sagte Mar'ja Ivanovna lachend: «Hört auf! Das ist doch nur ein Scherz! In meinem Personalausweis hat man aus Versehen das 1836-er Geburtsjahr eingetragen, aber eigentlich ist es 1936! Das ist ein Druckfehler, versteht ihr?!»

Die Mitarbeiter nickten mit dem Kopf, drückten ihr die Hand und sagten: «Nun, macht nichts, macht nichts, reg dich nicht auf! Du siehst toll aus! Mehr als 80 gibt dir keiner, wirklich!» Von solchen Komplimenten wurde Mar'ja Ivanovna schlecht.

Zuhause nahm sie Baldrian zu sich, legte sich aufs Sofa. Da begann das Telefon zu klingeln. Es riefen Freunde, Verwandte und ganz unbekannte Leute an, die von ganzem Herzen Mar'ja Ivanovna zum wunderbaren Jahrestag gratulierten. Dann brachte man ihr noch 3 Telegramme, 2 Blumensträuße und einen Kranz. Und um 10 Uhr abends ertönte eine helle Kinderstimme aus dem Telefonhörer: «Guten Abend! Wir, die Schüler, der 308-ten Schule gründeten das Museum des Feldmarschalls Kutuzov! Wir möchten Sie als Teilnehmerin der Schlacht von Borodino...»

«Schämst du dich nicht, Junge?» — schrie Mar'ja Ivanovna auf, «Validol»¹⁴ schluckend. — «die Schlacht von Borodino war im Jahre 1812! Und ich bin 1836 geboren! Sie haben sich in der Nummer geirrt!» — warf sie den Hörer hin.

Mar'ja Ivanovna schlief schlecht und rief zweimal den Notarzt. Am Freitag um 17 Uhr war alles für die Feier fertig. Über dem Arbeitsplatz von Efimova befestigten sie ein Schild mit der Aufschrift: «Hier arbeitet Efimova M.I. 1836-1976».

Um halb sechs war die Aula voll. Der Direktor ging auf die Tribüne und sagte: «Kameraden! Heute wollen wir unseren Geburtstagskindern gratulieren, und an erster Stelle Efimova M.I.!»

Im Saal wurde geklatscht.

¹⁴ Russisches Beruhigungsmittel

«Sie ist es, an der sich unsere Jugend ein Beispiel nehmen sollte. Ich möchte daran glauben, dass unsere Jugend mit der Zeit die älteste auf der Welt sein wird. All diese Jahre war Efimova M.I. eine zuverlässige Arbeiterin! Sie wurde vom Kollektiv immer geachtet. Wir werden Efimova M.I. nie vergessen, eine gebildete Ingenieurin und eine sympathische Frau».

Im Saal schluchzte jemand.

«Keine Tränen, Kameraden! Efimova lebt bis heute noch! Ich möchte, dass ihr dieser feierliche Tag lange in Erinnerung bleibt! Deshalb lasst uns ihr das kostbare Geschenk in der Größe von 110 Rubel überreichen und ihr weiterhin Erfolg wünschen. Aber besonders, wie man sagt: Gesundheit! Führt das Geburtstagskind herein!»

Unter dem Lärm des Applauses führten zwei freiwillige Helfer Mar'ja Ivanovna auf die Bühne und legten sie in den Sessel.

«Hier ist sie, unser Stolz!» — Die Stimme des Direktors fing an zu zittern. — «Schaut, kann man ihr die 140 Jahre geben?! Niemals! Das ist, was die Sorge um den Menschen aus den Leuten macht».

М. Городинский

Сигнал

Ничего не скажу, хорошая, резкая нынче полоса!

Откроешь газету — сердце радуется. Пишет народ, сигналист, возмущается, как где чего увидит, сразу как Гоголь — за перо. И главное, ни один Гоголь теперь не остаётся не услышанным. На каждый сигнал реагируют, выезжают на место, проверяют факты, начальство поголовно снимают, и если не сажают, то в крайнем случае пересаживают. Это, конечно, вселяет радость, чувство торжества демократии и тайную надежду, что в конце концов посадят всех. Я имею в виду — всех виноватых.

Не знаю, как у вас, а у нас на второй мебельной фабрике обстановка резко улучшилась. Ничего не скажу, здоровая стала обстановка. Просто здоровая. Главбух наш третий месяц в больнице лежит — на сохранении... партбилета. Главный инженер стал волочить ногу. А у директора открылся нервный тик — раньше никому не подмигивал, а теперь всем, причём постоянно и обоими глазами. Ну, нам, конечно, приятно видеть руководящий состав в таком хорошем бодром состоянии. Вот только Петухов, наш старший мастер, всё как ни в чём не бывало бегают, хорохорится, по старинке замечания народу делает, за культуру борется: при женщинах старше сорока сам не матерится и, главное, им не даёт. В общем, явно недопонимает всей специфики текущего момента.

Вот сидим мы как-то в столовой, обедаем. Напротив Лёха-язвенник кашу жуёт, а за соседним

столиком мастер Петухов антрекот терзает. Не знаю, то ли в Лёхе его язва заговорила, то ли ему не понравилось, что Петухов так аристократично ест: не прямо с вилки свой антрекот кусает, как все, а, знаете, сперва ножом кусочек отрежет, а потом уже его в рот, рукой... В общем, кинул на него Лёха тяжёлый взгляд, доел кашу и говорит:

— Так. Петухова пора снимать.

— Как это снимать?— говорю.— Разве ты такие важные вещи решаешь? Петухов — мужик работающий, с дипломом, производство знает... Да и честный...

— Ну-ну,— говорит Леха,— у нас все честные, пока чуток не пощупаешь!

— Да кто ж,— смеюсь,— тебя слушать-то будет? Ты ж отродясь двух слов связать не мог!

А он уже руку тянет.

— Спорим,— говорит,— ухайдóхаю? Может, раньше бы и не вышло, а сейчас...

Видать, зря я с ним тогда поспорил, язву его разбередил, только накатал этот сýкин кот письмо. И ровно через месяц прибыла комиссия в составе семидесяти пяти человек проверять нашу фабрику, на которой работает шестьдесят два человека. Начали, понятно, с Петухова. Петухова, конечно, все жалéют, женщины даже плачут, с Лёхой никто не здоровается, все считают его паразитом, клеветником и просто писателем и ждут момента, чтобы всем миром вступить за честного старшего мастера. Но тут комиссия обнаруживает, что Петухов был не всегда до конца честным и в восьмидесятом году всё же не выдержал и уволóк со склада восемь кусков финской фанеры. Народ, конечно, тут же вспоминает про эту чёртову фанеру и уже заступаться за Петухова не видит смысла, так как фанеру тогда потихоньку тащили все. Ведь нашу мебель финская фанера всё равно не спасёт, а в хозяйстве вещь незаменимая. В общем, народ притихает, побáивается, на всякий слóчай перестаёт здороваться и с Петуховым и начинает, как говорила Тамара Леóнтьева, «от всей души» проклинать Лёху, заварившего всю эту кашу. Лёха, надо сказать, пугáется не меньше остальных, на глазах синееет, постоянно бьёт себя кулаками в язву, клянётся, что про фанеру ничего не писал, и в доказáтельство приносит копию своего письма. Конечно, от Лёхи ожидали всего, но чтобы он ещё оставил себе копию... Однако там действительно ничего такого нет, написано только, что от Петухова в рабочее время страшно разит одеколóном, скáзано про невыносимую морáльную атмосферу, которую он создал в цеху и особенно в столовой, и ещё про то, будто Петухов по вечерам систематически ходит на склад готовых диванов, запираётся там на щекóлду с кладовщицей Анной Сергеевной и устраивает оргии. «Стóбит ли после этого удивляться,— писал Лёха в заключение,— что наши дивáны пользуются спрóсом только у клопов и что их до сих пор не покупают за границей, кроме Монгóлии, где испокóн вéку спят на полу!» Понятно, кладовщице Анне Сергеевне, женщине пятидесяти девяти лет, честной матери троих детей,

пришлось уволиться по собственному желанию, а обезумевший Лёха побежал в комиссию, желая отречься от своей клеветы и забрать писульки.

— Лёха, уйди, — строго сказала ему комиссия, — а то возьмёмся и за тебя.

Ничего не скажу, комиссия нам попáлась прилёжная, неподкупная и работающая. Шуровáла она четыре месяца, и результаты её деятельности были слéдующие. Узнав от лёчащего врача, что его хотят навестить какие-то семьдесят пять человек, назвáвшихся его самыми близкими друзьями, расчётливый главбúх немного подумал и решил скончáться. Так что комиссия, прибывшая в больницу с двумя апельсинами и óрдерам на арéст, застáла его уже в другой дóлжности. На следующий день главный инженер стал волочить óбе ноги, но даже это ему не помогло, и материалы на него были пéреданы в прокуратúру. С директором случилось совсем непредвиденное. Узнав о несчастье главного инженера, он вдруг перестал моргáть, причём вообще. Это было бы ещё ничего, если бы незадóлго до этого — после смерти бухгáлтера — он не стал косить. Люди у нас на фабрике не из пугливых, но теперь в кабинет директора в одинóчку никто не ходит. Комиссия долго ломáла голову, как наказáть старшего мастера Петухóва. Искáли меру посурóвее, чтобы мало не показáлось, и в концé концóв решили назначить его на дóлжность главного инженера. Что касается паразита Лёхи, то его премировали китайской авторúчкой с золотым перóм и вынесли ему благодарность за бдительность, правда, с конфискáцией имúщества, которое он смастерил из финской фанеры. Про Лёху у нас говорят, что вот от таких, как он, можно ждать любой подлянки. Поэтому с ним теперь все здороваются. Даже главный инженер Петухóв, который, кстáти, перестáл душиться и научился есть как все.

В óбщем, не знаю, как у вас, а у нас на второй мéбельной обстанóвка резко улúчилась. Вчера было общее собрание. Все знали, что станет выступать директор, потому ближе пятого ряда никто не сел.

— Товарищи,— сказал он,— то, что мы умеем находить виновáтых и друг друга мúчить, мы уже всем давно доказали. Остаётся доказать, что мы ещё умеем что-нибудь другое. Например, трудиться. Ина́че, товарищи, как говорится...

И тут наш косóй директор, чúдом удержáвшийся на своём постú, сорвáлся и произнёс на весь зал выразительное, но не совсем приличное слово. Женщины до сорокá даже áхнули и зааплодировали. Директор, правда, тут же опóмнился, извинился, но народ нынче стрóгий, пáмятливый и писúчий. Поэтому лично я не удивлюсь, если через недельку опять нагрянет комиссия, чтобы разобрáться и в этом инцидéнте и довести дело оздоровлénия нашего коллектива, как говорится, до полного... конца.

Aufgaben:

Wann passierte diese Geschichte? Was wurde in Deutschland über «гласность» und «перестройка» gesagt und geschrieben? Wie hat das russische Volk die Gorbačov-Ära erlebt?

Welchen Stil verwendet der Erzähler? Was können wir über ihn anhand seiner Art zu sprechen erfahren?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen?: выезжать на место (преступления), снимать (с должности), сажать (в тюрьму), пересаживать (на новое место), вселять радость, тайная надежда, обстановка резко улучшилась, здоровая обстановка, лежать на сохранении, руководящий состав, текущий момент, как ни в чём не бывало, хорохориться, по старинке, делать замечания, кинуть взгляд, тяжёлый взгляд, двух слов не может связать, отродясь, накатать анонимку, сукин кот, всем миром, не видеть смысла, на всякий случай, заварить кашу, устраивать оргии, пользоваться спросом, испокон веку, уволиться по собственному желанию, шуровать, ломать голову, мало не покажется, вынести благодарность, назначить на должность, конфискация имущества, нагрянуть?

Warum bezeichnet der Erzähler alle Kritiker des Regimes als «Gogols»? Was wissen Sie über N.V. Gogol?

M. Gorodinskij

Das Signal

Ich kann nichts sagen, heute ist eine gute, starke Zeit!

Du öffnest die Zeitung und das Herz freut sich. Das Volk schreibt, gibt Signale, regt sich auf, sobald es etwas sieht, greift sofort, wie Gogol, zur Feder. Und das Wichtigste — kein einziger Gogol bleibt jetzt ungehört. Auf jedes Signal wird reagiert: Man fährt zum Ort des Geschehens, kontrolliert die Fakten, die ganze Führung wird abgesetzt und wenn man sie nicht ins Gefängnis wirft, so wird sie auf jeden Fall versetzt. Das bringt natürlich Freude, ein Gefühl des Triumphs der Demokratie und eine geheime Hoffnung, dass zur guten Letzt alle sitzen werden. Ich meine, alle Schuldigen.

Ich weiß nicht, wie es bei Ihnen ist, aber bei uns, in der zweiten Möbelfabrik, hat sich die Lage stark verbessert. Ich sage nichts, gesund ist die Lage geworden. Einfach gesund. Unser Hauptbuchhalter liegt schon den dritten Monat im Krankenhaus — zur Aufbewahrung¹⁵ ... des Parteibuches. Der Oberingenieur hat begonnen, sein Bein hinter sich her zuziehen. Und beim Direktor ist ein nervöser Tick aufgetreten: Früher hat er niemandem zugezwinkert und jetzt zwinkert er allen zu, dabei immer und mit beiden Augen. Für uns ist das natürlich angenehm, unsere Führungskräfte in so gutem und

¹⁵ Die russische Redewendung «на сохранении» wird im Russischen verwendet, wenn Frauen im Krankenhaus bleiben müssen, um diese bei Risikoschwangerschaften vor Fehlgeburten zu bewahren.

munterem Zustand zu sehen. Nur Petuchov, unser Obermeister, rennt noch immer herum, als ob nichts wäre, spielt sich auf, gibt den Leuten Anweisungen, wie früher, setzt sich für gutes Benehmen ein. In Anwesenheit von Frauen über vierzig flucht er selbst nicht und - das Wichtigste - er lässt sie auch nicht fluchen. Kurz gesagt, er begreift offensichtlich die ganze Besonderheit des gegenwärtigen Moments nicht.

Da sitzen wir eines Tages in der Kantine, essen zu Mittag. Gegenüber sitzt Ljocha – der mit dem Magengeschwür — kaut seinen Brei, und am Nachbartisch quält der Meister Petuchov ein Entrecôte. Ich weiß nicht, entweder begann in Ljocha das Magengeschwür zu sprechen, oder es gefiel ihm nicht, dass Petuchov so aristokratisch isst: Er beißt sein Entrecôte nicht direkt von der Gabel, wie das alle tun, sondern, wissen Sie, zuerst schneidet er mit dem Messer ein Stückchen ab und dann erst steckt er es in den Mund, mit der Hand... Also warf Ljocha einen schweren Blick auf den Meister, aß den Brei zu Ende und sagte:

— So. Es ist höchste Zeit, Petuchov abzusetzen.

— Wie «absetzen»? – sage ich. – Entscheidest du neuerdings solche wichtigen Dinge? Petuchov ist ein arbeitsamer Bursche, mit Diplom, kennt die Produktion...Und er ist ehrlich...

— Ja-ja, — sagt Ljocha, — bei uns sind alle ehrlich, bis man ihnen ein wenig auf den Zahn fühlt.

— Wer eigentlich, — lache ich, — wird auf dich hören? Du konntest doch seit deiner Geburt keine zwei Wörter verbinden!

Aber er streckt mir schon die Hand entgegen.

— Wetten, — sagt er, — ich richte ihn zu Grunde? Vielleicht hätte es früher nicht geklappt, aber jetzt...

Schade, dass ich damals mit ihm gewettet und sein Magengeschwür gereizt habe. Denn dieser Hurenbock hat einen Brief hingekritzelt. Und pünktlich nach einem Monat kam eine Kommission – 75 Leute – um unsere Fabrik zu überprüfen, in der 62 Menschen arbeiten. Selbstverständlich fingen sie mit Petuchov an. Den Petuchov, natürlich, tun alle bemitleiden, die Frauen weinen sogar, den Ljocha grüßt niemand, alle halten ihn für einen Parasiten, Verleumder und einfach für einen Schmierfinken und warten auf den Moment, um gemeinsam für den ehrlichen Obermeister einzutreten. Aber da entdeckt die Kommission, dass der Petuchov nicht immer bis zum Schluss ehrlich war: Im Jahre 1980 hielt er es doch nicht aus und schleppte acht Stück finnische Furnierholz aus dem Lager. Das Volk erinnert sich natürlich sofort an dieses teuflische Furnierholz und sieht keinen Sinn mehr darin, sich für den Petuchov einzusetzen, weil alle damals das Furnierholz stillschweigend wegschleppten. Klar, dass unsere Möbel das finnische Furnierholz nicht retten kann, aber im Haushalt ist das eine unersetzliche Sache. Also, werden die Leute stiller, ängstlicher, vorsorglich hören sie auf Petuchov zu grüßen und beginnen, wie Tamara Leont'jeva sagte, «von

ganzer Seele» Ljocha zu verfluchen, der diesen ganzen Brei angezettelt hat. Man muss sagen, dass Ljocha sich nicht weniger als die anderen fürchtet, er läuft vor unseren Augen blau an, schlägt sich dauernd mit den Fäusten in sein Magengeschwür, schwört, dass er über das Furnierholz nichts geschrieben hat und zum Beweis bringt er eine Kopie seines Briefes. Natürlich, hat man von Ljocha alles erwartet, aber dass er noch eine Kopie für sich aufbewahrt... Doch dort steht tatsächlich nichts Besonderes, es steht nur geschrieben, dass Petuchov während der Arbeitszeit schrecklich nach Rasierwasser stinkt. Es wird etwas über eine unausstehliche, moralische Atmosphäre gesagt, die er in der Werkshalle schuf und besonders in der Kantine. Und darüber, dass Petuchov an den Abenden systematisch in das Lager mit fertigen Sofas geht, sich dort gemeinsam mit der Lageraufseherin Anna Sergejevna einschließt und Orgien veranstaltet. «Soll man sich danach noch wundern», — schrieb Ljocha zum Schluss, — «dass unsere Sofas nur von Wanzen nachgefragt werden und dass sie bis jetzt nicht im Ausland gekauft werden, außer in der Mongolei, wo man schon immer auf dem Boden geschlafen hat!» Verständlich, dass die Lageraufseherin Anna Sergejevna, eine Frau von neunundfünfzig Jahren, aufrichtige Mutter dreier Kinder, nach eigenem Wunsch kündigen musste. Und der verrückt gewordene Ljocha rannte zur Kommission mit dem Wunsch, seine Verleumdungen zurückzuziehen und sein Schreiben zurückzunehmen.

— Ljocha, geh weg, sonst nehmen wir uns auch Dich vor — sagte ihm die Kommission streng.

Ich sage nichts, wir haben eine fleißige Kommission erwischt, unbestechlich und tatkräftig. Sie schnüffelte vier Monate lang, und die Ergebnisse ihrer Tätigkeit waren folgende: Nach dem er von seinem behandelnden Arzt erfahren hatte, dass ihn 75 Leute besuchen wollen, die sich als engste Verwandten bezeichnen, dachte der berechnende Hauptbuchhalter etwas nach - und beschloss zu sterben. Sodass die Kommission, die im Krankenhaus mit zwei Orangen und einer Anordnung für den Arrest ankam, ihn schon in einer anderen Position vorfand. Am nächsten Tag begann der Oberingenieur beide Beine zu schleppen, aber sogar das hat ihm nicht geholfen, und die ihn belastenden Materialien wurden der Staatsanwaltschaft übergeben. Mit dem Direktor geschah etwas völlig Unerwartetes. Nachdem er über das Unglück des Oberingenieurs erfuhr, hörte er plötzlich auf zu blinzeln. Das wäre noch gar nichts, wenn er nicht kurz zuvor, d.h. nach dem Tod des Buchhalters nicht begonnen hätte zu schielen. Die Menschen in unserer Fabrik sind nicht ängstlich, aber jetzt geht keiner mehr allein in das Büro des Direktors. Die Kommission hat sich lange darüber den Kopf zerbrochen, wie sie den Obermeister Petuchov bestrafen sollte. Man suchte nach einer hohen Strafe, damit es nicht zu wenig erschien, und zuguterletzt entschied man sich, ihn zum Oberingenieur zu ernennen. Was den Parasiten Ljocha angeht, wurde er mit einem chinesischen Kugelschreiber belohnt, der eine goldene Feder hatte. Die Kommission sprach ihm einen Dank aus für seine Wachsamkeit, allerdings verbunden mit der Konfiszierung des Besitzes, den er aus dem finnischen

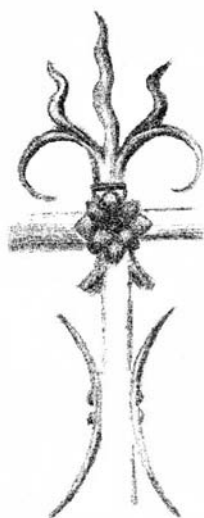
Furnierholz gebastelt hatte. Über Ljocha sagt man bei uns, dass von solchen wie ihm jede Hinterhältigkeit erwarten kann. Aus diesem Grund grüßen ihn jetzt alle. Sogar der Oberingenieur Petuchov, der übrigens, aufgehört hat sich zu parfümieren und gelernt hat, zu essen wie alle anderen. Also, ich weiß nicht, wie es bei Ihnen ist, aber bei uns in der zweiten Möbelfabrik hat sich die Lage stark verbessert. Gestern war die allgemeine Versammlung. Alle wussten, dass der Direktor auftreten wird, deshalb setzte sich keiner näher als in die fünfte Reihe.

— Kollegen, — sagte er, — dass wir die Schuldigen finden und uns gegenseitig quälen können, haben wir allen schon längst bewiesen. Es bleibt nur zu beweisen, dass wir noch etwas anderes können. Zum Beispiel: Arbeiten. Sonst, Kollegen, wie man sagt...

Und hier verlor unser schielender Direktor, der auf wunderliche Weise auf seinem Posten geblieben ist, die Beherrschung und sprach durch den ganzen Saal ein ausdrucksvolles, aber nicht ganz feines Wort. Die Frauen bis vierzig riefen «Ach!» und applaudierten. Der Direktor, ehrlich gesagt, hat sich sofort gefangen und entschuldigt. Aber das Volk ist heutzutage streng, erinnerungsfähig und schreibend. Deshalb, würde es mich persönlich nicht überraschen, wenn nach einer Woche wieder die Kommission auftaucht, um diesen Vorfall durchzunehmen und die Sache der Genesung unseres Kollektivs, wie man sagt, zum völligen Ende zu bringen.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Welche Berufe kennen Sie? Welchen Beruf haben Sie für sich gewählt? Warum? Welche Kenntnisse brauchen Sie, um diesen Beruf auszuüben? Befragen Sie den Dozenten, welche Kenntnisse man für diesen Beruf in Russland braucht. Schreiben Sie auf Russisch einen Lebenslauf und eine Bewerbung für eine, sie interessierende Stelle. Versuchen Sie, ein Vorstellungsgespräch dafür zu konzipieren. Welche Unterschiede gibt es zwischen der Arbeitssuche in Deutschland und in Russland?
2. Sie haben bereits mehrere Texte zum Thema «Direktor und Kollektiv in Russland» gelesen. Versuchen Sie, das Bild des Leiters mit den Augen des einfachen Volkes zu konzipieren. Nehmen Sie die Filme: «Волга - Волга» (1938, Г. Александров) und «Служебный роман» (1977, Э. Рязанов) zu Hilfe.

Gesundheitssystem in Russland/ Система здравоохранения в России

Alle Ärzte in Russland müssen über umfassende Kenntnisse aus mehreren allgemein-medizinischen Bereichen verfügen (z.B. ansteckende und nicht ansteckende Haut-, HNO-, Magen-, Darmkrankheiten; psychische Krankheiten, Narkomanie; Erkrankungen des Nervensystems; Onkologie u.s.w.; erste Hilfe bei inneren und äußeren Verletzungen) und sehr umfangreiche Kenntnisse im eigenem Spezialbereich vorweisen können. Einmal innerhalb von 5 Jahren muss jeder Arzt eine Fortbildung (inkl. dem Erstellen einer schriftlichen Arbeit) abschließen und wird daraufhin in eine Kategorie (1., 2., 3., höchste) eingestuft.

Da in staatlichen Kliniken oft nicht genügend finanzielle Mittel zur Verfügung stehen, um neueste Technologie zu beschaffen, sind russische Ärzte imstande, mit Hilfe von dem Tasten und Anschauen richtige Diagnosen zu stellen.

Die Spezialisten in Russland befinden sich immer in einem Gebäude (sogen. Polikliniken); sodass der Patient problemlos an einem Tag mehrere Ärzte aufsuchen kann. Wenn der Kranke selbst weiß, welche Leiden er hat, geht er direkt zum richtigen Spezialisten. So werden Geld und Zeit gespart.

Bei der Anmeldung in der Poliklinik wird dem Patienten ein Behandlungsschein ausgestellt, auf welchem der Name des Arztes, der Behandlungstermin und –ort vermerkt sind. Es ist sehr wichtig zu beachten, dass man sich genau zu dem Zeitpunkt, welcher auf dem Behandlungsschein (Talon) vermerkt ist, beim Arzt blicken lassen sollte, sonst verpasst man die Reihenfolge und ist gezwungen länger zu warten. Die Patienten werden im 15-Minuten Takt angenommen. Deshalb sitzen vor einem Behandlungszimmer (Kabinett) selten mehr als 5 Personen gleichzeitig.

In Russland ist das staatliche Gesundheitssystem kostenlos (keine Krankenkassenbeiträge und s.w.) – die Patienten müssen nur die Arzneimittel selbst bezahlen. Da aber die Ärzte für ihre sehr schwere Arbeit (bis zu 80 Patienten pro Tag) nur gering entlohnt werden (50-200 Euro pro Monat), blüht in Russland die private ‚Entlohnung‘.

Falls jemand in Russland krank wird, muss nicht er sich zum Arzt schleppen, sondern der Arzt kommt zum Hausbesuch inkl. Krankschreibung, u.a. um Ansteckung anderer im Wartezimmer zu verhindern. Obwohl Ärzte in staatlichen Einrichtungen in Russland kein leichtes Leben haben, halten sie sich an den geleisteten Eid des Hypokrates. Ein Ärzte-Streik ist hier fast unmöglich und wird als unmoralische Handlung betrachtet.

Bei Äskulap

Средство от полноты

Одна пациентка спросила Н. П. Бóткина:

- Скажите, доктор, какие упражнения самые полезные, чтобы похудеть?
- Поворачивать голову справа налево и слева направо, — ответил Бóткин.
- Когда?
- Когда Вас угощают.

Ein Mittel gegen Beibtheit

Eine Patientin fragte N. P. Botkin:

- Sagen Sie, Herr Doktor, welches sind denn die nützlichsten Übungen um abzunehmen?
- Den Kopf von links nach rechts und von rechts nach links drehen, — antwortete Botkin.
- Wann?
- Wenn Sie bewirtet werden.

Совет врача

Пожилóй мужчина пришёл к врачу. Доктор прослушал его и сказал: «Вы должны поехать в деревню отдохнуть. Там Вы должны рано ложиться спать, есть мясо и пить молоко, много гулять. И курить не больше одной сигареты в день».

Через месяц пожилóй пациент снова записáлся на приём и доложил: «Ваш совет мне очень помог. Я поехал зá город, рано ложился, ел мясо, пил молоко, делал всё, что Вы мне наказáли. Правда, внача́ле было трудно курить по сигарете в день. Это совсем не просто — нача́ть курить в моём вóзрасте».

Der Rat des Arztes

Ein alter Mann kam zum Arzt. Der Arzt hörte ihn ab und meinte: «Sie müssen zur Erholung aufs Land fahren. Dort müssen Sie früh zu Bett gehen, Fleisch essen und Milch trinken, viel spazieren gehen. Und nicht mehr als eine Zigarette am Tag rauchen».

Nach einem Monat meldete sich der alte Mann wieder zur Sprechstunde an und berichtete: «Ihr Rat hat mir sehr geholfen. Ich bin aufs Land gefahren, bin früh zu Bett gegangen, habe Fleisch gegessen, Milch getrunken, habe alles getan, was Sie mir gesagt haben. Freilich, am Anfang fiel es mir schwer

eine Zigarette am Tag zu rauchen. Es ist ganz und gar nicht leicht — in meinem Alter mit dem Rauchen anzufangen».

А.П. Чехов

Лошадиная фамилия

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щёку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поварёнок Петька — предлагали каждый свое средство. Между прочим, и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришёл к нему и посоветовал полечиться заговором.

— Тут, в нашем уезде, Ваше превосходительство, — сказал он, — лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы — первый сорт. Бывало, отвернётся к окошку, пошепчет, поплюёт — и как рукой! Сила ему такая дадена...

— Где же он теперь?

— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тёщи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, Ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... у раба Божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлёте.

— Ерунда! Шарлатанство!

— А Вы попытайтесь, Ваше превосходительство. До водки очень охотник, живёт не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин.

— Пошли, Алёша! — взмолилась генеральша. — Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

— Ну, ладно, — согласился Булдеев. — Тут не только что к акцизному, но и к чёрту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живёт? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

— Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, Ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шёл, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

— Ну что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Пойдите... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников?

— Никак нет. Пойдите... Кобылицин... Кобылятников... Кобелев...

— Это уже собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошаднин... Лошаков... Жеребкин... Все не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошаднинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерал.

— Никак нет, Ваше превосходительство.

— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперебой, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилию. Приказчика то и дело требовали в дом.

— Табунов? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребовский?

— Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

— Папа! — кричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

— Гнедов! — говорили ему. — Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия все еще не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

— Нет, не Меринов, Ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

— Да, может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинно слово, Ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

— Пускай рвёт! — решил он. — Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чём-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённые, мучительные...

— Буланов... Чересседельников... — бормотал он. — Засупонин... Лошадский...

— Иван Евсеич! — обратился к нему доктор. — Не могу ли я, голубчик, купить у Вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овёс, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

— Надумал, Ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. — Надумал, дай Бог здоровья доктору! Овсов! Овсов — фамилия акцизного! Овсов, Ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

— Накося! — сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. — Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! Накося!

Aufgaben:

Was wissen Sie über die Volksmedizin in Russland und in Deutschland? Wie unterscheiden sich Volkswissen und Naturheilverfahren? Welche Volksheilmethoden hat der Autor in der Erzählung genannt? Welche davon kennen Sie bereits? Was machen Ihre Bekannten und Verwandten, wenn diese Zahn-, Kopf- oder Bauchschmerzen haben?

Was verstehen Sie unter dem Ausdruck: «лечение заговором»?

Welche Bedeutungen haben die folgenden Redewendungen?: заговаривать зубы, кормиться зубами? Haben sich die Bedeutungen im Laufe der Zeit verändert?

Was bedeutet in diesem Kontext das Verb «пользоваться»? Finden Sie im Text den entsprechenden Aspektpartner. Gibt es ein solches Verb in der modernen russischen Literatursprache?

Wie haben Sie folgende Wörter und Redewendungen ins Deutsche übersetzt?: отставной, акцизный, уезд, депеша, раб Божий, шарлатанство, мочи нет?

Wie charakterisiert die Sprechweise den Doktor, den General und den Verwalter?

Was wissen Sie über die Eigennamen und ihre Entstehungsgeschichte im Russischen? Von welchen Wörtern wurden folgende Nachnamen gebildet?: Кобылин, Жеребцов, Жеребятников, Кобелев, Жеребчиков, Лошаков, Лошадкин, Кобылкин, Коренной, Пристяжной, Лошадников, Сбруев, Табунов, Копытин, Тройкин, Уздечкин, Гнедов, Рысистый, Меринов, Буланов, Чересседельников, Засупонин, Овсов? Welcher Nachname passt nicht in diese Reihe und warum?

Welche Suffixe werden bei der Bildung der Nachnamen gebraucht? Wie stellen Sie sich die Menschen mit folgenden Nachnamen vor: Кобылин, Кобылицын, Кобылкин, Кобылятников; Жеребчиков, Жеребкин, Жеребенко, Жеребкович; Лошадинин, Лошадкин, Лошадницкий, Лошадинский, Лошадевич? Versuchen Sie, zusammen mit dem Dozenten anhand der Nachnamen herauszufinden, aus welchem Gebiet kam die Person und zu welcher Nationalität gehört sie.

Kennen Sie die Werke russischer Literatur, in denen die Helden folgende Familiennamen tragen: Собакевич, Сухово-Кобылин?

A.P. Čechov

Der Pferde-Familiennamen

Der suspendierte Generalmajor Buldeev litt unter unvorstellbaren Zahnschmerzen. Er spülte den Mund mit Cognac und legte sich Kautabak an den kranken Zahn; Opium, Schuhwichse, Petroleum, schmierte die Wange mit Jod ein. In den Ohren hatte er Watteröllchen, die mit Spiritus getränkt waren. Aber es half entweder überhaupt nicht oder es rief Übelkeit hervor. Der Doktor kam. Er schabte den kranken Zahn und verschrieb Chinin; aber es half auch nicht. Alle im Haus, Frau, Kinder,

Diener, sogar der Küchenjunge Pet'ka, schlugen ihre Mittelchen vor. Unter anderem der Verwalter Buldeevs, Ivan Evseič, kam zu ihm und empfahl, sich mit einem Zauber belegen zu lassen.

– Hier in unserem Kreis, Euer Gebieter, – sagte er, – diente vor etwa 10 Jahren der Akzisor¹⁶ Jakov Vasil'ič. Es kam vor, dass er sich zum Fensterchen wegdrehte, flüsterte und spuckte ein bisschen und der Schmerz verschwand! Solche Kraft war ihm gegeben.

– Wo ist er jetzt?

– Nachdem man ihn als Akzisor entlassen hatte, lebte er bei seiner Schwiegermutter in Saratov. Jetzt ernährt er sich nur von Zähnen. Wenn bei irgendeinem Menschen der Zahn schmerzt, dann geht er zu ihm und hilft. Die in Saratov Ansässigen heilt er bei sich zu Hause und wenn irgendjemand aus einer anderen Stadt kommt, dann per Telegraph. Schickt ihm, mein Gebieter, einen Eilbrief, dass es bei Ihnen so und so aussieht: «Dem Knecht Gottes Alexej tun die Zähne weh, bitte um Heilung!» Das Geld schicken Sie per Post.

– Blödsinn! Scharlatanerie!

– Versuchen Sie es, mein Gebieter. Er ist ein großer Wodkaliebhaber, er lebt nicht mit einer Frau zusammen, sondern mit einer Deutschen, ist ein jähzorniger Mensch, aber man kann sagen, ein wundertätiger Mensch.

– Sende doch Aljoša! – fleht ihn die Generalsfrau an. – Du glaubst nicht an Zauberei, aber ich habe es an der eigenen Haut schon ausprobiert. Auch wenn du es nicht glaubst, warum nicht trotzdem versuchen? Die Hände fallen davon schon nicht ab.

– Na gut, – stimmte Buldeev zu. – In solch einer Situation würde man einen Eilbrief nicht nur dem Akzisor – sondern auch an den Teufel selbst schicken. Oh! Ich habe keine Kraft mehr! Nun, wo lebt der Akzisor? Wie kann man ihm schreiben?

Der General setzte sich an den Tisch und nahm die Feder in die Hand.

– In Saratov kennt ihn jeder Hund, – sagte der Verwalter. – Geruhen Sie zu schreiben, mein Gebieter: «In die Stadt Saratov. Seiner Ehren Herrn Jakov Vasil'ič...» Und den Familiennamen? Gerade den Familiennamen habe ich vergessen. Teufel! Wie lautet sein Familienname? Gestern, als ich hierher ging, wusste ich es noch... Erlauben Sie...

Ivan Evseič hob die Augen zur Decke und bewegte die Lippen. Buldeev und die Gemahlin warteten ungeduldig.

– Nun und? Denk schneller nach!

– Jetzt... Vasil'ič... Jakov Vasil'ič... Ich hab es vergessen! Solch ein einfacher Nachname... als ob es mit Pferd zu tun hat. Kobylin? Nein nicht Kobylin. Warten Sie... Kann es Žerebzov sein? Nein auch

¹⁶ Акцизный – der Steuerantreiber bis Anfang des XX. Jh.

nicht Žerebzov. Ich erinnere mich, dass es ein Pferde-Nachname ist. Es ist mir aus dem Gedächtnis entwichen.

– Žerebjatnikov?

– Keineswegs. Warten Sie... Kobylcyn... Kobyljatnikov... Kobelev..

– Das ist schon ein Hundenachname und nicht ein Pferde... Žerebčikov?

– Nein, auch nicht Žerebčikov... Lošadinin... Lošakov... Žerebkin ... Alles falsch!

– Nun, wie werde ich ihm schreiben. Denk selbst nach!

– Sofort. Lošadkin... Kobylkin... Korennoj...

– Korennikov? – fragte die Generalin.

– Keineswegs. Pristjažkin... Auch nicht. Ich hab es vergessen!

– Wozu dann, hol dich der Teufel, drückst du mir deine Vorschläge aufs Auge, wenn du es vergessen hast? – ärgerte sich der General. – Geh hier weg.

Ivan Jevseič ging langsam hinaus: Der General aber griff sich an die Wange und lief im Zimmer auf und ab.

– Oh, lieber Gott! Oh, heilige Muttergottes! – schrie er. – Mir ist dunkel vor Augen.

Der Verwalter ging in den Garten und - die Augen gen Himmel gerichtet - fing er an, sich an den Namen des Akzisors zu erinnern: «Žerebčikov... Žerebkovskij... Žerebenko... Nein das ist es nicht! Lošadinskij... Lošadevič... Žerebkovič... Kobyljanskij...»

Nachdem ein wenig Zeit vergangen war, wurde er zu den Herrschaften gerufen:

– Hast du dich erinnert? – fragte der General

– Keineswegs, Euer Hochwohlgeboren.

– Vielleicht Konjavskij? Lošadnikov? Nein?

Und alle Anwesenden, einander übertönend, begannen Familiennamen zu erfinden. Sie erwähnten nacheinander alle Altersstufen, Geschlechter und Rassen von Pferden, erinnerten sich an die Mähne, an die Hufe und das Geschirr... Im Haus, im Garten, im Gesindezimmer und in der Küche liefen die Leute von Ecke zu Ecke, sich die Stirn reibend und suchten den Familiennamen...

Den Verwalter beorderte man dauernd in das Haus.

– Tabunov? – fragte man ihn. – Kopytin? Žerebovskij?

– Keineswegs, – erwiderte Jevseič, erhob die Augen und fuhr fort, laut zu denken. – Konenko... Končenko... Žerebeev... Kobyleev...

– Papa! – tönte es aus dem Kinderzimmer. – Trojkin! Uzdečkin!

Es regte sich die ganze Meierei auf. Der ungeduldige, gequälte General versprach, demjenigen fünf Rubel zu geben, der sich an den richtigen Familiennamen erinnern würde; und hinter Ivan Jevseič begann man herdenweise herzulaufen.

– Gnedov! – schlug man ihm vor. – Rysistyj! Lošadickij!

Allmählich wurde es Abend, doch der Familienname war noch nicht gefunden. So legten sie sich alle schlafen, ohne ein Telegramm abgeschickt zu haben.

Der General schlief die ganze Nacht nicht, lief von einer Ecke zur anderen und stöhnte. In der dritten Morgenstunde ging er aus dem Haus und klopfte an das Fenster des Verwalters.

– Vielleicht, Merinov? – fragte er mit weinerlicher Stimme.

– Nein, nicht Merinov, Euer Hochwohlgeboren, - antwortete Ivan Jevseič und seufzte schuldbewusst.

– Kann es sein, dass es kein Pferdename ist, sondern ein anderer?

– Ehrenwort, Euer Hochwohlgeboren, es ist ein Pferdename. Daran erinnere ich mich sehr wohl.

– Was bist du, Brüderchen, für ein Vergesslicher... Für mich scheint dieser Familienname wichtiger als alles andere auf der Welt zu sein. Der Zahn hat mich so gequält!

Am Morgen schickte der General wieder nach dem Doktor.

– Er möge ihn herausziehen! – entschied er. – Ich habe keine Kraft mehr durchzuhalten.

Der Doktor kam und riss ihm den kranken Zahn heraus. Der Schmerz ließ sofort nach, und der General beruhigte sich. Nachdem der Arzt seine Sache erledigt hatte und für seine Arbeit bekam, was ihm gebührte, setzte er sich auf seine Pritsche und fuhr nach Hause. Hinter dem Tor auf dem Feld traf er auf Ivan Jevseič... Der Verwalter stand am Wegesrand und dachte konzentriert über etwas nach, während er sich auf die Füße starrte. Den Falten nach zu urteilen, die seine Stirn zerfurchten und dem Ausdruck seiner Augen nach, waren seine Gedanken anstrengend und quälend.

– Bulanov... Čeressedel'nikov... – murmelte er. – Zasuponin... Lošadskij...

– Ivan Jevseič! – wendete sich der Doktor an ihn. – Könnte ich vielleicht 5 Viertel Hafer bei Ihnen kaufen, mein Lieber? Unsere Bauern verkaufen mir zwar Hafer, aber ziemlich schlechten.

Ivan Jevseič starrte den Arzt an, lächelte irgendwie wild, und, ohne ein einziges Wort zu entgegnen, erhob die Hände und rannte zur Meierei mit einer solchen Geschwindigkeit, als ob ein tollwütiger Hund hinter ihm her jage.

– Ich bin drauf gekommen, Euer Hochwohlgeboren! – rief er glücklich mit plötzlich ganz anders tonender Stimme, während er in das Arbeitszimmer des Generals stürmte. – Ich bin drauf gekommen, der Doktor sei gesegnet! Ovsov! Ovsov ist der Familienname des Akzisors! Ovsov, Euer Hochwohlgeboren! Schicken Sie ein Telegramm an Ovsov!

– Du kannst mich mal! – sagte der General verächtlich und zeigte ihm den Mittelfinger. – Ich brauche jetzt Deinen Pferdenamen nicht mehr! Du kannst mich mal!

М.А. Булгаков

Тьма египетская

Где же весь мир в день моего рождения? Где электрические фонари Москвы? Люди? Небо? За окошками нет ничего! Тьма... Мы отрезаны от людей. Первые керосиновые фонари от нас в девяти верстах на станции железной дороги. Мигает там, наверное, фонарик, издыхает от метели. Пройдёт в полночь с воем скорый в Москву и даже не остановится – не нужна ему забытая станция, погребённая в буране. Разве что занесёт пути.

Первые электрические фонари в сорока верстах, в уездном городе. Там сладостная жизнь. Кинематограф есть, магазины. В то время как воем и валит снег на полях, на экране, возможно, плывет тростник, качаются пальмы, мигает тропический остров. Мы же одни.

– Тьма египетская, – заметил фельдшер Демьян Лукич, приподняв штору. Выражается он торжественно, но очень метко. Именно египетская.

– Прошу еще по рюмочке, – пригласил я. (Ах, не осуждайте! Ведь врач, фельдшер, две акушерки, ведь мы тоже люди! Мы не видим целыми месяцами никого, кроме сотен больных. Мы работаем, мы погребены в снегу. Неужели же нельзя нам выпить по две рюмки разведённого спирту по рецепту и закусить уездными шпротами в день рождения врача?)

– За Ваше здоровье, доктор! – прочувствованно сказал Демьян Лукич.

– Желаем Вам привыкнуть у нас! – сказала Анна Николаевна и, чокаясь, поправила парадное свое платье с разводами.

Вторая акушерка Пелагея Ивановна чокнулась, хлебнула, сейчас же присела на корточки и кочергой пошевелила в печке. Жаркий блеск метнулся по нашим лицам, в груди потеплело от водки.

– Я решительно не постигаю, – заговорил я возбуждённо, глядя на тучу искр, взметнувшихся под кочергой, – что эта баба сделала с белладонной. Ведь это же кошмар!

Улыбки заиграли на лицах фельдшера и акушерок.

Дело было вот в чём. Сегодня на утреннем приеме в кабинет ко мне протиснулась румяная бабочка лет тридцати. Она поклонилась акушерскому креслу, стоящему за моей спиной, затем из-за пазухи достала широкогорлый флакон и запела льстиво:

– Спасибо Вам, гражданин доктор, за капли. Уж так помогли, так помогли!.. Пожалуйте еще баночку.

Я взял у нее из рук флакон, глянул на этикетку, и в глазах у меня позеленело. На этикетке было написано размашистым почерком Демьяна Лукича: «Тинкт. Белладонн...» и т.д. «16 декабря 1917 года». Другими словами, вчера я выписал бабочке порядочную порцию белладонны, а

сегодня, в день моего рождения, 17 декабря, бабочка приехала с сухим флаконом и с просьбой повторить.

– Ты... ты... всё приняла вчера? – спросил я диким голосом.

– Всё, батюшка милый, всё, – пела бабочка сдобным голосом, – дай Вам Бог здоровья за эти капли... полбаночки – как приехала, а полбаночки – как спать ложиться. Как рукой сняло...

Я прислонился к акушерскому креслу.

– Я тебе по сколько капель говорил? – задуманным голосом заговорил я. – Я тебе по пять капель... Что же ты делаешь, бабочка? Ты ж... я ж...

– Ей-богу, приняла! – говорила баба, думая, что я не доверяю ей, будто она лечилась моей белладонной.

Я охватил руками румяные щеки и стал всматриваться в зрачки. Но зрачки были как зрачки. Довольно красивые, совершенно нормальные. Пульс у бабы был тоже прелестный. Вообще никаких признаков отравления белладонной у бабы не замечалось.

– Этого не может быть!.. – проговорил я и завопил. – Демьян Лукич!

Демьян Лукич в белом халате вынырнул из аптечного коридора.

– Полюбуйтесь, Демьян Лукич, что эта красавица сделала! Я ничего не понимаю...

Баба испуганно вертела головой, поняв, что в чём-то она провинилась. Демьян Лукич завладел флаконом, понюхал его, повертел в руках и строго молвил:

– Ты, милая, врешь. Ты лекарство не принимала!

– Ей Бо... – начала баба.

– Бабочка, ты нам очков не втирай, – сурово, искривив рот, говорил Демьян Лукич, – мы всё досконально понимаем. Сознаться, кого лечила этими каплями?

Баба возвела свои нормальные зрачки на чисто выбеленный потолок и перекрестилась.

– Вот чтоб мне...

– Брось, брось... – бубнил Демьян Лукич и обратился ко мне:

– Они, доктор, ведь как делают. Съездит такая артистка в больницу, выпишут ей лекарство, а она приедет в деревню и всех баб угостит...

– Что вы, гражданин фершал...

– Брось! – отрезал фельдшер – я у вас восьмой год. Знаю. Конечно, раскапала флакончик по всем дворам, – продолжал он мне.

– Еще этих капелек дайте, – умильно попросила баба.

– Ну, нет, бабочка, – ответил я и вытер пот со лба, – этими каплями больше тебе лечиться не придётся. Живот полегчал?

– Прямо-таки, ну, рукой сняло!..

– Ну, вот и превосходно. Я тебе других выпишу, тоже очень хорошие. – И я выписал бабочке валерьянки, и она, разочарованная, уехала.

Вот об этом случае мы и толковали у меня в докторской квартире в день моего рождения, когда за окнами висела тяжким занавесом метельная египетская тьма.

– Это что, – говорил Демьян Лукич, деликатно прожевывая рыбку в масле, – это что. Мы-то привыкли уже здесь. А Вам, дорогой доктор, после университета, после столицы, весьма и весьма придётся привыкать. Глушь!

– Ах, какая глушь! – как эхо, отозвалась Анна Николаевна.

– Про Вашего предшественника Леопольда Леопольдовича изволили слышать? – заговорил фельдшер и, деликатно угостив папироской Анну Николаевну, закурил сам.

– Замечательный доктор был! – восторженно молвила Пелагея Ивановна, блестящими глазами всматриваясь в благодный огонь. Праздничный гребень с фальшивыми камушками вспыхивал и погасал у нее в чёрных волосах.

– Да, личность выдающаяся, – подтвердил фельдшер. Крестьяне его прямо обожали. Подход знал к ним. На операцию ложиться к Липонтию – пожалуйста! Они его вместо Леопольд Леопольдович Липонтием Липонтьевичем звали. Верили ему. Ну, и разговаривать с ними умел. Нуте-с, приезжает к нему как-то приятель его, Фёдор Косой из Дульцева, на приём. Так и так, говорит, Липонтий Липонтьич, заложило мне грудь, ну, не продохнуть. И, кроме того, как будто в глотке царапает...

– Ларингит, – машинально молвил я, привыкнув уже за месяц бешеной гонки к деревенским молниеносным диагнозам.

– Совершенно верно.

– Ну, – говорит Липонтий, – я тебе дам средство. Будешь ты здоров через два дня. Вот тебе французские горчишники. Один налепишь на спину между крыл, другой – на грудь. Подержишь десять минут, сымешь. Марш! Действуй!

Забрал тот горчишники и уехал. Через два дня появляется на приёме.

– В чём дело? – спрашивает Липонтий.

А Косой ему:

– Да что ж, говорит, Липонтий Липонтьич, не помогают Ваши горчишники ничего.

– Врёшь! – отвечает Липонтий. – Не могут французские горчишники не помочь! Ты их, наверное, не ставил?

– Как же, говорит, не ставил? И сейчас стоит... – и при этом поворачивается спиной, а у него горчишник на тулупе наклеплен!..

Я расхохотался, а Пелагея Ивановна захихикала и ожесточённо застучала кочергой по полену.

– Воля ваша, это – анекдот, – сказал я, – не может быть!

– Анек-дот?! Анекдот? – вперевод воскликнули акушерки.

– Нет-с! – воскликнул фельдшер. – У нас, знаете ли, вся жизнь из подобных анекдотов состоит... У нас тут такие вещи...

– А сахар?! – воскликнула Анна Николаевна – Расскажите про сахар, Пелагея Ивановна!

Пелагея Ивановна прикрыла заслонку и заговорила, потупившись:

– Приезжаю я в то же Дульцево к роженице...

– Это Дульцево – знаменитое место, – не удержался фельдшер и добавил:

– Виноват! Продолжайте, коллега!

– Ну, понятное дело, исследую, – продолжала Пелагея Ивановна, – чувствую под шипцами в родовом канале что-то непонятное... то рассыпчатое, то кусочки... Оказывается – сахар-рафинад!

– Вот и анекдот! – торжественно заметил Демьян Лукич.

– Позвольте... ничего не понимаю...

– Бабка! – отозвалась Пелагея Ивановна – Знахарка научила. Роды, говорит, у ей трудные. Младенчик не хочет выходить на Божий свет. Стало быть, нужно его выманить. Вот они, значит, его на сладкое и выманивали!

Глаза у акушерок засверкали от воспоминаний. Мы долго у огня сидели за чаем, и я слушал как зачарованный. О том, что, когда приходится вести роженицу из деревни к нам в больницу, Пелагея Иванна свои сани всегда сзади пускает: не передумали бы по дороге, не вернули бы бабу в руки бабки. О том, как однажды роженицу при неправильном положении, чтобы младенчик повернулся, кверху ногами к потолку подвешивали. О том, как бабка из Коробова, наслышавшись, что врачи делают прокол плодного пузыря, столовым ножом изрезала всю голову младенцу, так что даже такой знаменитый и ловкий человек, как Липонтий, не мог его спасти, и хорошо, что хоть мать спас. О том...

Печку давно закрыли. Гости мои ушли в свой флигель. Я видел, как некоторое время тускло святилось оконце у Анны Николаевны, потом погасло. Все скрылось. К метели примешался густейший декабрьский вечер, и черная завеса скрыла от меня и небо и землю.

Aufgaben:

Wann und wo findet die Handlung statt? Hat sich die Volksmedizin seit den Zeiten Čechovs verändert?

Was erzählt uns der junge Arzt über die Sitten im russischen Dorf? Wer ist «знахарка»?

In welchem Stil spricht jeder der Helden? Wie werden die Helden über ihre Art zu sprechen charakterisiert?: «диким голосом», «сдобным голосом», «задушенным голосом»?

Wie verstehen Sie das Wort «верста»? Aus welchem Grund existierten in Russland vor der Revolution 1917 - московская, владимирская, коломенская верста?

Finden Sie die Synonyme zu folgenden Berufsbezeichnungen: лекарь, фельдшер, акушерка.

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: чокнуться, пожаловать, принимать лекарство, втирать очки, досконально, умильно, полегчать, рукой сняло, впереводку, горчичники?

Im Text gibt es drei verschiedene Wörter mit der gleichen Wurzel «-баб-»: баба, бабка, бабочка.

Finden Sie diese Wörter und erklären ihre genaue Semantik.

Übersetzen Sie dem Kontext entsprechend die sich wiederholenden Wörter: торжественно, ожесточённо.

Was bedeutete ursprünglich der Begriff «анекдот»?

M.A. Bulgakov

Ägyptische Finsternis¹⁷

Wo ist eigentlich die ganze Welt an meinem Geburtstag? Wo sind Moskaus elektrische Laternen? Die Menschen? Der Himmel? Hinter den Fenstern ist gar nichts! Finsternis... Wir sind von den Menschen abgeschnitten. Die ersten Petroleumlaternen sind am Bahnhof, 10 Werst¹⁸ von uns entfernt. Dort blinkt wahrscheinlich eine Laterne, die unter dem Schneetreiben verreckt. Ein Schnellzug nach Moskau fährt um Mitternacht mit einem Heulen vorbei und hält noch nicht einmal an. Er braucht den vergessenen Bahnhof nicht, vergraben im Schneesturm. Nur falls die Gleise zugeschüttet werden...

Die ersten elektrischen Laternen sind 40 Wersten entfernt, in der Kreisstadt. Dort ist das Leben süß. Dort gibt es Kinos und Geschäfte. Während der Schnee heult und in großen Massen auf den Feldern wütet, könnte auf der Leinwand sich das Schilf wogen und die Palmen wiegen sich hin und her, leuchtet eine tropische Insel. Wir aber sind allein.

«Ägyptische Finsternis», – bemerkte der Fälscher Dem'jan Lukič, ein bisschen den Vorhang anhebend. Er drückt sich gehoben aber treffend aus. Wirklich ägyptisch. «Ich bitte Sie, sich noch ein Gläschen einzuschenken!», - lud ich ihn ein. (Ach verurteilen Sie uns nicht! Ein Arzt, ein Fälscher und

¹⁷ Unter «тьма египетская» ist die biblische Geschichte über die 7 Plagen Ägyptens gemeint.

zwei Hebammen sind doch auch Menschen. Wir sehen ganzen Monate niemanden, außer Hunderten von Kranken. Wir arbeiten, wir sind vergraben im Schnee. Kann es uns denn verboten sein, zwei Gläschen verdünnten Spiritus auf Rezept zu trinken und kreisstädtische Sprotten dazu zu essen - am Geburtstag des Arztes?)

«Auf Ihre Gesundheit, Doktor!» – sagte Dem'jan Lukič aus tiefsten Herzen.

«Wir wünschen Ihnen, dass Sie sich bei uns eingewöhnen!» – sagte Anna Nikolaevna und richtete, während sie anstieß, ihr Festkleid in verschwommenen Farben. Die zweite Hebamme Pelageja Ivanovna stieß an, schlürfte und ging sofort in die Hocke, um mit dem Feuerhaken im Ofen zu wühlen. Heißes Leuchten huschte über unsere Gesichter, in der Brust wurde es wärmer vom Wodka.

«Ich begreife ganz und gar nicht!» – sprach ich aufgeregt auf die Funkenwolke blickend, die sich unter dem Feuerhaken erhob. – «Was dieses Weib mit der Belladonna gemacht hat? Das ist Wahnsinn!»

Lächeln spielte sich auf den Gesichtern des Fälschers und der Hebammen.

Die Sache war folgende: Heute bei der Morgenvisite drängte sich in mein Arztzimmer ein rotwangiges Weiblein von etwa dreißig Jahren. Sie verbeugte sich vor dem gynäkologischen Stuhl, der hinter meinem Rücken stand, danach holte sie aus ihrem Dekolleté ein Flakon heraus und flötete schmeichelnd: «Danke Ihnen Herr Doktor, für die Tropfen. Sie haben geholfen... Erlauben Sie bitte noch ein Gläschen?»

Ich nahm ihr das Flakon aus den Händen, warf einen Blick auf das Etikett und vor meinen Augen wurde es grün. Auf dem Etikett stand mit der breiten Handschrift Dem'jan Lukičs: «Belladonna - Tinktur ...» und so weiter, «16. Dezember 1917» Mit anderen Worten, gestern habe ich dem Weiblein eine Dosis Belladonna verschrieben und heute, an meinem Geburtstag, am 17. Dezember kommt das Weiblein mit dem leeren Flakon und der Bitte, noch einmal einzuschenken.

– Du... da... hast alles gestern eingenommen? – fragte ich mit erstickter Stimme.

– Alles, liebes Väterchen, alles – flötete das Weiblein mit süßlicher Stimme. – Gebe Ihnen Gott viel Gesundheit für die Tropfen... Ein halbes Gläschen nachdem ich zurückgekommen bin und ein halbes Gläschen vor dem Schlafen gehen. Die Krankheit ist wie weggezaubert...

Ich lehnte mich auf dem gynäkologischen Stuhl zurück.

– Wie viele Tropfen habe ich dir gesagt, – begann ich mit erstickter Stimme zu sprechen. – ich habe dir fünf Tropfen... Was machst du denn, Weibchen? Du... Ich...

– Bei Gott, ich habe Sie eingenommen! – sagte das Weib in der Meinung, dass ich ihr nicht traue, dass sie sich mit meinen Belladonna-Tropfen geheilt habe.

¹⁸ Верста – altes russische Längenmass, ca. 1,067 km.

Ich umfasste die rötlichen Wangen mit den Händen und begann ihre Pupillen genau zu betrachten. Aber die Pupillen waren wie Pupillen, ziemlich schön und vollkommen normal, Auch der Puls des Weibes war entzückend. Und ich konnte überhaupt keine Anzeichen einer Belladonna-Vergiftung entdecken. «Das kann nicht wahr sein...» – begann ich und brüllte los: «Dem'jan Lukič!»

Dem'jan Lukič tauchte in weißem Kittel aus dem Apothekenkorridor auf.

– Schauen Sie sich das an, Dem'jan Lukič, was diese Hübsche gemacht hat! Ich verstehe überhaupt nichts.

Das Weib drehte sich erschrocken von einem zum anderen, indem sie begriff, dass sie sich irgendwie schuldig gemacht hatte. Dem'jan Lukič nahm den Flakon an sich, roch an ihm, drehte ihn ein wenig in den Händen und sprach streng:

– Du lügst, meine Liebe, du hast das Medikament nicht eingenommen!

– Bei Gott... – fing das Weib wieder an.

– Weiblein, mach uns nichts vor, – sagte Dem'jan Lukič streng und verzog dabei den Mund. – Wir verstehen alles sehr wohl. Gesteh, wen du mit diesen Tropfen geheilt hast!

Das Weib erhob ihre - normalen - Pupillen zur sauber verputzten Decke und bekreuzigte sich.

– Ich soll verdammt sein...

– Lass es, lass es... – brummelte Dem'jan Lukič und wandte sich zu mir:

– Sie machen es folgendermaßen, Herr Doktor: So eine Schauspielerin besucht ein Krankenhaus, bekommt Arzneimittel verschrieben, kehrt zurück ins Dorf und bewirtet alle Bewohner...

– Um Gotteswillen, Herr Ferschal...

– Lass es! – schnitt der Feldscher ihr das Wort ab. – Ich bin schon das achte Jahr bei euch. Ich weiß Bescheid. Natürlich, hat sie den Flakon durch alle Höfe gehen lassen, – fügte er hinzu.

– Geben Sie, bitte, noch mehr solche Tröpfchen, – bat schmeichelnd das Weib.

– Aber nein, Weiblein, – antwortete ich und wischte mir den Schweiß von der Stirn, – mit diesen Tropfen wirst du dich nicht mehr heilen dürfen. Sind die Bauchschmerzen weniger geworden?

– Geradezu wie weggewischt!

– Das ist ja wunderbar. Ich werde dir andere verschreiben - auch sehr gute.

Ich verschrieb dem Weiblein Baldrian und sie fuhr enttäuscht davon.

Genau über diesen Fall haben wir bei mir in meinem Doktorzimmer an meinem Geburtstag gesprochen, als hinter den Fenstern, wie ein schwerer Vorhang eine ägyptische Finsternis hing.

– Was soll's, – sprach Dem'jan Lukič und kaute wohlgezogen Fischlein in Öl. – Was soll's, wir haben uns schon daran gewöhnt und Sie, lieber Doktor, nach der Universität, nach der Hauptstadt müssen sich noch sehr, sehr arg eingewöhnen. Tiefste Provinz!

– Ach, welche Provinz! – wie das Echo antwortete Anna Nikolajevna

– Haben Sie bereits von Ihrem Vorgänger Leopold gehört? – fing der Feldscher an zu reden, und nachdem er wohlgezogen Anna Nikolajevna eine Zigarette angeboten hatte, zündete er sich selbst eine an.

– Er war ein vorzüglicher Arzt! – fügte Pelageja Ivanovna bewunderungsvoll hinzu, indem sie mit glänzenden Augen in das wohlwollende Feuer hineinschaute. Ein festlicher Kamm mit künstlichen Edelsteinen loderte und erlosch in ihren schwarzen Haaren.

– Ja, er war eine herausragende Persönlichkeit, – unterstützte sie den Feldscher. – Die Bauern beteten ihn im wahrsten Sinne des Wortes an. Er hatte zu jedem den Schlüssel. Sich zu Lipontij auf den OP-Tisch legen – bitte schön! Sie nannten ihn nämlich anstatt Leopold Leopoldovič – Lipontij Lipont’jevič. Sie vertrauten ihm. Tja, und er konnte mit ihnen gut reden. Zum Beispiel, ist einmal sein Kumpel Fjodor Kosoj aus Dul’cevo zu ihm in die Sprechstunde gekommen. «So und so», – meinte er, – «Lipontij Lipont’jič, bei mir ist die Brust belegt, einfach keine Möglichkeit zu atmen. Und außerdem ist es, als ob im Rachen jemand kratzt...»

– Laryngitis, – ließ ich fallen, da ich mich in diesem Monat der Raserei bereits an die blitzschnellen Dorfdiagnosen gewöhnt hatte.

– Ganz genau.

– Und, – sagt Lipontij, – ich werde dir ein Mittel geben. In zwei Tagen wirst du gesund sein. Hier, das sind französische Senfpflaster. Eines klebst du dir auf den Rücken zwischen die Schulterblätter, das andere auf die Brust. Bleib so ca. 10 Minuten und nimm sie ab. Auf jetzt! Tu es!

Der Patient nahm die Senfpflaster und fuhr weg. Nach zwei Tagen erschien er wieder in der Sprechstunde.

– Was ist los? – fragt Lipontij. Und Kosoj entgegnet:

– Was soll das, Lipontij Lipont’jič? Ihre Senfpflaster helfen keineswegs!

– Du lügst! – antwortet Lipontij. – Die französischen Senfpflaster können nicht nicht helfen! Du hast sie ganz bestimmt nicht aufgeklebt?

– Wieso denn nicht aufgeklebt? Einer ist bis jetzt da... – Dabei dreht er sich mit dem Rücken zum Arzt. Das Senfpflaster klebt noch bei ihm auf dem Bauernpelz.

Ich fing an laut zu lachen. Pelageja Ivanovna kicherte und begann mit dem Feuerhaken kräftig gegen den Holzklotz zu schlagen.

– Wie Sie wollen, aber das ist eine Anekdote, – sagte ich. – Das kann doch nicht wahr sein.

– Eine Anekdote?! – riefen einstimmig die Hebammen aus.

– Oh nein, – schrie erbittert der Feldscher auf. – Bei uns, wissen Sie, besteht das ganze Leben aus solchen Anekdoten... Bei uns geschehen solche Sachen...

– Und Zucker?! – stieß Anna Nikolajevna hervor. – Erzählen Sie über Zucker, Pelageja Ivanovna!

Pelageja Ivanovna schloss die Ofenklappen, schaute verlegen auf den Boden und begann zu erzählen:

– Komme ich eines Tages in das dasselbe Dul’cevo zu einer Kreißenden...

– Dieses Dul’cevo ist ein berühmter Ort, – konnte sich der Feldscher nicht zurückhalten und fügte hinzu. – Entschuldigen Sie, mein Fehler! Bitte, fahren Sie fort, Kollegin!

– Also, wie üblich, untersuche ich sie, – fuhr die Kollegin Pelageja Ivanovna fort, – und spüre unter der Zunge im Gebärmutterkanal etwas Unklares... teilweise krümelig, teilweise in Stückchen... Es erwies sich später als raffinierter Zucker!

– Na, sehen Sie, Ihre Anekdote, – triumphierend merkte Dem’jan Lukič an.

– Erlauben Sie... ich verstehe überhaupt nichts...

– Eine Laienhelferin! – erwiderte Pelageja Ivanovna. – Eine Kurpfuscherin hat es ihnen beigebracht. «Die Geburt», – sagte sie, – «ist bei dem Weib schwer. Das Kind will an das Gotteslicht nicht heraustreten. Das heißt: man muss es herauslocken». Und gesagt – getan, lockten sie es mit Süßem heraus!

Die Augen beider Hebammen glänzten vor Erinnerungen. Wir saßen lange am Feuer beim Tee und ich hörte wie verzaubert zu. Davon, dass wenn man eine Kreißende aus dem Dorf zu uns ins Krankenhaus bringen soll, Pelageja Ivanovna ihren Schlitten immer ganz hinten fahren lässt: Um Gotteswillen überlegen es sich [die Angehörigen] unterwegs anders und geben das Weib in die Hände der Laienhelferin zurück. Davon, wie man einmal eine Kreißende, bei der das Kind falsch lag (damit das Kleine sich drehte), mit den Füßen an die Decke hängte. Davon, wie eine Laienhelferin aus Korobov, nachdem sie mehrmals gehört hatte, wie die Ärzte die Fruchtblase durchstehen, den ganzen Kopf eines Kindes mit dem Brotmesser schnitt, so, dass sogar ein bekannter und geschickter Mensch wie Lipontij dem Kleinen nicht mehr helfen konnte und wenigstens der Mutter das Leben rettete. Davon...

Der Ofen wurde schon längst geschlossen, meine Gäste waren in ihren Flügel gegangen. Ich sah, wie einige Minuten benebelt das Fensterchen bei Anna Nikolajevna leuchtete und danach erlosch. Alles verschwand. Zum Schneetreiben mischte sich ein dickflüssiger Dezemberabend und der schwarze Vorhang versteckte vor mir Himmel und Erde.

К. Грейдина

На приёме у врача

В кабинете идёт приём. Врач — молодая женщина. Пациент — пожилой инженер.

В р а ч. На что жалуется?

П а ц и е н т. Доктор! Я страдаю той формой радикулита, которую неправильно называют ишиасом.

В р а ч (удивлённо). Что-что?

П а ц и е н т. Чтобы исключить у меня заболевание мышц, следует знать, что при этом заболевании типичные для радикулита симптомы бóльшей частью отсутствуют.

Врач машинально берёт ручку и начинает писать.

В р а ч. Не могли бы Вы говорить чуть-чуть порéже, а то я не успеваю записывать.

П а ц и е н т. Отчего же, извольте. Итак, продолжаю. В постели я стремлюсь лежать на здоровой стороне, что также очень типично... А если исследовать меня, то можно найти изменение чувствительности. Разрешите продемонстрировать. *(Не дожидаясь разрешения, ложится на кушётку, поднимает ногу и громко вскрикивает.)*

С широко открытыми глазами врач слушает эту лекцию.

В р а ч (осторожно). Так чем же Вас лечить?

П а ц и е н т. Я думаю, доктор, что из наружных средств следует рекомендовать горчичники, их нужно ставить по хóду нёрва. Бάνки и тепло на поясничную óбласть. А также можно гальванизацию или паровóй душ.

В р а ч. Может быть, мне тоже свой радикулит полечить горчичниками?

П а ц и е н т. Уверяю Вас, имеет смысл. Ещё могу посоветовать парафин.

В р а ч. Зачем же Вы пришли ко мне? Вы и без меня прекрасно во всём разбираетесь!

П а ц и е н т. Ну, не так уж прекрасно! Посоветоваться никогда не мешает. До свидания, доктор! Так Вы попробуйте горчичники и парафин!

В р а ч. Непремéнно! Непремéнно...

Aufgaben:

Könnten Sie sich solche Situation bei Ihrem Hausarzt in Deutschland vorstellen? Versuchen Sie, Ihre Meinung zu argumentieren.

Welche Wörter und Redewendungen waren für Sie besonders schwer zu übersetzen? Warum? Zu welchem Stil gehören diese?

Weshalb stellt sich der alte Patient als ein gebildeter Mediziner heraus?

Versuchen Sie mit der Hilfe des Textes folgende Volksweisheit zu erklären: Нужда – лучший учитель.

K. Grejdina

In der Sprechstunde beim Arzt

Im Arztzimmer findet eine Sprechstunde statt. Der Arzt – eine junge Frau. Der Patient – ein bejahrter Ingenieur.

Ä r z t i n: Was fehlt Ihnen denn?

P a t i e n t: Frau Doktor, ich leide unter jener Form von Hexenschuss, die man
fälschlicherweise als Ischias bezeichnet.

Ä r z t i n (erstaunt): Wie bitte?

P a t i e n t: Um bei mir eine Muskelerkrankung auszuschließen, muss man wissen, dass
bei dieser Erkrankung die für den Hexenschuss typischen Symptome größtenteils nicht
auftreten.

Die Ärztin nimmt mechanisch einen Kugelschreiber und beginnt zu schreiben.

Ä r z t i n: Könnten Sie nicht ein kleines bisschen langsamer sprechen, ich komme nämlich mit
dem Schreiben nicht mit.

P a t i e n t: Warum denn nicht, bitte schön. Ich fahre also fort.

Im Bett versuche ich immer auf der gesunden Seite zu liegen, was ebenfalls sehr
typisch ist. Und wenn man mich untersuchen würde, so würde man
Empfindungsveränderungen feststellen. Erlauben Sie, dass ich das demonstriere.
*(Ohne die Erlaubnis abzuwarten legt er sich auf die Liege, hebt ein Bein und
schreit laut auf.)*

Mit weit geöffneten Augen hört die Ärztin dieser Vorlesung zu.

Ä r z t i n (vorsichtig): Und womit soll man Sie heilen?

P a t i e n t: Ich denke, Frau Doktor, dass man von den äußerlich anzuwendenden Mitteln Senfpflaster,
die man den Nerv entlang auflegen muss, empfehlen sollte. Dann: Schröpfköpfe und Wärme um die
Taille herum. Ebenso möglich sind Galvanotherapie und Dampfbad.

Ä r z t i n: Vielleicht sollte ich meinen Hexenschuss auch mit Senfpflastern behandeln?

P a t i e n t: Ich versichere Ihnen, das ist durchaus sinnvoll. Außerdem kann ich noch Fango
empfehlen.

Ä r z t i n: Warum sind Sie denn zu mir gekommen? Sie kennen sich ja auch ohne mich
mit allem vortrefflich aus!

P a t i e n t: Nun, ganz so gut auch wieder nicht! Sich mit jemandem zu beraten - schadet nie.

Auf Wiedersehen, Frau Doktor! Und versuchen Sie es mit Senfpflastern und Fango!

Ä r z t i n: Unbedingt! Unbedingt...

А. Фединец

Со мною что-то происходит

Нет, со мною определённо что-то происходит.

Утром не могу проснуться. Принимаю таблетку кофеина. Не помогает. Принимаю вторую... Кое-как голова проясняется, встаю. Иду на работу. Сажу. Чувствую какое-то возбуждение. Принимаю таблетку успокоительного — не помогает. Принимаю вторую. Чувствую — клонит ко сну. Выпиваю чашку чёрного кофе. Не помогает. Выпиваю ещё чашку. Начинаю приходить в себя.

Обед — нет аппетита. Принимаю капли. Ем. Хочется есть ещё. Ем ещё. После обеда клонит ко сну. Пью кофе. Одну чашку, потом вторую. Сон проходит.

Вечером ужинаю, ложусь спать. Хочется почитать, но глаза слипаются. Принимаю кофеин — две таблетки. Как будто лучше. Спать не хочется. Лежу, читаю.

Час ночи — читаю.

Два — читаю.

Три — читаю.

Надо бы спать. Что делать? Принимаю снотворное. Одну таблетку, потом вторую. Кое-как засыпаю. А утром никак не могу проснуться.

Нет, со мной определённо что-то происходит.

Aufgaben:

Was «geschieht» mit dem Erzähler und welchen medizinischen Rat braucht er?

Stellen Sie sich vor, dass der Erzähler zu Ihnen gekommen ist, um Hilfe zu suchen: Wie würde Ihr Dialog in Deutschland und in Russland aussehen?

Suchen Sie im Text russische Äquivalente: Tropfen einnehmen, das Beruhigungsmittel, das Schlafmittel, zu sich kommen.

A. Fedinec

Mit mir geschieht etwas

Nein, mit mir geschieht etwas.

Morgens kann ich nicht aufwachen. Ich nehme eine Koffeintablette ein. Hilft nicht. Ich nehme eine zweite... Irgendwie klart sich mein Kopf auf, ich stehe auf. Gehe zur Arbeit. Sitze. Fühle eine unbestimmte Erregtheit. Schlucke eine Beruhigungstablette — hilft nicht. Schlucke eine zweite. Fühle, wie ich schläfrig werde. Trinke eine Tasse schwarzen Kaffee. Hilft nicht. Trinke noch eine Tasse. Komme allmählich zu mir.

Mittagessen — habe keinen Appetit. Nehme Tropfen. Esse. Verlangt mich danach, noch mehr zu essen. Esse mehr. Nach dem Mittagessen werde ich schläfrig. Trinke Kaffee. Eine Tasse, dann eine zweite. Die Schläfrigkeit geht vorbei.

Abends esse ich zu Abend, lege mich schlafen. Möchte gerne ein bisschen lesen, aber die Augen fallen mir zu. Nehme Koffein — zwei Tabletten. Es ist scheinbar besser. Bin nicht schläfrig. Ich liege da, lese.

Ein Uhr nachts — ich lese.

Zwei Uhr — ich lese.

Drei Uhr — ich lese.

Man müsste schlafen. Was tun? Nehme Schlafmittel. Eine Tablette, dann eine zweite. Irgendwie schlafe ich ein.

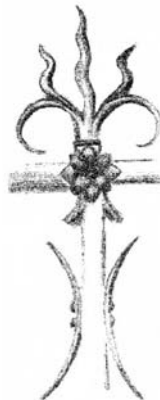
Und morgens kann ich kaum aufwachen.

Nein, mit mir geht ganz bestimmt etwas vor.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Wie werden die Ärzte in Russland ausgebildet? Wie sah die Arbeit eines Dorfarztes im 19. Jahrhundert/zu Beginn des 20. Jahrhunderts aus? Wie sieht diese heute aus? Welche russischen Ärzte kennen Sie? In welcher Beziehung stehen russische Ärzte und der Staat zueinander?

2. Welcher der berühmten Schriftsteller Russlands arbeitete als Arzt? In welchen Romanen und Erzählungen wird das Dasein eines Arztes vor 1917, während des 1. Weltkrieges und des Bürgerkrieges in Russland bzw. während des 2. Weltkrieges beschrieben?

Alltägliches Nicht-Dasein

А.П. Чехов

Специалисты в бане

— Когда я гляжу на этих людей, мне кажется, что я у себя в мертвёцкой.

— А мне кажется, что всё это — натурщики.

A.P. Čechov

Spezialisten in der Banja

— Wenn ich all die Menschen betrachte, schein es mir, dass ich im Leichenschauhaus bin.

— Und mir scheint es, dass sie alle die Modelle sind.

А.П. Чехов

Самая бедная бедность

— Пошёл бы по́ миру, да подходящего костюма нет!

A.P. Čechov

Besonders arme Armut

— Ich wäre in die Welt zum Betteln gegangen, aber ich habe keinen passenden Anzug!

С. АЛЬТОВ

Спасибо

Это был удивительный остров. На острове жили удивительные люди. Между ними были удивительные отношения. На острове было всё, что вашей душе угодно. Причём столько, что всем всего хватало. Поэтому на острове ни у кого не было денег. А зачем деньги, когда всё и так есть? Пожалуйста! Только и слышно с утра до вечера: «спасибо», «пожалуйста»... Представляете?

Подходит человек, у которого нет бананов, к другому, у которого бананы, и говорит:

— Будьте добры! Мне пять бананов, получше, если можно.

Второй ему отвечает:

— А плохих у меня нет. Кому они нужны, плохие? Вот Вам десять бананов. Ешьте на здоровье!

— Замечательные бананы! Большое спасибо!

— Что значит — «большое спасибо»?

— Вы дали мне десять бананов вместо пяти, вот я и говорю «большое спасибо»!

— Побойтесь Бога! Вам вместо пяти дали десять бананов. Тут одним «спасибо» не отделаешься.

— Одного искреннего «спасибо» вполне достаточно.

— За десять бананов одно «спасибо»?

— А сколько же «спасибов» Вы за это хотите?

— Тридцать!

— Совесть есть? За десять бананов тридцать «спасибов»?!

— У меня десяток бананов идёт за тридцать «спасибов»! Не хотите — не берите!

— Двадцать!

— Тридцать! И не торгуйтесь. Бананчики один к одному! Вчера брали по тридцать пять «спасибов», а я Вам за тридцать отдаю, исключительно из расположения к Вам.

— Хорошо! Чтобы Вам сделать приятное! Я Вам — тридцать «спасибов», а Вы за это — сорок «пожалуйстов».

— Сколько?! Радость моя, Вы горячитесь! Право же, я вынужден буду с болью забрать бананы обратно.

— Мне искренне жаль, что так получилось. Я, с Вашего позволения, лучше за три небольших «спасибо» возьму ананасов за углом. Надеюсь, я Вас не обижу этим?

— Глупости какие! Ради Бога! Только, если не затруднит, подавитесь этими ананасами.

Пожалуйста!

— Спасибо! А я от всей души, поверьте, от всего сердца желаю, чтобы Ваши замечательные бананы застряли в Вашем изумительном горле. Того же самого хочется пожелать и Вашим маме и папе. И всей Вашей роднё.

— Благодарю. Вы так трогательно обо всех вспомнили. Дай Бог, чтобы ананасы Вашим деткам вышли бо́ком!

— Спасибо!

— Пожалуйста...

Вот такой удивительный остров! Кругом только и слышно: «спасибо», «пожалуйста»...

Aufgaben:

Was wissen Sie über den Handel in der Sowjetunion, speziell in den 70er und 80-er Jahren? Woher kamen die folgenden Redewendungen: Продавец – друг человека? Достать что-либо из-под прилавка?

Wie entstand das Wort «спасибо» und welche Bedeutung hatte es in Russland vor 1917? Warum sagt man noch heute: «Благодарность дороже денег»? Versuchen Sie die etymologische Analyse des Wortes «благодарить» durchzuführen.

Könnte so eine «sonderbare Insel» sich auch in Europa befinden?

Welchen Traum des russischen Volkes versucht der Autor in dieser Erzählung zu verbildlichen? Kennen Sie die folgende Aussage: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям»? Woher stammt sie?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: что душе угодно, застрять в горле, выйти боком, горячиться?

S. Al'tov

Danke

Das war eine sonderbare Insel. Auf der Insel lebten sonderbare Menschen. Unter ihnen waren sonderbare Beziehungen. Auf der Insel gab es alles, was die Seele begehrt. Übrigens soviel, das für alle alles ausreichte. Deshalb hatte niemand auf der Insel Geld. Und wozu braucht man Geld, wenn es alles gibt? Bitte! Hört man nur von Morgen bis Abend: «danke», «bitte»... Können Sie sich das vorstellen?

Es tritt ein Mensch heran, der keine Bananen hat, zu einem anderen, der Bananen hat, und sagt:

— Seien Sie bitte so nett! Ich brauche fünf Bananen, von den besseren, wenn es geht.

Der Zweite antwortet:

- Ich habe keine schlechten. Wer braucht die schlechten? Hier haben Sie zehn Bananen. Essen Sie zum Wohl!
- Wunderbare Bananen! Vielen Dank!
- Was heißt — «vielen Dank»?
- Sie haben mir zehn Bananen statt fünf gegeben, und so sage ich «vielen Dank»!
- Fürchten Sie Gott! Ihnen hat man statt fünf - zehn Bananen gegeben. Hier kommt man mit einem «danke» nicht davon.
- Ein ehrliches «danke» reicht völlig aus.
- Für zehn Bananen ein «danke»?
- Ja, wie viele «danke» wollen Sie denn dafür?
- Dreißig!
- Haben Sie ein Gewissen? Für zehn Bananen dreißig «danke»?!
- Bei mir gibt es ein Dutzend Bananen für dreißig «danke»! Wenn Sie nicht wollen — brauchen Sie sie nicht nehmen!
- Zwanzig!
- Dreißig! Und feilschen Sie nicht. Die Bananen sind eins zu eins! Gestern hat man sie für fünfunddreißig «danke» genommen, und ich gebe sie Ihnen für dreißig weg, ausschließlich aus Zuneigung zu Ihnen.
- Gut! Um Ihnen etwas Nettes zu tun! Ich gebe Ihnen — dreißig «danke», und Sie dafür — vierzig «bitte».
- Wie viel?! Meine Liebe, Ihr Gemüt ist erhitzt! In Wahrheit, ich werde gezwungen sein unter Schmerz die Bananen zurückzunehmen.
- Es tut mir ehrlich leid, dass das so gekommen ist. Ich, mit Ihrer Erlaubnis, nehme besser für drei nicht sehr große «danke» Ananas um die Ecke. Ich hoffe, dass ich Sie damit nicht beleidige?
- Was für Unsinn! Um Gotteswillen! Nur, wenn es Ihnen keine Mühe macht, ersticken Sie an diesen Ananas. Bitte!
- Danke! Und ich aus ganzer Seele, glauben Sie mir, aus ganzem Herzen wünsche, dass Ihre wunderbaren Bananen in Ihrem wundervollen Hals stecken bleiben. Dasselbe möchte ich Ihrem Vater und Ihrer Mutter wünschen. Und Ihrer ganzen Verwandtschaft.
- Ich bedanke mich. Sie haben so rührend sich an alle erinnert. Gib Gott, das die Annanas Ihren Kindern schlecht bekommt!
- Danke!
- Bitte...

So eine sonderbare Insel! Überall hört man nur: «danke», «bitte»...

В. Верижников

Обои

Обычно Анастасия заканчивала оклеивать свою комнату обоями в десять вечера. Отклеиваться же они начинали с одиннадцати. Отклеивались обои в течение всей ночи, а к утру уже лежали на полу, свёрнутые в рулончики. По выходным Анастасия кончала оклейку к двенадцати дня, а отклеивались обои к шести вечера, так что она успевала проделать эту работу во второй раз. Так продолжалось много месяцев. Анастасия очень привыкла к своему занятию и уже не представляла без него свободного времени.

Однажды ее сослуживец Валентин поинтересовался:

— Настенька, Вы за меня не сделаете вечерком кое-какие расчёты?

— Я занята сегодня, — ответила Анастасия. — Клею у себя обои.

— А завтра?

— Тоже клею обои.

— А в воскресенье?

— И в воскресенье.

— Несравнённая Вы моя! Давайте-ка я Вам помогу! Бог с ними, с расчётами...

Придя к Анастасии, Валентин был слегка шокирован.

— Это всего восемь метров? М-да...

— Но они отклеиваются, — грустно произнесла Анастасия. — А я их всё равно приклеиваю и приклею когда-нибудь.

— Я это... — замялся Валентин. — Вспомнил, что забыл про это... Короче, мне надо идти.

И он ушёл. Но на лестнице вдруг остановился и задумался: «А ведь она трудолюбивая. И упорная. Ещё какая упорная! И порядок любит. Да и почему её некрасивой считают?». Он ещё немного потоптался и пошёл обратно.

— Слушайте, Настенька, — сказал он. — У Вас ведь не только обои не клеятся, а и личная жизнь. Так почему бы нам не соединить наши биографии? Слово, Вы меня поняли. Согласны?

Анастасия кивнула.

Вскоре справили свадьбу. Стены в комнате сверкали свежей масляной краской.

Aufgaben:

Was haben Sie aus dem Text über das Leben der Sowjetbürger erfahren? Versuchen Sie mit der Hilfe des Dozenten, diese Geschichte weiter zu schreiben. Beschreiben Sie die Wohnung der Heldin, ihren Arbeitsplatz und ihren Alltag.

Was bedeuten folgende Redewendungen: Бог с ними, жизнь не клеится, справить свадьбу?

Nennen Sie Gründe, weshalb solch eine Geschichte nie in Deutschland stattfinden könnte.

V. Verižnikov

Die Tapeten

Normalerweise beendete Anastasija das Tapezieren ihres Zimmers um zehn Uhr abends. Ab elf begannen die Tapeten, sich zu lösen. Sie lösten sich im Laufe der ganzen Nacht ab, und gegen Morgen lagen sie zusammengerollt auf dem Boden. An den Wochenenden beendete Anastasija das Tapezieren gegen zwölf Uhr mittags und die Tapeten lösten sich gegen sechs Uhr abends, sodass sie es rechtzeitig schaffte, diese Arbeit zum zweiten Mal zu machen. So ging es über viele Monate. Anastasija hat sich sehr an ihre Beschäftigung gewöhnt und konnte sich ihre Freizeit schon nicht mehr ohne vorstellen. Eines Tages interessierte sich ihr Arbeitskollege Valentin:

— Nasten´ka, könnten Sie nicht am Abend für mich einige Berechnungen machen?

— Ich bin heute beschäftigt, — antwortete Anastasija. — Ich klebe Tapeten.

— Und morgen?

— Klebe ich auch Tapeten.

— Und am Sonntag?

— Und am Sonntag.

— Sie, meine Unvergleichliche! Kommen Sie, ich helfe Ihnen! Gott sei mit den Berechnungen...

Nachdem er zu Anastasija gekommen ist, war Valentin leicht schockiert.

— Das sind doch nur acht Meter? Hmmm-ja...

— Aber sie lösen sich ab, — entgegnete Anastasija traurig. — Aber ich klebe sie trotzdem an und werde sie irgendwann daran festkleben.

— Ich ... — Valentin wurde verlegen. — Mir ist eingefallen, dass ich etwas vergessen habe ... Kurz, ich muss gehen.

Und er ging weg. Aber auf der Treppe blieb er plötzlich stehen und dachte nach: «Aber sie ist fleißig. Und hartnäckig. Und wie hartnäckig! Und sie liebt Ordnung. Und warum hält man sie für nicht hübsch?» Er trat noch ein wenig auf der Stelle und ging zurück.

— Hören Sie, Nasten'ka, — sagte er. — Bei Ihnen kleben ja nicht nur die Tapeten nicht, sondern auch das eigene Leben. Warum sollten wir nicht unsere Biographien vereinigen? Kurz gesagt, Sie haben mich verstanden. Sind Sie einverstanden?

Anastasija nickte.

Schon bald wurde Hochzeit gefeiert. Die Wände des Zimmers glänzten in frischer Ölfarbe.

В. Верижников

Мой увлекающийся муж

Зовут меня Капитолина Андреевна, но речь пойдёт не обо мне, а о моём муже. Такой уж у него характер: допроситься, чтобы помог по хозяйству, довольно трудно. Но если возьмётся, — так увлечётся, что и остановиться не может.

Взялся он как-то пол в кухне покрасить. Я решила по магазинам пройтись, чтобы ему не мешать. Иду обратно, смотрю: кто это асфальт красит? Подхожу ближе — а это мой мужёнок! — Валериán, как это понимать? — трогаю его за плечо.

— А? — огляделся он. — Это уже тротуár? То-то я смотрю, пол такой пошёл — уступами, уступами... А ты сама виновата: почему входную дверь не закрыла?

Или раз картошку я ему поручила почистить и сварить. Прихожу на кухню, кастрюлю открываю — что-то не то.

— Валериán, как это понимать? — говорю.— Я ведь не горóх просила сварить, а картошку.

— Это и есть картошка, — отвечает виновато. — Просто я, когда чистил, увлёлся.

А один раз доверила я ему ответственное дело — клубнику законсервировать. Прихожу, смотрю — он уже двадцать семь бáнок сделал и двадцать восьмую докручивает.

— Валериán, как это понимать? Ведь клубники было только на девять банок.

— Увлёлся, — развóдит руками.

Одну из бáнок посмотрела — бáтюшки! Брюква в ней плавает, крупá, пряники... Всё законсервировал!

А последнее поручение... Ох! Была у меня в гостях знакомая и засиделась до полúночи. Одна боится из дому выходить.

— Валериán, — говорю, — проводи Клáвдию до метро.

Пошёл. А через год встречаю их на улице: он колясочку перед собой толкает и виновато так улыбается.

— Не знаю, как и получилось. Увлёлся.

Aufgaben:

Der Text wurde in den 80-er Jahren in der Sowjetunion verfasst. Kann man sagen, dass der Autor sog. «Gender-Probleme» angesprochen hat? Wie hat sich das Verhältnis zwischen der «starken» und «schwachen» Hälfte der Menschheit in Russland seit dem 19. Jh. verändert? Bereiten Sie ein kurzes Referat zu diesem Thema vor.

Welche Arbeit wird in Russland normalerweise von der Frau und welche vom Mann verrichtet? Kann man hier über Frauen- und Männerberufe und –pflichten sprechen?

Welche russischen Schriftsteller haben den Prozess der Emanzipation beschrieben?

Was bedeuten folgende Redewendungen: *речь идёт, помочь по хозяйству, закручивать банки?*

Welche Bedeutungen hat das Wort «увлекаться»?

V. Verižnikov

Mein hinreißender Ehemann

Mein Name ist Kapitolina Andreevna, aber die Rede wird nicht über mich sein, sondern über meinen Ehemann. Er hat so einen Charakter: Zu erbetteln, dass er im Haushalt hilft, ist ziemlich schwer. Aber wenn er anfängt, — wird er so hingerissen, dass er nicht aufhören kann.

Eines Tages hat er begonnen, den Boden in der Küche zu streichen. Ich habe beschlossen - einkaufen zu gehen, um ihn nicht zu stören. Ich gehe zurück und - wer streicht da den Asphalt? Ich komme näher – und das ist mein Männlein!

— Valerian, wie soll man das verstehen? — ich berühre ihn an der Schulter.

— Ach? — er schaute sich um. — Das ist schon der Gehweg? Deshalb hat sich der Boden so verändert, mit Abstufung und Abstufung... Aber du bist selbst schuld: Warum hast du die Eingangstür nicht zugemacht?

Oder einmal habe ich ihn beauftragt, Kartoffeln zu schälen und zu kochen. Ich komme in die Küche, öffne den Topf — etwas stimmt nicht.

— Valerian, wie soll man das verstehen? — sage ich. — Ich habe doch gebeten nicht Erbsen, sondern Kartoffeln zu kochen.

— Das sind auch Kartoffeln, — antwortet er schuldbewusst. — Ich habe mich einfach dazu hinreißen lassen - sie zu schälen.

Und einmal habe ich ihm eine verantwortungsvolle Aufgabe anvertraut — Erdbeeren einmachen. Ich komme zurück, schaue — er hat schon siebenundzwanzig Dosen gemacht und verschließt gerade die achtundzwanzigste.

— Valerian, wie soll man das verstehen? Es gab doch nur Erdbeeren für neun Dosen.

— Ich habe mich hinreißen lassen, — er zuckt mit den Achseln.

Ich schaute eine der Dosen an. Ach, du Lieber Gott! Da schwimmen Kohlrüben, Weizen, Kekse... Er hat einfach alles eingemacht!

Und die letzte Aufgabe... Oh! Bei mir zu Besuch war eine Bekannte und sie ist länger geblieben - bis Mitternacht.

Sie hat Angst, alleine aus dem Haus zu gehen.

— Valerian, — sage ich, — begleite Klaudia zur Metro.

Er ging. Und nach einem Jahr treffe ich die beiden auf der Straße: Er schiebt einen Kinderwagen vor sich her und lächelt schuldbewusst.

— Ich weiß nicht, wie das gekommen ist. Habe mich hinreißen lassen.

К. Мелихан

01

Не знаю, как на Вашей АТС, а на нашей никогда не предугадаешь, какой она выкинет номер. Звонишь, например, в прачечную, а попадаешь в типографию. Или звонишь в столовую, а попадаешь в больницу.

Вот как-то вечером прибегает ко мне соседка.

— Звоните, — кричит, — скорей 01! У нас пожар!

Я звоню 01. Снимают на том конце трубку, и вдруг я узнаю голос своего директора.

— Ой, — говорю, — извините! Я не туда попал.

Кладу трубку и снова набираю 01. И снова на своего директора попадаю.

Он говорит:

— Что-нибудь случилось, Орлов?

Я говорю:

— Да. Случилось. Но Вас это не касается.

Он говорит:

— Почему же Вы тогда мне звоните?

Я говорю:

— По телефону.

Он трубку повесил. А я снова звоню 01. И снова на своего директора нарываюсь.

Он говорит:

— Вы, Орлов, хорошенько проспите, а завтра зайдите в мой кабинет. — И кладёт трубку.

Я дрожащей рукой, медленно и старательно набираю 01.

Директор говорит:

— Вы меня уже четвёртый раз с постели поднимаете!

Тут я не выдержал.

— А Вы, — говорю, — не снимайте трубки, когда не Вам звонят!

Он говорит:

— А кому же Вы, интересно, тогда звоните? Тут со мной рядом только моя жена.

Я говорю:

— Я 01 звоню. У нас здесь пожар.

Он говорит:

— Ну, этого и следовало ожидать. Слава Богу, у вас там до драки ещё не дошло.

И вешает трубку.

Тут вбегает ко мне соседка и кричит:

— Что же Вы 01 не звоните?!

— Я,— говорю,— звоню 01, а попадаю на своего директора.

Она говорит:

— Ну тогда звоните своему директору — попадёте на 01.

Я уже специально звоню своему директору.

Он говорит:

— Вы чем там 01 набираете?

Я говорю:

— Да сейчас я уже не 01 набирал, а специально Ваш телефон.

Он говорит:

— Да это я уже давно понял.

И повесил трубку. Соседка говорит:

— Тоже мне — настоящий мужчина! Не можете правильно 01 набрать!

И сама набирает 01.

И тут я слышу, что она говорит:

— Нет, — говорит. — Орлов мне никто. Я просто его знакомая.

Я хватаю у неё из рук трубку и кричу:

— Я не виноват, товарищ директор! Девушка сама захотела Вам позвонить. Потому что я не настоящий мужчина.

И тут я слышу из трубки:

— Я Вам не товарищ директор. Я его жена.

Я говорю:

— А Вы откуда говорите?

Она говорит:

— Я-то из дóма. А вот откуда эта... «пожарница» узнала наш номер телефона?!

— Так его,— говорю,— все знают.

Она говорит:

— Большое Вам спасибо, товарищ Орлов, что Вы мне позвонили!

Я говорю:

— Пожалуйста. Если надо, я могу еще позвонить.

Она говорит:

— Не стоит. А товарищ директор сейчас к Вам приедет. Вещи только свои соберёт.— И кладёт трубку.

Я говорю соседке:

— Сейчас приедут. Всё нормально.

Она говорит:

— Поздно! Пожар уже поту́х. Сам собо́й. Звоните, чтоб не приезжали.

Я звоню жене директора.

Зáспанный голос из трубки отвечает:

— Дежурный диспетчер пожарной охраны слушает.

— Я, — говорю, — звоню не вам, а жене своего директора.

Они говорят:

— По какому а́дресу?

Я называю а́дрес директора.

Они говорят:

— Через минуту будем.

Через две минуты мне позвонили директор с женой и спросили:

— Это милиция?

Я взглянул на часы и ответил:

— 3 часа 1 мину́та... 3 часа 1 мину́та...

Aufgaben:

Befragen Sie Ihren Dozenten: Wie funktionierte Telefonvermittlung in der Sowjetunion? Wie hat sich die Situation seit 1990 verändert?

Was bedeutet «Lesen (und Schreiben) zwischen den Zeilen»? Warum war diese Praxis in der Sowjetunion besonders in 70er und 80er Jahren verbreitet? Welchen Zusammenhang sehen Sie zwischen: прачечная und типография, столовая und больница? Fragen Sie einen russischen Muttersprachler.

Ersetzen Sie das Verb «говорить» durch andere (zum Kontext passende) Verben (отвечать, спрашивать, интересоваться, кричать u.s.w.).

Was bedeuten folgende Abkürzungen und Redewendungen: АТС, выкинуть номер, нарваться на директора, проспаться, снимать и класть трубку, поднимать с постели, доходить до драки?

K. Melichan

01

Ich weiß nicht, wie es bei Ihrer Telefonvermittlung zugeht, aber bei unserer kann man nicht vorausahnen, welche Nummer sie auswirft¹⁹. Ruft man zum Beispiel die Wäscherei an, so gelangt man zur Druckerei. Oder man ruft die Mensa an, aber gelangt zum Krankenhaus.

Eines Abends kommt zu mir meine Nachbarin angerannt.

— Rufen Sie, — schreit sie, — schnell 01 an! Bei uns brennt's!

Ich wähle schnell 01. Am anderen Ende nimmt jemand den Hörer ab und ich erkenne plötzlich die Stimme meines Direktors.

— Oh, entschuldigen Sie! — sage ich. — Ich habe mich verwählt.

Ich lege den Hörer auf und wähle wieder 01. Wieder gelange ich zu meinem Direktor.

— Ist etwas passiert, Orlov? — fragt er.

— Ja, es ist etwas passiert. Aber Sie geht es nichts an, antworte ich.

Er fragt:

— Warum²⁰ rufen Sie dann mich an?

Ich antworte:

— Mit dem Telefon!

Er hängt den Hörer auf. Ich wähle wieder 01. Und wieder gelange ich zu meinem Direktor. Er sagt:

— Hören Sie, Orlov, schlafen Sie sich gut aus. Und morgen kommen Sie in mein Büro, – er legt den Hörer auf.

Mit zitternder Hand wähle ich langsam und sorgfältig 01.

¹⁹ «Выкинуть номер» hat im Russischen zwei Bedeutungen: «Zahl auswerfen» (im Lotto) oder «dummer Streik, Scherz machen».

²⁰ Auf Russisch werden «по чему» (womit) und «почему» (warum) gleich ausgesprochen.

Der Direktor sagt:

— Sie holen mich schon zum vierten Mal aus dem Bett!

In diesem Moment halte ich nicht aus:

— Und Sie, — sage ich, — heben Sie nicht den Hörer ab, wenn man nicht Sie anruft.

Er sagt:

— Interessant! Sagen Sie, wen rufen Sie dann an? Hier ist nur noch meine Frau.

Ich sage:

— Ich rufe 01 an. Bei uns brennt es.

Er sagt:

— Na, mit so was hätte man rechnen müssen. Gott sei Dank, ist es bei euch noch nicht zu einer Schlägerei gekommen, — und legt den Hörer auf.

In diesem Augenblick kommt meine Nachbarin angelaufen und schreit:

— Warum rufen Sie 01 nicht an?

— Doch, — sage ich, — aber ich gelange immer zu meinem Direktor.

Sie sagt:

— Rufen Sie Ihren Direktor an, dann werden Sie schon bei 01 herauskommen.

Nun rufe ich bewusst meinen Direktor an. Er sagt:

— Womit wählen Sie dort 01?

— Jetzt, — sage ich, — habe ich nicht 01 gewählt, sondern extra Ihre Nummer.

Er sagt:

— Das habe ich schon längst begriffen.

Er legt auf.

— Das ist ja ein richtiger Mann! — sagt die Nachbarin. — Kann nicht einmal richtig 01 wählen.

Nun wählt sie 01. Ich höre, wie sie sagt:

— Nein, ich stehe in keiner Beziehung zu Orlov. Ich bin einfach seine Bekannte.

Ich reiße ihr den Hörer aus der Hand und schreie:

— Ich bin nicht schuld, Genosse Direktor! Das Fräulein wollte Sie selbst anrufen, weil ich kein richtiger Mann bin.

In diesem Augenblick vernehme ich aus dem Hörer:

— Ich bin nicht der Genosse Direktor. Ich bin seine Frau.

— Woher sprechen Sie? — frage ich.

Sie sagt:

— Ich spreche von Zuhause aus. Aber woher hat dieses Feuerwehrweib unsere Telefonnummer erfahren?

— Die kennen doch alle, — sage ich.

Sie sagt:

— Haben Sie vielen Dank, Genosse Orlov, dass Sie mich angerufen haben.

Ich sage:

— Gern geschehen. Wenn es nötig ist, kann ich Sie wieder anrufen.

— Lieber nicht. Und der Genosse Direktor wird gleich zu Ihnen kommen. Er packt nur seine Sachen zusammen, — sagt sie und legt den Hörer auf.

Ich sage zu der Nachbarin:

— Sie werden gleich kommen. Es ist alles in Ordnung.

— Zu spät! Das Feuer ist bereits von selbst ausgegangen. Rufen Sie an, damit sie nicht kommen.

Ich rufe die Frau des Direktors an.

Eine verschlafene Stimme aus dem Hörer meldet sich:

— Der Diensthabender Fahrdienstleiter der Feuerwehr am Apparat.

— Ich rufe nicht Sie an- sage ich- sondern die Frau meines Direktors.

Sie sagen:

— Unter welcher Adresse?

Ich nenne die Adresse des Direktors.

— In einer Minute sind wir da!

In zwei Minuten riefen mich der Direktor mit seiner Frau an und fragten:

— Ist hier die Polizei?

Ich blickte auf die Uhr und antworte:

— 3 Uhr und 1 Minute... 3 Uhr und 1 Minute...

К. Мелихан

Тоска объявлений

В РЕСТОРАНЕ. Ресторану требуются: поварá со знанием химии, раздáтчицы со знанием физики, официанты со знанием арифметики, уборщицы со знанием физкультуры и грузчики со знанием русского языка́.

В ШКОЛЕ. Потерян дневник. Нашедшего прошу не возвращать.

В ПОЛИКЛИНИКЕ. Ремонт зубов в присутствии заказчика.

НА УЛИЦЕ. Хороните деньги в сберегательной кассе!

В ЗООПАРКЕ. Сегодня зоопарк проводит День открытых дверей.

НА ЗАБОРЕ. Меняю комнату в двухкомнатной квартире (еще один сосед). Смотреть соседа с 15.00 до 19.00.

В АТЕЛЬЕ. Заказы выполняются в течение 30 суток, срочные заказы — в течение 29 суток.

НА УГЛУ ДОМА. Семья из пяти студентов снимет комнату. Или койку. Или угол в койке.

В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ КАССЕ. Билеты в Москву продаются только с нагрузкой в Новосибирск.

В ГАСТРОНОМЕ. Сегодня вас обвешивает продавец Смирнова ..

В КОТЛЕТНОЙ. Хлеб — наше богатство!

НА РАБОТЕ. Уходящие в декрёт должны предупредить об этом администрацию за 10 месяцев.

НА ДВЕРЯХ КАБИНЕТА. Начальник принимает от 10 до 1000.

НА СТЕНЕ. Меняю комнату на квартиру. Обман по договорённости.

НА ДВЕРЯХ ПАРАДНОГО. Пропал муж. Примет нет. Но если найдётся, приметы будут.

ПО ТЕЛЕВИЗОРУ. Уважаемые товарищи телезрители! Приносим извинения за ошибку: вы смотрите не демонстрацию моделей французской одежды, а демонстрацию протеста французских безработных.

НА СТАДИОНЕ. Желаящие принять участие в однодневном забеге по маршруту «Киев — Владивосток» должны явиться на старт в синих майках, красных трусах и белых тапочках.

ПО РАДИО. В эфире передача «Для тех, кто в морге». В ней мы исполним песни по завещаниям радиослушателей. Для бывшего председателя моргкомитета Андрея Вьетнамовича Скоропостижного исполняется песня «Лучше нету того свету». Песня для него исполняется в последний раз.

ПО ТЕЛЕВИЗОРУ. Тех, кто будет смотреть матч «Спартак»—«Динамо», просим выключить звук. Остальным после небольшой паузы сообщаем: ничья — 0:0. Пусть эти дураки смотрят!

В ЗООПАРКЕ. Зоопарку требуются служители для кормления хищников и сено для кормления травоядных.

ПО РАДИО. Говорит Москва! Московское время четырнадцать часов. Работают все винные магазины Советского Союза!

НА СТЕНЕ. Одинокая женщина снимет комнату. Или сдаст.

Aufgaben:

Was haben Sie über den Alltag in der Sowjetunion aus diesen Aushängen erfahren? Versuchen Sie gemeinsam mit einem russischen Muttersprachler, die Fehler zu finden und zu erklären.

Ordnen sie die folgenden Anzeigen:

А.П. Чехов. Перепутанные объявления

С предлагаемыми объявлениями случился на праздниках маленький скандал, не имеющий, впрочем, особенной важности и не предусмотренный законодателем: набрав их и собирая в гранки, наборщик уронил весь шрифт на пол. Гранки смешались и вышла путаница, не имеющая, впрочем, уголовного характера. Вот что получилось по тиснению:

Трехэтажный дворник ищет места гувернантки.

«Цветы и змеи» Л.И.Пальмина с прискорбием извещают родных и знакомых о кончине супруга и отца своего камер-юнкера А.К.Пустоквасова.

С дозволения начальства сбежал пудель фабрики Сиу и К .

Жеребец вороной масти, скаковой, специалист по женским и нервным болезням, дает уроки фехтования.

Общество пароходства «Самолет» ищет места горничной.

Редакция журнала «Нива» имеет для рожениц отдельные комнаты. Секрет и удобства. Дети и нижние чины платят половину. Просят не трогать руками.

Конкурсное правление по делам о несостоятельности купца Кричалова продает за ненадобностью рак желудка и костоеду.

По случаю ненастной погоды зубной врач Крахтер вставляет зубы.Панихиды ежедневно.

Новость! Студент-математик с золотой медалью, находясь в бедственном положении, предлагает почтеннейшей публике белье и приданое. Обеды и завтраки по разнообразнейшим меню.

С 1-го февраля будет выходить без предварительной цензуры акушерка Дылдина. Всякая подделка строго преследуется законом.

Was hat sich in Russland seit Čechov bis Melichan verändert?

K. Melichan

Die Schwermut der Anzeigen

Im RESTAURANT. Für das Restaurant werden gesucht: Ein Koch mit Kenntnissen der Chemie, Bedienung mit Kenntnissen der Physik, Kellner mit Kenntnissen der Arithmetik, Putzfrauen mit Kenntnissen der Gymnastik und Ladearbeiter mit Kenntnissen der russischen Sprache.

In der SCHULE. Habe das Hausaufgabenheft verloren. Den Finder bitte ich, es nicht zurückzubringen.

In der POLIKLINIK. Renovierung der Zähne nur in der Anwesenheit des Auftragsgebers.

Auf der STRASSE. Begraben Sie ihr Geld in einer Bank.

Im ZOO. Heute ist im Zoo Tag der offenen Tür.

Auf dem ZAUN. Tausche ein Zimmer in einer Zweizimmerwohnung (noch ein Nachbar). Den Nachbarn kann man anschauen von 15.00 bis 19.00.

Im ATELIER. Bestellungen werden innerhalb von 30 Tagen erledigt, eilige Bestellungen innerhalb von 29 Tagen.

An der ECKE eines HAUSES. Familie aus fünf Studenten mietet ein Zimmer. Oder ein Bett. Oder eine Ecke des Bettes.

In der BAHNHOFKASSE. Fahrkarten nach Moskau werden nur in einem Pack mit Fahrkarten nach Novosibirsk verkauft.

In der GASTRONOMIE. Die Waage manipuliert für Sie heute die Verkäuferin Smirnova.

In der BULLETERIE. Brot – ist unser Reichtum!

Auf der ARBEIT. Diejenigen, die in den Mutterschaftsurlaub gehen wollen, müssen die Administration zehn Monate im Voraus benachrichtigen.

An der TÜR des BÜROS. Der Chef empfängt von 10 bis 10 000.

An der WAND. Tausche Zimmer gegen Wohnung. Betrug nach Absprache.

An den EINGANGSTÜREN. Ehemann verschwunden. Keine Merkmale. Aber wenn er gefunden wird, wird es Merkmale geben.

Im FERNSEHER. Sehr geehrte Zuschauer! Wir bitten Sie um Entschuldigung für den folgenden Fehler: Sie schauen nicht die Demonstration französischer Mode, sondern die Protestdemonstration der französischen Arbeitslosen.

Am STADION. Interessierte, die am Tageswettlauf auf der Strecke «Kiev – Vladivostok» teilnehmen wollen, müssen zum Start in blauen Unterhemden, roten Shorts und weißen Schuhen²¹ antreten.

Im RADIO. Im Äther ist die Sendung «Für die, die im Leichenschauhaus sind». Hier spielen wir Lieder gemäß dem letzten Willen der Zuhörer. Für den früheren Vorsitzenden des Leichenhauskomitee Andreij Vjetnamovič Skoropostižnyj wird das Lied «Es gibt nicht Besseres als das Jenseits» gespielt. Das Lied wird für ihn zum letzten Mal gespielt.

Im FERNSEHER. Diejenigen, die das Spiel «Spartak» – «Dynamo» anschauen werden, bitten wir den Ton auszuschalten. Dem Rest werden wir nach einer kurzen Pause mitteilen: 0:0 Unentschieden. Sollen diese Dummköpfe anschauen!

Im ZOO. Der Zoo benötigt Mitarbeiter zur Fütterung der Raubtiere und Stroh zur Fütterung der Pflanzenfresser.

Im RADIO. Hier spricht Moskau! Moskauer Zeit — vierzehn Uhr. Es arbeiten alle Weinläden der Sowjetunion!

²¹ Weiße Schuhe werden im Russland traditionell nur im Sarg getragen.

An der WAND. Einsame Frau mietet ein Zimmer. Oder vermietet.

С. АЛЬТОВ

Собачья жизнь

(В сокращении)

В семье Окунькó — четверо. Окунькó-отец, Окунькó-мать, Окунькó-сын и Окунькó-пёс. Симпатичный большой пудель. Перед сном его пошёл выгуливать Окунькó-сын, тринадцати лет. Собаке надо расписаться у столбов, разок зависнуть у куста основательно. И вся прогулка. Однако их нет полчаса, час.

— Сколько раз говорил твоему обормóту: ночью собаку с поводка не спуска́ть! Снова удрала! Придёт, я ему всыплю! — обещает Окунькó-отец.

— Ты его так запуга́л, что он будет теперь ходить, пока не найдёт собаку! Или пока его не убьют! — отвечает Окунькó-мать и начинает плакать.

Окунькó-отец чертыхáется, хлопáет дверью, уходит искать собаку и сына.

Ночь. Темно́. На улице никого. Происка́в час, Окунькó-отец возвращается с тайной надеждой: пока его не было, сын с собакой вернулись. Жена радостно сообщает: собаки нет, но сын нашёлся, пришёл домой, и она отпустила его встретить отца. Окунькó-отец орёт:

— Ты в своём уме́? Один нашёлся — и того выпустила! Вот иди и сама ищи! А я ложусь спать, мне к семи утра́ на работу!

Окунькó-мать тихо плачет и уходит искать сына и собаку. Проходит полчаса. Нет ни собаки, ни сына, ни жены. Окунькó-отец вскакивает с кровати, одевается и уходит, надеясь найти хоть кого-нибудь.

В это время к дому возвращается пёс. Он нагулялся, наелся на свободе недозво́ленной дряни, флиртанул с дворняжкой, у него отличное настроение. Хвост гуляет сам по себе. Дверь парáдной закрыта. Никого нет. Поделиться радостью не с кем. Пес начинает скулить, твкать, наконец лает. Открывается окно, с брáнью швыряют чем-то в собаку и попада́ют, потому что, взвизгнув, пёс убегает в ночь.

Возвращается, никого не найдя, сын. Звонит, потому что ключей у него нет. По перего́рному устройству в парáдной никто не отвечает. Окунькó-сын думает, что его решили наказать, и, обиженный, снова уходит в ночь.

В это время возвращается жена. У неё тоже нет ключей, но она уверена, что муж до́ма. Звонит, однако никто не отвечает. Окунькó-мать понимает, что муж ушёл искать их всех, и его, очевидно, зарезали. Она садится на скаме́йку, рыдает. Возвращается окочене́вший сын. Мать

кидается к нему, обнимает. Подходит издёрганый отец, мысленно похоронивший семью. Увидев жену и сына живыми, бросается к ним. Все целуются так, будто попали под амнистию. Окунькó-отец начинает искать в карма́нах ключи. Подбегает пёс. Радуюсь, что все вышли с ним поиграть, выхватывает из рук отца ключи. В этот мо́мент появляется кот. Он спешит на свидание. Ослепший от любви, кот сбивает пса с ног. Задетый за живое, пёс с рычаньем бросается за котом. Окуньки, ползая на ко́рточках в темноте, ищут ключи, шёпотом выясняя, кто во всём виноват. Сходятся на том, что во всём виноваты коты. Если бы эти свóлочи не шлялись по ночам, то Окуньки давно бы спали. Правда, отец ворчит, что если бы он тогда не женился, то спал бы спокойно пятнадцать лет подряд. На что жена возражает: если бы не он, она спала́ бы в совершенно иных условиях с другими людьми в центре города и не искала по ночам в лужах ключи. В это время мимо проходит милиционер. Останавливается. Спрашивает подозрительно:

— Что вы тут делаете в два часа ночи?

— Гуляем перед сном, — простоду́шно отвечает Окунькó-отец.

Из темноты возникает Окунькó-сын с большим чемодáном и возбуждённо шепчет:

— Папа, смотри, что я нашёл!

— Пройдёмте, товарищи! — негромко говорит милиционер. — Только что две квартиры огра́били, там был именно такой чемодан. Идите вперёд.

В милиции Окуньки всё объяснили, их отпустили и пообещали: если увидят собаку, то приведут по адресу.

Измотанные Окуньки без ключей бредут домой. Около парадной, как ни в чём не бывáло, сидит пёс, в зубах у него ключи, около лап — сапог. На свету рассмотрели, — сапог ну точно как жены. Это удача! Запасно́й не помешает!

Вчетвером с сапогом поднимаются к своей квартире. Дверь открыта настежь.

То ли отец забыл закрыть, то ли именно их квартиру ограбили. Окуньки кидаются проверять свое. Слава Богу, ограбили кого-то другого. Ложатся спать.

Часа в четыре ночи раздаётся звонóк.

— Кто там?— спрашивает Окунькó-отец.

— Милиция!

Услышав слово «милиция», Окунькó-пёс раздража́ется чудовищным лаем. Озверевший от бессóнницы сосед головой долбит стену. Окунькó-сын ладонями зажимает собаке пасть, но та продолжает лаять. Окунькó-отец открывает дверь. Входит милиционер.

— Вот ваша собака, забирайте! — Это дворняга чёрного цвета, вся мокрая. — Еле поймали! Ни за что не хотела идти домой! Гуляка! Вот ваши паспорта́ и три серёбряные лóжечки. Они были

в том чемодане; проверьте, что ещё у вас вынесли! — Усталый, но довольный милиционер уходит.

Значит, воры побывали именно в их квартире?! Закрыв двери, Окуньки бросаются шарить везде подряд. Самим интересно, что же у них можно украсть? Честно говоря, красть нечего, перед ворáми неловко!

В это время Окунько-пёс, проверяя, не украдена ли его косточка, натывается на дворнягу. Они сцепились с лаем, хрипом, по всем правилам. Стучать начали сбоку, снизу, сверху и даже в окно, хотя квартира на десятом этажé. Кто-то иступлённо орёт: «Да вызови ты милицию наконец! всю ночь нет покоя! Не дом, а псарня!»

Милиция приехала быстро. Когда полуживые Окуньки, растащив собак по углам, рассказали все по порядку, милиционеры начали смеяться. За ними следом начали хохотать Окуньки. Завыли запертые собаки. Тут ворвался сосед в нижнем белье, босой, в руках — топор. Увидев милицию, сразу успокоился. Когда его ввели в курс, он тоже начал смеяться, уронил топор на ногу и так взвыл, что погас свет. В темноте милиционер сказал:

— Вам ещё повезло, что топор упал обухом и на ногу, потому что один товарищ попал остриём по совершенно другому месту.

Сосед перестал стонать и, счастливый, заковылял к себе.

Милиционеры в темноте отловили лишнюю собаку и потащили за собой. Хлопнула дверь. Окуньки попадали в кровати. Сын тут же засопел, а родители тихо переговариваются. Жена сказала:

— Может, отдадим серебряные ложки, они ведь не наши?

— Раз милиция принесла, значит, наши! — ответил Окунько-муж, соображая, сейчас сказать жене, что исчезла ее шубка из каракуля, или пусть выспится перед истерикой?

У двери, свернувшись калачиком, блаженствует дворняга. В темноте милиционеры увели из дома пуделя. На улице пудель упирается, хрипит: «За что в отделение? Что я такого совершил?»

В кустах сидит кот. Наблюдая, как милиционеры волокут пуделя, он радостно потирает лапки, мурлычет: «Наконец милиция занялась настоящим делом!» ...

Aufgaben:

Was bedeutet die Redewendung «собачья жизнь»? Beschreiben Sie den Tagesverlauf in der Familie Okun'ko. Versuchen Sie, den Werdegang jedes Familienmitgliedes zu verfolgen.

Welches Verhältnis haben einfache Bürger zur Polizei in Russland?

Wie sieht das Nachtleben in den großen Städten Russlands aus? Welche Ängste haben die Bürger?

Was heißt: попасть под амнистию? Warum wird es wie ein besonderer Feiertag in Russland betrachtet?

Übersetzen Sie folgende Redewendungen ins Deutsche: спустить с поводка, всыпать кому-нибудь (по первое число), быть в своём уме, задеть за живое, ввести в курс дела, потирать руки.

Kennen Sie Geschichte der folgenden Wörter: парадная, настезь, сцепиться, иступлённо, обух, волочь?

S. Al'tov

Das Hundeleben

(Die Kurzfassung)

Die Familie Okun'ko hat vier Mitglieder. Okun'ko-Vater, Okun'ko-Mutter, Okun'ko-Sohn und Okun'ko-Hund. Ein hübscher, großer Pudel. Vor dem Schlafengehen ist der dreizehnjährige Okun'ko-Sohn mit ihm Gassi gegangen.

Der Hund muss an dem Pfosten unterschreiben²² und einmal gründlich am Busch hängen bleiben. Und das ist der ganze Spaziergang.

Allerdings sind beide nicht zurück, eine halbe Stunde vergeht, eine Stunde vergeht.

— Wie viel Mal habe ich deinem Schlamper gesagt: Nachts den Hund nicht von der Leine lassen! Schon wieder ist er abgehauen! Wenn er kommt, werde ich ihm Eine pfeffern! — verspricht Okun'ko-Vater.

— Du hast ihn so eingeschüchtert, dass er jetzt die ganze Nacht umher laufen wird, bis er den Hund findet! Oder bis man ihn umbringt! — antwortet Okun'ko-Mutter und fängt an zu weinen.

Okun'ko-Vater regt sich auf, knallt mit der Tür, geht weg, um den Hund und den Sohn zu suchen.

Es ist Nacht. Es ist dunkel. Draußen ist niemand. Nachdem er eine Stunde gesucht hat, kehrt Okun'ko-Vater zurück mit der stillen Hoffnung, dass der Sohn mit dem Hund in der Zwischenzeit zurückgekommen ist. Die Ehefrau teilt ihm fröhlich mit: Der Hund ist nicht da, aber der Sohn hat sich von alleine gefunden. Er kam nach Hause, und sie hat ihn gehen lassen, um den Vater zu treffen.

Okun'ko-Vater schreit:

— Bist du noch bei Verstand? Einer ist gefunden — und du hast auch den gehen lassen! Jetzt geh und suche selbst! Und ich lege mich schlafen, ich muss morgen um sieben Uhr auf Arbeit!

Okun'ko-Mutter weint still und geht weg, um den Sohn und den Hund zu suchen. Es vergeht eine halbe Stunde. Kein Hund, kein Sohn, keine Ehefrau. Okun'ko-Vater springt aus dem Bett, zieht sich an und geht fort, in der Hoffnung - wenigstens irgendwen zu finden.

²² Eigentlich: eine Markierung hinterlassen: russ. писа́ть- schreiben, пи́сать- pinkeln, расписа́ться- unterschreiben, распи́саться- Markierung eines Hundes

Zur gleichen Zeit kehrt der Hund nach Hause zurück. Er hat genug spaziert, hat sich in Freiheit mit verbotenem Dreck voll gefressen, hat mit einem Mischlingweibchen geflirtet, er hat die perfekte Laune. Der Schwanz wedelt von alleine. Die Tür am Haupteingang ist zu. Es ist niemand da. Man kann mit niemandem die Freude teilen. Der Hund fängt an zu winseln, kläffen, zu guter Letzt bellt er. Das Fenster geht auf, schimpfend schmeißt man mit etwas nach dem Hund und trifft, weil der Hund, aufjaulend, in die Nacht hinausrennt.

Es kehrt zurück der Sohn, der niemanden gefunden hat. Er läutet, weil er keine Schlüssel hat. Am Lautsprecher beim Eingang antwortet niemand. Okun'ko-Sohn denkt, dass man beschlossen hat ihn zu bestrafen, und geht beleidigt wieder in die Nacht hinaus.

Zur gleichen Zeit kommt die Ehefrau heim. Sie hat auch keinen Schlüssel, aber sie ist sicher, dass der Mann zuhause ist. Sie klingelt, aber keiner antwortet. Okun'ko-Mutter begreift, dass der Ehemann losgegangen ist, um sie alle zu suchen und wurde offensichtlich erstochen. Sie setzt sich auf die Bank und heult. Es kehrt der erfrorene Sohn zurück. Die Mutter stürzt sich zu ihm, umarmt ihn. Es kommt der entnervte Vater, der in Gedanken die ganze Familie beerdigt hat. Als er seine Ehefrau und den Sohn lebendig erblickt, stürzt er ihnen entgegen. Alle küssen sich so, als ob sie unter die Amnestie gekommen seien. Okun'ko-Vater fängt an, in seinen Taschen die Schlüssel zu suchen. Der Hund kommt angerannt. Er freut sich darüber, dass alle herausgekommen sind, um mit ihm zu spielen, und entreißt die Schlüssel aus den Händen des Vaters. In diesem Moment taucht ein Kater auf. Er eilt zu einer Verabredung. Blind vor Liebe, rennt er den Hund um. Der in seiner Ehre verletzte Hund, stürzt knurrend den Kater hinterher. Okun'kos, im Dunkel auf Knien krabbelnd, suchen die Schlüssel und versuchen flüsternd herauszufinden, wer an allem schuld sei. Sie kommen darauf, dass an allem der Kater schuld ist. Wenn diese Biester nicht in der Nacht umher streuen würden, dann hätten die Okun'kos schon längst geschlafen. Jedoch, der Vater schimpft, dass wenn er damals nicht geheiratet hätte, dann hätte er fünfzehn Jahre am Stück ruhig schlafen können. Worauf die Frau erwidert: Wenn er nicht gewesen wäre, dann hätte sie in völlig anderen Verhältnissen mit anderen Leuten in der Stadtmitte gewohnt und sie hätte nicht mitten in der Nacht in Pfützen Schlüssel gesucht. Zur gleichen Zeit läuft ein Polizist vorbei. Er bleibt stehen. Fragt verdächtig:

— Was machen sie hier um zwei Uhr nachts?

— Wir spazieren vor dem Schlafengehen, — antwortet aufrichtig Okun'ko-Vater.

Aus der Dunkelheit erscheint Okun'ko-Sohn mit einem großen Koffer und flüstert aufgeregt:

— Papa, schau, was ich gefunden habe!

— Sie kommen mit mir mit, Herrschaften! — sagt der Polizist leise. — Eben wurden zwei Wohnungen ausgeraubt, dort war gerade so ein Koffer. Gehen sie vor.

Bei der Polizei haben die Okun'kos alles erklärt, man entließ sie und versprach: Wenn man einen

Hund sieht, dann bringt man ihn zur angegebenen Adresse.

Die müden Okun'kos schlendern ohne Schlüssel nach Hause. Vor dem Eingang sitzt der Hund, als ob nichts wäre, zwischen den Zähnen hat er die Schlüssel, neben seinen Pfoten liegt ein Stiefel. Im Licht schaute man sich diesen genauer an, der Stiefel ist so einer, wie ihn die Ehefrau hat. Welch ein Glück! Ersatz schadet nicht!

Zu viert mit dem Stiefel steigen sie zu ihrer Wohnung hinauf. Die Tür steht sperrweit offen. Entweder hat der Vater vergessen diese zu schließen, oder ausgerechnet ihre Wohnung wurde ausgeraubt. Okun'kos stürzen sich, das Eigentum zu überprüfen. Gott sei Dank, wurde jemand anderes ausgeraubt. Sie legen sich schlafen.

Gegen vier Uhr morgens läutet die Klingel.

— Wer ist da? — fragt Okun'ko-Vater.

— Polizei!

Nach dem er das Wort «Polizei» vernommen hat, bricht der Okun'ko-Hund in wahnsinniges Bellen aus. Der von der Schlaflosigkeit wildgewordene Nachbar schlägt mit dem Kopf gegen die Wand. Der Okun'ko-Sohn hält dem Hund mit den Händen die Schnauze zu, aber dieser fährt fort zu bellen. Der Okun'ko-Vater öffnet die Tür. Ein Polizist tritt herein.

— Hier ist ihr Hund, nehmen sie! — Das ist ein Mischling, schwarz und ganz nass. — Kaum gefangen! Wollte auf keinen Fall nach Hause gehen! Streuner! Hier sind ihre Pässe und drei silberne Löffelchen. Sie waren in dem Koffer. Überprüfen sie, was man bei ihnen noch entwendet hat! — Der müde, aber zufriedene Polizist geht weg.

Also, sind die Diebe gerade in ihrer Wohnung gewesen?! Nach dem sie die Türen geschlossen haben, stürzen sich die Okun'kos überall herum zu wühlen. Für sie selbst ist es interessant, was man bei ihnen klauen könnte? Ehrlich gesagt, es gibt nichts zu klauen. Sie schämen sich sogar vor den Dieben!

Zur selben Zeit stößt Okun'ko-Hund, der überprüfte ob die Diebe seinen Knochen gestohlen haben, auf den Mischling. Sie verkeilten sich mit Gebell, Röcheln, nach allen Regeln. Von der Seite, von unten, von oben und sogar am Fenster, fängt es an zu klopfen, obwohl die Wohnung sich im zehnten Stockwerk befindet. Jemand schreit rasend: «Holt endlich die Polizei! Die ganze Nacht gibt es keine Ruhe! Es ist kein Haus, sondern ein Hundezwinger!»

Die Polizei kam schnell. Nach dem die halblebendigen Okun'kos die Hunde in die Ecken auseinander gezerrt hatten und alles der Reihe nach erzählten, fingen die Polizisten an zu lachen. Anschließend begannen die Okun'kos zu lachen. Die eingesperrten Hunde fingen an zu jaulen. Plötzlich stürzte der Nachbar herein, in Unterwäsche, barfuss, in den Händen eine Axt. Nachdem er die Polizei erblickte, hat er sich sofort beruhigt. Als man ihm alles erzählt hatte, fing auch er an zu lachen, die Axt ließ er auf seinen Fuß fallen und stöhnte so auf, dass das Licht erlosch. In der Dunkelheit sagte der Polizist:

— Sie hatten noch Glück, dass die Axt mit der stumpfen Seite auf ihren Fuß fiel, weil ein Freund von mir hat einmal mit der Klinge eine ganz andere Stelle getroffen.

Der Nachbar hörte auf zu stöhnen und ging glücklich hinkend zu sich.

Die Polizisten fingen im Dunkeln den überflüssigen Hund und schleppten ihn hinter sich her. Die Tür schlug zu. Die Okun'kos fielen in die Betten. Der Sohn schlief sofort ein, und die Eltern unterhalten sich leise.

Die Frau sagte:

— Vielleicht sollten wir die silbernen Löffel zurückgeben, sie gehören uns doch nicht?

— Wenn die Polizei sie gebracht hat, dann sind das unsere! — antwortete Okun'ko-Vater, der überlegte ob er der Frau sagen sollte, dass ihr Pelzmantel aus Karakullfell verschwunden ist. Oder sollte er sie vor der Hysterie ausschlafen lassen?

Vor der Tür liegt zusammengekrümmt der Mischling und schwelgt in Glückseligkeit. In der Dunkelheit führten die Polizisten den Pudel aus dem Haus. Draußen wehrt sich der Pudel, röchelt: «Für was aufs Revier? Was habe ich denn verbrochen?»

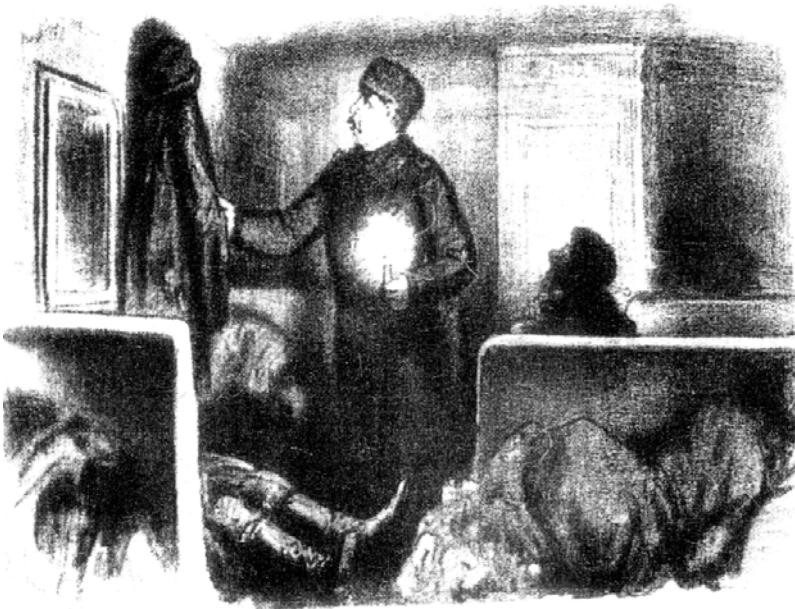
In den Büschen sitzt der Kater. Beim Anblick der den Pudel fortschleppenden Polizisten, reibt er sich fröhlich die Pfötchen und miaut: «Endlich beschäftigt sich die Polizei mit einer richtigen Aufgabe!»...

Aufgaben zu den Texten:

1. Erzählen Sie über den Alltag in Russland seit Ende 19. Jh. bis heute. Auf welchen Gebieten hat sich das Leben der einfachen Bürger am stärksten verändert? Wo ist alles beim Alten geblieben?
2. Wie sieht für Sie heute ein «typischer Russe» aus? Kann man ein allgemeines Bild vom russischen Volk im 19., 20. und 21. Jahrhundert machen?
3. Haben Sie folgende Filme gesehen: «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» (1980, Н. Михалков), «Москва слезам не верит» (1979, В. Меньшов), «Любовь и голуби» (1984, В. Меньшов), «Небеса обетованные» (1991, Э. Рязанов)? Vergleichen Sie die Ereignisse auf der Leinwand mit den in den Texten. Inwieweit helfen Ihnen die Filme das Leben in Russland zu verstehen?

Der gefährliche ÖPNV

А.П. Чехов

Вагонное освещение

— Ваш билет! Кому говорят! Ваш билет!

A.P. Čechov

Die Beleuchtung des Abteils

— Ihre Fahrkarte! Mit wem rede ich! Ihre Fahrkarte!

Билет

Один знаменитый писатель ехал на поезде. Когда контролёр начал проверять билеты, писатель не смог найти своего проездного. Контролёр узнал писателя и сказал ему:

— Не ищите билета. Я знаю, что Вы его взяли.

— Я должен найти его,— возразил писатель.— Я должен знать, куда я еду.

Die Fahrkarte

Ein berühmter Schriftsteller fuhr mit dem Zug. Als der Schaffner die Fahrscheine zu kontrollieren begann, konnte der Schriftsteller seine Fahrkarte nicht finden. Der Schaffner erkannte den Schriftsteller und sagte zu ihm:

— Suchen Sie die Fahrkarte nicht, ich weiß, dass Sie sie gekauft haben.

— Ich muss sie finden, — entgegnete der Schriftsteller. — Ich muss wissen, wohin ich fahre.

Нынешние времена

Двое мужчин беседуют в трамвае:

— Да, другие были времена. Молодёжь уважала старших, не то, что теперь.

— Зря жалуется. Вот и сейчас, разве не уступили Вам место?

— Что же из этого? Я-то сажу, а вот моя жена так и простояла целый час.

Heutige Zeiten

Zwei Männer unterhalten sich in der Straßenbahn:

— Ja, das waren andere Zeiten. Die Jugend achtete das Alter, nicht so wie jetzt.

— Sie beklagen sich unnötig. Jetzt zum Beispiel, hat man Ihnen etwa keinen Sitzplatz angeboten?

— Was macht das schon? Ich sitze ja, aber meine Frau musste eine ganze Stunde stehen.

Воспитанность

В автобусе мальчик четырёх лет сидит на руках у отца. Входит женщина. Мальчик, желая быть вежливым, вскакивает с отцовских колен:

— Садитесь, пожалуйста!

Gute Erziehung

Im Bus sitzt ein Junge von vier Jahren bei seinem Vater auf dem Schoß. Eine Frau steigt ein.

Der Junge möchte gern höflich sein und springt vom väterlichen Schoß:

— Setzen Sie sich, bitte!

И. Ильф, Е. Петров

Золотой телёнок

(Отрывок из первой главы)

Пешеходов надо любить!

Пешеходы составляют бóльшую часть человечества. Мало того — лучшую его часть. Пешеходы сóздали мир. Это они построили городá, возвели многоэтажные здания, провели канализацию и водопровод, замостили улицы и осветили их электрическими лампами. Это они распространили культуру по всему свету, изобрели книгопечáтание, выдумали пóрох, перебросили мосты через реки, расшифровали египетские иерóглифы, ввели в употреблénие безопасную бритву, уничтожили торговлю рабáми и установили, что из бобóв сóи можно изготовить сто четырнадцать вкусных питáтельных блюд. И когда всё было готово, когда родная планета приняла сравнительно благоустрóенный вид, появились автомобилисты.

Надо заметить, что автомобиль тоже был изобретён пешеходами. Но автомобилисты об этом как-то сразу забыли. Крóтких и умных пешеходов стали давить. Улицы, созданные

пешеходами, перешли во власть автомобилистов. Мостовые стали вдвое шире, тротуары сузились до размера табачной бандерóли. И пешеходы стали испуганно жаться к стéнам домов. В большом городе пешеходы ведут мученическую жизнь. Для них ввели нéкое транспортное гётто. Им разрешают переходить улицы только на перекрёстках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где волосок, на котором обычно висит жизнь пешехода, легче всего оборвать.

В нашей обширной стране обыкновенный автомобиль, предназначенный, по мысли пешеходов, для мирной перевозки людей и грузов, принял грозные очертания братоубийственного снаряда. Он выводит из строя целые шерёнги членов профсоюзов и их семей. Если пешеходу иной раз удаётся выпорхнуть из-под серебряного носа машины — его штрафует милиция за нарушение правил уличного катехизиса.

И вообще, авторитет пешеходов сильно пошатнулся. Они, давшие миру таких замечательных людей, как Горáций, Бойль, Мариóтт, Лобачёвский, Гутенберг и Анатóль Франс, вынуждены теперь кривляться самым пошлым образом, только бы напомнить о своём существовании. Боже, Боже, до чего ты довёл пешехода!

Aufgaben:

Wann wurde der Roman von I. Il'f und E. Petrov verfasst? Hat sich die Situation seit dieser Zeit verändert?

Stellen Sie russischen Muttersprachlern Fragen zum Thema: Verkehr in Russland – in großen und kleinen Städten bzw. Dörfern. Welche Unterschiede zwischen dem Verkehr in der RF und Deutschland haben Sie bemerkt? Liegt es an den Verkehrsregeln oder an den Verkehrsteilnehmern?

Welche Rolle spielt die Verkehrspolizei in Russland (дорожный патруль, дорожная милиция)? Versuchen Sie, diese Frage anhand aktueller Pressemitteilungen zu beantworten.

Was bedeuten folgende Redewendungen: ввести в употребление, принять вид, жизнь висит на волоске, принять очертания, вывести из строя, авторитет пошатнулся, довести до (белого каления)?

Wie wurden folgende Wörter und Wortverbindungen gebildet: табачная бандероль, транспортное гетто, уличный катехизис? Was bedeuten sie im obigen Kontext? Welche Bedeutung hatten diese ursprünglich?

Kennen Sie die Geschichte des Wortes «кроткий»?

Suchen Sie im Text alle Verben mit gleicher Bedeutung (Synonyme).

I. Il'f, E. Petrov

Das goldene Kalb²³

(Romanauszug)

Fußgänger muss man lieben!

Die Fußgänger bilden den größten Teil der Menschheit. Mehr als das – ihren besten Teil. Denn die Fußgänger haben die Welt geschaffen.

Sie sind es, die die Städte gebaut, die mehrstöckigen Gebäude errichtet, die Kanalisation und die Wasserleitungen verlegt, die Straßen gepflastert und sie mit elektrischem Licht erhellt haben. Sie sind es, die die Kultur auf der ganzen Welt verbreitet, in schöpferischer Arbeit den Buchdruck erfunden, das Schießpulver erdacht, Brücken über Flüsse gelegt, die ägyptischen Hieroglyphen entziffert, den ungefährlichen Rasierer in den Gebrauch eingewiesen, den Sklavenhandel abgeschafft und festgestellt haben, dass man aus Sojabohnen 114 wohlschmeckende, nahrhafte Gerichte herstellen kann. Und als alles fertig war, als der Heimatplanet ein einigermaßen wohlgeordnetes Aussehen angenommen hatte, tauchten die Autofahrer auf.

Man muss anmerken, dass das Automobil auch von den Fußgängern erfunden wurde. Doch die Autofahrer haben das irgendwie sofort vergessen.

Man begann die sanften und klugen Fußgänger zu überfahren. Die von den Fußgängern geschaffenen Straßen gingen in den Besitz der Autofahrer über. Die Fahrbahnen wurden doppelt so breit, die Fußwege verengten sich auf die Größe einer Steuermarke. Und die Fußgänger begannen, sich verschreckt an die Hauswände zu drücken.

In einer großen Stadt führen die Fußgänger ein besonders qualvolles Leben. Für sie hat man eine Art Verkehrsghetto eingeführt. Man erlaubt ihnen die Straßen nur an den Kreuzungen zu überqueren, das heißt genau an den Stellen, an denen der Verkehr am stärksten ist und an denen der seidene Faden, an dem für gewöhnlich das Leben des Fußgängers hängt, am leichtesten zu durchtrennen ist.

In unserem weiten Land hat das gewöhnliche Automobil, das nach Absicht der Fußgänger für den friedlichen Transport von Menschen und Lasten vorgesehen war, die bedrohlichen Züge einer brudermörderischen Waffe angenommen. Sie setzt ganze Reihen von Gewerkschaftsmitgliedern samt ihren Familien außer Gefecht. Und wenn es einem Fußgänger einmal gelingt, der silbernen Nase eines Autos zu entweichen, so straft ihn die Miliz wegen Verletzung der Regeln des Straßenkatechismus.

Überhaupt ist die Autorität der Fußgänger stark ins Wanken geraten. Sie, die der Welt solch wunderbare Menschen wie Horāz, Boyle, Mariott, Lobačevskij, Gutenberg und Anatole France

²³ Während der Übersetzung bitte beachten, dass es sich hier um sog. direkte Rede mit dem Leser handelt. Deshalb wird nicht das Imperfekt, sondern das Perfekt verwendet.

gegeben haben, sie sind nun gezwungen, sich auf die erniedrigendste Weise zu zieren, nur um ihre Existenz in Erinnerung zu bringen.

Gott, o mein Gott, wie weit hast Du den Fußgänger gebracht!

В. Алексеев

Загадочная московская душа

Если Вы не умеете или не любите водить машину, то вступаете в многомиллионную армию пешеходов. Приятно идти по тротуару не спеша, смотреть на поток «Москвичей», «Волг», «Запорожцев», «Жигулей», «Лад», «Нив» и думать: куда они так торопятся?

Пешеходы смотрят на уличное движение со своей точки зрения. Старые москвичи, которые живут на Садовом кольце, с грустью говорят о тех временах, когда оно было действительно в зелёных садах: сейчас это широкая автомобильная трасса, по которой вокруг центра Москвы в несколько рядов непрерывно движутся легковые машины и тяжёлые грузовики.

В Москве тысячи светофоров, у которых пешеходы и водители встречаются лицом к лицу. И вот здесь я хочу дать Вам совет: не берите, пожалуйста, пример с некоторых наших сограждан. Говорят, есть страны, в которых люди стоят у перехода, ожидая зелёного света, даже если на улице нет ни одной машины. Если Вы приехали из такой страны, то сразу заметите, что нам ещё далеко до подобного счастья. Легко понять, когда маленькие дети перебегают улицу на красный свет в двух шагах от подземного перехода: может быть, им никто ещё не объяснил, что этого делать нельзя. Но если Ваш знакомый, солидный взрослый человек, беседуя с Вами на улице, берёт Вас под руку и спокойно ведёт на красный свет,— не думайте, что это — одна из форм нашего гостеприимства или проявление загадочной московской души. Первый же милиционер в два счёта докажет Вашему знакомому, что душа здесь ни при чём, и это короткое доказательство будет стоить виновнику штрафа.

Aufgaben:

Kann man genau festlegen, wann dieser Text geschrieben wurde? Warum?

Aus wessen Sicht – des Fußgängers oder des Autofahrers – wird hier die Situation auf den russischen Strassen präsentiert?

Mit wem «spricht» der Autor? Weshalb hat diesen Ansprechpartner ausgesucht?

Was verstehen Sie unter «загадочная московская душа»?

Was bedeuten folgende Redewendungen: точка зрения, лицом к лицу, давать совет, брать пример, взять под руку, в два счёта?

Kennen Sie die Geschichte des Wortes «солидный»?

V. Alekseev

Die rätselhafte Moskauer Seele

Wenn Sie nicht Auto fahren können oder mögen, dann treten Sie ein in die millionenstarke Armee der Fußgänger. Es ist angenehm, auf dem Bürgersteig ohne Eile zu gehen und auf den Strom der «Moskvičs», «Volgas», «Zaporožcys», «Žigulis», «Ladas» und «Nivas» zu schauen und zu denken: «Wohin eilen diese nur?»

Fußgänger betrachten den Straßenverkehr von ihrem eigenen Standpunkt. Alte Moskauer, die am Gartenring wohnen, sprechen betrübt über jene Zeiten, als der Ring tatsächlich inmitten von grünen Gärten lag. Jetzt ist er eine breite Autobahn, auf welcher sich auf mehreren Spuren und ununterbrochen Personenkraftwagen und schwere Lastwagen um das Zentrum Moskaus bewegen.

In Moskau gibt es tausende Ampeln, an welchen sich Fußgänger und Autofahrer von Angesicht zu Angesicht begegnen. Und genau hier möchte ich Ihnen einen Rat geben: Nehmen Sie sich bitte kein Beispiel an einigen unserer Mitbürger. Man sagt, es gibt Länder, in denen die Menschen am Fußgängerüberweg in Erwartung des grünen Lichts stehen, selbst wenn auf der Straße kein einziges Auto ist. Wenn Sie aus solch einem Land gekommen sind, dann werden Sie gleich merken, dass wir noch weit von solch einem Glück entfernt sind. Man versteht leicht, wenn kleine Kinder nur zwei Schritte von der Unterführung entfernt bei Rot über die Straße rennen — vielleicht hat ihnen noch niemand beigebracht, dass man so etwas nicht tun darf. Aber wenn Ihr Bekannter, ein gesetzter, erwachsener Mensch, während er mit Ihnen auf der Straße ein Gespräch führt, Sie unterhakt und Sie ruhig bei Rot über die Straße führt- denken Sie nicht, dass dies eine Form unserer Gastfreundschaft oder eine Erscheinungsform der rätselhaften Moskauer Seele ist. Denn der erste Milizionär beweist Ihrem Bekannten in zwei Sekunden, dass die Seele hiermit nichts zu tun hat, und dieser kurze Beweis wird den Sünder eine Strafe kosten.

С. АЛЬТОВ

Дорожно-транспортное происшествие

16 сентября сего года произошло ДТП на Посадской улице. Водитель грузовика Кубыкин, заметив женщину, которая стояла на пешеходном переходе, затормозил, пропуская пешеходку. Гражданка Рыбец, которой ни разу в жизни ни одна машина и даже лошадь не уступала дорогу, продолжала стоять, ожидая, когда машина проедет.

Кубыкин, убедившись, что женщина переходить не собирается, тронулся с места. Рыбец, видя, что грузовик едет медленно, прикинула, что, как обычно, успеет проскочить, и бросилась через дорогу. Водитель резко затормозил и сделал жест рукой: мол, проходите, гражданочка!

Рыбец истолковала жест в смысле «проваливай, пока не переехал!» и метнулась обратно на тротуар, дожидаясь, по её словам, «когда этот псих проедет». Водитель, решив, что женщина странная, на всякий слúчай, дал предупредительный гудок. Рыбец сообразила, что он гудит, приняв ее за глухую, и покачала головой: мол, я не такая глухая, как Вам кажется.

Кубыкин расценил качание как «переходить отказываюсь» и, кивнув, поехал. Рыбец решила, что кивком он дал понять: «Еду медленно, проскочишь!» — и рванула наперерез. Грузовик встал. Рыбец остановилась, не зная, с какой скоростью он поедет, без чего не рассчитать, с какой скоростью надо перебежать. Кубыкин пришёл к выводу — женщина сумасшедшая. Дав задний ход, он скрылся за углом, чтобы она успокоилась и перешла. Рыбец разгадала манёвр так: водитель хочет разогнаться и выскочить на полном ходу. Поэтому переходить не стала. Когда Кубыкин через сорок минут выехал из-за угла, женщина стояла на тротуаре как вкопанная. Грузовик попятился, не зная, чего от неё ждать. Кубыкин, предчувствуя, что добром это не кончится, решил сделать крюк, проехать другой дорогой. Когда грузовик опять скрылся, Рыбец, не зная, что этот тип задумал, в панике бросилась бежать проходными дворами с криками: «Убивают, спасите!»

В 19.00 на углу Посадской и Бебеля они вылетели навстречу друг другу. Кубыкин едва успел затормозить. Рыбец едва успела перекреститься.

Поняв, что «не раздавив её, грузовик не уедет», она показала Кубыкину кúкиш: мол, не раздавишь! Кубыкин, у которого, по его словам, ужеплыли перед глазами круги, увидев в красном круге кúкиш, принял его за дорожный знак: «Водитель! Освободи проезжую часть!» и выехал на тротуар, освобождая шоссе идиотке. Рыбец, сообразив, что водитель в доску пьян и будет давить её на тротуаре, где могут пострадать посторонние люди, приняла единственно верное решение: бросилась навстречу машине, решив принять удар на себя.

Кубыкин дал задний ход. Рыбец сделала то же самое. Так они маневрировали часа три. Стало смеркаться. И тут до Кубыкина дошло: тётку в детстве хорошо переехали, а он, очевидно, похож на водителя, который ее недодавил! Чтобы она его не боялась, Кубыкин натянул на лицо чёрные колготки, которые купил жене.

Вглядевшись, Рыбец опознала в Кубыкине особо опасного преступника, фото которого было напечатано в газете. Рыбец решила его обезвредить и с криком: «Ура!» — метнула в машину бидон молока. Кубыкин вывернул в сторону и врезался в фонарный столб, который, падая, придавил некоего Сидорчúка, которого действительно пять лет разыскивала милиция.

Вот так, благодаря решительным действиям граждан, был задержан особо опасный преступник.

Aufgaben:

Warum konnte Ihrer Meinung nach eine solche Situation überhaupt entstehen? Geben Sie eine psychologische Charakteristik von Rybec und Kubykin. Stimmt die folgende Aussage von Soščenko noch heute: «Сначала человеку нужно научиться прямо держаться на двух ногах, а только потом садиться на четыре колеса»?

Wie hätten sich die Helden auf der Strasse benehmen müssen, um den Verkehr und die Fußgänger nicht zu beschädigen?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: уступить дорогу, тронуться с места, на всякий (пожарный) случай, принять кого-либо за другого человека, дать понять, прийти к выводу, дать задний ход, на полном ходу, стоять как вкопанный, добром не кончится, сделать крюк, проходной двор, плывут круги перед глазами, в доску пьян, принять решение, принять удар на себя, обезвредить (особо опасного) преступника?

Suchen Sie im Text die Synonyme zum Verb «броситься».

Kennen Sie die Geschichte der Wörter: прикинуть, мол, истолковать, проваливай, кукиш?

Existiert das Wort «пешеходка» im Russischen, oder wurde es vom Autor des Textes erfunden?

Nennen Sie andere russische Wörter, die nach demselben Muster gebildet wurden. Erzählen Sie deren Geschichte.

S.Al'tov

Ein Verkehrsvorfall

Am 16. September dieses Jahres ereignete sich auf der Posadskaja-Straße ein Verkehrsvorfall. Der Fahrer des Lastwagens, Kubykin, bremste, nachdem er eine Frau bemerkt hatte, die am Fußgängerüberweg stand. Er wollte der Fußgängerin den Vortritt lassen. Die Bürgerin Rybec, der kein Auto, geschweige denn ein Pferd, jemals den Vortritt gewährt hatte, blieb in der Erwartung stehen, dass das Auto vorbeifahren würde.

Kubykin fuhr los, nachdem er sich davon überzeugt hatte, dass die Frau nicht vorhabe, die Straße zu überqueren. Rybec sah, dass der Lastwagen langsam fuhr, schätzte ein, dass sie es, wie gewöhnlich, schaffe – vorbei zu springen – und stürzte über die Straße. Der Fahrer bremste ruckartig und deutete mit den Händen an: «Passieren Sie, Bürgerin!»

Rybec interpretierte die Geste im Sinne von «Verziehe Dich, solange ich Dich noch nicht überfahren habe!» und wich schnell zurück auf den Bürgersteig, in Erwartung, gemäß ihrer Worte, «dass dieser

122

Psychopath vorbeifahren würde». Der Fahrer beschloss, dass die Frau seltsam sei und gab vorsichtshalber ein Warnsignal. Rybec hat begriffen, dass er hupe, weil er sie für taub halte, und schüttelte den Kopf: im Sinne: «Ich bin nicht so taub wie es Ihnen scheint. »

Kubykin bewertete das Kopfschütteln als «ich verzichte auf das Überqueren» nickte und fuhr los. Rybec vernahm das Nicken als: «Ich fahre langsam, du schaffst es hinüber zu sausen!» und stürmte querfeldein. Der Lastwagen kam zum stehen. Rybec blieb stehen, ohne zu wissen mit welcher Geschwindigkeit er fahren würde, daher konnte sie nicht schlussfolgern, mit welcher Geschwindigkeit sie hinüber rennen sollte. Kubykin kam zum Schluss, die Frau sei wahnsinnig. Den Rückwärtsgang eingelegt, verschwand er hinter der Ecke, damit sie sich beruhige und passiere. Rybec entzifferte das Manöver folgendermaßen: Der Fahrer wolle an Tempo gewinnen und mit Vollgas plötzlich hinter der Ecke auftauchen! Deswegen ließ sie das Überqueren. Als Kubykin nach 40 Minuten um die Ecke bog, stand die Frau wie angewurzelt auf dem Gehweg. Der Lastwagen fuhr zurück. Ohne zu wissen, was man von ihr erwarten sollte, beschloss Kubykin einen Umweg zu machen, und schlug einen anderen Weg ein - vorausahnend, dass die Sache kein gutes Ende nehmen würde. Nachdem der Lastwagen erneut verschwunden war, rannte Rybec, ohne zu verstehen, was dieser Typ sich ausgedacht hatte, panisch durch Hinterhöfe und rief: «Hilfe, ich werde getötet!»

Um 19 Uhr an der Ecke der Posadskaja- und Bebelstraße schossen sie sich entgegen. Kubykin schaffte es kaum zu bremsen. Rybec schaffte es kaum sich zu bekreuzigen. Mit der Einsicht, dass der Lastwagen nicht wegfährt bevor er sie überfahren hat, zeigte sie Kubykin den Stinkefinger, signalisierend: «Du überfährst mich nicht! »

Kubykin, bei dem, gemäß seiner Worte, bereits die Kreise vor den Augen schwammen, sah in dem roten Kreis den Stinkefinger, hielt diese für ein Straßenzeichen: «Fahrer, Fahrbahn räumen!», — fuhr auf den Gehweg und räumte die Straße für die Idiotin. Rybec hatte begriffen, dass der Fahrer sturzbetrunken sei und sie auf dem Gehweg überfahren würde, wo Außenstehende verletzt werden könnten und fasste den einzig richtigen Entschluss: Sie stürzte sich dem Auto entgegen, um den Schlag auf sich zu nehmen. Kubykin legte den Rückwärtsgang ein. Rybec machte es ihm nach. So manövierten sie an die drei Stunden. Es dämmerte. Und da begriff Kubykin: Die Frau hat man in ihrer Kindheit schwer angefahren und er sieht wahrscheinlich wie der Fahrer aus, der sie nicht endgültig überfahren hatte! Damit sie ihn nicht fürchte, zog Kubykin sich die schwarze Strumpfhose, die er für seine Frau gekauft hatte, über das Gesicht.

Nach genauer Betrachtung erkannte Rybec in Kubykin einen besonders gefährlichen Verbrecher, dessen Foto in der Zeitung abgedruckt war. Rybec entschloss sich, ihn zu entwaffnen und mit einem «Hurra!» schleuderte sie eine volle Kanne Milch gegen das Auto. Kubykin wich zur Seite und fuhr gegen eine Straßenlaterne, die beim Fallen einen gewissen Herrn Sidorčuk einquetschte, nach dem die

Polizei tatsächlich fünf Jahre lang vergeblich gefahndet hatte. So wurde, durch das entschlossene Verhalten der Bürger ein sehr gefährlicher Verbrecher gefasst.

С. АЛЬТОВ

Истина

Нóвенький красный с белым трамвай подкатил к остановке. Наверху, где положено, номер — 49. А в нижнем углу, слева от водителя, другой номер — 25. Очевидно, один из номеров при перемене маршрута забыли снять.

Люди, толкаясь, лезут в двери, тревожно переспрашивая друг друга:

— Как он идёт, идёт как? По 49-му или по 25-му?

— Слепой, что ли? Номер вверху видал? 49-й!

— Ничего подобного! Это 49-й, но сегодня его пустили по 25-му по просьбе трудящихся.

— Дайте влезть! Вы в 49-й садитесь?

— Сажусь, но не в 49-й, а в 25-й!

Короче, набился полный трамвай тех, кто сел в 49-й, и тех, кто влез в 25-й. Двери захлопнулись, трамвай поехал.

— Товарищи! Кто-нибудь может толком сказать, в каком трамвае я еду?

— Лично я еду в 49-м!

— Ага! Люди! Посмотрите на неё! Все едут в 25-м, а бáрышня в 49-м! Я сейчас со смеху умру!

— Умрёте Вы позже, когда приедем на 49-м не на кольцо, а в Кузьминки!

— Милая моя, сначала доедете с нами до Манóново. А оттуда на такси за двадцать пять рублей рванёте к себе в Кузьминки! Да Вас ещё никто и не повезёт, оттуда не уезжают.

— Спросите у вагоновожáтого, он-то должен знать, куда едет!

— Вожáтый закрылся, у него орёт транзистор, что-то объявляет в микрофон, но звука нету!

— Граждане! Друзья! Мы же разумные существа! Дама, Вас я не имею в виду! Проголосúем! Куда едет большинство, значит, туда поедут все! Это логично! Кто едет в этом трамвае в Кузьминок, поднимите руки! Так, пятьдесят пять. А есть идиóты, которые думают, что они в этом же трамвае доедут в Мамóново? Та-ак... Тоже пятьдесят пять...

— Женщина! Прекратите истерику, не сморкайтесь в меня! До мостá 49-й и 25-й идут одинаково! А там он повернёт налево!

— А я говорю — направо, это и ежú понятно!

— То-то я не вижу здесь ни одного ежá. В отличие от Вас, ежи никогда не садятся в трамваи, которые идут по двум маршрутам одновременно.

— Что значит «одновременно»?! Как можно идти направо и налево одновременно! Или

трамвай за мостом разваливается напололам?

— Дама, кончайте реветь! У всех муж дома голодный! У тебя где муж голодает, слева или справа? Слева? Поздравляю! Умрёт голодным!

— Послушайте, товарищ! Все орут, а Вы молчите! Некрасиво. Можно подумать, Вы один знаете, куда идёт трамвай!

— Да, я знаю. Но Вам не скажу.

— Почему?

— Вы тогда выброситесь.

— Вы меня пугаете! Куда идёт этот трамвай?!

— Между нами, он идёт по восьмому маршруту. Я дал вожатому пятёрку, он обещал подвезти. Только тс-с! Не надо остальных волновать!

— Как по восьмому? Пустите, я выброшусь!

— Никто не выбросится, двери заклинило, до кольца никто живым не выйдет!

— Дайте водителю по башке! Скажите — от меня! Мы имеем право знать, куда едем!

— Если ему дать по башке, трамвай сойдёт с рельсов!

— Пусть! Лучше сойти с рельсов, чем по рельсам неизвестно куда!

— Уступили бы место старушке! Бугай в кепке, я Вам говорю!

— Это я-то старушка?! Да я моложе вас всех, вместе взятых! Просто после вчерашнего плохо выгляжу.

— Видите, может, она моложе меня. С какой стати уступать место?! К тому же я еду в 49-м, а бабушка в 25-м! Пусть сначала в наш трамвай пересядет!

— Слушайте, может, это террористы?!

— В каком смысле?

— Ну, угнали трамвай и на нём — в Турцию.

— С каких это пор 49-й начал ходить в Турцию?

— Простите, жена просила дрожжи достать. Не в курсе, в Турции дрожжи есть?

— В Турции есть всё, но на 25-м туда не доедете!

— А на 49-м?..

В это время трамвай выехал на мост. Все замерли. Направо не повернул! Половина пассажиров восторженно взвыла. И налево не повернул! Тут подпрыгнула от радости вторая половина. И кинулась целовать первую. Трамвай шёл вперёд, прямо, туда, куда никому не было нужно. Но все были счастливы, потому что справедливость восторжествовала.

Aufgaben:

Wie verstehen Sie die Redewendung «эзопов язык»? Kann man diese Redewendung zur Analyse des oberen Textes verwenden? Was symbolisieren hier: die Straßenbahn, die Passagiere, der Fahrer?

Welche menschlichen Eigenschaften demonstrieren die Passagiere?

Wie muss man sich in einer Straßenbahn oder in einem Bus in Russland verhalten?

Wie haben Sie folgende Redewendungen übersetzt: идти по маршруту, умереть со смеху, уступить место, угнать трамвай, всех вместе взятых?

Kennen Sie die Geschichte der Wörter: толком, барышня, вагоновожатый, голосовать, заклинить, бугай? Geben Sie jedem Wort eine stilistische Charakteristik und nennen Sie die Wörter, die in der heutigen Sprache nicht mehr verwendet werden (устаревшие слова).

Wann wurde Ihrer Meinung nach dieser Text verfasst? Erklären Sie Ihre Entscheidung.

S. Al'tov

Die Wahrheit

Eine neue, rot-weiße Straßenbahn rollte an die Haltestelle heran. Oben, wie es sich gehört, steht die Nummer: 49. In der unteren Ecke, links vom Fahrer, steht aber eine andere Nummer: 25. Offensichtlich, vergaß man beim Wechsel der Linie, eine der Nummern zu entfernen.

Die Menschen, einander stoßend, drängten sich durch die Türen hinein und fragen besorgt:

— Wie fährt sie denn, wie fährt sie? Fährt sie die 49- er oder die 25- er Route?

— Bist du etwa blind? Hast du die Nummer oben gesehen? 49!

— Nichts dergleichen. Das ist die 49, aber auf die Bitte der Arbeitenden fährt sie heute die 25er Route.

— Lassen Sie mich rein! Steigen Sie in die 49- er ein?

— Ich steige ein, aber nicht in die 49- er, sondern in die 25- er.

Kurz gesagt, die Bahn füllte sich mit denen, die in die 49- er einstiegen, und mit denen, die sich in die 25er hineindrängten.

Die Türen schlugen zu, und die Straßenbahn fuhr los.

— Genossen! Kann mir jemand genau sagen, mit welcher Straßenbahn ich fahre?

— Ich persönlich fahre mit der 49er!

— Aha! Leute, schaut euch die an. Alle fahren mit der 25- er, aber das Fräulein hier fährt mit der 49er!

Ich sterbe gleich vor Lachen.

— Sterben werden Sie später, wenn wir nicht am Stadtring, sondern in Kuz'minki ankommen.

— Meine Liebe, zuerst fahren Sie mit uns bis nach Mamonovo, und von da aus nehmen Sie für 25 Rubel ein Taxi und fahren zu sich nach Kuz'minki. Zudem wird Sie eh keiner mitnehmen, weil man von dort nicht mehr wegkommt.

- Fragen Sie den Wagenführer, er muss doch wissen, wohin er fährt.
- Der Wagenführer hat sich eingeschlossen, bei ihm schreit das Radio, er verkündet etwas durch das Mikrophon, aber es gibt keinen Ton.
- Mitbürger, Freunde! Wir sind doch vernünftige Wesen. Sie, meine Dame, meine ich nicht! Lasst uns abstimmen! Wohin die Mehrheit fährt, dahin fahren dann alle! Das ist logisch! Wer in dieser Bahn nach Kuz'minki fährt, der hebe die Hand! Fünfundfünfzig. So, gibt es Idioten, die denken, dass sie mit derselben Straßenbahn in Mamonovo ankommen? Soooo, auch Fünfundfünfzig.
- Gute Frau, hören sie auf hysterisch zu sein und putzen Sie ihre Nase nicht an mir ab! Bis zur Brücke fährt die 49- er genauso, wie die 25- er und dann biegt sie nach links ab!
- Und ich sage: nach rechts, das ist sogar einem Igel klar.
- Deshalb sehe ich hier keinen einzigen Igel. Im Unterschied zu Ihnen, steigen die Igel nicht in eine Straßenbahn, die gleichzeitig zwei unterschiedliche Routen fährt.
- Was heißt hier „gleichzeitig“? Wie kann man gleichzeitig nach rechts und links fahren? Oder zerfällt die Straßenbahn hinter der Brücke in zwei Hälften?
- Meine Dame, hören Sie auf zu heulen! Bei allen sitzt zu Hause ein hungriger Ehemann. Wo hungert Ihr Mann, links oder rechts? Links? Gratuliere! Er wird vor Hunger sterben.
- Hören Sie, Genosse! Alle schreien, aber Sie schweigen. Das ist nicht schön. Man könnte meinen, Sie seien der Einzige, der weiß, wohin die Bahn fährt.
- Ja, ich weiß es. Aber ich sage es Ihnen nicht.
- Warum?
- Sie werden sich sonst aus der Straßenbahn werfen.
- Sie machen mir Angst. Wohin fährt diese Straßenbahn?
- Unter uns, sie fährt die 8- er Route. Ich habe dem Straßenbahnführer einen Fünfer gegeben, er versprach mir dafür, mich dahin zu bringen. Aber psst! Sie sollten nicht die anderen beunruhigen.
- Wie die 8- er Route? Lassen Sie mich, ich werfe mich raus!
- Niemand wirft sich raus, die Türen klemmen, bis zum Ring steigt niemand lebendig aus!
- Hauen Sie dem Wagonführer auf den Kopf! Und sagen Sie ihm, es ist von mir! Wir haben das Recht, zu wissen, wohin wir fahren!
- Wenn man ihm auf den Kopf schlägt, wird die Straßenbahn entgleisen.
- Soll sie! Besser entgleisen, als auf den Gleisen geradewegs ins Ungewisse zu fahren.
- Würden Sie der älteren Frau den Platz freimachen. Sie, Stier mit der Schirmmütze, ich rede mit Ihnen.
- Ich soll eine ältere Frau sein?! Ich bin jünger, als sie alle zusammengenommen. Nur sehe ich wegen dem gestrigen Abend schlecht aus.

— Sehen Sie, sie ist jünger als ich. Aus welchem Grund soll ich ihr den Platz freimachen?! Außerdem fahre ich mit der 49er und die alte Frau - mit der 25er. Soll sie doch zuerst in die richtige Straßenbahn umsteigen!

— Hören Sie mal, vielleicht sind's Terroristen?

— Wie meinen Sie das?

— Na, sie entführen die Straßenbahn...und ab in die Türkei.

— Seit wann fährt die 49- er in die Türkei?

— Verzeihen Sie, meine Frau hat mich gebeten, Hefe mitzubringen. Wissen Sie zufällig, ob es in der Türkei Hefe gibt?

— In der Türkei gibt es alles, aber mit der 25- er kommen Sie nicht hin.

— Und mit der 49er?

Zu dieser Zeit fuhr die Straßenbahn auf die Brücke. Aller erstarrten. Sie bog nicht nach rechts ab. Eine Hälfte der Passagiere heulte begeistert auf. Und nach links bog sie auch nicht ab. Hier sprang vor Freude die andere Hälfte auf. Und machte sich daran, die erste Hälfte zu küssen. Die Straßenbahn fuhr geradeaus weiter, dahin, wo niemand hin musste. Aber alle waren glücklich, weil die Gerechtigkeit gesiegt hatte.

М. Городинский

Сумма знаний

Приятно, когда люди много знают. Однако бывают такие знания, которые в науке и производстве не употребишь, в деньги, предметы модной одежды и сытного питания не преобразуешь. А долго держать такие знания в себе тоже глупо и даже невыносимо. Ведь на то и знания, чтобы ими делиться.

Может, это мне попалась такая электричка, такой вагон, сплошь набитый исключительно знающими людьми. Или просто одни сидели, а другие, наоборот, стояли или уже почти лежали, что тоже весьма способствует выходу наружу всяких знаний.

— Вы, конечно, извините, — довольно вежливо не выдержала одна женщина, как только мы отъехали, — но так храпеть, как храпит Ваш муж, или кто он Вам, неприлично. Он не у себя в постели. И тем более не у себя в поезде.

— Во-первых, я его впервые вижу и слышу, — ответила невинная, глядя на крупную мужскую голову, лежавшую на ее плече, — а во-вторых, если уж на то пошло, у Вашего ребёнка будет завороток кишок. Я не считала, но, пока мы едем, он слопал семь с половиной котлет. Так нельзя!

— Господи, ну что за люди! — присовокупила свое знание третья. — «Завороток», «кишок», слова-то какие! Ну, съел больной ребёночек у больной мамы восемь котлет, на то и детство. Нельзя же быть такой злой! И конечно, извините, но так красить губы... Вы, случайно, не маляр?

— А Вы-то чего суётесь! — заметил парень с транзистором. — Неужели поговорку не знаете: «Две собаки дерутся, третья не мешай».

— Попрошу Вас не обижать собак, — кинул ему мужчина, ласково поцеловав в губы своего пса, — и ещё раз требую: сделайте потише свою шарманку! Я не обязан слушать эти дикие вопли!

— А я бы на Вашем месте сидела и не чирикала, — включилась девушка, ехавшая с парнем, — сами без намордника едете, а еще вякаете!

— Боже, что они сделали с русским языком! — всплеснула руками старушка, — «вякают» часы, а не люди...

— Бабуля... Или у Вас такие часы, или у Вас такой склероз, — оторвавшись от книги, улыбнулся человек напротив. — Часы звякают, а не вякают. Звя-ка-ют. А еще часы могут бить, звонить, тренькать, играть разные мелодии и куковать.

— Говнюк! — со знанием дела сказала румяная толстуха с ведром цветов. — Все книги перечитают, лишь бы место не уступать! Наркотик бесстыжий!

— Да мы и так вам все уступили! — пустила свои знания на защиту интеллигенции женщина у окна. — Вот вы теперь права и качаете! Из грязи — в князи, минуя все остальные стадии! Постоите, княжна, постоите!

— Да сама ты... княжна! — процедил кто-то сзади.

— Между прочим, любовь и сострадание к простым людям всегда были лучшими чертами нашей интеллигенции. Такие вещи надо помнить, — сказал старичок в соломенной шляпе.

— Вы, дядечка, только не обижайтесь, — приняла эстафету следующая, — но, кроме дырки в носке, никаких доказательств Вашей интеллигентности я что-то не вижу. И, только не обижайтесь, не такой Вы старый, чтобы ездить без передних зубов.

— Тоже мне красotka выискалась! — вступил другой. — Сидит и провизионной сумкой обмахивается! Веер, веер надо носить, если такое по□тоотделение!

— Да и Вам бы, кстати, не мешало... хотя бы разок в месяц дезодорантом, а лучше хлорофосом... а то, знаете... — зажимая платочком нос, высказалась следующая.

— Ой, родненькая, ты как ребёночка-то запеленала! — точно заразившись жаждой правды и справедливости, запричитала бабка в середине вагона, — он-ить у тебя не дышать! Рази ж так можно, доченька! Дай-кося научу...

— Да оставь ты людей, Мироновна! — глядя в окно, заметила её соседка. — Ты вон своего нехристя пеленала-пеленала, грудью до десяти лет кормила, последние деньги ему отдавала, а он даже под амнистию не попал!

Казалось, только мужчина с крупной головой уж ничего не знает и знать не хочет, кроме крепкого здорового сна. Но тут и он на мгновение пробудился и, зевнув, сказал своей соседке: — Да кто ж так плечом-то дёргает! И что у тебя за плечо такое, прямо не понимаю... Не ешь ни черта, что ли...

Вот так мы и ехали, обмениваясь хлынувшими как из ведра знаниями. Толком никто ничего не знал. Но чего-нибудь каждый знал обязательно и, как нынче водится, прямо и без утайки вносил свой посильный вклад в общую сокровищницу правды и гласности. Похоже, не осталось ни одной пассажирки или пассажира, которому не указали бы на его внешние и внутренние недостатки и упущения. Лично я узнал в тот день, что так никто не стоит. Вообще никто на свете вот так не стоит. Только я и больные страусы. Ещё я узнал, что моё молчание в такой обстановке есть душевная подлость. Так молчат только те, кто едет без билета и не в ту сторону. Наконец, я узнал, что с моим лицом вообще больше нельзя ни жить, ни ездить, мне с ним надо срочно что-то делать, а если я не сделаю сам, мне прямо сейчас с удовольствием помогут.

Сумма добытых совместно знаний была так велика, что из электрички выползали медленно, с трудом переваривая полученную информацию и впопыхах выкрикивая друг другу последние наказы и напутствия. Некоторые даже на привокзальной площади все ещё утоляли и утоляли неистребимую жажду во что бы то ни стало научить, исправить и улучшить другого. Чтобы когда-нибудь хоть раз в жизни проехаться в нормальном вагоне, среди людей исключительно красивых, ароматных, заштопанных, умеющих правильно сидеть, стоять, вдыхать, выдыхать и, главное, не вякать, когда тебя учит знающий человек, среди точь-в-точь таких, каким каждый из пассажиров представляется самому себе.

Aufgaben:

Wann wurde der Text geschrieben? Was wissen Sie über Russland in dieser Zeit? Was bedeutet für Sie «гласность» und welche Bedeutung haben ihr die Sowjetbürger zugeschrieben?

Wo findet die Handlung statt? Welche Bevölkerungsschichten sind in diesem Zug unterwegs? In welchem Verhältnis stehen sie zueinander? Warum? Mit welcher Schicht sympathisiert der Autor?

Übersetzen Sie ins Deutsche: Две собаки дерутся, третья – не мешай! Попасть из грязи в князи (минуя все остальные стадии).

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: электричка, сплошь, способствовать, если уж на то пошло, завороток кишок, слопать, присовокупить, соваться, шарманка, склероз, качать права, тоже мне, (красотка) выискалась, провизионная сумка, запричитать, нехристь, хлынуть как из ведра, знать толком, внести посильный вклад, наказ, напутствие, утолять жажду? Geben Sie diesen Worten eine ausführliche stilistische und historische Charakteristik. Finden Sie im Text Synonyme zum Wort «говорить».

M. Gorodinskij

Die Summe der Kenntnisse

Es ist angenehm, wenn die Menschen viel wissen. Jedoch, gibt es auch Kenntnisse, die man in der Wissenschaft und Produktion nicht anwenden; weder in Geld noch in modische Kleidung oder sättigende Nahrung verwandeln kann. Aber es ist dumm und unerträglich, solche Kenntnisse längere Zeit für sich zu behalten. Dafür sind das ja Kenntnisse - um sie zu teilen.

Vielleicht habe ich solch einen Nahverkehrszug erwischt, solch einen Waggon, voll gestopft mit ausschließlich wissenden Menschen. Oder einfach: Die einen saßen, und die anderen standen (oder lagen schon fast), was durchaus dazu beiträgt, dass die verschiedenen Kenntnisse hervorbrechen.

— Entschuldigen sie, — eine Frau konnte sich nicht mehr beherrschen, sobald wir wegfuhrten, — aber so zu schnarchen, wie Ihr Mann schnarcht, oder wer er auch sein mag, ist unanständig. Er ist nicht in seinem eigenen Bett. Und vor allem nicht in seinem eigenen Zug.

— Erstens, ich sehe und höre ihn zum ersten Mal, — antwortete die Unschuldige, auf den großen männlichen Kopf blickend, der auf ihrer Schulter lag, — und zweitens, wenn wir gerade dabei sind, bei ihrem Kind wird es eine Darmverschlingung geben. Ich habe nicht mitgezählt aber solange wir fahren, hat er siebeneinhalb Buletten verdrückt. Das darf nicht sein!

— Mein Gott, was für Leute! — fügte ihr Wissen eine dritte hinzu. — «Verschlingung», «Darm» — was für Wörter! Na, hat das kranke Kindchen von der kranken Mutter acht Buletten gegessen, dazu ist doch die Kindheit da. Man darf doch nicht so böse sein! Und natürlich, Sie entschuldigen, aber sich so die Lippen zu färben...Sie sind nicht zufällig eine Malerin?

— Und was mischen Sie sich ein! — bemerkte ein Bursche mit einem Transistorradio. — Kennen sie nicht das Sprichwort: «Wenn zwei Hunde kämpfen, mischt sich der dritte nicht ein».

— Ich bitte Sie, die Hunde nicht zu beleidigen, — schleuderte ihm ein Mann entgegen, indem er zärtlich seinen Hund auf die Lippen küsste, — und ich verlange noch mal: schalten sie ihren Leierkasten leiser! Ich muss mir nicht dieses wilde Geschrei anhören!

— Und ich an ihrer Stelle würde ruhig dasitzen und nicht zwitschern, — schaltete sich ein Fräulein ein, das mit dem Burschen fuhr, — sie fahren ohne Maulkorb und dann noch motzen!

— Gott, was haben die mit der russischen Sprache angestellt! — wedelte eine Greisin mit den Händen, — «motzen» die Uhren und nicht die Menschen...

— Omilein... Entweder haben sie derartige Uhren oder derartige Sklerose, — sich vom Buch losreißend, lächelte ein Mensch gegenüber. — Uhren klingeln und motzen nicht. Klingeln. Und außerdem können die Uhren schlagen, läuten, bimmeln, unterschiedliche Melodien spielen und Kuckuckslaute von sich geben.

— Stinker! – mit Erfahrung in dieser Sache sagte eine rosige Dicke mit einem Eimer Blumen. — Man liest Bücher, nur um den Platz nicht anbieten zu müssen! Junkie schamloser!

— Wir haben ihnen sowieso schon alle Plätze freigemacht! — entließ ihre Kenntnisse, zum Schutz der Intelligenz, eine Frau am Fenster. — Deshalb verlangen Sie jetzt nach ihren Rechten! Aus dem Dreck — ins Fürstentum, alle restlichen Stadien überspringend! Sie können stehen, Eure Hoheit, stehen!

— Du bist selbst...eine Hoheit! — zischte jemand von hinten.

— Übrigens, Liebe und Mitgefühl zu den einfachen Leuten waren immer die besten Züge unserer Intelligenz. An solche Dinge muss man sich erinnern, — sagte ein Opa mit einem Strohhut.

— Sie, Onkelchen, seien Sie nicht beleidigt, — nahm die nächste den Staffelstab an. — Aber, außer dem Loch in der Socke, sehe ich irgendwie keine Beweise Ihrer Intelligenz. Und, seien Sie bloß nicht beleidigt, Sie sind noch nicht alt genug, um ohne die Vorderzähne zu verreisen.

— Du bist mir auch eine Schönheit! – setzte sich ein anderer ein. — Sitzt und wedelt mit einer Einkaufstasche! Einen Fächer, Fächer muss man tragen, wenn man so eine Schweißbildung hat!

— Ja, und ihnen würde es übrigens auch nicht schaden... wenigstens einmal im Monat mit dem Deodorant, oder besser noch mit Chlor sonst wissen sie...— sagte die nächste, sich mit dem Taschentuch die Nase zuhaltend.

— Oh, meine Liebe, wie hast du bloß dein Kindchen eingewickelt! — als ob sie vor Verlangen nach Wahrheit und Gerechtigkeit angesteckt wurde, schnatterte ein altes Weib in der Mitte des Waggons, — er kann bei dir ja nicht atmen! Darf man denn das, Töchterchen! Komm ich bringe dir bei...

— Ja, lass doch die Leute, Mironovna! — zum Fenster hinausblickend, bemerkte ihre Nachbarin. — Du hast dein Biest gewickelt und gewickelt, hast ihn bis zu seinem zehnten Geburtstag mit der Brust gefüttert, hast ihm dein letztes Geld gegeben, und er ist nicht einmal unter die Amnestie gekommen! Es schien, als ob der Mann mit dem großen Kopf nichts weiß und nichts wissen will, außer festem gesundem Schlaf. Doch da wachte auch er für einen Augenblick auf und - nach dem er gegähnt hatte - sagte er zu seiner Nachbarin:

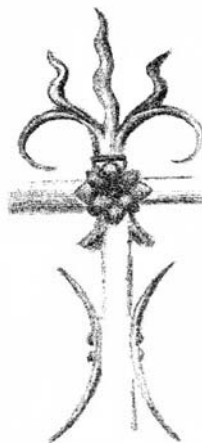
— Ja, wer zuckt denn nur so mit der Schulter! Und was hast du bloß für eine Schulter, ich begreife es einfach nicht... Isst du nichts oder was...

So fuhren wir, indem wir wie aus dem Eimer fließende Kenntnisse tauschten. Richtig wusste keiner etwas. Etwas wusste aber bestimmt jeder und, wie es heutzutage üblich ist, direkt und ohne es zu verstecken machte man einen, seinen Kräften entsprechenden Beitrag für gemeinschaftliche Schatzkammer der Wahrheit und Gleichheit. Es schien, dass es keinen Passagier oder Passagierin gab, den man nicht auf seine äußeren und inneren Mängel und Nachlässigkeit aufmerksam gemacht hätte. Ich persönlich erfuhr an diesem Tag, dass niemand so steht wie ich. Überhaupt stehe niemand auf der Welt so. Nur ich und kranke Strauße. Zudem erfuhr ich, dass mein Schweigen in solch einer Situation eine geistige Niederträchtigkeit sei. So schweigen nur die, die ohne einen Fahrschein fahren und in die falsche Richtung. Zum Schluss erfuhr ich, dass man mit meinem Gesicht überhaupt nicht mehr leben und fahren kann. Ich muss damit dringend etwas tun, und wenn ich das nicht selbst tue, wird mir sofort mit Vergnügen geholfen.

Die Summe der gemeinsam gewonnenen Kenntnisse war so riesig, dass man - mit Anstrengung die erhaltenen Informationen verdauend - aus dem Nahverkehrszug langsam herauskroch, sich in Eile gegenseitig die letzten Ratschläge und Flüche herausschreiend. Einige versuchen sogar auf dem Bahnhofplatz, immer noch diesen unseren nicht zu löschenden Durst loszuwerden, jemanden in irgendetwas zu belehren und zu verbessern. Um irgendwann, wenigstens einmal im Leben in einem normalen Waggon zu sitzen, inmitten von Leuten, die ausschließlich schön, aromatisch, gestopft sind, die richtig sitzen, stehen, einatmen, ausatmen können und vor allem, die nicht motzen, wenn ein wissender Mensch sie belehrt. Also unter solchen Menschen, für welche sich jeder der Passagiere selbst hält.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Was haben Sie über den öffentlichen Verkehr in Russland im Laufe der Jahrhunderte erfahren? Bereiten Sie ein Referat zum Thema: «Verkehrsmittel und Verkehrsregeln in Russland und in der Sowjetunion im 19. und 20. Jahrhundert» vor.
2. Was haben Sie über die Beziehungen zwischen den Menschen (Generationen, Völkerschichten) erfahren?
3. Was bedeutete es für Russen und für Deutsche – ein eigenes Auto zu besitzen (1920, 1960, 1990)?
4. Stellen Sie sich vor, dass Sie sich in Moskau befinden. Erzählen Sie, wie und wo man Fahrkarten besorgen muss, wo kann man den Fahrplan finden u.s.w.
5. Wie werden die o.g. Probleme in den russischen Filmen dargestellt: «Гараж» (1979, Э. Рязанов), «Берегись автомобиля» (1967, Э. Рязанов)?

Die Freizeitgestaltung

В. Верижников

Не все предусмотрели

Шло заседание домового комитета.

— Это верно, — подытожил Пётр Степанович, нужно посадить во дворе деревья. — Нужно! Вот только какие?

— Давайте посадим ёлочки. Я так их люблю, — предложила Елена Семёновна.

— Да Вы что?— ужаснулся Владимир Терентьевич.— В первый же Новый год их срубят под корень. Уж лучше посадим черёмуху. Очень, по-моему, красиво.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Пётр Степанович. — Да Бог с Вами! Весной эту черёмуху всю обломают. Посадим-ка лучше дубы. Вечные деравья, сносу им не будет.

— Дубы? — переспросила Ольга Петровна. — А Игнатъев из третьего подъезда? Вы забыли, что он в свободное время мебель дубовую ремонтирует? Так что, чуть Ваши дубы подрастут, спилит он их, как пить дать. Давайте посадим берёзки. Отопление у нас, слава Богу, центральное, так что...

— А берёзовый сок? — вспомнил Владимир Терентьевич. — Расковыряет ведь молодёжь все стволы! Может быть, липы посадим?

Так и решили. Вскоре во дворе появились липки. Но на следующее же утро, выйдя во двор, члены домкома ужаснулись: у всех лип была ободрана кора!

— Теперь засохнут, — с сожалением произнесла Ольга Петровна, поглаживая оголившиеся стволы.— И как же это я про Рукомойникова из сорок восьмой квартиры забыла?

— А что он? — спросил кто-то.

— Да лапти он, знаете ли, плетёт. Хобби у него такое...

Aufgaben:

Geben Sie dem Inhalt des Textes kurz wieder. Welche Entscheidung musste die Hausverwaltung treffen? Warum darf man im Hof keine Tannenbäume, Birken, Eichen oder Linden setzen? Was denken Sie, warum erlaubt sich ein Hausbewohner das allgemeine Eigentum zu beschädigen?

Versuchen Sie den Sinn des Spruches: «Всё у нас народное, всё у нас моё» — zu erklären. Seit wann herrschten solche Gedanken in Russland? Wer oder was war daran schuld?

Übersetzen Sie ins Deutsche: срубить под корень, Бог с Вами, сносу не будет, как пить дать, лапти плести.

V. Verižnikov

Wir haben nicht alles vorausgesehen

Die Sitzung des Hauskomitees war in vollem Gange.

— Das ist richtig, — zog Pjotr Stepanovič den Schluss, — man muss im Hof Bäume pflanzen. Muss man! Aber welche?

— Kommt, wir pflanzen Tannenbäumchen. Ich liebe sie so, — schlug Elena Semjonovna vor.

— Sind Sie noch bei Trost? — Vladimir Terent'jevič war entsetzt. — Beim ersten Neujahrsfest wird man sie alle fällen. Wir pflanzen besser Faulbeerbäume. Ich finde das sehr schön.

— Ha, ha, ha! — Pjotr Stepanovič fing an zu lachen. — Gott sei mit ihnen! Im Frühjahr wird man diese Faulbeerbäume alle kaputt machen. Besser, wir pflanzen Eichen. Das sind ewige Bäume, für sie gibt es keine Abnutzung.

— Eichen? — fragte Olga Petrovna nach. — Und der Ignat'jev aus dem dritten Treppenhaus? Haben sie vergessen, dass er in seiner Freizeit Eichenmöbel repariert? Also, sobald ihre Eichen herangewachsen sind, wird er sie absägen, ich schwöre es. Kommt wir pflanzen Birken. Wir haben, Gott sei Dank, Zentralheizung, also...

— Und der Birkensaft? — erinnerte sich Vladimir Terent'jevič. — Die Jugend wird alle Stämme durchbohren! Vielleicht pflanzen wir Linden?

So wurde es auch beschlossen. Kurze Zeit darauf tauchten im Hof Lindenbäumchen auf. Aber schon am nächsten Morgen, kaum haben sie den Hof betreten, waren die Mitglieder des Hauskomitees entsetzt: Bei allen Linden war die Rinde abgerissen!

— Jetzt werden sie vertrocknen, — sagte Olga Petrovna traurig, die nackt gewordenen Stämme streichelnd. — Wie konnte ich bloß den Rukomojnikov, aus der achtundvierzigsten Wohnung, vergessen?

— Was ist mit ihm? — fragte jemand.

— Ja, wissen Sie, er webt Holzschuhe. Das ist sein Hobby...

Б. Ласкин

На футболе

О н а (что-то напевает на мотив футбольного марша) Обожаю футбол!..

О н. Это новость. Впервые слышу.

О н а. Да-да, я очень люблю футбол.

О н. Ну что ты понимаешь в футболе?

О н а. Не говори глупостей!

О н. На прошлой неделе ты приехала на стадион за два часа до начала игры. Зачем?

О н а. Ну как зачем?.. Я люблю приехать пораньше, посмотреть, где кто, кто с кем, кто в чём. Это же интересно!

О н. В спортивном отношении?

О н а. Конечно. Между прочим, в прошлый раз приезжаю, и первая, кого я встречаю... как ты думаешь, кто это был?

О н. Понятия не имею.

О н а. Это была... Елена Николаевна!

О н. Как?! Она тоже ходит на футбол?

О н а. Конечно. Знаешь, я смотрю на нее, она смотрит на меня. Идём садиться. Она опять смотрит на меня, видит моё серое пальто — удар! Я нарочно снимаю пальто, она видит мой зелёный костюм... Ещё удар! Обожаю футбол!

О н. Это ты запомнила... Скажи, пожалуйста, а ты помнишь, кто стоял в воротах?

О н а. Кто стоял в воротах?

О н. Да.

О н а. Конечно, помню.

О н. Ну кто?

О н а. Мария Аркадьевна с мужем и Василий Павлович, у него не было билета, его вообще дальше ворот не пустили. Масса народу, конная милиция...

О н. А как проходила игра?

О н а. Потрясающе!.. Представляешь себе? Синие наступают, полосатые сбились в кучу. Нужно бить по воротам. Я сижу, не дышу. Нападение, полунападение, защита... Полно людей... И вдруг этот защита, знаешь, высокий, снимает шляпу и кланяется — здравствуйте...

О н. Подожди, подожди... Какой лысый защитник?

О н а. Ну этот, адвокат, член коллегии защитников. Ты его должен помнить.

О н. Я его помню, но ты мне всё-таки скажи, как проходила игра?

О н а. Потрясающе. Но самое смешное было после антракта. Они перепутали ворота. Синие стали играть там, где полосатые, а полосатые — там, где синие. Я так хохотала, невозможно.

О н. Ну, а что ж всё-таки было на поле?

а н а. Что было на Поле?.. Сейчас вспомню. На Поле было очень миленькое розовое платье из жатого ситчика и соломенная шляпка. На другой это выглядело бы вообще примитивно, а на Поле оно имело вид...

О н. Меня не интересует, что было на Поле. Меня интересует, что было на футбольном поле.

О н а. Тебя невозможно понять. Ты сам себе противоречишь.

О н. Ну хорошо. Не будем ссориться. А ты не помнишь, кто судил этот матч?

О н а. Судья и... два народных заседателя. Они всё время бегали...

О н. Понятно... Я задам тебе ещё один вопрос...

О н а. Хоть сто.

О н. Ну зачем так много — сто? Всего один вопрос... Зачем ты ходила на футбол?

Aufgaben:

Welche Hobbys sind, Ihrer Meinung nach, nur für die Frauen und welche – nur für die Männer geeignet? Warum gehen Männer zum Fußball? Warum mag die Frau dieses Spiel?

Was bedeutet für Sie: «Мужчины и женщины говорят на разных языках»? Wie kann man diese Volksweisheit anhand des Textes illustrieren?

Welche Wörter im Text gehören zu sog. «профессионализмы»?

Welche Schwierigkeiten hatten Sie bei der Übersetzung des Textes?

B. Laskin

Beim Fußball

S i e: (singt etwas nach dem Motiv eines Fußballmarsches) Ich liebe Fußball!

E r: Das ist was ganz Neues. Höre ich zum ersten Mal.

S i e: Ja-ja, ich liebe Fußball sehr.

E r: Na was verstehst du vom Fußball?

S i e: Frag doch nicht so blöd!

E r: Letzte Woche bist du zwei Stunden vor Spielbeginn ins Stadion gekommen. Wieso?

S i e: Wie wieso?... Ich komme gern früher, um zu sehen: wer wo ist, mit wem er da ist, was wer an hat. Das ist doch interessant!

E r: In sportlicher Hinsicht?

S i e: Natürlich. Übrigens, komme ich doch letztes Mal an und die erste, die ich treffe, wer meinst du, wer das war?

E r: Keine Ahnung.

S i e: Das war... Elena Nikolajevna!

E r: Wie? Die geht auch zum Fußball?

S i e: Natürlich. Und weißt du, ich schaue sie an und sie schaut mich an. Wir setzen uns hin. Sie schaut mich erneut an, sieht meinen grauen Mantel — Volltreffer! Ich ziehe mit voller Absicht den Mantel aus, sie sieht mein grünes Kostüm — noch ein Volltreffer! Ich liebe Fußball!

E r: Daran erinnerst du dich... Aber sag mal bitte, weißt du noch, wer im Tor stand?

S i e: Wer im Tor stand?²⁴

E r: Ja.

S i e: Natürlich, weiß ich das.

E r: Na, wer?

S i e: Maria Arkad'jevna mit ihrem Mann und Vasilij Pavlovič, er hatte keine Eintrittskarte und man hat ihn gar nicht weiter, als bis zum Tor vorgelassen. Jede Menge Leute, berittene Miliz.

E r: Und wie ist das Spiel verlaufen?

S i e: Erschütternd! Kannst du dir das vorstellen? Die Blauen greifen an, die Gestreiften rotten sich zu einem Haufen zusammen. Sie sollten auf das Tor schießen. Ich sitze da und wage nicht zu atmen. Stürmer, Mittelfeld, Verteidigung. Alles voller Leute... Plötzlich dieser Verteidiger, weißt du, der lange, nimmt den Hut ab und verbeugt sich: Guten Tag...

E r: Warte, warte. Was für ein glatzköpfiger Verteidiger?

S i e: Na dieser Rechtsanwalt, Mitglied des Verteidigerkollegiums. Du musst dich doch an ihn erinnern.

E r: An den erinnere ich mich wohl, aber sag mir trotzdem wie das Spiel verlaufen ist.

S i e: Ganz toll. Doch das allerlustigste ist nach der Pause passiert. Sie haben die Tore verwechselt. Die Blauen haben dort gespielt, wo die Gestreiften spielen sollten, und die Gestreiften dort, wo die Blauen. Ich habe so gelacht, unmöglich!

E r: Ja, aber was war denn nun auf dem Spielfeld los?

S i e: Was Polja anhatte?²⁵.. Gleich fällt's mir ein. Polja trug ein reizendes rosarotes Kleid aus gecrashtem Kattun und einen Strohhut. An jeder anderen hätte das ganz primitiv ausgesehen, aber an Polja sah es ganz toll aus...

E r: Mich interessiert nicht, was Polja anhatte. Mich interessiert, was auf dem Fußballfeld los war.

S i e: Dich kann man einfach nicht verstehen. Du widersprichst dir ja selbst.

E r: Also gut. Wir wollen nicht streiten. Du erinnerst dich nicht, wer das Spiel geffiffen hat?²⁶

S i e: Ein Richter und... zwei Schöffen. Die sind die ganze Zeit hin und her gerannt...

E r: Verstehe. Ich stelle dir nur noch eine Frage...

S i e: Meinetwegen auch hundert.

²⁴ «Стоять в воротах» bedeuten im Fußball so viel, wie «Torschütze sein», aber in der Umgangssprache heißt es nur «in den Toren, auf der Türschwelle stehen».

²⁵ Das russische Wort «поле» bezeichnet in der kleingeschriebenen Form das Substantiv mit der Bedeutung «Feld, Rasen», hier: «Fußballfeld». Das großgeschriebene Wort «Поле» dagegen stellt den Dativ des Frauennamens «Поля» (Polja) dar. So kommt diese Verwechslung, die im Russischen die Pointe dieses Abschnittes ausmacht, zustande.

E r: Aber warum denn so viele — gleich hundert. Nur eine einzige Frage... Wieso bist du zu dem Fußballspiel gegangen?

В. Константинов, Б. Рацер

В туристический поход

Первый. О чем задумались, Павел Васильевич?

Второй. Отпуск у нас на носу. Как мы с Вами отдыхать будем, Виктор Семёнович?

Первый. Я уже все решил. Мы отправимся в туристический поход по Военно-Грузинской дороге.

Второй. Ну что ж, в поход так в поход.

Первый. Только я Вас предупреждаю: это не загородная прогулка. Туризм — это спорт, здесь нужна соответствующая подготовка, закалка и выдержка.

Второй. Что Вы меня пугаете? Я в прошлом году два месяца на даче выдержал — спал в сарае на сене, без удобств и без света. Так что закалка у меня есть... Говорите, что с собой брать надо?

Первый. Туристы берут в дорогу самое необходимое.

Второй. Понятно. Двухсот рублей хватит?

Первый. Вы меня не так поняли. Надо взять рюкзак, спальный мешок и, конечно, запас продуктов дней на двадцать.

Второй. А что, там с продуктами плохо?

Первый. Продукты там, конечно, есть, но наш маршрут идёт по горным перевалам, по ущельям. Какие же там магазины? Поэтому всё у нас должно быть с собой. Турист, Павел Васильевич, — это человек, который умеет и разжечь костёр, и приготовить себе обед и ужин...

Второй. Что же Вы сразу не сказали? Оказывается, жену надо брать в поход.

Первый. Нет, Павел Васильевич, если уж Вы решили отдыхать как турист, то всё должны делать сами.

Второй. Что же это за отдых — сам ходи, сам вари, сам костёр разжигай?... Глаза б мои не глядели!

²⁶ Auch hier entsteht zwischen den Dialogpartnern ein Missverständnis. Dieses baut folgendermaßen auf: Im Russischen sagt man: «судить матч» = wörtl. «ein Spiel richten». Durch das so verwandte Verb «richten» denkt die Frau an den Richter, der ebenfalls bei dem Spiel anwesend war.

Первый. А зато сколько впечатлений, сколько удовольствий!... Вы знаете, как чудесно Вы себя будете чувствовать! Представляете, Павел Васильевич, — горный воздух, утреннее солнце, родниковая вода... У нас с Вами рюкзаки за спиной, а потом мы поднимаемся в гору...

Второй. Подождите, подождите, а зачем нам с рюкзаками и продуктами в гору лезть? Съедем всё под горой, а потом полезем.

Первый. А что Вы наверху есть будете?

Второй. Как — что? На каждой приличной горе ресторан есть. И гостиница. Пообедаем и заночуем.

Первый. Нет, Павел Васильевич, мы не по таким горам ходить будем. Спать нам придётся под открытым небом, в спальном мешке. И пища у нас будет не ресторанный, а простая — будете сами себе кофе и кашу варить...

Второй. Я вижу, мне с Вами каши не сварить. Я Вам не ребёнок, чтобы в мешке спать! Пусть другие в походы ходят.

Первый. И ходят! Тысячи людей ходят. Туризм помогает им лучше узнать свой край, укрепляет здоровье. Я видел недавно в газете фотографию одного туриста. Представляете — человек на велосипеде проделал путь от Владивостока до Москвы...

Второй. Он же в Москву ехал, а Вы меня в горы тащите. И потом, если бы мою фотографию в газете напечатали, я не то чтобы на велосипеде — я бы на самолёте в Москву прилетел!

Первый. Да, Павел Васильевич, с Вашими взглядами мы ни в какой поход не пойдём! Видно, нам друг друга не убедить.

Aufgaben:

Was bedeutet für Sie der Begriff «турист»? Welche Arten von Tourismus kennen Sie? Welche Unterschiede gibt es zwischen Tourismus in Deutschland und in Russland?

Woran liegt der Unterschied zwischen Rucksack-Touristen in Europa und in Russland? Warum bezeichnen Deutsche Reisen nach Russland oft als «Extrem-Tourismus»? Was würden Sie in den Rucksack einpacken, um in Russland zu wandern?

Welche Zwecke verfolgen die Touristen: gesundheitliche, wissenschaftliche oder andere?

Was wissen Sie über «Военно-Грузинская дорога»? Nennen Sie Ortschaften in Russland, welche bei ausländischen Touristen besonders beliebt sind.

Zum Text: Geben Sie eine Charakteristik des Ersten und des Zweiten: Beruf, Alter, Position in der Gesellschaft, Ziel im Beruf und im Leben u.s.w. Könnte ein solches Gespräch in Deutschland stattfinden?

Was bedeuten folgende Redewendungen: отпуск на носу, глаза б мои не глядели, под открытым небом, закалка и выдержка, плохо с продуктами?

Übersetzen Sie ins Deutsche: Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт.

V. Konstantinov, B. Racer

Auf zur Bergtour

Der Erste: Worüber denken Sie nach, Pavel Vasil'jevič?

Der Zweite: Die Urlaubszeit steht vor der Tür. Wie werden wir denn den Urlaub verbringen, Viktor Semjonovič?

Der Erste: Ich habe schon alles entschieden. Wir werden als Rucksacktouristen die «Georgische Heeresstraße» entlang wandern.

Der Zweite: Was soll's, wenn Wanderung, dann halt Wanderung.

Der Erste: Aber ich warne Sie: Das ist kein Ausflug ins Grüne. Tourismus, das ist Sport. Da braucht man eine entsprechende Vorbereitung, Abhärtung und Ausdauer.

Der Zweite: Wieso machen Sie mir Angst? Ich habe es letztes Jahr zwei Monate lang auf der Datscha ausgehalten — in der Scheune auf dem Stroh geschlafen, ohne jeglichen Komfort und ohne elektrisches Licht. Das heißt, dass ich abgehärtet bin. Sagen Sie, was muss man mitnehmen?

Der Erste: Touristen nehmen für unterwegs nur das Allernotwendigste mit.

Der Zweite: Alles klar. Reichen zweihundert Rubel?

Der Erste: Sie haben mich nicht richtig verstanden. Man muss einen Rucksack, einen Schlafsack und natürlich einen Lebensmittelvorrat für etwa zwanzig Tage mitnehmen.

Der Zweite: Wieso, steht es dort schlecht mit den Lebensmitteln?

Der Erste: Lebensmittel gibt es dort natürlich. Aber unsere Route führt über Gebirgspässe und durch Schluchten. Wo soll es denn da Läden geben? Deshalb müssen wir alles dabei haben. Ein Tourist, Pavel Vasil'jevič, das ist ein Mensch, der sowohl ein Lagerfeuer entfachen als auch ein Mittag- und ein Abendessen zubereiten kann...

Der Zweite: Warum haben Sie das nicht gleich gesagt? Das heißt, man muss seine Frau mit auf die Wanderung nehmen.

Der Erste: Aber nein, Pavel Vasil'jevič, wenn Sie nun schon entschieden haben, als Tourist zu urlaube, dann müssen Sie auch alles selbst machen.

Der Zweite: Aber was ist das für ein Urlaub — man muss selbst laufen, selbst kochen, selbst Feuer machen? Meine Augen wollen so etwas nicht sehen!

Der Erste: Aber dafür werden Sie so viele Erlebnisse bekommen, soviel Freude erleben! Was glauben Sie, wie wundervoll Sie sich fühlen werden! Stellen Sie sich das vor, Pavel Vasil'jevič: Höhenluft,

Morgensonne, Quellwasser. Wir haben beide den Rucksack auf dem Rücken und steigen dann den Berg hinauf...

Der Zweite: Halt, halt, warum müssen wir denn mit den Rucksäcken und den Lebensmitteln auf den Berg kraxeln? Essen wir doch alles am Fuße des Berges auf und kraxeln dann hinauf.

Der Erste: Und was werden Sie dann oben essen?

Der Zweite: Wie, was? Auf jedem anständigen Berg gibt es ein Restaurant. Und ein Hotel. Da werden wir zu Mittag essen und übernachten.

Der Erste: Nein, Pavel Vasil'jevič, über solche Berge werden wir nicht gehen. Wir werden unter freiem Himmel im Schlafsack schlafen müssen. Und wir werden kein Restaurantessen bekommen, sondern ein einfaches. Sie werden selbst ihren Kaffee und ihren Brei kochen...

Der Zweite: Ich sehe schon, wir beide kommen auf keinen gemeinsamen Nenner. Ich bin doch kein Kind, um in einem Schlafsack zu schlafen! Sollen doch andere wandern gehen.

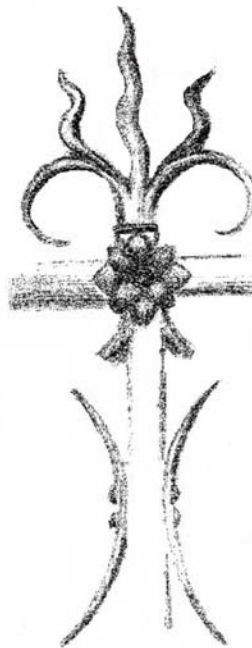
Der Erste: Und sie gehen auch. Tausende wandern. Der Tourismus hilft ihnen, ihr Land besser kennen zu lernen, er stärkt ihre Gesundheit. Kürzlich habe ich in der Zeitung das Bild eines Touristen gesehen. Stellen Sie sich vor, der Mensch hat auf dem Fahrrad die Strecke Vladivostok — Moskau bewältigt...

Der Zweite: Na, der ist ja auch nach Moskau gefahren, Sie aber schleppen mich in die Berge. Und außerdem, wenn man mein Bild in der Zeitung bringen würde, würde ich nicht nur mit dem Fahrrad, ich würde mit dem Flugzeug nach Moskau fliegen.

Der Erste: Tja, Pavel Vasil'jevič, mit Ihren Ansichten werden wir auf keine Wanderung gehen können! Offensichtlich, schaffen wir es nicht, einander zu überzeugen.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Welche Arten der Freizeitgestaltung kennen Sie? Welche sind besonders im Osten verbreitet und welche sind für Westen typisch?
2. Stellen Sie sich vor, dass Sie sich zur einen Reise nach Ural oder zum Bajkalsee vorbereiten. Was würden Sie unbedingt mitnehmen, wo würden Sie Tickets bestellen u.s.w.?
3. Wie wird die Freizeitgestaltung in den russischen Filmen dargestellt: «Три плюс два» (1962, Г. Оганисян), «Москва слезам не верит» (1979, В. Меньшов), «Влюблён по собственному желанию» (1982, С. Микаэлян), «Спортлото-82» (1982, Л. Гайдай)?

Die berüchtigte Gastfreundschaft

Гостеприимство

- У нас чүдная дача. Лес, речка, пляж. Приезжайте в гости. Погуляете, подышите, отдохнёте.
- Спасибо, приеду. А какой у вас адрес?
- Господи, к чему такие церемонии. Приезжайте запросто. Без адреса.

Gastfreundschaft

- Wir haben ein herrliches Landhaus. Wald, Flüsschen, Strand. Besuchen Sie uns. Gehen Sie spazieren, holen Sie Atem, ruhen Sie sich aus.
- Danke, ich komme. Und wie ist Ihre Adresse?
- Mein Gott, wozu solche Zeremonien. Kommen Sie ganz einfach. Ohne Adresse.

Им скучно без тебя

Один человек приехал в гости к своему другу. Друг жил в большом городе. Сначала друг был очень доволен. Но время шло, а человек не хотел уезжать. Наконец, его друг спросил:

- Ты не думаешь, что твоей жене и детям скучно без тебя?
- Ты прав, — ответил человек. — Я завтра напишу им, чтобы они тоже приехали.

Sie langweilen sich ohne dich

Ein Mann kam zu Besuch zu seinem Freund. Der Freund wohnte in einer großen Stadt. Zunächst war der Freund sehr zufrieden. Doch die Zeit verging und der Mann wollte nicht abreisen. Schließlich fragte ihn der Freund: «Meinst du nicht, dass sich deine Frau und deine Kinder ohne dich langweilen?» «Du hast Recht», — antwortete der Mann, — «ich werde ihnen morgen schreiben, dass sie auch hierher kommen müssen».

А.П. Чехов

Закуска

(Приятное воспоминание)

Был пасхальный канун. За час до заутрени зашли за мной мои приятели. Они были во фраках и белых галстуках.

— Очень кстати, господа, — сказал я. — Вы поможете мне убрать стол... Я человек холостой, бабенции у меня не полагается, а посему... помощь дружеская. Плумбов, давай стол отодвинем!

Приятель двинулся к столу, и через какие-нибудь пять минут мой стол уже изображал собой аппетитнейшую картину. Окорок, колбасы, водки, вина, заливной поросёнок...

Убрав стол, мы взялись за цилиндры: пора! Но не тут-то было... Кто-то позвонил...

— Дома? — услышали мы чей-то хриплый голос. — Входи, Илья, не бойся!

Вошёл Прекрасновкусов. За ним робко шагал маленький, чахлый человечек. У обоих под мышками были портфели...

— Тссс... — сказал я приятелям. — Язык за зубами!

— Рекомендую! — сказал Прекрасновкусов, указывая на чахлого человечка. — Илья Дробискулов! На днях к нам поступил, к нашему лику причислился... Да ты не конфузься, Илюша! Пора привыкнуть! А мы, знаете ли, шли, шли, взяли да и зашли. Дай, думаю, зайдём, праздничные возьмём, чтоб завтра не беспокоить...

Я сунул обоим по синенькой. Дробискулов сконфузился.

— Так-с, — продолжал Прекрасновкусов, заглянув себе в кулак. — Вы уж уходите? А не рано ли? Давайте-ка посидим минутку... отдохнём. Садись, Илья, не бойся! Привыкай! Закусоч-то сколько, закусок! А? Закусоч-то! Мне окорок напоминает один анекдот...

И Прекрасновкусов, пожирая глазами мои закуски, рассказал нам похабный анекдот. Прошло четверть часа. Чтобы выжить гостей, я послал своего Андрюшку на улицу прокричать «караул». Андрюшка вышел и кричал минут пять, но гости мои ни гугу... И внимания не обратили, как будто бы «караул» — не их дело...

— А долго еще ждать разговенья! — сказал Прекрасновкусов. — Теперь еще грешно, а то бы мы, Илюша, того... по единой... А что, господа, не пропустить ли нам по одной? Ведь водка постная! А? Давайте-ка!

Идея пришла моим приятелям по вкусу. Подошли к столу, налили и выпили. Закусили селёдочкой, а на скоромное только взглянули. Прекрасновкусов похвалил водку и, желая узнать, какого она завода, выпил другую. Илюша сконфузился и тоже пожелал узнать... Выпили, но не узнали.

— Славная водка! — сказал Прекрасновкусов. — У моего дяди свой винокуренный завод был. Так вот у него, у дяди-то, была, так сказать...

И гость рассказал нам, как он с дядиной «обже»²⁷ на каланче свидание имел. Мои приятели окружили его и попросили рассказать ещё что-нибудь...

Еще раз выпили. Дробискулов очень ловко захватил рукавом кусочек колбасы, взял его в носовой платок и, сморкаясь, незаметно положил в рот. Прекрасновкусов съел кусок пасхи из творога.

— А я и забыл, что она скромная! — сказал он, глотая. — Надо ее запить...

Говорят, что в полночь звонили к заутрене, но мы не слышали этого звона. В полночь мы ходили вокруг стола и спрашивали себя: что бы еще выпить... этакое? Дробискулов сидел в углу и, конфузясь, глодал заливного поросёнка. Прекрасновкусов бил кулаком по своему портфелю и говорил:

— Вы меня не любите, а я вот вас... люблю! Честное и благородное слово, люблю! Я куроцап, волк, коршун, птица хищная, но во мне все-таки есть настолько чувств и ума, чтоб понимать, что меня не следует любить. Я, например, вот взял праздничные... Ведь взял? А завтра я приду и скажу, что не брал... Разве можно любить меня после этого?

Дробискулов, покончив с поросёнком, победил свою робость и сказал:

— А я? Меня еще можно любить... Я образованный человек... Я ведь не своим делом занялся. Не мое это дело! Я к нему и призвания никакого не имею... Так только, пур манже²⁸! Я... стихотворец... Н-да... В пьяном виде протоколы в стихах составляю. Я и гласность люблю. Не нравятся мне газеты только за то, что в них пристрастия много. Я не разбираю бы там, кто консерватор, кто либерал. Беспристрастие — первое дело! Консерватор нагадил — бей в морду; либерал напакостил — лупи в харю! Всех лупи! Моя мечта — газету издавать. Хе-хе... Сидел бы я себе в редакции, морду бы надувал да конвертики распечатывал. А в конвертиках всякое бывает... всякое... Хе-хе-хе... Я распечатал бы, прочел бы да и... цап его, сотрудника-то! Нешто не любопытно?

В три часа гости взяли свои портфели и ушли в трактир, беспорядков искать. От закуски моей остались одни только ножи, вилки да две ложки. Остальные шесть ложек исчезли...

Aufgaben:

Wann (vor welchem Feiertag) findet die Handlung statt? Welche russische «Spezialbegriffe» deuten genau auf diesen Tag? Warum wurde dieser Feiertag nach 1917 in der Sowjetunion verboten? Wann wurde es dort wieder erlaubt? Wie feiert man dieses Fest in Europa und in Russland heute?

²⁷ Objet (franz.) – sie, die Dame

²⁸ Pour manger (franz.) – des Brotes wegen

Stellvertreter welcher Völkerschichten sind der Autor und seine Freunde? Welche Berufe üben Prekrasnovkusov und Drobiskulov aus? Versuchen Sie die Charaktere der Besucher anhand ihrer Nachnamen zu definieren.

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: держать язык за зубами, окорок, заливной поросёнок, на днях, конфузиться, получать праздничные, закуска, пожирать глазами, ни гугу, пропустить по одной, прийти по вкусу, глодать, заниматься не своим делом, в пьяном виде, пристрастный?

Kennen Sie die Geschichte der Wörter: канун, заутреня, чахлый, под мышками, причаститься к лику, получить синенькую (деньги), похабный, разговеться, постный, скоромный, каланча, куроцап, призыванье?

Wie haben sich die Bedeutungen von «убирать стол» und «анекдот» sein Anfang des XX. Jh. verändert?

Was für eine Bedeutung verleiht der Aussage die Präposition «по» (по синенькой, по одной, по единой)?

Wie übersetzt man ins Deutsche die Sätze mit dem Partikel «да»?

A. P. Čechov

Vorspeise

(Angenehme Erinnerung)

Es war die Zeit vor Ostern. Eine Stunde vor dem Morgengottesdienst kamen meine Freunde zu mir. Sie waren im Frack und weißen Krawatten gekleidet.

— Gerade rechtzeitig, meine Herren, — sagte ich. — Helfen Sie mir den Tisch aufzubauen... Ich bin ein unverheirateter Mensch, ich habe kein Weib und deshalb brauche ich freundschaftliche Hilfe. Plumbov, lass uns den Tisch schieben!

Die Freunde bewegten sich zum Tisch und innerhalb von etwa fünf Minuten stellte mein Tisch ein appetitliches Bild dar. Geräucherter Schinken, Würste, Wodkas, Weine, Ferkel in Aspik... Nachdem wir den Tisch aufgebaut hatten, nahmen wir die Zylinder: Es ist Zeit! Aber es hat nicht geklappt... Irgendjemand klingelte...

— Zuhause? — hörten wir eine heisere Stimme von draußen. — Herein, Ilja, fürchte dich nicht!

Prekrasnovkusov²⁹ kam herein. Hinter ihm schritt schüchtern ein kleines schwächtiges Männlein. Beide hatten Aktentaschen unterm Arm...

— Tsss... — sagte ich zu den Freunden. — Die Zunge hinter die Zähne halten!³⁰

²⁹ Der Eigename bedeutet soviel wie — der Mann mit dem schönen Geschmack.

³⁰ Держать язык за зубами — schweigen.

— Ich empfehle, – sagte Prekrasnovkusov, indem er auf das schwächliche Männlein deutete. – Il'ja Drobiskulov³¹! Gerade ist er uns beigetreten. Er hat sich in unsere Reihe gestellt³²... Du musst dich nicht schämen, Il'juša! Es ist Zeit, sich an den Gang der Dinge zu gewöhnen! Und wir, wissen Sie, wir sind gelaufen und gelaufen und dann haben wir uns entschieden, Sie kurz zu besuchen. Ich habe gedacht, lass uns kurz hereinkommen und uns das Feiertagsgeld holen, damit wir Sie morgen nicht stören müssen...

Ich steckte den beiden jeweils einen 5-Rubel-Schein³³ zu. Drobiskulov errötete.

— So, — fügte Prekrasnovkusov hinzu, indem er in die eigene Faust hineinschaute. – Brechen Sie schon auf? Ist es nicht zu früh? Lasst uns für eine Minute noch hinsetzen... ausruhen. Setz dich, Il'ja, fürchte dich nicht! Gewöhn dich daran! So viele Vorspeisen, so viele Vorspeisen! Oh? So viele Vorspeisen! Der geräucherte Schinken erinnert mich an eine Geschichte...

Und Prekrasnovkusov, indem er meine Vorspeisen mit den Augen auffraß, erzählte uns eine unanständige Anekdote. Es verging eine viertel Stunde. Um die Gäste aus dem Haus zu bekommen, schickte ich meinen Andrjuška nach draußen, um «Hilfe!» zu rufen. Andrjuška ging hinaus und schrie etwa fünf Minuten, aber meine Gäste haben keinen Laut von sich gegeben... Und haben dem keine Aufmerksamkeit geschenkt, als ob «Hilfe!» nicht ihre Angelegenheit wäre...

— Wie lange man noch auf das Fastenbrechen warten muss! – sagte Prekrasnovkusov. – Jetzt ist es noch sündig [zu essen], sonst hätten wir, Il'juša, naja... jeweils einen... [getrunken]. Und wirklich, Herrschaften, müssen wir nicht einen durchlaufen lassen? Eigentlich ist Wodka ja kosher! Oh! Lasst uns [doch Einen trinken]!

Die Idee war ganz nach dem Geschmack meiner Freunde. Sie näherten sich dem Tisch, gossen ein und tranken aus. Sie aßen dazu Hering, und auf nicht koschere Speisen haben sie nur kurz geschaut. Prekrasnovkusov lobte den Wodka und, um zu erfahren, wo er produziert wurde, trank er noch ein Gläschen. Il'juša schämte sich und wünschte sich, auch es zu wissen... Sie tranken, aber erfuhren nichts.

— Ausgezeichneter Wodka! – sagte Prekrasnovkusov. – Mein Onkel hatte eine eigene Weinfabrik. Also er hatte sozusagen... — und der Gast erzählte uns, wie er mit dem «objet» des Onkels auf dem Feuerwachturm ein Rendezvous hatte. Meine Freunde umringten ihn und baten, noch etwas zu erzählen...

³¹ Der Eigenname bedeutet — der Mann, der die Wangen zerschlägt.

³² Das russische «причислить к лику святых» existiert nur in Passivform und bedeutet soviel wie «Heilig gesprochen werden».

³³ Голубенькая — die Bezeichnung im früheren Russland für einen 5-Rubel-Schein; красенькая — die Bezeichnung für den 10-Rubel-Schein.

Sie tranken noch einmal. Drobiskulov schnappte sehr geschickt mit einem Ärmel ein Stückchen Wurst, packte es ins Taschentuch und, während er die Nase putzte, legte er es unbemerkt in den Mund. Prekrasnovkusov aß ein Stück Pascha³⁴ aus Quark.

— Ich habe vergessen, dass es nicht koscher ist! — sagte er schluckend. — Man muss es hinunterspülen...

Man sagt, dass man um Mitternacht zum Morgengottesdienst geläutet hat, aber wir haben diese Glocke nicht gehört. Um Mitternacht sind wir um den Tisch herumgelaufen und haben uns gefragt, was man noch trinken könnte... solches? Drobiskulov saß- sich schämend- in der Ecke und knabberte am Ferkel in Aspik. Prekrasnovkusov schlug mit der Faust gegen seine Aktentasche und sagte:

— Ihr liebt mich nicht, aber dafür liebe ich euch! Ehrenwort, ich liebe euch! Ich bin ein Hühnerdieb, Wolf, Geier, Raubvogel, aber in mir gibt es jedoch so viel Gefühl und Verstand, um zu begreifen, dass man mich nicht lieben sollte. Ich, zum Beispiel, habe jetzt dieses Feiertagsgeld genommen... Habe ich es genommen? Und morgen werde ich kommen und sagen, dass ich es nicht genommen habe... Kann man mich danach noch lieben?

Drobiskulov, nachdem er mit dem Ferkelchen fertig war, besiegte seine Schüchternheit und sagte:

— Und ich, mich kann man noch lieben... Ich bin ein gebildeter Mensch... Ich mache eigentlich eine Arbeit, für die ich nicht geeignet bin. Das ist keine Sache für mich! Ich bin dazu nicht berufen... Nur so, pour manger! Ich... bin ein Dichter... Tja... Im betrunkenen Zustand stelle ich die Protokolle in dichterischer Form zusammen. Ich liebeglsnost'. Ich mag die Zeitungen nur deshalb nicht, weil es in ihnen zu viel Voreingenommenheit gibt. Ich würde nicht untersuchen, wer da konservativ, wer liberal ist. Unvoreingenommenheit ist die Hauptsache. Der Konservative hat geschissen – schlägt ihm ins Maul; der Liberale hat Mist gebaut – poliert ihm die Fresse! Allen in die Fresse schlagen! Mein Traum ist es, eine Zeitung herauszugeben... Ha ha... Dann würde ich so vor mich hin in der Redaktion sitzen... würde ein stolzes Gesicht machen. Und Briefumschlägchen öffnen... Und in den Briefumschlägen gibt es verschiedene Sachen... verschiedene... Ha ha ha... Ich würde sie öffnen, sie lesen und ... schnapp ihn, den Mitarbeiter! Ist es nicht spannend?

Um drei Uhr nahmen die Gäste ihre Aktentaschen und gingen in die Kneipe, um Ärger zu suchen. Von meinen Vorspeisen waren nur noch Messer, Gabel und zwei Löffel übrig geblieben. Die übrigen sechs Löffel waren verschwunden...

³⁴ Пасха — ein russisches Gericht zu Ostern, das aus Quark mit Rosinen, Orangeat und Vanille zubereitet wird.

Тэффи (Н.А. Лохвицкая)

Широкая масленица

Из кухни несется чад, густой, масляный. Он режет глаза, и собравшиеся у закуски гости жмурятся и мигают.

– Блины несут! Блины несут!

Несут. Но Вам не хватит. Ваш сосед взял два последних, а Вам придется подождать «горяченьких». Но, когда принесут «горяченьких», окажется, что большинство уже съело первую порцию, – и прислуга начинает подавать опять сначала. На этот раз Вам достаётся блин – один, всеми отвергнутый, с драным боком и дыркой посредине.

Вы берёте его с кротким видом сиротки из хрестоматии и начинаете искать глазами масло. Масло всегда бывает на другом конце стола. Это печальный факт, с которым нужно считаться. Но так как со своим маслом приходиться в гости не принято, то нужно покориться судьбе и жевать голый блин.

Когда Вы съедите его, судьба, наверное, улыбнётся Вам, и Вам передадут масло с двух сторон сразу. Судьба любит кротких и всегда награждает их по миновании надобности.

На самом почётном месте стола сидит обыкновенно блинный враль. Это просто-напросто хитрый обжора, который распускает о себе слухи, что он может съесть тридцать два блина. Благодаря этому он сразу делается центром внимания. Ему первому подают, его блины прежде других подмамливаются и сдабриваются всякими масленичными аксессуарами.

Съев штук пятнадцать-двадцать, – сколько аппетита хватит – с полным комфортом, он вдруг заявляет, что блины сегодня не совсем так испечены, как следует.

– Нет в них чего-то такого, этакое, – понимаете? Неуловимого. Вот это-то неуловимое и делает их удобосъедаемыми в тридцатидвухштучном количестве.

Все разочарованы. Хозяевы обижены: зачем много съел, и зачем никого не удивил. Но ему всё равно. Что слава? Яркая заплатка на бедном рубище певца! Он всех надул, поел, как хотел, и счастлив.

Еще несут горяченьких. Теперь, когда все сыты, Вам дают сразу три хороших горячих блина. Вы шлёпаете их на тарелку и в радостном оживлении окидываете глазами стол. Направо от Вас красуется убранный зеленью блюдо из-под сёмги, налево – аппетитный жбан из-под икры, а прямо у Вашей тарелки приютилась мисочка, в которой пять минут назад была сметана.

Хозяйка посмотрит на Вас такими умоляющими глазами, что Вы сразу громко закричите о том, что блины, собственно говоря, вкуснее всего в натуральном виде, без всяких приправ, которые, в сущности, только отбивают настоящий вкус, и что истинные ценители блина предпочитают его именно без всяких приправ.

Я видела как-то за блинами молодого человека великой души, который, под умоляющим взглядом хозяйки, сделал вид, что нашёл в пустой банке икру и положил ее себе на тарелку. Мало того, он не забывал намазывать эту воображаемую икру на кусок блина и продельвал все это с такой самоотверженной искренностью, что следившая за ним хозяйка даже в лице изменилась. Ей, вероятно, показалось, что она сошла с ума и лишилась способности видеть икру.

После блинов Вас заставят есть никому не нужную и не милую уху и прочую ерунду, а когда Вам захочется спать, – Вас потащат в гостиную и заставят разговаривать. Пожалуйста, только не вздумайте взглянуть на часы и сказать, что Вам нужно ещё написать два письма. Посмотрите на себя в зеркало, – ну кто Вам поверит?

Лучше прямо подойдите к хозяйке, поднимите на неё Ваши честные глаза и скажите просто:

– Я спать хочу.

Она сразу опешит и ничего не найдёт сказать Вам. И пока она хлопает глазами, Вы успеете со всеми попрощаться и улизнуть. А хозяйка долго будет думать про Вас, что Вы – шутник. Так чего же лучше?

Aufgaben:

Wann und wie feiert man in Russland «масленица»? Wie sehen die traditionellen russischen Pfannkuchen aus? Was gehörte zu den «масленичные аксесуары» vor der Revolution 1917, und was gehört zu den «приправы» heute? Was bedeutet die Redewendung «голый блин»? Fragen Sie den Lehrer nach dem Rezept für russische Pfannkuchen.

Was ist «уха», «сёмга»?

Erklären Sie folgende Begriffe und Redewendungen: чад, подавать (к столу), отвергать, искать глазами, просто-напросто, считаться с чем-либо, не принято, покориться судьбе, по миновании надобности, распускать слухи, в центре внимания, как следует, надуть кого-либо, окидывать глазами стол, жбан, приютиться, собственного говоря, отбивать вкус, измениться в лице, хлопать глазами. Welche von ihnen werden noch heute gebraucht?

Nach welchem Muster wurde das Wort «удобосъедаемый» gebaut?

Welche Bedeutung haben heute die Wörter: «красоваться», «подмасливать»?

Nennen Sie die Synonyme zu den Wörter: надуть кого-либо, сделать вид, ценитель, мало того, опешить, улизнуть.

Teffi

Breiter Fasching

Aus der Küche quillt Dampf, dicht und ölig. Er beißt in die Pupillen, und die sich bei den Vorspeisen versammelten Gäste, kneifen die Augen zusammen und blinzeln.

– Die Pfannkuchen kommen! Die Pfannkuchen kommen!

Ja, sie kommen. Aber für Sie reicht es nicht. Ihr Nachbar hat die zwei allerletzten genommen, und Sie müssen auf die «Heißen» warten. Aber, als man die «Heißen» bringt, stellt sich heraus, dass die Mehrheit bereits die erste Portion verdrückt hat, – und die Bediensteten fangen von Neuen an auszugeben. Diesmal bleibt auch für Sie ein Pfannkuchen übrig – ein einziger, von allen abgelehnt, mit zerrissenem Rand und mit einem Loch in der Mitte.

Sie nehmen ihn mit dem demütigen Antlitz eines Weisenkindes aus dem Bilderbuch im Empfang und beginnen den Tisch nach der Butter abzusuchen. Aber die Butter befindet sich immer am anderen Tischende. Das ist eine traurige Tatsache, mit welcher man rechnen muss. Und da es sich nicht gehört, mit der eigenen Butter zu Besuch zu gehen, muss man sich dem Schicksal ergeben und den unbelegten Pfannkuchen kauen.

Wenn Sie ihn gegessen haben, schenkt Ihnen das Schicksal wahrscheinlich ein Lächeln, und es wird Ihnen der Butter von beiden Seiten gleichzeitig gereicht. Das Schicksal liebt die Bescheidenen und beschenkt sie immer, wenn die Notwendigkeit an den Gaben vorbei ist.

Auf dem Ehrenplatz am Tisch sitzt normalerweise ein Pfannkuchenlügner. Das ist einfach ein schlaues Fressmaul, der über sich selbst Gerüchte verbreitet, dass er im Stande sei – 32 Pfannkuchen zu verzehren. Dank dieser Tatsache wird er sofort zum Zentrum der Aufmerksamkeit. Er wird als erster bedient, seine Pfannkuchen werden vor allen anderen mit Butter beschmiert und mit verschiedenen Faschingsaccessoires geschmückt.

Nachdem er aber 15-20 Stück gegessen hat – wie weit sein Appetit reicht – mit allen nur erdenklichen Annehmlichkeiten, erklärt er plötzlich, dass die Pfannkuchen heute nicht ganz so gebacken sind, wie es sich gehört.

– An diesen fehlt etwas... Na, etwas Besonderes – verstehen Sie? Etwas Unerfassbares. Genau dieses Unerfassbare macht sie genießbar in einer Menge von 32 Stücken.

Alle sind enttäuscht. Die Gastgeber sind beleidigt: wieso er so viel gegessen hat und warum er niemandem überrascht hat. Aber ihm ist das alles gleichgültig. Was ist Ruhm? Nur ein greller Flicker auf der armen Kleidung des Dichters! Er hat alle betrogen; hat gegessen so, wie er es wollte, und ist glücklich.

Man bringt noch die «Heißen». Jetzt, wenn alle satt sind, gibt man Ihnen auf einmal drei gute warme Pfannkuchen. Sie klatschen diese sofort auf den Teller und (in freudiger Aufregung) lassen die Augen

über den Tisch wandern. Rechts von Ihnen präsentiert sich eine mit den Kräutern garnierte Platte, die früher für Stör bestimmt war, links befindet sich ein appetitliches Töpfchen für Kaviar, und direkt bei Ihrem Teller hat sich ein Schüsselchen eingenistet, in dem noch vor fünf Minuten saure Sahne zu sehen war.

Die Gastgeberin wird Sie mit solch flehenden Augen anschauen, dass Sie sofort laut aufschreien werden: Dass die Pfannkuchen am leckersten pur schmecken, ohne jegliche Beilagen, die in der Wahrheit nur den richtigen Geschmack überdecken. Und dass die wirklichen Pfannkuchenliebhaber sie genau ohne irgendwelche Beilagen bevorzugen.

Ich sah irgendwann beim Pfannkuchenessen einen jungen Mann mit einer großen Seele, der unter den flehenden Blicken der Wirtin so tat, als ob er in dem leeren Fässchen noch Kaviar fände und diesen sich auf den Teller lege. Und damit nicht genug: er vergaß nicht – den eingebildeten Kaviar auf das Stück Pfannkuchen zu schmieren. Der Mann machte das alles mit solch einer selbstlosen Ehrlichkeit, dass die ihn beobachtende Gastgeberin sich sogar im Gesicht veränderte. Es schien ihr wohl, dass sie schon verrückt geworden sei und die Gabe verloren hätte – Kaviar zu sehen.

Nach den Pfannkuchen werden Sie gezwungen, eine für niemandem interessante und bei niemandem beliebte Uha³⁵ und anderen Blödsinn zu sich zu nehmen. Wenn aber der Wunsch zu schlafen auftritt, werden Sie ins Wohnzimmer geschleppt und gezwungen – sich zu unterhalten.

Bitte, denken Sie nicht einmal daran, den Blick auf die Uhr zu werfen und zu sagen, dass Sie noch zwei Briefe schreiben sollten. Schauen Sie lieber sich im Spiegel an: Wer wird Ihnen glauben?

Am besten, gehen Sie gleich zur Hausherrin, heben zu ihr Ihre ehrlichen Augen und sagen einfach:
– Ich will schlafen.

Sie wird sofort bestürzt und nicht wissen – was sie Ihnen antworten soll. Und während sie mit den Augen klimpert, schaffen Sie sich von allen zu verabschieden und zu verschwinden. Dabei wird die Gastgeberin Sie lange für einen Witzbold halten.

Was kann Ihnen Besseres passieren?

В. Верижников

По последней моде

Жена Диабазова вернулась со дня рождения подруги очень довольная.

— Зря, Игнаша, ты со мной не пошёл. У Батареевых было так прелестно. Нинкин муж только что вернулся из-за границы, и день рождения отмечался по последней заграничной моде. Ах, как мы

³⁵ Уха – Fischsuppe in Russland.

отстаём от Европы! Прежде всего, за столом сидят теперь без электрического освещения.

— Вот как? — удивился Игнатий Фёдорович.

— Да так. Только гости рассядутся, полагается гасить свет. Причём, во всей квартире. А на стол ставится керосиновая лампа.

— С каких это пор керосиновые лампы стали употреблять в пищу?

— Не иронизируй. Лампу употребляют для освещения. Но заметь: керосину в неё наливают столько, чтобы хватило до третьего тоста. После этого зажигают свечку. Одну-единственную. Её должно хватить до конца чаепития. А когда гости встанут из-за стола, дорогу им полагается освещать спичками.

— И это всё?

— Нет. За границей популярен такой сюрприз. При подаче горячего блюда под гостем, сидящим через человека от хозяина, должен развалиться стул. Одну из штор кладут на пол, чтобы гости могли вытирать об неё ноги.

— Но... — попытался было возразить Игнатий Фёдорович.

— Да, да! Кстати, скатерти модны теперь не чисто белые, а в этаких коричневых фигурках, наподобие полуэллипса.

Игнатий Фёдорович задумчиво кивал головой.

— Через неделю у тебя день рождения, — продолжала жена. — Давай отметим его по-современному. Батареевых пригласим, пусть убедятся, что мы от них не отстаём.

В день рождения Диабазов достал с антресолей лампу, рассчитал по часам время горения, принёс откуда-то старый полуразвалившийся стул.

— Жаль, коричневой краски не нашли, — сокрушалась жена, нанося на скатерть полуэллипсы. Нельзя сказать, чтобы все прошло как по нотам. На поломанный стул сел непосредственный начальник Диабазова. Кто-то из гостей запутался в шторе и толкнул стол, уронив лампу, отчего керосин вылился в салат. Под конец, зажигая спички, виновник торжества едва не прожёл кому-то пальто.

А Батареев отвёл его в сторону и возмущённо проговорил:

— Я понимаю, Вашей жене не понравилось, что у нас в тот раз перегорели пробки, упала штора, развалился стул и мы случайно подпалили скатерть, когда гладили. Но демонстративно отвечать нам тем же — это уже слишком!

Aufgaben:

Wann wurde dieser Text verfasst?

Was wissen Sie über die Bedingungen, unter denen die Sowjetbürger in den 70-80er Jahren ins

Ausland fahren durften? Warum war alles Ausländische in der Sowjetunion so begehrt?

Zu welcher Bevölkerungsschicht gehören die Familien Batareevs und Diabazovs? In welchem Verhältnis stehen sie zur Macht und zu einander?

Schauen Sie das Film von A. Men'šov – «Зависть богов» (2000). Wie wird diese Periode auf der Leinwand dargestellt?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: по последней моде, употреблять в пищу, сокрушаться, пройти как по нотам, перегорели пробки, это слишком?

V. Verižnikov

Nach der neuesten Mode

Die Ehefrau von Diabazov ist von der Geburtstagsfeier ihrer Freundin sehr zufrieden zurückgekehrt.

— Schade, Ignaša, dass du nicht mit mir gegangen bist. Bei den Batarejevs war es so nett. Ninas Mann ist gerade aus dem Ausland zurückgekehrt, und der Geburtstag wurde nach der neuesten ausländischen Mode gefeiert. Ach, wie wir Europa hinterher sind! Zuallererst sitzt man jetzt ohne elektrische Beleuchtung am Tisch.

— Ach so? – wunderte sich Ignatij Fjodorovič.

— Ja, genau so. Kaum haben sich die Gäste gesetzt, muss man das Licht ausschalten. Dabei in der ganzen Wohnung. Und auf den Tisch stellt man eine Kerosinlampe.

— Seit wann werden Kerosinlampen als Nahrung verwendet?

— Mach dich nicht lustig. Die Lampe verwendet man zum Beleuchten. Aber beachte: man schüttet nur so viel Kerosin hinein, damit es bis zum dritten Toast reicht. Danach zündet man eine Kerze an. Eine einzige. Sie muss bis zum Ende des Teetrinkens reichen. Und wenn die Gäste vom Tisch aufstehen, ist es üblich, ihnen den Weg mit Streichhölzern zu beleuchten.

— Und das ist alles?

— Nein. Im Ausland ist so eine Überraschung üblich: beim Darreichen der Hauptspeise, muss unter dem Gast, der zwei Plätze vom Gastgeber entfernt sitzt, der Stuhl auseinander brechen. Einen der Vorhänge legt man auf den Boden, damit sich die Gäste daran die Füße abputzen können.

— Aber... — versuchte Ignatij Fjodorovič zu widersprechen.

— Ja, ja! Übrigens, ganz weiße Tischdecken sind nicht mehr modern, sondern mit so braunen Figürchen, ähnlich einer Halbellipse.

Ignatij Fjodorovič nickte nachdenklich mit dem Kopf.

— In einer Woche hast du Geburtstag, — fuhr die Frau fort. — Komm, wir feiern ihn auf moderne Art und Weise. Wir laden die Batarejevs ein, sie sollen sich vergewissern, dass wir ihnen in Nichts nachstehen.

Am Geburtstag holte Diabazov aus der Abstellkammer eine Lampe, rechnete nach der Uhr die Brenndauer aus, brachte von irgendwoher einen alten, halb zerfallenen Stuhl.

— Schade, dass wir keine braune Farbe gefunden haben, — jammerte die Ehefrau, auf eine Tischdecke die Ellipsen auftragend.

Man kann nicht sagen, dass alles nach Plan verlief. Auf den kaputten Stuhl setzte sich der direkte Vorgesetzte von Diabazov. Jemand von den Gästen verwickelte sich in dem Vorhang und schubste den Tisch, wodurch die Lampe umfiel und das Kerosin in den Salat floss. Zum Schluss, beim Anzünden der Streichhölzer, brannte das Geburtstagskind jemandem fast den Mantel durch.

Und Batarejev nahm ihn zur Seite und sagte erregt:

— Ich verstehe, ihrer Frau hat es nicht gefallen, dass bei uns letztes Mal die Sicherungen durchgebrannt sind, der Vorhang herunterfiel, der Stuhl auseinander krachte und wir zufällig beim Bügeln die Tischdecke anbrennen ließen. Aber uns demonstrativ mit demselben zu antworten, — das geht zu weit!

С. АЛЬТОВ

Кто там?

Галя ещё раз проверила, закрыты ли окна, спички спрятала и, присев у зеркала, говорила, отделяя слова от губ движениями помады:

— Светочка, мама пошла в парикмахерскую... Позвонит приятный мужской голос, скажешь: «Мама уже вышла». Это парикмахер... Позвонит противный женский голос, спросит: «А где Галина Петровна?» Это с работы. Скажешь: «Она пошла в поликлинику... выписываться!» Не перепутай. Ты девочка умненькая. Тебе шесть лет.

— Будет семь, — поправила Света.

— Будет семь. Помнишь, кому можно открывать дверь?

— Помню, — ответила Света. — Никому.

— Верно! — Галя облизнула накрашенные губы. — А почему нельзя открывать, не забыла?

— Бабушка говорит: «По лестнице нехорошие бандиты с топорами ходят, прикидываются водопроводчиками, тётями, дядями, а сами распиливают непослушных девочек и топят в ванне!» Правильно?

— Правильно, — сказала Галя, прикалывая брошку. — Бабушка хоть и старенькая, руки дрожат, посуду всю перебила, но про бандитов верно долдонит. Недавно в одном доме три водопроводчика пришли чинить телевизор. Мальчик открыл...

— А они его топором — и в ванну! — подсказала Света.

— Если бы, — пробормотала Галя, пытаясь застегнуть брошку. — В ванне заперли и всё вынесли.

— И ванну?

— Ванну с мальчиком оставили.

— А бабушка придёт, ей открывать? — спросила Света, откручивая кукле ногу.

— Бабушка не придёт, она на даче. Приедёт завтра.

— А если сегодня?

— Я сказала — завтра!

— А если сегодня?

— Если сегодня, это уже не бабушка, а бандит! По домам ходит, деток ворует. Куда я пудру сунула?

— А зачем детей воровать? — Света отвернула кукле ногу и теперь приворачивала её обратно.

— У бандитов своих нету?

— Нету.

— А почему нету?

— «Почему, почему!» — Галя тушью сделала реснички. — Потому что, в отличие от твоего папочки, хотят что-то в дом принести! Некогда им! Ещё есть дурацкие вопросы?

— Нету вопросов! — ответила Света, внимательно глядя, куда мать прячет от неё французские духи.

— Вроде, порядок. — Галя цепким глазом таможенника ощупала отражение в зеркале. — Буду часа через два. Нет, через три!

— Так долго обстригать будут? Ты же не слон!

— Не обстригать, а стричь. Это плохой мастер всё делает тяп-ляп, а хороший мастер... — Галин голос потеплел, — настоящий мастер всё делает хорошо, поэтому долго. Никому не открывать!

Мать чмокнула Свету и, хлопнув дверью, ушла.

Света достала из тумбочки французские духи, полфлакона опрокинула кукле на голову, приговаривая:

— Вымоем Дашке голову и будем обстригать. Не волнуйтесь, настоящий мастер всё делает так долго, пока вам не станет хорошо!

Тут раздался звонок в дверь.

Света побежала в прихожую и звонко спросила: «Кто там?»

Хриплый голос ответил:

— Открой! Это я — твоя бабушка.

— Здравствуй, бабушка! А зачем таким страшным голосом говоришь?

— Да простыла, внученька! Уж и молоко с мёдом пила, а все хриплю! Открывай! Вишенки вкусеньких привезла!

Света наполовину открыла трудный замок, но вдруг, наморщив лобик, остановилась:

— Бабушка! Мама сказала: ты завтра приедешь! А сегодня еще сегодня!

— А я сегодня приехала! Открой! Темно на лестнице, да и ноги болят!

Света набросила на дверь цепочку.

— Бабушка, — задумчиво сказала она через дверь, — я открою, а ты — бандит?

— Какой ещё бандит?! — бабушка закашлялась.

— Обыкновенный. Сама говорила: прикинется бабушкой, распилит и в ванне утопит.

Приезжай завтра, будешь бабушкой!

Старушка опустила на ступеньку, заплакала:

— Стыд-то какой! Во, дитё воспитали! Родной бабке через двери не верит! Бессовестная! Надо людям верить! Когда мать с отцом будут?

— Папа после работы, — донеслось из-за двери, — а мама пошла выписываться к парикмахеру.

— Куда? — бабушка вскочила. — Все Серёже расскажу! Вертихвостка! И ты вся в неё, вся!

Вот возьму и умру тут!

— Бабуль! Бабуль! — пробивался из-за двери детский голосок. — Ты не умрёшь! Мама сказала, ты сначала нас всех похоронишь!

— Это Галка про меня такое сказала? Змеюка! Все Серёже расскажу! Про всех парикмахеров! Еще неизвестно, от какого парикмахера дочь!..

В это время по лестнице поднимался мужчина в сапогах и спецовке. Разглядев в тусклом свете умирающей лампочки старушку в слезах, он остановился:

— Кого оплакиваем, бабуля?

Признаться постороннему, что тебя не пускает в дом собственная внучка, было так стыдно, что бабушка, проглотив слезу, соврала:

— Давление у меня пониженное, сынок... Вторые сутки с лестницы падаю.

— А мы в квартиру позвоним, валерьяночки хлопнешь! — весело сказал мужчина, нащупывая на двери звонок.

— Кто там? — спросила Света.

— Ребятёнок, открой! Тут какая-то старуха концы отдаёт!

— Дядя! Там темно, Вы потрогайте, — эта старуха, может быть, старый бандит!

— Мерзавка! — взвыла бабушка. — Перед людьми не позорь!

— А-а, так там внучка твоя оказалась? — сообразил мужчина. — Чья бы внучка ни была, а отпереть будь любезна! Слышь меня, стерва несовершеннолетняя!

— А при детях ругаться нельзя, — сказала Света. — Папа при мне никогда не ругается. Сначала уложит спать, дверь закроет и потом ругается с мамой! Понял, сын сукин?

— Во даёт! — одобрительно хмыкнул мужчина. — Перспективная девчущка подрастает!

— А Вы там кто такой? Один — бабушка, второй — дедушка, что ли?

— Я-то? Я дядя Куля — водопрово...

Бабушка, ладошкой зажав мужчине рот, зашипела:

— Не водопроводчик! Только не водопроводчик! Ей про водопроводчиков такого наговорили! Вы... почтальон!

Дядя Коля, пытаясь оторвать от себя бабушку, бранился шёпотом:

— Чтоб вы сгорели! Почему водопроводчиками пугаете? У нас что, почтальон не может стать бандитом? По Конституции...

— Но я прошу Вас, — ныла бабушка, — скажите, что почтальон, она откроет!

Дядя Коля сплюнул в сердцах:

— Слышь ты там! Открой! Оказывается, я почтальон!

— А голос как у водопроводчика!

— Бабусь, внучка воспитана крепко. Граница на замке. Придётся ломать дверь.

— Ломайте! — Бабушка махнула рукой. — Только аккуратно, как свою.

Водопроводчик достал инструменты и, напевая романс: «Отвори потихоньку калитку...» — начал выламывать дверь. Удары кувалды гулко бухали на всю лестницу. За это время шесть человек тихими мышками прошмыгнули по лестнице. Но, во-первых, соседи плохо знали друг друга в лицо. Во-вторых, на площадке был полумрак. А в третьих, как-то неловко спрашивать у незнакомого человека, в свою квартиру он ломится или в чужую.

Видя, как дверь начинает шататься, Света заплакала:

— Мама! Мамочка! Меня утопят! — Она дрожащей рукой задвинула засов старого замка, которым давно не пользовались, но с двери так и не сняли.

По лестнице, насвистывая, взбегал Светин папа. Увидев в полутьме сопящих у его двери, Сергей с ходу заехал водопроводчику в ухо.

— Серёженька, не бей! Это свои! — завопила бабушка и кинулась разнимать. Мужчины метили друг в друга, но в темноте в основном все доставалось бабушке, как обычно и достаётся разнимающим. Когда старушка была положена на обе лопатки, мужчины успокоились и начали приводить её в чувство. Наконец, все очухались, помирились и, потирая ушибленные места, уставились на дверь.

— Света, открой, деточка! — простонал Сергей, держась за скулу.

— Сейчас, папочка, — ответила Света. — А ты правда мой папа?

— А чей же ещё?

— А бабушка говорит, я от какого-то парикмахера получилась...

— От какого парикмахера?!

— Серёженька! — Бабушка в темноте выразительно посмотрела на сына. — Ты его не знаешь! Я все расскажу, если попадём в квартиру!

В это время на площадке остановился пухлый мужчина. Переводя дух, он сказал:

— Бог в помощь! А что с дверью делаете?

— Видите ли... — замялся Сергей, — сигнализацию ставим. Мало ли...

— Ага,— ухмыльнулся водопроводчик,— можно вызвать на дом, а можете сами дверь в милицию отволочь. Дешевле обойдётся!

— Понял! — Пухлый стал быстро подниматься по лестнице.

Сергей потрянул дверь:

— Светочка, открой немедленно, гадина! У меня ключи, отопру — выпорю!

— Выпорешь, если отопрёшь! — Света вздохнула. — Я на старый замок закрыла, от него ключей ни у кого нету, даже у папы, если он — это ты.

— Ну, что делать? — Сергей закурил. — Деньги мне надо забрать! Деньги! До двух держат цветной телевизор, маленький, за двести рублей.

— Как двести? Он четыреста стоит! — удивился дядя Коля.

— Да це□льнотянутый! Прямо с завода!

— Что такое «це□льнотянутый»? — спросила бабушка.

— Ворованный, утянутый, значит, — объяснил водопроводчик. — Це□льнотянутый грех не взять, грех!

— А мой папа говорил: «Воровать нехорошо!» — произнёс за дверью детский голос. — Значит, вы там все бандиты собрались!

— Нехорошо родному отцу дверь не открывать! — крикнул дядя Коля. — Дура старая!

В это время наверху что-то громынуло, охнуло и, ругаясь, покатилося вниз. Это были супруги Бирюковы из 57-й. Они волокли дубовую дверь. Тяжёлая дверь неслась быстрее Бирюковых, била их о стены, перила, мотая из стороны в сторону.

— Что случилось? — успел крикнуть водопроводчик.

— Сказали: сегодня всем поставит сигнализацию! Завтра бандитов ждут!... — Дверь уволокла Бирюковых вниз.

— Сумасшедшие! — Бабушка покачала головой. — Уже слух пустили с Вашей лёгкой руки! Сейчас все двери посрывают!

И действительно, наверху что-то грохнуло. Потом еще раз грохнуло в другом месте. Люди рвали двери с петель.

— Света! — Сергей постучал в дверь кулаком. — Слушай внимательно! Мама сказала, чтобы ты никому не открывала дверь, и ты молодец, что слушаешься, дрянь! Но про то, что деньги просовывать под дверь нельзя, мать ничего не говорила! А если человек, не заходя в дом, скажет, где у вас лежат деньги, значит, он тебе кто?

— Вор! — ответила Света.

— Идиотка! Он твой отец!

— Были бы моим папой, знали бы, денег у нас нет! Папа все время маме кричит: «Нет у них, я не ворую!» Никак бандитом не может устроиться!

Сергей стукнулся головой в дверь:

— Светочка! У меня в копилке припрятано! Клянусь тебе, в ванной. За ведром. В мыльнице. Под мылом лежат деньги! Вынь, просунь бумажки под дверь!

За дверью было тихо. Наконец послышались Светины шажки:

— Бандиты, вы здесь?

— Здесь мы, здесь, доченька! Просовывай!

— Там нету мыльницы с деньгами, только папины носки. Совать?

— Украли!! — охнул Сергей. — В кои-то веки в доме появились деньги — спёрли! Бандиты пронюхали! А может, они там?! Дядя Коля, навались!

Мужчины прыгнули на дверь и вместе с ней рухнули в квартиру.

Вечером вся семья и дядя Коля ужинали, смотря новенький телевизор. Дверь уже поставили на место, с водопроводчиком расплатились, и он, возбуждённый червонцем, хвалил хозяйку.

— Что ж ты папочку обманула, доченька, — перебила его Галя, — сказала: «мыльницы нет»?

— Испугалась! Бандиты узнают, — деньги есть, и дверь выломают. А они всё равно разломали!

Все дружно засмеялись.

— Соображаешь! Молодец! — сказал водопроводчик, укладывая на хлеб девятый кружок колбасы. — Но запомни: обманывать старших нехорошо! Сначала надо вырасти, стать человеком!

За стеной временами слышались стоны и треск. Это соседи волокли двери на установку сигнализации.

— Ничего не понимаю, — сказала Галя, — тащат и тащат! Может, правда? Весь дом засигнализируется, а мы опять как дураки!

— На какие, позвольте спросить, шиши?! — вскинулся Сергей. — Я и так весь в долгах!

— Папочка, заплати, а то меня в ванне утопят!

— Да где ж денег возьму, доченька?

— Я знаю, где, — сказала Света, — у бабушки на антресолях полваленка деньгами набито!

— Врунья бессовестная! — завопила бабушка. — Какие полваленка? Там еле подошва прикрыта! При моей-то пенсии...

— Извини, бабушка, я во втором валенке не глядела. Выходит, это у мамочки полваленка денег... А у папы в мыльнице кусок мыла остался — долги раздать.

Наступила тишина.

Разряжая обстановку, водопроводчик дипломатично высморкался и сказал:

— Я извиняюсь. Домой надо. Девять часов... Пора сына пороть. Ведь, кроме меня, у него никого нет. Это у вас нормальная семья. Счастливо оставаться!

Aufgaben:

Lesen Sie das russische Volksmärchen «Волк и семеро козлят» und das deutsche Märchen «Rotkäppchen». Hat sich die Erziehung der Kinder bis heute verändert? Wie? Ist die Geschichte von S. Al'tov typisch für Russland oder könnte das alles auch in Europa passieren?

Was haben Sie über das Familienleben und die Beziehungen zwischen den Nachbarn in Russland erfahren?

Wann wurde die Erzählung verfasst? Welche Merkmale dieser Zeit können Sie im Text finden?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: выписываться (в поликлинике), долдонить, потеплеть (голос), тяп – ляп, чмокнуть, вертихвостка, спецовка, отдать концы, в сердцах, отволочь, кувалда, ломиться в квартиру, заехать в ухо, достаться (кому-либо), положить на обе лопатки, Бог в помощь, с лёгкой руки, пронюхать, навалиться (на дверь), червонец, на какие шиши, весь в долгах (как в шелках)?

Vergleichen Sie die Situation im Text mit der Darstellung im Film «Старый Новый год» (1980, О. Ефремов, Н. Ардашников).

S. Al'tov

Wer ist da?

Galja prüfte noch einmal, ob die Fenster geschlossen waren, versteckte die Streichhölzer und sprach, nachdem sie sich vor den Spiegel gesetzt hatte und die Wörter von den Lippen durch die Bewegungen des Lippenstifts trennte:

— Svetočka, Mama geht jetzt in den Friseursalon... Wenn eine angenehme männliche Stimme anruft, sagst du: «Mama ist schon losgegangen». Das ist der Friseur... Wenn eine widerliche weibliche Stimme anruft und fragt: «Und wo ist Galina Petrovna?», — ist das von der Arbeit. Du sagst: «Sie ist in Poliklinik gegangen... sich gesund schreiben lassen!» Verwechsele es nicht. Du bist ein kluges Mädchen. Du bist sechs Jahre alt.

— Ich werde sieben, — verbesserte Sveta.

— Du wirst sieben. Erinnerst du dich, wem du die Tür öffnen darfst?

— Ich erinnere mich, — antwortete Sveta. — Niemandem.

— Richtig! — Galja leckte die geschminkten Lippen ab. — Und hast du auch nicht vergessen, warum du nicht öffnen darfst?

— Großmutter hat gesagt: «Im Treppenhaus laufen schlechte Banditen mit Äxten herum, sie geben sich als Klempner, Tanten oder Onkel aus, zerlegen die ungehorsamen Mädchen und ertränken sie in der Badewanne». Richtig?

— Korrekt, — sagte Galja, während sie sich eine Brosche ansteckte. — Die Großmutter, obgleich sie ziemlich alt ist, ihre Hände zittern und sie das ganze Geschirr zerschlagen hat, hämmert das mit den Banditen zu Recht ein... Kürzlich kamen drei Klempner in ein Haus, um das TV Gerät zu reparieren. Der Junge machte auf...

— Und sie ihn mit der Axt — und in die Badewanne! — fügte Sveta hinzu.

— Schön wär's gewesen, — murmelte Galja, während sie versuchte die Brosche zu schließen. — Sie schlossen ihn in das Badezimmer ein und trugen alles hinaus.

— Und die Badewanne?

— Die Wanne mit dem Jungen ließen sie da.

— Aber wenn die Großmutter kommt, öffne ich ihr? — fragte Sveta, während sie ihrer Puppe das Bein abschraubte.

— Großmutter kommt nicht, sie ist auf der Datscha. Sie kommt morgen.

— Aber wenn sie heute kommt?

— Ich habe gesagt — morgen!

— Und was, wenn heute?

— Wenn heute, dann ist das nicht mehr Großmutter, sondern ein Bandit! Er geht von Haus zu Haus und klaut die Kinderchen. Wohin hab ich den Puder gesteckt?

— Und weshalb klaut er Kinder? — Sveta schraubte der Puppe das Bein raus und schraubte es nun zurück. — Haben die Banditen selber keine?

— Nein.

— Und warum haben sie keine?

— «Warum, warum!» — Galja zog sich mit Tusche die Wimpern nach. — Weil sie, im Gegensatz zu deinem Vater, etwas mit nach Hause bringen wollen! Sie haben zu wenig Zeit! Hast du weitere dumme Fragen?

— Keine Fragen mehr! — antwortete Sveta, während sie aufmerksam schaute, wo die Mutter vor ihr die französischen Düfte versteckte.

— Na, alles in Ordnung. — Galja begutachtete mit dem durchdringenden Blick eines Zöllners ihr Spiegelbild. — Ich komme in zwei Stunden. Nein, in drei!

— Werden sie dich so lange schneiden? Du bist doch kein Elefant!

— Nicht «schneiden », sondern «schneiden». Das ist ein schlechter Meister, der alles nachlässig macht, aber ein guter Meister, — Galjas Stimme erwärmte sich, — ein echter Meister macht alles gut und deshalb lange. Öffne niemandem!

Die Mutter küsste Sveta kurz und schlug beim Hinausgehen die Tür zu.

Sveta holte aus dem Schränkchen die französischen Düfte, kippte die halbe Flasche der Puppe über den Kopf und sagte dabei:

— Wir waschen Daška den Kopf, wir werden ihr die Haareschneidern. Regen sie sich nicht auf, ein wahrer Meister macht alles so lange, bis es Ihnen gut geht!

Da ertönte die Klingel an der Tür. Sveta lief ihn das Vorzimmer und fragte laut: «Wer da?»

Eine heisere Stimme antwortete:

— Öffne! Ich bin's — deine Großmutter.

— Guten Tag, Großmutter! Aber wieso redest du mit so einer schrecklichen Stimme?

— Ich bin erkältet, Enkelchen! Ich habe schon Milch mit Honig getrunken, aber bin trotzdem ganz heiser! Mach auf! Ich habe leckere Kirschchen mitgebracht!

Sveta zog das schwere Schloss bis zur Hälfte auf, aber plötzlich, nachdem sie das Stirnchen in Falten gelegt hatte, machte sie halt:

— Großmutter! Mama hat gesagt, du kommst morgen! Und heute ist noch heute!

— Aber ich bin heute gekommen! Öffne! Es ist dunkel im Treppenhaus und die Beine schmerzen.

Sveta sicherte die Tür zusätzlich mit einer Kette.

— Großmutter, — sagte sie nachdenklich durch die Tür, — ich mache auf, und Du bist ein Bandit?

— Was für ein Bandit?! — die Großmutter fing an zu husten.

— Ein gewöhnlicher. Du hast selbst gesagt: «Er gibt sich als Großmutter aus und dann zersägt er und ertränkt dich in der Badewanne». Komm morgen wieder, dann wirst du Großmutter sein!

Die Großmutter sank auf die Stufe nieder und fing an zu weinen:

— Was für eine Schande! Was für ein Kind haben wir erzogen! Der eigenen Großmutter glaubt sie durch die Tür nicht! Unverschämte! Man muss den Leuten trauen! Wann kommt die Mutter mit dem Vater?

— Papa – nach der Arbeit, — kam es hinter der Tür hervor, — und Mama ist zum Friseursalon losgegangen, um sich gesund schreiben zu lassen.

— Wohin? — die Großmutter sprang auf. — Das erzähl ich alles Serjoža! Flittchen! Und du kommst ganz nach ihr, ganz! Ich sterbe auf der Stelle!

— Großmütterchen! Großmütterchen! – ertönte hinter der Tür ein Kinderstimmchen. — Du wirst nicht sterben! Mama hat gesagt, dass du uns alle zuerst begraben wirst!

— So etwas hat Galja über mich gesagt? Schlange! Das erzähl ich alles Serjoža! Über die ganzen Friseure! Wer weiß, von welchem Friseur die Tochter ist!

Zu dieser Zeit kam ein Mann mit Stiefeln und Dienstkleidung die Treppe hinauf. Als er im trüben Licht der sterbenden Birne die Alte in Tränen sah, blieb er stehen:

— Um wen weinen wir, Großmütterchen?

Einem Fremden eingestehen, dass die eigene Enkelin dich nicht ins Haus hineinlässt war so beschämend, dass die Großmutter, nachdem sie die Tränen geschluckt hatte, log:

— Ich habe einen tiefen Blutdruck, Söhnchen... Es ist schon der zweite Tag, dass ich von der Treppe falle.

— Wir läuten an der Wohnung und du nimmst Baldrian! — sagte der Mann fröhlich, während er nach der Türglocke tastete.

— Wer da? — fragte Sveta.

— Kindchen, mach auf! Hier hat irgendeine Alte vor, zu sterben.

— Onkel! Dort ist es dunkel, tasten Sie sie ab: Diese Alte ist vielleicht ein alter Bandit!

— Du, Schurke! — rief die Großmutter. — Stell uns nicht vor den Leuten bloß!

— Aha, also scheint das da deine Enkelin zu sein? — begriff der Mann. — Egal, wessen Enkelin du bist, sei so nett und mach auf! Hörst du mich, du, minderjähriges Luder!

— In der Anwesenheit von Kindern darf man nicht schimpfen, — sagte Sveta. — Papa schimpft nie wenn ich da bin. Erst bringt er mich ins Bett, schließt die Tür, und dann schimpft er mit Mama! Hast du verstanden, Hurensohn?

— Sieh an! — brummelte der Mann beifällig. — Ein viel versprechendes Mädchen wächst da heran!

— Sie da, wer sind sie eigentlich? Einer- die Großmutter, der zweite- der Großvater, oder wie?

— Wer ich bin? Ich bin Onkel Kolja, der Klempner...

Die Großmutter zischelte, nachdem sie dem Mann den Mund mit der Handfläche zugehalten hatte:

— Kein Klempner! Bloß nicht Klempner! Man hat ihr über Klempner einige Dinge erzählt! Sie sind... Briefträger!

Onkel Kolja schimpfte flüsternd, während er sich von der Großmutter befreite:

— Auf dass Sie verbrennen! Warum erschrecken Sie das Kind mit dem Klempner? Kann bei uns ein Briefträger kein Bandit sein? Nach der Verfassung...

— Aber ich bitte Sie, — wehklagte die Großmutter, — sagen Sie ihr, dass Sie der Briefträger sind, dann öffnet sie!

Onkel Kolja spuckte von ganzem Herzen:

— Hör zu, du da! Öffne! Es hat sich herausgestellt, dass ich der Briefträger bin!

— Ihre Stimme klingt aber wie die eines Klempners!

— Na, Großmütterchen, deine Enkelin ist prima erzogen. Die Grenze ist geschlossen. Wir sind gezwungen, die Tür aufzubrechen.

— Brechen Sie sie auf! — winkte die Großmutter mit der Hand - Nur seien Sie so vorsichtig, wie bei Ihrer eigenen.

Der Klempner holte die Werkzeuge und begann, während er die Romanze: «Mach das Gartentor leise auf...» sang, die Tür aufzubrechen. Die Schläge des Vorschlaghammers tönnten laut und verbreiteten sich im ganzen Treppenhaus. In dieser Zeit huschten unbemerkt sechs Menschen leise wie Mäuschen das Treppenhaus hoch und runter. Aber, erstens, kannten sich die Nachbarn vom Ansehen her gegenseitig schlecht. Zweitens, lag der Treppenabsatz im Halbdunkel. Und drittens, war es irgendwie nicht angebracht einen unbekanntem Menschen zu fragen, ob er in die eigene Wohnung oder in eine fremde einbricht. Als Sveta sah, dass die Tür nachzugeben begann, fing sie an zu weinen:

— Mama! Mama! Man wird mich ertränken! — Sie drehte den Riegel des alten Schlosses herum, den man lange nicht mehr benutzte, aber trotzdem nicht entfernt hatte.

Der Vater von Sveta lief pfeifend die Treppe hinauf. Nachdem er im Halbdunkel an seiner eigenen Tür schwer atmende Menschen sah, verpasste Sergej dem Klempner ohne zu Zögern eine Ohrfeige.

— Serjožen'ka, bitte, nicht schlagen! Er gehört zu uns! — schrie die Oma auf und warf sich dazwischen. Die Männer hatten es aufeinander abgesehen, aber im Dunklen hat die Großmutter am meisten abbekommen, wie es normalerweise mit jenen geschieht, die anderen zu trennen versuchen. Als die Alte endgültig besiegt worden war, haben sich die Männer beruhigt und halfen ihr dabei, wieder zu sich zu kommen. Als alle endlich wieder bei Verstand waren und miteinander Frieden geschlossen hatten, starrten sie, ihre schmerzenden Stellen reibend, die Tür an.

— Sveta, Kindchen, mach auf! — stöhnte Sergej, indem er seine Wangenknochen festhielt.

— Sofort, Papilein, — antwortete Sveta. — Aber bist du wirklich mein Vater?

— Und wessen sonst?

— Die Oma sagt, dass ich von irgendeinem Friseur gezeugt wurde...

— Von welchem Friseur?!

— Serjožen'ka! — Die Großmutter schaute den Sohn in der Dunkelheit ausdrucksvoll an. — Du kennst ihn nicht! Ich werde dir alles erzählen, wenn wir in die Wohnung reinkommen!

Zu dieser Zeit blieb auf dem Treppenabsatz ein korpulenter Mann stehen. Während er Atem holte, sagte er:

— Gott stehe euch bei! Und was macht ihr eigentlich mit der Tür?

— Sehen Sie... — druckste Sergej herum, — wir schließen ein Alarmsystem an. Wer weiß...

— Aha, — lächelte der Klempner, — man kann jemandem zu sich nach Hause holen, aber man kann auch selber die Tür zur Miliz schleppen. Kommt billiger raus!

— Verstanden! — Der Korpulente fing an – schneller die Treppe hochzusteigen.

Sergej schüttelte die Tür:

— Svetočka, mach sofort auf, du, Biest! Ich habe die Schlüssel bei mir, soweit ich die Tür aufgekriegt habe, bekommst du eine Tracht Prügel!

— Du wirst mich schlagen, wenn du überhaupt die Tür aufkriegen wirst! — Sveta seufzte. — Ich habe sie mit dem alten Schloss verschlossen, von ihm hat keiner die Schlüssel. Sogar mein Vater nicht, falls du wirklich er bist.

— Na, was machen wir jetzt? — Sergej zündete sich eine Zigarette an. — Ich muss das Geld holen! Das Geld! Bis zwei Uhr habe ich einen Farbfernseher zurückgelegt, einen kleinen, für 200 Rubel.

— Wie – 200 [Rubel]? Er kostet 400! — wunderte sich der Onkel Kolja.

— Er ist umgezogen worden! Direkt vom Werk!

— Was heißt «umgezogen worden»? — fragte die Großmutter.

— Geklaut, das heißt — weggenommen, — erklärte der Klempner. — Es ist eine Schande – den Umgezogenen nicht zu kaufen!

— Und mein Vater sagt: «Es ist schlecht – zu klauen»! — erklang hinter der Tür die Kinderstimme. — Das heißt, ihr alle da seid Banditen!

— Es ist schlecht – dem eigenen Vater nicht die Tür aufzumachen! — schrie der Onkel Kolja auf. — Du, blöde Alte!

In dieser Zeit donnerte etwas oben, seufzte und rutschte, schimpfend, die Treppe herunter. Das war das Ehepaar Birjukovy's aus der Wohnung Nummer 57. Sie schlepten eine Eichentür mit sich. Die

schwere Tür bewegte sich schneller, als die Birjukovy's, sie schlug gegen die Wände, gegen das Geländer, von einer Seite zur anderen.

— Was ist los? — schaffte der Klempner grade noch auszurufen.

— Man hat gesagt, dass heute alle eine Alarmanlage installieren müssen! Morgen werden die Banditen erwartet! — Die Tür zog die Birjukovy's weiter nach unten.

— Verrückte! — Die Großmutter schüttelte mit dem Kopf. — Ihretwegen hat sich das Gerücht verbreitet! Jetzt werden alle die Türe herausreißen!

Tatsächlich donnerte es oben noch einmal. Dann donnerte es wo anders. Die Leute rissen die Türen aus den Angeln.

— Sveta! — Sergej pochte an der Tür mit der Faust. — Höre aufmerksam zu! Die Mutter hat gesagt, dass du niemandem die Tür aufmachen darfst, und es ist gut, dass du ihr gehorchst, Scheiße! Aber sie hat nicht erwähnt, dass du das Geld unter der Tür nicht schieben darfst! Und wenn der Mensch, ohne die Wohnung zu betreten, sagt, wo bei euch das Geld liegt, wer ist er dann?

— Der Dieb! — antwortete Sveta.

— Idiotin! Er ist dein Vater!

— Wenn Sie mein Vater wären, hätten Sie gewusst, dass wir kein Geld besitzen! Mein Vater schreit Mutter immerzu an: «Es gibt kein Geld, ich klaue nicht!» Er kann für sich keine Anstellung als Bandit besorgen!

Sergej klopfte mit dem Kopf gegen die Tür:

— Svetočka! Ich habe es in der Sparbüchse versteckt! Ich schwöre dir, im Bad. Hinter dem Eimer. In der Seifenschale. Unter der Seife liegt das Geld! Hole die Banknoten heraus und schieb sie unter der Tür hindurch!

Hinter der Tür war es still. Endlich tapsten Svetas Schrittchen:

— Banditen, seid ihr da?

— Wir sind hier, Töchterchen! Schieb hindurch!

— Dort gibt es keine Seifenschale mit dem Geld, nur Vaters Socken. Schieben?

— Geklaut!! — seufzte Sergej. — In all den Jahren tauchte in der Wohnung das Geld auf— und schon gestohlen! Die Banditen haben es gerochen! Vielleicht ist es trotzdem dort?! Onkel Kolja, hauen wir zu!

Die Männer sprangen gegen die Tür und fielen mit ihr zusammen in die Wohnung.

Abends aß die ganze Familie und Onkel Kolja zu Abend und sahen zusammen fern. Die Tür hatte man wieder eingehängt, den Klempner – bezahlt, und er, mit 10 Rubel entlohnt, lobte die Hausherrin.

— Warum hast du, Töchterchen, den Vater belogen, — unterbrach ihn Galja, — und gesagt, dass es keine Seifenschale gibt?

— Ich habe mich erschrocken! Die Banditen werden erfahren, dass das Geld da ist, und werden die Tür aufbrechen. Aber sie haben es so wie so getan!

Alle fingen zusammen zu lachen.

— Du checkst aber mit! Gutes Mädchen! — sagte der Klempner, in dem er das neunte Stückchen Wurst auf das Brot legte. — Aber merke dir: Es ist schlecht - Ältere zu belügen! Zuerst muss man selbst erwachsen werden, ein richtiger Mensch sein!

Hinter der Wand ertönte von Zeit zu Zeit Stöhnen und Krach. Die Nachbarn schleppten die Türen zur Alarmanlageninstallation.

— Ich verstehe überhaupt nichts, — sagte Galja, — sie schleppen und schleppen! Vielleicht, stimmt es? Das ganze Haus wird ein Alarmsystem erhalten, nur wir bleiben wie die Dummen draußen!

— Für welches Geld, wenn ich fragen darf?! — regte sich Sergej auf. — Ich bin sowieso überall verschuldet!

— Väterchen, zahl, bitte; sonst wird man mich in der Badewanne ertränken!

— Und wo soll ich das Geld herzaubern, Tochterchen?

— Ich weiß — wo, — sagte Sveta, — bei der Oma auf dem Dachboden ist ein halber Filzstiefel voll gestopft mit Geld!

— Du, unverschämte Lügnerin! — schrie die Großmutter auf. — Welcher halbe Filzstiefel? Da ist kaum die Fußsohle bedeckt! Bei meiner Rente...

— Entschuldige, Oma, im zweiten Filzstiefel habe ich nicht nachgeschaut. Das heißt, Mutti hat einen halben Filzstiefel Geld... Und Vater ist in der Seifenschale noch ein Stück Seife übrig geblieben – um die Schulden zu bezahlen.

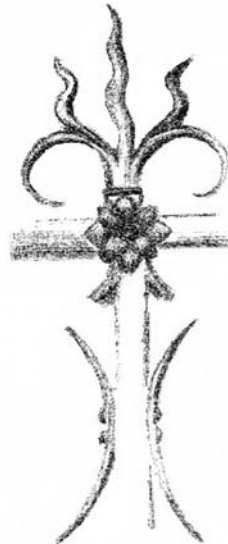
Es wurde still...

Um die Situation zu entspannen, putzte sich der Klempner diplomatisch die Nase und sagte:

— Ich bitte um Verzeihung. Ich muss nach Hause. Es ist 9 Uhr... Richtige Zeit, um dem Sohn den Po zu versohlen. Außer mir hat er niemanden mehr. Ihr seid eine normale Familie. Lebt wohl!

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Was wurde und wird in Europa über die Gastfreundlichkeit der Russen berichtet? Wie und warum hat sich die Situation seit 1990 verändert? Weshalb bezeichnet man Russland heute als «Land der offenen Herzen und eisernen Türen»?
2. Wie empfangen die Russen in der Familie ihre Bekannten, Freunden und Verwandten? Befragen Sie den Dozenten. Wo liegt dabei der Unterschied zwischen Russen und Deutschen?
3. Was bedeuten folgende Volksweisheiten: В тесноте, да не в обиде. Сам с голоду умирай, а гостю угождай.
4. Schauen Sie sich die Filme «Осенний марафон» (1979, Г. Данелия) und «Американский дедушка» (1993, И. Щеголев) an. Hat sich Ihr Russlandbild verändert?

Die vielen Gesichter der Liebe

И. Тургенев

Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собой дичь. Я глянул вдоль аллеи — и увидел воробышка с желтизной около клюва и пухом на голове. Он выпал из гнезда (ветер сильно качал берёзы) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой, раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тельце трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговая.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Aufgaben:

Wie verstehen Sie die letzten beiden Sätze des Textes?

Was bedeuten für Sie die Redewendungen: материнская любовь, отцовская любовь, любовь земная и небесная, любовь к Родине?

I. Turgenev

Der Spatz

Ich kehrte von der Jagd zurück und ging durch die Allee des Gartens. Der Hund rannte vor mir her. Plötzlich verkürzte er seine Schritte und begann sich anzupirschen, so als ob er Wild gewittert hätte. Ich blickte die Allee entlang und sah einen jungen Spatz mit einem gelben Fleck über dem Schnabel

und Flaum auf dem Kopf. Er war aus dem Nest herausgefallen (der Wind wiegte die Birken kräftig hin und her) und saß bewegungslos da. Er hatte die noch kaum herausgewachsenen Flügel hilflos auseinandergespreizt.

Mein Hund näherte sich ihm langsam, als plötzlich ein alter Spatz mit schwarzer Brust von einem nahen Baum herabstürzte und wie ein Stein direkt vor seiner Schnauze zu Boden fiel und völlig zerzaust, entstellt mit einem verzweifelten, jämmerlichen Quieken zweimal in Richtung des zähnefletschenden, geöffneten Rachens hüpfte.

Er war zur Rettung herbeigestürzt, er stellte sich schützend vor sein Kind doch sein ganzes kleines Körperchen zitterte vor Angst, sein Stimmchen wurde wild und heiser, er erstarrte, er opferte sich auf! Als welch riesiges Ungeheuer musste ihm der Hund vorkommen! Und doch konnte er nicht auf seinem hohen, sicheren Zweig sitzen bleiben... eine Kraft, die stärker war, als sein Wille, hatte ihn von dort hinabgeworfen.

Mein Trezor blieb stehen, wich zurück.... Man sah, dass auch er diese Kraft anerkannte. Ich beeilte mich, meinen verwirrten Hund zurückzurufen und entfernte mich voller Ehrfurcht.

Ja, lacht nicht. Ich hatte Ehrfurcht vor diesem kleinen, heldenhaften Vogel, vor seinem liebevollen Angriff. Liebe, dachte ich, ist stärker als der Tod und die Angst vor dem Tod. Nur durch sie, nur durch die Liebe, erhält und bewegt sich das Leben.

В. Берестов

Любовь

Разговор принял неожиданное направление.

— Всегда ли можно правильно судить о людях? — сказал хозяин гостям. — Всегда ли хорошо, если мы видим другого таким, каков он есть, ничего не преувеличивая?

— Конечно, всегда, — ответила жена, собирая тарелки.

— Что-о? — удивился муж. И обратился к гостям, как бы ища у них поддержки. — А любовь? Любовь при таком отношении к людям была бы просто немыслима. Ну, например, за что я полюбил вот эту женщину? Честно говоря, за то, что она — самая лучшая в мире. Во всяком случае, так мне показалось. Но разве я прав? Разве я объективен? А за что она полюбила меня?

— Это была ошибка, — усмехнулась жена.

— Конечно, ошибка, — радостно подхватил муж. — Она любит меня за то, что я, в общем-то, Господь Бог. Да-да, товарищи! Я всё могу! Решительно всё! Но, к сожалению, не хочу, ленюсь или мне что-нибудь мешает. Во всяком случае, именно об этом мне твердят изо дня в день. Разве не так?

И тут они оба смутились, потому что так оно и было.

А перед нами оказалась удивительная пара: всемогущий мужчина и лучшая в мире женщина. Это было известно только им одним. Но сейчас они случайно выдали свою тайну.

Aufgaben:

Was würden Sie als «größte Geheimnis der Liebe» bezeichnen?

Kann man über richtige Liebe zwischen zwei Menschen reden, wenn sie einander kaum kennen?

Hatte Andrej Tarkovskij Recht, wenn es sagte: «Man kann nur das lieben, was man verlieren kann: die Mutter, die Frau, das Heimatland»?

Wie verstehen Sie die Redewendungen: Любовь зла – полюбишь и козла. В любви нечего прощать.

V. Berestov

Die Liebe

Das Gespräch nahm eine unerwartete Wendung.

— Kann man Menschen immer richtig beurteilen, — fragte der Hausherr die Gäste.

— Ist es immer gut, wenn wir den anderen so sehen, wie er ist, ohne zu übertreiben?

— Natürlich, immer, — antwortete seine Frau, und räumte die Teller ab.

— Waaas, — wunderte sich ihr Mann. Und er wandte sich an die Gäste, als ob er bei ihnen Unterstützung suchte,- Und die Liebe? Liebe wäre doch bei solch einem Verhältnis zwischen den Menschen einfach undenkbar. Nun, zum Beispiel, weshalb habe ich eben diese Frau lieb gewonnen? Ehrlich gesagt, deshalb, weil sie die allerbeste auf der ganzen Welt ist. Jedenfalls kam es mir so vor. Aber habe ich etwa Recht? Bin ich etwa objektiv? Und weshalb hat sie mich lieb gewonnen?

— Das war ein Fehler, — schmunzelte seine Frau.

— Natürlich, ein Fehler, — fiel ihr Mann erfreut ein. — Sie liebt mich dafür, dass ich, eigentlich, der Herrgott bin. Ja, ja, meine Freunde! Ich kann alles! Absolut alles! Doch leider will ich nicht, bin faul oder irgendetwas hindert mich. Jedenfalls wird dies Tag für Tag erzählt. Ist es etwa nicht so?

Hier wirkten sie beide verlegen, weil es genau so war.

Und vor uns stand ein erstaunliches Paar — ein allmächtiger Mann und die allerbeste Frau der Welt. Das wussten nur sie alleine. Aber jetzt hatten sie ihr Geheimnis rein zufällig verraten

Ф. Кривин

Карандаш и резинка

Поженились Карандаш и Резинка, свадьбу сыграли — и живут себе спокойно. Карандаш остёр, да Резинка мягка, уступчива. Так и ладят.

Смотрят на молодую пару знакомые, удивляются: что-то здесь не то, не так, как обычно бывает. Дружки Карандаша, перья, донимают его в мужской компании:

— Сплюховал ты, брат! Резинка тобой как хочет вертит. Ты ещё и слова сказать не успеешь, а она его — насмарку. Где же твоё мужское самолюбие?

А подружки Резинки, бритвы, её достают:

— Много воли даёшь своему Карандашу. Гляди, наплачешься с ним из-за своей мягкости. Он тебе пропишет!..

Такие наставления в конце концов сделали своё дело. Карандаш, чтобы отстоять своё мужское самолюбие, стал нести всякую околесицу, а Резинка, в целях самозащиты и укрепления семьи, пошла стирать вообще всё, что Карандаш ни напишет. И разошлись Карандаш и Резинка, не прожив и месяца.

Перья и бритвы очень остро переживали разлад в семье Карандаша. Единственным утешением для них было то, что всё случилось именно так, как они предсказывали.

Aufgaben:

Wie verstehen Sie die Redewendung: «Любовная лодка разбилась о быт»? Wem gehören diese Wörter?

Erklären Sie anhand des Textes folgende russische Volksweisheiten: Милые бранятся – только тешатся. С милым рай и в шалаше. Где двое дерутся – там сами разберутся.

Übersetzen Sie ins Deutsche: сыграть свадьбу, вертеть кем-либо, прописать кому-либо, нести околесицу.

Wie entstanden die Wörter: ладить, насмарку, околесица?

F. Krivin

Der Bleistift und der Radiergummi³⁶

Ein Bleistift und ein Radiergummi hatten geheiratet, sie hatten Hochzeit gefeiert und leben still vor sich hin. Der Bleistift ist spitz und der Radiergummi weich, nachgiebig. So vertragen sie sich gut.

³⁶ Der Bleistift ist im Russischen maskulin, der Radiergummi — feminin.

Беканте betrachten das junge Paar und wundern sich: Irgendetwas stimmt hier nicht, irgendwas ist nicht so, wie es für gewöhnlich ist.

Die Freunde des Bleistifts, die Federn, setzen ihm in der Männerrunde zu: «Du hast einen Fehler gemacht, Bruder! Der Radiergummi lässt dich nach seiner Pfeife tanzen, wie es ihm gefällt. Du kommst noch nicht einmal dazu, ein Wort zu sagen, da hat er es schon wegradiert. Wo bleibt denn dein männliches Ehrgefühl?»

Und die Freundinnen des Radiergummis, die Rasierklingen, setzen ihm zu: «Du lässt deinem Bleistift zu viel Freiheit. Pass nur auf, du wirst seinetwegen noch viele Tränen vergießen, mit deiner Nachgiebigkeit. Das wirst du noch ausbaden müssen!..»

Derartige Belehrungen taten schließlich ihre Wirkung. Um sein männliches Ehrgefühl zu verteidigen, begann der Bleistift allerlei Unsinn zu erzählen, und im Interesse der Selbstverteidigung und der Festigung der Familie begann der Radiergummi überhaupt alles, was der Bleistift auch schrieb, auszuradieren. So trennten sich der Bleistift und der Radiergummi, ohne einen einzigen Monat zusammen gelebt zu haben. Die Federn und die Rasierklingen litten sehr unter dem Zerfall der Familie des Bleistifts. Ihr einziger Trost bestand darin, dass alles genauso passierte, wie sie es vorhergesagt hatten.

В. Константинов, Б. Рацер

Тяжёлая сессия

— Вася, ты уже встал?

— Нет, Галка, еще не ложился.

— Тяжёлая сессия, правда?

— Не говори.

— Как у тебя дела?

— Нормально. Освоил хулиганство. Дошёл до убийства.

— А я остановилась на любви.

— Любви?... Такого билета по программе нет. Есть вопросы по семейному праву.

— А разве это не одно и то же?

— Сравнила! Семья — понятие юридическое, а любовь... так... как у пташки крылья.

— Васенька, но ведь без любви нет семьи.

— Выбрось из головы. Это не по теме. Еще схватишь двойку.

— Ну и пусть!

- То есть как «пустить»? Я как комсорг требую: сейчас же бросай любовь и принимайся за разбой. Это — самое трудное. Если нужно, помогу.
- Да, Вася, очень нужно.
- Ну, давай, спрашивай.
- Ты помнишь, что было две недели назад?
- Две недели? Конечно. Был заключительный семинар по криминалистике.
- Не то, Васенька. А потом?
- Потом мы сдавали зачёты.
- А потом?
- Потом... потом... не помню.
- А потом был новогодний бал.
- Да, да, что-то припоминаю... Мы еще спорили с аспирантом Кукиным.
- А дальше?
- Дальше? Дальше... что же было дальше?
- Мы с тобой танцевали, будущий профессор!
- Танцевали? С тобой?.. Верно, Галка. И как ты только можешь такие подробности запомнить?
- И ты мне говорил... Ну, повтори мне эти слова!
- Какие слова, Галка?
- Васенька, неужели ты забыл?
- Что-то смутно... Говорил какие-то очень важные вещи. А вот какие... ты хоть скажи: из какой области?
- Из области семейного права.
- Семейного? Вспомнил... Ну, конечно... Галка, я же тебя люблю. Очень! Очень! Алло... но ты хотела спросить у меня что-то по программе?... (Частые гудки.) Повесила.

Aufgaben:

Was wissen Sie über die klassische Erziehung in Russland: Wer durfte als erster den Partner ansprechen, die Liebeserklärung machen? Warum wurde Tatjana Larina (A.S. Puškin «Evgenij Onegin») als «stark überlegen ihrer Zeit» betrachtet? Wie alt waren die Mädchen im 19. Jh., als sie heirateten?

Was gehörte zu den Pflichten eines Mädchens und einer Hausfrau in der Zeit Lev N. Tolstojs («Krieg und Frieden») und B.L. Pasternaks («Doktor Živago»)? Wie hat sich Situation im 20. Jh. verändert?

Schauen Sie den Film «Курьер» (1987, К. Шахназаров) oder «АССА» (1988, С. Соловьёв). Wie wird die Liebe zwischen der Jugendlichen dargestellt?

V. Konstantinov, B. Racer

Die schwierige Prüfungszeit

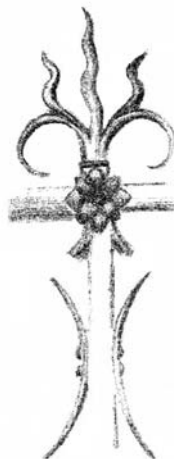
- Wasja, bist du schon aufgestanden?
- Nein, Galka, ich war noch gar nicht ins Bett gegangen.
- Ein schwere Prüfungszeit, nicht wahr?
- Wem sagst du das.
- Wie geht es bei dir so?
- Alles im grünen Bereich. Habe mir das Rowdytum angeeignet. Bin bis zum Mord gekommen.
- Und ich bin bei der Liebe stehen geblieben.
- Bei der Liebe? Solch ein Prüfungsthema gibt es, dem Lehrplan nach, nicht. Es gibt Fragen zum Familienrecht...
- Aber ist das denn nicht dasselbe?
- Na, du ziehst aber Vergleiche. Familie – das ist ein juristischer Begriff, aber die Liebe, das ist etwas Nichtgreifbares... wie die Federn bei den Vögeln³⁷.
- Aber Vasen'ka, ohne Liebe gibt es doch keine Familie.
- Schlag dir das aus dem Kopf. Das gehört nicht zum Thema. Du kriegst noch eine Fünf.
- Und wenn schon!
- Wie – „und wenn schon?“ Ich in meiner Funktion als Komsomolleiter verlange: Lass die Liebe sofort fallen und beschäftige dich mit dem Raub. Das ist das schwierigste. Wenn nötig, helfe ich.
- Ja, Wasja, es ist sehr nötig.
- Also los, frag.
- Kannst du dich noch daran erinnern, was vor zwei Wochen war?
- Vor zwei Wochen? Natürlich. Da war das abschließende Seminar in Kriminalistik.
- Nicht das, Vasen'ka. Aber danach?
- Danach haben wir die Vorprüfungen abgelegt.
- Und dann?
- Und dann... und dann... ich weiß nicht mehr.
- Dann war der Silvesterball.
- Ja, ja, bei mir dämmert so was... Wir hatten noch mit dem Aspiranten Kukin gestritten.

³⁷ Auf Russisch wird an dieser Stelle die Arie aus dem Oper «Carmen» (Georges Bizet) zitiert: «У любви как у пташки крылья...»

- Und weiter?
- Weiter? Weiter... was war denn weiter?
- Wir haben miteinander getanzt, Du, zukünftiger Professor!
- Getanzt? Mit dir?... Stimmt, Galka. Wie du dich bloß an solche Einzelheiten erinnern kannst?
- Und du hast mir gesagt... Nun, wiederhole mir diese Worte!
- Welche Worte, Galka?
- Vasen'ka, hast du es wirklich vergessen?
- Irgendwie vage... Ich habe irgendwelche sehr wichtige Dinge gesagt. Aber welche... sag mir wenigstens: Aus welchem Bereich?
- Aus dem Familienrecht.
- Familienrecht? Ich erinnere mich... Natürlich... Galka, ich liebe dich ja. Sehr! Sehr! Hallo... aber wolltest du mich nicht etwas aus dem Lehrplan fragen? (Tuten in kurzen Abständen.) Sie hat aufgelegt.

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Welche literarischen Werke russischer Autoren über die Liebe kennen Sie?
2. Schauen Sie die Filme «Звезда пленительного счастья» (1975, В. Мотыль), «Мой ласковый и нежный зверь» (1978, Э. Лотяну), «Вокзал для двоих» (1982, Э. Рязанов) und versuchen Sie, den Unterschied zwischen der Liebe russischer und europäischer Frauen zu erklären.

Etwas über wahre Freundschaft

И. Тургенев

Враг и друг

Осуждённый на вечное заточенье узник вырвался из тюрьмы и пустился бежать... За ним по пятам мчалась погоня.

Он бежал изо всех сил... Преследователи начинали отставать.

Но вот перед ним река с крутыми берегами, узкая — но глубокая река... А он не умеет плавать! С одного берега на другой перекинута тонкая гнилая доска. Беглец уже занёс на неё ногу... Но случилось так, что тут же возле реки стояли: лучший его друг и самый жестокий его враг.

Враг ничего не сказал, зато друг закричал во всё горло:

— Помилуй! Что ты делаешь? Опомнись, безумец! Разве ты не видишь, что доска совсем сгнила? Она сломится под твоею тяжестью — и ты неизбежно погибнешь!

— Но ведь другой переправы нет... а погоню слышишь? — отчаянно простонал несчастный и ступил на доску.

— Не допущу!.. Нет, не допущу, чтобы ты погиб! — закричал ревностный друг и выхватил из-под ног беглеца доску. Тот мгновенно рухнул в бурные волны — и утонул.

Враг засмеялся самодовольно — и пошёл прочь; а друг присел на бережку — и начал горько плакать о своём бедном... бедном друге!

Обвинять самого себя в его гибели он, однако, не подумал ни на миг.

— Не послушался меня! Не послушался! — шептал он уныло.

— А впрочем, — промолвил он наконец, — ведь он всю жизнь свою должен был томиться в ужасной тюрьме! По крайней мере, теперь он не страдает! Теперь ему легче! Знать, уж такая ему выпала доля!

И добрая душа продолжала неутешно рыдать о своём злополучном друге.

Aufgaben:

Woran erkennt man aufrichtige Freundschaft?

Warum sagt man in Russland: Друг проверяется в счастье лучше, чем в беде. Не тот друг, кто оплакал твоё поражение, а тот, кто отпраздновал твою победу.

Welche Wörter in diesem Text kann man als «veraltet» (устаревшие) definieren?

I. Turgenev

Freund und Feind

Ein zu lebenslanger Haft verurteilter Häftling entwich aus dem Gefängnis und lief fort. Seine Verfolger waren ihm dicht auf den Fersen.

Er rannte so schnell er nur konnte... Die Verfolger begannen zurückzubleiben.

Da taucht ein Fluss mit steilen Ufern vor ihm auf, ein schmaler, aber tiefer Fluss...

Und er kann nicht schwimmen!

Von einem Ufer zum anderen war ein dünnes, angefaultes Brett hinübergelegt worden. Der Flüchtling hatte schon den Fuß darauf gesetzt. Aber es kam so, dass genau hier am Fluss sein bester Freund und sein schlimmster Feind standen. Der Feind sagte nichts, dafür begann der Freund aus vollem Halse zu schreien:

— Gott bewahre dich! Was tust du? Komm zu dir, Wahnsinniger! Siehst du denn nicht, dass das Brett ganz verfault ist? Es bricht unter deinem Gewicht zusammen und du kommst unweigerlich um!

— Aber es gibt keinen anderen Übergang... und hörst du die Verfolger? — stöhnte der Unglückliche verzweifelt und trat auf das Brett.

— Das lasse ich nicht zu! Nein, ich lasse nicht zu, dass du umkommst! — schrie der eifrige Freund und zog dem Fliehenden das Brett unter den Füßen weg.

Dieser fiel augenblicklich in die schäumenden Wellen — und ertrank.

Der Feind lachte selbstzufrieden und ging davon; der Freund aber setzte sich am Ufer nieder und begann bitterlich über seinen armen, armen Freund zu weinen. Sich selbst aber die Schuld an dessen Verderben zu geben, daran dachte er nicht einen Augenblick.

— Er hat nicht auf mich gehört! Nicht auf mich gehört hat er! — flüsterte er verzagt.

— Und außerdem, — sagte er endlich, — er hätte doch sein ganzes Leben in dem fürchterlichen Gefängnis schmachten müssen! Zumindest leidet er jetzt nicht! Jetzt ist ihm leichter! Dies wird wohl sein Schicksal gewesen sein!

Und die gute Seele fuhr fort, untröstlich ihren unglückseligen Freund zu beweinen.

И. Василенко

Друг

— Ах, Семён Петрович! Приветствую тебя, друг мой! Кстати, садись! Сегодня моей Аннушке тридцать лет исполнилось. Ты видишь, какой торт испекла! Садись же, друг мой. С чего начнём? Со «Столичной»? С перцовки? А может быть, с коньячка?

— Благодарю, Пётр Кузьмич, но вынужден отказаться.

— Отчего же?

— Врачи строжайше запретили. У меня, собственно, язва желудка. Я недавно выписался из больницы.

— Вот это да! Да — а, жизнь полна неприятностей. Но ты же всё равно выпьешь, не правда ли? От одной ничего не будет.

— И напёрстка нельзя. Врач сказал, каждую минуту приступ может начаться. И сердечко пошаливает.

— Ах, ты должен меньше прислушиваться к своему сердцу! Доктор сказал однажды моей матушке: «Лучшее лекарство ото всех болезней – поменьше о них думать». Так, я налью?

— Нет, спасибо, Пётр Кузьмич, спасибо. Сам знаешь: выпьешь одну, а потом, может, вторую захочется. Я попью лучше минеральной водички.

— Минеральной! Тоже мне, напиток! Ну, тебе виднее. Однако, неудобно получается: приходит человек в гости, а ему предлагают минеральную воду. Да ещё в такой день! Может, по «Старке»? От «Старки» же ничего не будет. Налить, а?

— Пётр Кузьмич, ты ж не желаешь мне зла. Что ж тогда настаиваешь? Мне и так покоя не дают эти боли в желудке.

— Я? Желаю тебе зла? Своему лучшему другу! Да я за тебя в огонь пойду. Но знаешь ли, это меня как-то оскорбляет: мы так долго не виделись – и на тебе. Да ладно, не стану больше настаивать, пей минеральную. А может, всё же налить, а? Коньячку? Десятилетней выдержки! Рюмочку, а? С лимончиком, нет? Аннушка, передай-ка сюда «Юбилейный». Что другое – да, но от «Юбилейного», брат, отказываться неприлично. Ну, за новорожденную!.. Поехали! Ещё одну, не правда ли? Тогда, за твоё здоровье. Аннушка, налей ему ещё одну. Что за коньяк, хм? Чудо! Так, будь здоров!

Aufgaben:

Wie verstehen Sie die Redewendung «закадычные друзья»? Lassen Sie sich diese Wortbindung vom Lehrer erklären.

Übersetzen Sie ins Deutsche: выписаться из больницы, тебе виднее, тоже мне, не давать покоя.

Wie wurde das Wort «напёрсток» gebildet? Warum wird dieses Wort als Mengenangabe für Spirituosen in Russland benutzt?

I. Vasilenko

Der Freund

— Ach, Semjon Petrovič! Grüß dich, mein Freund! Apropos, setz dich! Heute ist mein Annalein dreißig Jahre alt geworden. Siehst du, was sie für eine Torte gebacken hat! Nun setz dich doch, mein Freund. Womit fangen wir an? Mit der «Stoličnaja»? Mit Pfefferbranntwein? Oder vielleicht mit einem Kognak?

— Danke, Pjotr Kuz'mič, aber ich bin gezwungen abzulehnen.

— Wieso das denn?

— Die Ärzte haben es mir aufs Strengste verboten: Ich habe nämlich ein Magengeschwür. Ich bin erst kürzlich aus dem Krankenhaus entlassen worden.

— Das ist aber ein Ding! Ja, das Leben ist voller Unannehmlichkeiten. Aber du trinkst doch trotzdem was, nicht wahr? Von einem einzigen Gläschen passiert nichts.

— Nicht mal einen Fingerhut voll darf ich. Der Arzt hat gesagt, jede Minute kann ein Anfall kommen. Und das Herz macht mir allmählich zu schaffen.

— Ach, du sollst weniger auf dein Herz horchen! Der Doktor hat meiner Mutter einmal gesagt: «Die beste Medizin gegen alle Krankheiten ist weniger über sie nachzudenken». Also, ich gieße ein, ja?

— Nein, danke Pjotr Kuz'mič, danke. Du weißt doch selbst: trinkt man eins, dann bekommt man vielleicht Lust auf ein zweites. Ich trinke besser Mineralwasser.

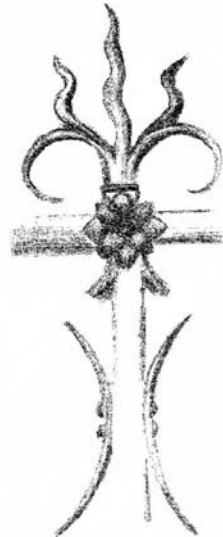
— Mineralwasser! Was für ein Getränk! Na ja, du weißt es besser. Aber irgendwie ist es peinlich: Da kommt jemand zu Besuch, und man bietet ihm Mineralwasser an! Und dann auch noch an solch einem Tag? Vielleicht trinken wir einen «Starka»? «Starka» macht doch nichts aus. Soll ich eingießen, ja?

— Pjotr Kuz'mič, du willst mir doch nichts Böses. Warum bestehst du dann darauf? Mir lassen diese Magenschmerzen auch so keine Ruhe.

— Ich? Dir Böses wollen? Meinem besten Freund? Für dich würde ich sogar durchs Feuer gehen. Aber weißt du, es beleidigt mich irgendwie: Wir haben uns so lange nicht gesehen – und nun so was. Ach, ich werde nicht weiter darauf bestehen, trink Mineralwasser. Aber vielleicht soll ich dir doch einschenken, oder...? Vom Kognak? Ein zehnjähriger! Ein Gläschen, ja? Mit Zitronchen, nicht? Annalein, reich uns mal den «Jubiläumskognak» rüber. Etwas anderes- ja, aber den «Jubiläumskognak» abzulehnen, Bruder, das ist unanständig. Nun also, auf das Geburtstagskind!... Los geht's! Noch eins, nicht wahr? Dann auf deine Gesundheit. Annalein, gieß ihm noch mal ein. Was für ein Kognak, hm? Ein Wunder! Nun, sei gesund!

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Was versteht man unter wahrer Freundschaft in Russland und in Deutschland? Sind diese Begriffe wirklich so verschieden, wie es scheint? Ist es schwierig, eine freundschaftliche Beziehung zwischen den Deutschen und den Russen zu schließen? Warum?
2. Was erwarten Sie persönlich von einem Freund? Fragen Sie danach Ihren russischen Kommilitonen.
3. Schauen Sie die Filme: «Белорусский вокзал» (1970, А. Смирнов), «Вертикаль» (1966, С. Говорухин). Muss man unbedingt in eine Extremsituation geraten, um den Freund zu prüfen oder ist dies auch im Alltag möglich?

Russische Küche

Я не могу есть этот суп

Мужчина пришёл в ресторан и заказал тарелку супа. Когда кельнер принёс заказ, посетитель покачал головой: «Я не могу есть этот суп».

Кельнер забрал тарелку и быстро принёс другую.

— Я думаю, этот суп придётся Вам по вкусу, — сказал он.

— Я не могу есть этот суп, — повторил гость.

— Но почему, — удивился кельнер. — Попробуйте, это очень вкусный суп. Почему Вы не можете его есть?

— Потому что у меня нет ложки.

Ich kann die Suppe nicht essen

Ein Mann kam in ein Restaurant und bestellte sich einen Teller Suppe. Als der Kellner die Bestellung brachte, schüttelte der Besucher den Kopf: «Ich kann diese Suppe nicht essen».

Der Kellner nahm den Teller wieder mit und brachte schnell einen anderen.

— Ich glaube, diese Suppe wird Ihnen schmecken, — sagte er.

— Ich kann diese Suppe nicht essen, — wiederholte der Gast.

— Aber warum denn? — fragte der Kellner. — Kosten Sie, das ist eine sehr gute Suppe! Warum können Sie sie nicht essen?

— Weil ich keinen Löffel habe.

А.П.Чехов

Глупый француз

Клоун из пирка братьев Гинц, Генри Пуркуа, зашёл в московский трактир Тестова позавтракать.

— Дайте мне консоме! — приказал он половому.

— Прикажете с пашотом или без пашота?

— Нет, с пашотом слишком сытно... Две-три гренки, пожалуй, дайте...

В ожидании, пока подадут консоме, Пуркуа занялся наблюдением. Первое, что бросилось ему в глаза, был какой-то полный господин, сидевший за соседним столом и приготавливающийся есть блины. «Как, однако, много подают в русских ресторанах», — подумал француз, глядя,

как сосед поливает свои блины горячим маслом. — «Пять блинов! Разве один человек может съесть так много теста?»

Сосед между тем помазал блины икрой, разрезал все их на половинки и проглотил скорее, чем в пять минут...

— Челаэк! — обернулся он к половому. — Подай ещё порцию! Да что у вас за порции такие? Подай сразу штук десять или пятнадцать! Дай балыка... сёмги, что ли.

«Странно...», — подумал Пуркуа, рассматривая соседа. — «Съел пять кусков теста и ещё просит! Впрочем, такие феномены не составляют редкости... У меня у самого в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супа и пять бараньих котлет... Говорят, что есть также болезни, когда много едят...»

Половой поставил перед соседом гору блинов и две тарелки с балыком и сёмгой. Господин выпил рюмку водки, закусил сёмгой и принялся за блины. К великому удивлению Пуркуа, ел он их спеша, едва разжёвывая, как голодный...

«Очевидно, болен...», — подумал француз. — «И неужели он, чудак, воображает, что съест всю эту гору? Не съест и трёх кусков, как желудок его будет уже полон, а ведь придётся платить за всё!»

— Дай ещё икры! — крикнул сосед, утирая салфеткой масляные губы. — Не забудь зелёного луку!

«Но... однако, уж половины горы нету», — ужаснулся клоун. — «Боже мой, он и всю сёмгу съел? Это даже неестественно... Не может быть! Будь этот господин у нас во Франции, его показывали бы за деньги... Боже, уже нет горы!»

— Подашь бутылку Ньюи... — сказал сосед, принимая от полового икру и лук. — Только погрей сначала... Что ещё? Пожалуй, дай ещё порцию блинов... Поскорей только...

— Слушаю... а после блинов что прикажете?

— Что-нибудь полегче... Закажи порцию селянки из осетрины по-русски и... и... я подумаю, ступай!

«Может быть, это мне снится», — изумился клоун, откидываясь на спинку стула. — «Этот человек хочет умереть. Нельзя безнаказанно съесть такую массу. Да, да он хочет умереть! Это видно по его грустному лицу. И неужели прислуге не кажется подозрительным, что он так много ест? Не может быть!»

Пуркуа подозвал к себе полового и спросил шёпотом: — Послушайте, зачем Вы так много ему подаёте?

— То есть... они требуют-с! Как же не подавать? — удивился половой.

— Странно, но ведь он таким образом может до вечера сидеть здесь и требовать! Если у Вас у самих не хватает смелости отказывать ему, то доложите метрдотелю, пригласите полицию.

Половой пожал плечами и отошёл.

«Дикари!» — Возмутился про себя француз. — «Они ещё рады, что за столом сидит сумасшедший, самоубийца, который может съесть на лишний рубль! Ничего, что умрёт человек, была бы только выручка!»

— Порядки нечего сказать, — проворчал сосед, обращаясь к французу. — Меня ужасно раздражают эти длинные антракты! От порции до порции изволь ждать полчаса! Эдак и аппетит пропадёт к чёрту и опоздаешь... Сейчас три часа, а мне к пяти надо быть на юбилейном обеде.

— Pardon, Monsieur, — побледнел Пуркуа, — ведь Вы уж обедаете!

— Не-ет... Какой же это обед? Это завтрак... блины...

Тут соседу принесли селянку. Он налил себе полную тарелку, поперчил кайенским перцем и стал есть...

«Бедняга...», — продолжал ужасаться француз. — «Или он болен и не замечает своего состояния, или же он делает всё это нарочно... с целью самоубийства... Боже мои, знай я, что наткнушь здесь на такую картину, то ни за что бы не пришёл сюда! Мои нервы не выносят подобных сцен!» — и француз с сожалением стал рассматривать лицо соседа.

«По-видимому, человек интеллигентный, молодой... полный сил...», — думал он, глядя на соседа. — «Быть, может, приносит пользу своему Отечеству... и весьма возможно, что имеет молодую жену, детей... Судя по одежде, он должен быть богат, доволен... но что же заставляет его решаться на такой шаг?... И неужели он не мог избрать другого способа, чтобы умереть? Чёрт знает, как дёшево ценится жизнь! И как низок, бесчеловечен я, сидя здесь и не идя к нему на помощь! Быть может, его ещё можно спасти!»

Пуркуа решительно встал из-за стола и подошёл к соседу.

— Послушайте, Monsieur, — обратился он к нему тихим, вкрадчивым голосом. — Я не имею чести быть знаком с Вами, но тем не менее, верьте, я друг Ваш... Не могу ли я Вам помочь чем-нибудь? Вспомните, Вы ещё молоды... у Вас жена, дети...

— Я Вас не понимаю, — замотал головой сосед, тараща на француза глаза.

— Ах, Monsieur, ведь я отлично вижу! Вы так много едите, что... трудно не подозревать...

— Я много ем?! — удивился сосед. — Я?! Полноте... Как же мне есть, если я с самого утра ничего не ел?

— Но Вы ужасно много едите!

— Да ведь не Вам платить! Что Вы беспокоитесь? И вовсе я не много ем! Поглядите, ем, как все!

Пуркуа поглядел вокруг себя и ужаснулся. Половые носили целые горы блинов... За столами сидели люди и поедали эти горы, сёмгу, икру... с таким же аппетитом и бесстрашием, как и его сосед.

«О, страна чудес», — думал Пуркуа, выходя из ресторана.— «Не только климат, но даже желудки делают у них чудеса! О, страна, чудная страна!»

Aufgaben:

Warum hat der Autor als zweiten Wirtshausbesucher den Franzosen ausgesucht? Wie stellt man sich diese Nation in Europa vor? Was denken die Russen über die Franzosen (was die Essgewohnheiten betrifft)?

Vergleichen Sie Menü und Preise in einem damaligen und heutigen russischem Wirtshaus. Wer kann sich heute in Moskau solche Speisen bestellen? Fragen Sie bei Ihrem Dozenten – wo man in Moskau und Sankt-Petersburg billig und gut russisch essen kann. Kennen Sie solche Restaurants, wie «Му-му», «Ёлки-палки»?

Wie verstehen Sie den Spruch: Не лезь в чужой монастырь со своим уставом?

Was bedeuten folgende Redewendungen: бросаться в глаза, на пари, пожать плечами, приносить пользу, вставать из-за стола, таращить глаза?

Was wissen Sie über die Geschichte der Wörter: трактир, консоме, половой, гренка, метрдотель, селянка, выручка, изволь?

Warum benutzt der Kellner bei dem Gespräch mit dem Besucher Pluralformen der Verben? Was wissen Sie über die Verwendung des Plurals in der Bedeutung des Singulars im Russischen?

A. P. Čechov

Der dumme Franzose

Der Clown aus dem Zirkus der Brüder Ginz, Henry Pourquoi, betrat das Moskauer Testov-Wirtshaus um zu frühstücken.

— Geben Sie mir eine Kraftbrühe! — befahl er dem Kellner.

— Wünschen Sie mit oder ohne Pastete?

— Nein, mit Pastete ist es zu sättigend... Zwei-drei kleine Toaste, vielleicht...

In Erwartung, dass man ihm die Kraftbrühe bringe, begann Pourquoi die Umgebung zu studieren. Der Erste, der ihm in die Augen stach, war irgendein beleibter Herr, der am Nachbartisch saß und der sich darauf vorbereitete, Pfannkuchen zu essen.

«Wie viel man in russischen Restaurants auf den Tisch bringt!» — dachte der Franzose, zuschauend, wie der Nachbar seine Pfannkuchen mit heißer Butter übergießt. — «Fünf Pfannkuchen! Kann ein Mensch überhaupt soviel Teig essen?»

Der Nachbar bestrich unterdessen die Pfannkuchen mit Kaviar, teilte sie alle in Hälften und schluckte diese in weniger als fünf Minuten herunter ...

— Donnerwetter! — drehte er sich zum Kellner. — Bring noch eine Portion! Was habt ihr denn für Portionen? Bring gleich so zehn oder fünfzehn Stück! Gib mir einen gedörrten Störrücken... Lachs oder so.

«Eigenartig...», — dachte Pourquoi, während er den Nachbar anschaute. — «Er hat fünf Stücke Teig gegessen und verlangt noch nach mehr! Dabei stellen solche Phänomene keine Seltenheit dar... Ich hatte selbst in der Bretagne einen Onkel Francois, der bei einer Wette zwei Teller Suppe und fünf Lammbuletten aufessen konnte ... Man sagt, dass es solche Krankheiten gibt, wenn man viel isst...»

Der Kellner stellte vor den Nachbarn einen Berg Pfannkuchen und zwei Teller mit gedörrtem Störrücken und Lachs. Der Herr trank ein Gläschen Wodka, aß den Lachs und widmete sich den Pfannkuchen. Zum großen Erstaunen von Pourquoi, aß er sie hastig, kaum durchkauend, wie ein Hungeriger.

«Wahrscheinlich ist er krank», — überlegte der Franzose. — «Und vielleicht bildet sich der Wahnsinnige ein, dass er diesen ganzen Berg verzehren kann? Aber er schafft es nicht drei Stücke aufzuessen, wie sein schon Magen voll sein wird, und bezahlen muss er trotzdem für den ganzen Berg!»

— Bring mir noch Kaviar! — rief der Nachbar, sich die fettigen Lippen mit einer Serviette abwischend. — Vergiss die Lauchzwiebeln nicht!

«Aber... Moment mal, die Hälfte des Berges gibt es nicht mehr», — erschrak der Clown. — «Mein Gott, hat er auch den ganzen Lachs gegessen? Das ist schon unnatürlich... Das kann nicht wahr sein! Wenn dieser Herr bei uns in Frankreich wäre, man würde ihn für Geld vorführen... Gott es gibt schon keinen Berg mehr!»

— Bringe eine Flasche Nui... — sagte der Nachbar, während er den Kaviar und die Zwiebeln vom Kellner in Empfang nahm. — Aber wärme sie zuerst auf... Was noch? Vielleicht, noch eine Portion Pfannkuchen... Nur schneller...

— Jawohl... und was wünschen Sie nach den Pfannkuchen?

— Etwas Leichteres... Bestelle eine Portion Eintopf aus Stör nach russischer Art und... und... ich denke noch nach, geh!

«Vielleicht träume ich das alles?» — wunderte sich der Clown und lehnte sich an den Stuhlücken. — «Dieser Mensch will sterben. Man darf nicht ungestraft so eine Menge zu sich nehmen. Ja, ja, er will

sterben! Das sieht man an seinem traurigen Antlitz. Und wie kann es denn sein, dass dem Bediensteten es nicht verdächtig erscheint, dass er so viel isst? Das ist unmöglich!»

Pourquoi rief den Kellner zu sich und fragte ihn leise:

— Hören Sie mal, warum geben Sie ihm so viel?

— Wie meinen Sie das! Wie kann man denn nicht geben, wenn er danach verlangt? — wunderte sich der Kellner.

— Eigenartig, er kann doch so den ganzen Tag da sitzen und verlangen! Wenn Sie selbst keinen Mut besitzen abzulehnen, dann melden Sie den Zwischenfall bei dem Oberst, holen Sie die Polizei.

Der Kellner zuckte mit der Schulter und ging weg.

«Wilde!» – erregte sich im Innern der Franzose. — «Sie sind noch froh darüber, dass am Tisch ein Verrückter sitzt, ein Selbstmörder, der für ein paar Rubel essen kann! Es macht nichts, dass der Mensch stirbt, es soll nur Gewinn einbringen!»

— Hier herrschen unsagbare Zustände, — schimpfte der Nachbar, sich an den Franzosen wendend. Mich regen diese langen Pausen sehr auf! Von Portion zu Portion muss man eine halbe Stunde warten! So verschwindet der Appetit und, zum Teufel, man kommt zu spät... Jetzt ist drei Uhr, und ich muss um fünf beim Jubiläumsmittagessen sein.

— Pardon, Monsieur, — erbleichte Pourquoi, — Sie essen doch schon zu Mittag!

— Nein... was ist das denn für ein Mittagessen? Das ist Frühstück... Pfannkuchen...

Da brachte man dem Nachbarn den Eintopf. Er schöpfte sich einen vollen Teller, pfefferte mit Cayennepfeffer nach und begann zu essen.

«Der Ärmste...», — fuhr der Franzose fort sich zu entsetzen. — «Entweder er ist krank und merkt seinen Zustand nicht, oder er tut das alles mit Absicht... mit dem Ziel des Selbstmordes... Mein Gott, wenn ich gewusst hätte, dass ich hier auf so ein Bild stoßen würde, dann wäre ich nie hierher gekommen! Meine Nerven halten solche Szenen nicht aus!» — Und der Franzose begann, mitleidig das Gesicht des Nachbarn zu betrachten...

«Er scheint intelligent, jung, voller Kraft zu sein», — dachte Pourquoi, während er den Nachbarn musterte. — «Vielleicht bringt er in seiner Heimat einen Nutzen... und vielleicht es ist gut möglich, dass er eine junge Frau und Kinder hat. Der Kleidung nach, muss er reich sein, zufrieden... aber was zwingt ihn zu so einen Schritt? Konnte er den nicht einen anderen Weg finden, um zu sterben? Der Teufel weiß, wie billig das Leben bewertet wird! Wie mickrig und unmenschlich bin ich selbst, wenn ich hier sitze und ihm nicht zu Hilfe eile! Vielleicht kann man ihn noch retten!»

Pourquoi stand entschlossen vom Tisch auf und ging zum Nachbarn.

— Hören Sie, Monsieur, — wandte er sich zu ihm mit einer leisen, schleichenden Stimme. — Ich hatte nicht das Vergnügen Ihnen vorgestellt worden zu sein, aber trotz dem, glauben Sie mir, ich bin

Ihr Freund. Kann ich denn nicht Ihnen irgendwie helfen? Erinnern Sie sich, Sie sind noch jung... Sie haben eine Frau, Kinder...

— Ich verstehe Sie nicht, — schüttelte der Nachbar mit dem Kopf, die Augen auf den Franzosen richtend.

— Ach, Monsieur, ich sehe es doch ganz genau! Sie essen so viel, dass... es schwer ist nicht anzunehmen...

— Ich esse viel? — wunderte sich der Nachbar. — Ich?! Lassen Sie doch... Wie sollte ich denn essen, wenn ich seit dem Morgen nichts gegessen habe?

— Aber Sie essen schrecklich viel!

— Sie müssen es doch nicht bezahlen! Warum sorgen Sie sich? Und ich esse überhaupt nicht viel! Schauen Sie — ich esse, wie alle!

Pourquoi schaute sich um und erschrak. Die Kellner trugen ganze Berge von Pfannkuchen... An den Tischen saßen Menschen und aßen diese Berge, Lachs, Kaviar... mit dem gleichen Appetit und Furchtlosigkeit, wie auch sein Nachbar.

«Oh, was für ein Wunder!» — dachte Pourquoi, als aus dem Restaurant ging. — «Nicht nur das Klima, sogar die Mägen bringen hier Wunder hervor! Oh, Land, wundersames Land!»

Тэффи (Н.А. Лохвицкая)

Блины

Это было давно. Это было месяца четыре назад.

Сидели мы в душистую южную ночь на берегу Арно. То есть сидели-то мы не на берегу — где ж там сидеть: сыро и грязно, да и неприлично, — а сидели мы на балконе отеля, но уж так принято говорить для поэтичности. Компания была смешанная — русско-итальянская. Так как между нами не было ни чересчур близких друзей, ни родственников, то говорили мы друг другу вещи исключительно приятные. В особенности, в смысле международных отношений. Мы, русские, восторгались Италией. Итальянцы высказывали твёрдую уверенность, что Россия так же прекрасна. Они кричали, что итальянцы ненавидят солнце и не переносят жары, что они обожают мороз и с детства мечтают о снеге. В конце концов, мы так убедили друг друга в достоинствах наших родин, что уже устали.

— Да, конечно, Италия прекрасна, — задумались итальянцы.

— А ведь мороз. Он... того. Имеет за собой... — сказали и мы друг другу.

И сразу почувствовали, что итальянцы немножко со своей Италией зазнались и пора показать им их настоящее место. Они тоже стали перешёптываться.

— У вас много шипящих букв...— сказал вдруг один из них.— У нас язык для произношения очень лёгкий, а у вас все свистят и шипят.

— Да, — холодно отвечали мы.— Это происходит оттого, что у нас очень богатый язык. В нашем языке находятся все существующие в мире звуки. Само собой разумеется, что при этом приходится иногда и присвистнуть.

— А разве у вас есть «ти-эйч», как у англичан? — усомнился один из итальянцев. — Я не слышал.

— Конечно, есть. Мало ли чего Вы не слышали. Не можем мы каждую минуту «ти-эйч» произносить. У нас и без того столько звуков.

— У нас в азбуке шестьдесят четыре буквы,— ухнула я.

Итальянцы несколько минут молча смотрели на меня, а я стала разглядывать Луну. Так было спокойнее. Да и к тому же, каждый имеет право созидать славу своей Родины, как умеет. Помолчали.

— Вот приезжайте к нам ранней весной, — сказали итальянцы, — когда всё цветёт. У вас ещё снег лежит в конце февраля, а у нас какая красота!

— Ну, в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале масленица. Блины едим.

— А что же это такое – блины?

Мы переглянулись. Ну как им объяснить, что такое блин!

— Блин – это очень вкусно,— объяснила я. Но они не поняли.

— С маслом, — сказала я ещё точнее.

— Со сметаной,— вставил русский из нашей компании.

Но вышло ещё хуже. Они и блина себе не уяснили, да ещё и сметану не поняли.

— Блины это — когда масленица, — понятно сказала одна из наших дам.

— Блины... в них главное — икра,— объяснила другая.

— Это рыба!— догадался наконец один из итальянцев.

— Какая же рыба, когда их пекут из муки! — рассмеялась дама.

— Со сметаной,— опять вставил русский.

— Блинов очень много едят,— продолжала дама. — Съедят штук двадцать. Потом болеют.

— Ядовитые?— спросили итальянцы и сделали круглые глаза.— Из растительного царства?

— Нет, из муки. Мука ведь не растёт? Мука в лавке.

Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами легла глубокая тёмная пропасть взаимного недоверия и непонимания. Они переглянулись, перешепнулись. Жутко стало.

— Знаете что, господа, нехорошо у нас как-то насчёт блинов выходит. Они нас за вралей принимают.

Положение было не из приятных. Но между нами был человек основательный, серьёзный — учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчётливо и внятно:

— Сейчас я объясню вам, что такое блин. Для получения его берётся окружность в пятнадцать сантиметров в диаметре. Она заполняется смесью из муки с молоком и дрожжами. Затем всё это нагревается на огне, отделённом железной средой. Чтобы сделать влияние огня менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, то есть так называемым маслом. Полученная путём нагревания компактная смесь вводится в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом. Итальянцы пошептались и спросили робко:

— А с какой целью вы всё это делаете?

Учитель ответил строго:

— Чтобы весело было!

Aufgaben:

Nachdem Sie schon so viel über russische Pfannkuchen erfahren haben, versuchen Sie zu erklären: Weshalb bewundern alle Ausländer (Deutsche, Italiener, Franzosen) genau diese russische Speise und die Art, diese zu verzehren?

Welche typisch russischen Speisen kennen Sie noch?

Befragen Sie den Lehrer zum Thema: «Wie und wann entstand die Tradition – Pfannkuchen in Russland zu backen?»

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: в конце концов, иметь за собой, показать кому-либо его место, само собой разумеется, иметь право, между (нами) легла пропасть?

Welche Bedeutungen hat das Wort «присвистнуть»?

Welchen Stil verwendet der Mathematiklehrer bei der Erklärung des Wortes «блины»?

Teffi

Die Pfannkuchen

Das war lange her. Etwa vor vier Monaten.

Wir saßen in einer duftenden Südnacht am Ufer des Arno. Besser gesagt, wir saßen nicht am Ufer – wo sollte man dort sitzen: es ist feucht und dreckig, und es ist unanständig, — sondern wir saßen auf

dem Balkon des Hotels, es ist aber üblich, es so zu sagen — für die Poetik. Die Gesellschaft war gemischt — russisch-italienisch. Da es zwischen uns keinerlei nahe Freunde gab und keine Verwandtschaft, so sagten wir ausschließlich nette Dinge zueinander. Im Besonderen, im Sinne von internationalen Beziehungen. Wir Russen, waren begeistert von Italien. Die Italiener waren der festen Überzeugung, dass Russland genau so herrlich sei. Sie schrieten, dass die Italiener die Sonne hassen und die Hitze nicht vertragen, dass sie den Frost lieben und seit ihrer Kindheit vom Schnee träumen. Letztendlich haben wir uns gegenseitig von den Vorzügen unserer Heimatländer derart überzeugt, dass wir müde wurden.

— Ja, natürlich ist Italien schön, begannen die Italiener nachdenklich...

— Aber der Frost. Der ist ja auch... Hat etwas an sich... — sagten auch wir einander.

Und fühlten sofort, dass die Italiener mit ihrem Italien ein wenig angaben, und dass es Zeit wurde, ihnen ihren richtigen Platz zu zeigen. Sie fingen auch an, miteinander zu flüstern.

— Bei euch gibt es viele zischende Laute... — sagte auf einmal einer von denen. — Bei uns ist die Sprache für das Aussprechen sehr leicht, und bei euch pfeifen und zischen alle.

— Ja, — antworteten wir kühl. — Das geschieht deshalb, weil wir eine sehr reiche Sprache haben. In unserer Sprache befinden sich alle Laute, die es auf der Welt gibt. Es versteht sich von selbst, dass man dabei ab und zu auch pfeifen³⁸ muss.

— Habt ihr etwa ein «th» wie bei den Engländern? — zweifelte einer von den Italienern. — Ich habe es nicht gehört.

— Natürlich, haben wir es. Wer weiß, was Sie nicht alles gehört haben. Wir können doch nicht jede Minute «th» sagen. Wir haben auch ohne dies so viele Laute.

— In unserem Alphabet gibt es vierundsechzig Buchstaben, — warf ich in die Runde.

Die Italiener schauten mich einige Minuten schweigend an, und ich begann den Mond zu betrachten. So war es ruhiger. Und außerdem hat jeder das Recht, den Ruhm seines Landes so zu erschaffen, wie man nur kann. Wir schwiegen.

— Kommt zu uns im Frühjahr, — sagten die Italiener, — wenn alles blüht. Bei euch liegt Ende Februar noch Schnee, und bei uns ist so eine Schönheit!

— Im Februar ist es bei uns auch schön. Wir haben im Februar Fasching. Wir essen Pfannkuchen.

— Was ist das — Pfannkuchen?

Wir schauten uns an. Wie sollten wir ihnen erklären, was ein Pfannkuchen ist!

— Ein Pfannkuchen, der ist sehr lecker, — erklärte ich. Aber sie haben es nicht verstanden.

— Mit Butter, — machte ich noch deutlicher.

³⁸ пристивистнуть bedeutet auf Russisch soviel wie 1. kurz pfeifen aus Überraschung oder Bewunderung 2. phantasieren, lügen

— Mit saurer Sahne, — fügte ein Russe aus unserer Gesellschaft hinzu.

Aber es kam noch schlimmer. Sie konnten sich nicht klarmachen, was ein Pfannkuchen ist, und dann haben sie noch die saure Sahne nicht verstanden.

— Pfannkuchen gibt es, wenn Fasching ist, — sagte eine von unseren Damen ganz eindeutig.

— Das wichtigste in den Pfannkuchen ist der Kaviar, erklärte eine andere.

— Das ist eine Fischart! — erriet endlich einer von den Italienern.

— Was denn für Fisch, wenn man sie aus Mehl bäckt! — lachte die Dame.

— Mit saurer Sahne, — fügte erneut der Russe hinzu.

— Man isst sehr viele Pfannkuchen, — fuhr die Dame fort. — So an die zwanzig Stück. Danach wird man krank.

— Sind sie giftig? — fragten die Italiener und machten runde Augen. — Aus dem Pflanzenreich?

— Nein, aus Mehl. Das Mehl wächst doch nicht? Das Mehl gibt es im Laden.

Wir wurden still und spürten, wie sich zwischen uns und den netten Italienern eine tiefe, dunkle Schlucht des gegenseitigen Misstrauens und Unverständnisses auftat. Sie schauten sich an, flüsterten. Es wurde unheimlich.

— Wissen sie was, Herrschaften, es klappt bei uns nicht gut mit den Pfannkuchen. Sie halten uns für Lügner.

Die Lage war nicht gerade angenehm. Aber unter uns war ein gründlicher, ernsthafter Mensch — der Mathematiklehrer. Er schaute uns ernst an, musterte ernst die Italiener und sagte klar und deutlich:

— Gleich erkläre ich euch, was ein Pfannkuchen ist. Um ihn zu erzeugen, nimmt man eine Kreisfläche von ungefähr fünfzehn Zentimeter Durchmesser. Diese wird mit einem Gemisch aus Mehl, Milch und Hefe gefüllt. Danach wird das alles auf dem Feuer erhitzt, das mit einer eisernen Platte von dem Mix abgetrennt ist. Um den Einfluss des Feuers weniger intensiv zu machen, wird das Eisen mit Ölein- und Stearinsäuren, also mit der so genannten Butter bedeckt. Die kompakte Masse, die durch das Erhitzen entstanden ist, wird in den Organismus des Menschen eingeführt, was in großer Menge schädlich ist.

Der Lehrer verstummte und schaute alle mit einem siegreichen Blick an. Die Italiener flüsterten mit einander und fragten unsicher:

— Und aus welchem Grund macht ihr das alles?

Der Lehrer antwortete ernst:

— Damit es lustig wird!

К. Мелихан

Творческая кухня Гоголя

(Статья)

«Что день грядущий мне готовит?»

(А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»,

глава шестая, строфа XXI)

Если бы меня спросили: «Какую книгу взяли бы Вы с собой в дальнюю дорогу?» — я бы, не задумываясь, ответил: «Мертвые души». Широта охвата действительности сделала гоголевское творение бессмертным. Как Гоголь достиг этого? Богатством художественных средств. Что же это за художественные средства? Заглянем в творческую кухню писателя. «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завёртку». Что это? Художественная деталь. Вместо того чтобы заключить день хорошей, умной книгой, герой заключает его ужином, и сном.

Диалог Гоголь строит на неуловимых переходах от мечты к действительности: «Поросёнок есть? (мечтательно спрашивает Чичиков). — Есть (возвращает его к действительности баба)». Речь гоголевских героев остро приправлена юмором: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот...», — говорит Собакевич. — «У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана». Не правда ли, сочная характеристика мелкопоместного дворянства!

Язык Гоголя музыкален. Откроем наугад любую страницу: «Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепёшки со всякими припёками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сметочками». Попробуйте эти «припёки» убрать — и фраза потеряет весь аромат, всю сладкозвучность.

Как сквозь сито просеивает Гоголь каждое слово, не надеясь на читателя, который проглотит все. Возьмите из поэмы любой кусок: «Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот». Вовсе не разжёвывая, а лишь слегка намекая, пишет Гоголь.

Тонкий вкус не изменяет писателю и тогда, когда он говорит о господах, которые «на одной станции потребуют ветчины, на другой поросёнка, на третьей ломоть осетра или... запечённую колбасу с луком». Еще одна порция мягкой иронии!

Но когда, скованный цензурой, Гоголь ищет лазейку для разоблачения взяточничества, ирония его становится едкой и злой. С каких средств у полицеймейстера «белуга, осетры, сёмга, икра

паюсная, икра свежепросоленная, селёдки, севрюжки, копчёные языки и балыки?» Да, любит Гоголь солёное... словцо!

С гневным сарказмом обрушивается он на помещика Петуха, заказавшего повару кулебяку. Как же готовится кулебяка? «В один угол (кулебяки) положи... щёки осетра да вязигу,— указано в «Мёртвых душах»,— в другой запусти гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молок сладких, да мозгов». Но в этом ли весь секрет приготовления кулебяки? Нет. Надо, «чтобы с одного боку она... зарумянилась бы, а с другого пусти ее полегче,— советует Гоголь. — Да исподку-то... пропеки ее так, чтобы всю ее проняло... соком». Гениальный сатирик знает, как подогреть интерес изголодавшихся по настоящей литературе читателей.

Aufgaben:

Lesen Sie den Text nochmals durch und suchen alle Wörter heraus, welche Lebensmittel benennen. Welche davon sind Ihnen bekannt? Versuchen Sie, diese Wörter in den neueren Wörterbüchern zu finden. Schauen Sie sich das Buch «Толковый словарь живого великорусского языка» von Vladimir Dal' an.

Was wissen Sie über die Zeit zwischen 1850 – 1870? Lassen Sie sich vom Dozenten über den Roman (Poem) von N.V. Gogol «Tote Seelen» zu erzählen. Was passierte mit dem 2. Teil des Werkes?

Stimmt die Aussage: «Скажи мне, что ты ешь и я скажу – кто ты?»

Wie verstehen Sie die Redewendung «во всю насосную завёртку»? Gibt es diese im Wörterbuch oder wurden sie vom Autor erfunden?

K. Melichan

Die künstlerische Küche Gogols

(Artikel)

«Was bereitet³⁹ mir der kommende Tag?»

(A. S. Puškin, Evgenij Onegin,

Kapitel 6, Strophe XXI)

Wenn man mich fragen würde: «Welches Buch würden Sie mit auf eine lange Reise nehmen?» – Ich würde, ohne lange nachzudenken, antworten: «Die Toten Seelen». Die breite Erfassung der Wirklichkeit machte Gogols Werk unsterblich. Wie hat Gogol das erreicht? Mit dem Reichtum der künstlerischen Mittel. Welche Mittel? Schauen wir doch in die schöpferische Küche des

³⁹ ГОТОВИТЬ – heißt auch (Essen) zubereiten.

Schriftstellers.

«Der Tag war scheinbar beendet - mit einer Portion kaltem Rindfleisch, mit einer Flasche saurer Gemüsesuppe und tiefem unerschütterlichen Schlaf» Was ist das? Ein künstlerisches Detail. Anstelle den Tag mit einem guten, klugen Buch zu beenden, beendet ihn der Held mit einem Abendessen und Schlaf.

Den Dialog baut Gogol auf den kaum wahrnehmbaren Übergängen von Traum zur Wirklichkeit auf: «Gibt es Schwein? (fragt Čičikov verträumt). — Gibt es (bringt ihn das Weib in die Realität zurück)». Die Sprache der Helden Gogols ist scharf gewürzt mit Humor: «Von mir aus, könnt ihr den Frosch sogar mit Zucker bekleben, ich werde ihn nicht in den Mund nehmen...», — sagt Sobakevič. — «Bei mir ist das nicht so. Meiner Ansicht nach, wenn man ein Schwein bestellt — dann muss das ganze Schwein auf den Tisch, wenn Schaf — dann das ganze Schaf». Nicht wahr, eine saftige Charakteristik des Kleinadels!

Gogols Sprache ist musikalisch. Öffnen wir eine beliebige Seite: «Čičikov schaute sich um und sah, dass auf dem Tisch Pilzchen, Pirogen, ganze Spiegeleier, Quarktaschen, Pfannkuchen aus Sauer- und Süßteig, Fladen mit unterschiedlichen Belägen, mit Zwiebel, mit Mohn-, mit Quark-, mit Belag aus den kleinen Seefischchen⁴⁰ standen». Versuchen sie diese «Beläge» zu entfernen, und der Satz verliert das ganze Aroma, den ganzen anziehenden Klang.

Wie durch ein Sieb siebt Gogol jedes Wort, sich nicht auf den Leser verlassend, der alles schlucken wird. Nehmen sie aus dem Poem ein beliebiges Stück: «Čičikov rollte drei Pfannkuchen zusammen und nachdem er sie in heiße zerlassene Butter getaucht hatte, schiebt er sie in den Mund». Überhaupt nicht durchkauend, sondern nur leicht anfeuchtend, schreibt Gogol.

Der sensible Geschmack verlässt den Schriftsteller auch dann nicht, wenn er über die Herrschaften spricht, die «an der einen Station Schinken verlangen, an der anderen ein Schweinchen, an der dritten ein Stück Stör oder gebackene Wurst mit Zwiebeln». Noch eine Portion weicher Ironie!

Doch als Gogol – in den Ketten der Zensur - ein Schlupfloch zur Entlarvung der Bestechlichkeit sucht, wird seine Ironie beißend und böse. Von welchem Geld zahlt der Polizeimeister «Beluga, Störe, Lachse, gepressten Kaviar, frisch gesalzener Kaviar, Heringe, Sternhausen, geräucherte Zungen und gedörrte Störrücken»? Ja, Gogol liebt das gesalzene...Wörtchen!

Mit zornigem Sarkasmus stürzt er auf den Gutsbesitzer Petuch herab, der beim Koch eine gefüllte Pastete bestellt hatte. Wie wird eigentlich die gefüllte Pastete zubereitet? «In die eine Ecke der (Pastete) lege... die Wangen vom Stör und gedörrten Störrücken, — wird man in den «Toten

⁴⁰ Andere Namen für: шанишка - ватрушка, прыглы - оладьи, снеток - сняток, kleine Seefische, die man vor allem im Cudskoe-See fängt.

Seelen»angewiesen, — in die andere fülle Buchweizenbrei und Pilze mit Zwiebeln und süße Fischmilch und Gehirne». Aber hat sich nun darin das ganze Geheimnis der Zubereitung der gefüllten Pastete versteckt? Nein. «Sie muss von der einen Seite knusprig, und von der anderen weicher werden», — rät Gogol. — «Und von innen backe sie so durch, dass sie ganz mit Saft durchgezogen wird...»

Der geniale Satiriker weiß, wie man das Interesse der nach echter Literatur ausgehungerten Leser aufwärmt.

М. Городинский

Странная мечта

Арбуз, как известно, не такой уж деликатес, вещь вполне демократическая, хорошо утоляет жажду и взбадривает человеческие почки. Арбузы в наших краях почему-то не растут, а иногда привозят их осенью из Астрахани. И вот как раз в начале осени в местной газете появилось гордое сообщение, что отгружена в вагоны и движется именно в нашу сторону целая партия астраханских арбузов. Встречайте!

Вскоре на улицах и площадях появились зеленые загоны, у которых, ожидая привоза, уже дежурили первые бабульки. Прошла неделя, вторая, третья, но арбузов чего-то не было. Смельчаки прямо, а некоторые даже вслух говорили о бесхозяйственности и воровстве. Беременные женщины и интеллигенция, как всегда, склонялись к мнению, что все не так безнадежно, надо еще раз обождать, — может быть, арбузы катятся к нам из Астрахани своим ходом.

Однажды вечером окрестную тишину нарушили какие-то громкие крики и дикая беготня. Землетрясений в наших краях не бывает. Испанских карнавалов, слава Богу, тоже. Разве что изредка кого побьют, но по причине полного отсутствия в городе социальных корней хулиганства, о чем было раз и навсегда объявлено несколько лет назад, никто в таких случаях на улицу не выбегает, хоть убивай. В общем, все свидетельствовало о пожаре, пока не раздался пронзительный вопль:

— Дуська, буди детей, бежи на угол, арбузы дают!

Конечно, смешно и глупо, когда с людьми в мирное время случается такая истерика. Уж без чего, без чего, а без арбуза еще никто не умирал, и сознательный интеллигентный человек обязан побороть в себе и это желание. Сажусь я, значит, обратно к телевизору. Минуту сижу, вторую, третью... И чувствую, творится со мной что-то неладное. То ли, знаете, атлантической селёдки переел — ее в прошлом году ночью давали, то ли внешнеполитический обозреватель

Сейфуль-Мулюков так на меня подействовал... В общем, случилось со мной какое-то помутнение. Голубого экрана, считай, не замечаю, смысла мировых событий не ощущаю, а только трагически понимаю, — что если не съем сегодня на ночь немного арбуза — все, Сейфуль-Мулюкова больше не увижу.

Рву, значит, на угол, занимаю очередь и только после этого замечаю, что прибыл не совсем до конца одетый. То есть в трусах и босой. С одной стороны, конечно, неловко, как-то неинтеллигентно и, главное, ногам в лужах холодно,— того гляди, заморозки ударят. А с другой... обстановка в очереди такая, что если пойти одеться, потом ни за что не признают, даже если поклянешься и обратно до трусов разденешься. Стою.

Многие, надо сказать, тоже не при галстуках. Да к тому же темень, светятся только луна в небе и золотые зубы у продавца во рту, Ну, народ, как всегда, строит разные догадки. Мол, почему это взяли моду торговать ночью, когда ни шиша не видно и особенно легко обсчитывать, и что вообще творится, вроде бы все люди вокруг понятные и одинаковые, а наша торговая сеть и кооператоры — это прямо какая-то особенная исключительная нация, состоящая из одних террористов. Тогда какой-то волосатый мужчина в пижаме начинает философствовать и говорить, что ничего подобного, их ведь к нам вместе с начальством не с Уругвая на парашютах забрасывают, а это самые что ни есть наши братья и сестры, и даже выдвигает ужасную гипотезу, будто мы сами во всем виноваты, не имеем культуры и чувства собственного достоинства, что крайне на руку всяким авантюристам и негодьям. Все, конечно, жутко обижаются, начинают кричать философу, что он здесь не стоял и стоять не будет, обзывают его уругвайцем, пытаются схватить за грудки и вытолкать наружу. Но этот философ оказывается умнее, чем сперва подумали. Он лягает кой-кого локтем, при этом несколько раз громко и, главное, понятно выражается, чем сразу снимает с себя подозрение и даже завоевывает симпатию. Очередь, тем временем, уже приближается к загону; где вовсю шуруют передние, выбирая нужный экземпляр. Все, конечно, затихают, готовясь к такому роковому моменту, кроме одной непримиримой женщины. Позабыв, что из верхнего и нижнего платья на ней имеется лишь одна ажурная комбинация, и что эта комбинация даже в спокойном состоянии не всегда прикрывает ей колени, эта женщина, негодую на поведение передних, то и дело резко вздымает вверх руки, чем сильно радует задних, среди которых встречаются и дети. Но их здорового смеха она не слышит, потому что заглушает его своим криком:

— Не корову покупаете! За который взялся, тот и бери! Гляди, гляди чего делает! Все арбузы перепахал! Селекционер! И еще к грязному уху прикладывает! А ну, ложи на весы! До утра, что ли, стоять будем?!— орёт эта русалка.

Но отчасти, насчет коровы, я с ней был даже согласен. Голодных и нищих теперь нету, в конце концов, не на всю жизнь арбуз выбираешь, за который взялся, тот и бери. Тут очередь еще немного продвинулась, загон уже рядом... Ну, мне один давно приглянулся, я его цап — и на животе держу. Держу, значит, я свой арбузик и слышу, как сзади какая-то женщина шепчет:

— Ты, — шепчет, — Вася, такой, как у этого кривоногого дядьки, не бери, такие всегда неспелые, он у него абсолютно без попочки, а ты ищи с попочкой...

Ну, я, конечно, тут же кидаю своего беспопого на место, немного вхожу на четвереньках в загон, хватаю с попочкой... А тётка опять своего науськивает:

— Этот,— говорит,— рахитичный дяхан снова взял арбуза-мужчину, а ты ищи тётку, арбузику, они всегда более сладкие, у них обычно из попочки еще торчит такой хвостик...

Я, конечно, кидаю своего бесхвостого обратно, падаю в загон, где уже ползает человек двадцать, и начинаю в полной темноте искать особь женского рода, да чтобы с попочкой, да еще с хвостиком. А тут как раз та непримиримая женщина в комбинации в клетку запрыгнула, на верхние арбузы легла, визжит и, наподобие крота, к нижним ход пробивает. Чувствую, надо вылезать, пока руки не отдавили. Вылезаю, значит, наружу, ополаскиваю в луже ноги и приближаюсь к весам, где творится форменное безобразие. Этот молодой продавец швыряет государственные арбузы на государственные весы и, пользуясь нулевой видимостью, выдумывает и выкрикивает цены, исходя исключительно из своих материальных потребностей. Кто-то робко пытается возмущаться и даже набирается духу спросить, почём килограмм, но продавец обижается, отнимает у любопытного арбуз, пуляет его в клетку и бойко торгует дальше. Наконец, подходит моя очередь. Тут продавец глядит на меня, видимо, решает упростить процедуру, поэтому мой арбуз на весы уже не кладёт, а сразу говорит:

— Четыре шестьдесят.

Во мне просыпаются собственное достоинство и жгучая жажда справедливости.

— Пожалуйста, повторите,— говорю я,— что-то я ночью плохо слышу.

— Тогда шесть двадцать,— орет мне в ухо продавец и добавляет:— И считаю до трёх. Или берёшь, или я тебя, летучую крысу, сдаю в милицию за появление в общественном месте в мятых трусах.

И я с отчаянием вспоминаю про свой внешний вид, и слышу сзади знакомый ропот: «Гражданин, не морочьте продавцу голову, он и так устал!»— и на счете «два» ухожу домой. Я слышу, как хрустит под моими пятками первый ледок, и ощущаю внутри пустоту и стыд за свое дикое, невесть откуда взявшееся желание поесть арбуза. За эту странную мечту. Что и говорить, человек я не сильный. Я не герой. В подобных случаях мне легче уйти, остаться одному и даже попытаться убедить себя в том, что тыква с хвостиком, которой при свете

оказался мой арбуз, тоже хорошо утоляет жажду и взбадривает почки. Но, к счастью, есть и другие. Это сильные, цельные люди, они пишут куда следует об этой варфоломеевской ночи, об унижении, вымогательстве, хамстве, синяках и потерянном в загоне белье. Они требуют навести порядок и защитить от беззакония, с которым они столкнулись при покупке астраханских арбузов.

И вот через несколько дней я иду по улице и вижу совершенно иную картину. Все перестроилось. На том же самом месте при ярком солнечном свете продают арбузы. Продавец прежний, только после той ночи золотых зубов у него стало больше, и выглядит он как-то гуманнее, не рычит и даже поправляет отвалившийся ценник, где чёрным по белому выведено: «1 кг. — 30 коп.» Рядом стоит большой симпатичный милиционер, он зорко следит, чтобы продавец не обижал покупателей, а покупатели не ныряли в загон с ногами и головой. На стене между милиционером и продавцом висит большое, издали заметное объявление: «Внимание населения! В соответствии с постановлением Горисполкома, торговля арбузами производится с вырезом. Вырез осуществляется по первому требованию покупателя». При виде таких явных перемен к лучшему сердце моё наполняется радостью, и я решаю купить себе настоящий полноценный красный сахарный арбуз.

Очередь, конечно, немного скучает, но в целом сходится на мысли, что по-новому, с вырезом и милиционером, жить, конечно, лучше: не надо мучиться, слушать, трещит арбуз или нет, часами гадать — мужик он или баба и где у него задница и хвостик. И вот мы уже почти не суетимся, почти спокойно и гордо движемся вдоль загона, стиснув зубы, берем что попало и неумолимо приближаемся к весам. При этом мы с любовью и надеждой глядим на милиционера, чьи погоны, высокий рост и, главное, пистолет на боку гарантируют осуществление нашего суверенного права на вырез. После той прошлогодней селёдки меня все еще мучает жажда, и я предвкушаю, как, придя домой, отрезав громадный кусман, как мальчишка, нырну с головой в эту сочную сладкую мякоть. И вдруг, когда передо мной остается только один молоденький паренёк, наш милиционер потягивается, смотрит на часы, поворачивается и быстро уходит по тротуару в сторону отделения. Очередь издаёт изумлённый вдох, цепенеет, мы понимаем, что оказались в ловушке, и, пока наш сержант не скрывается за углом; мы глядим ему вслед, как обманутая женщина с детьми глядит вслед навсегда уходящему мужчине. Многие уже начинают бросать свои арбузы и прыгать в загон, а продавец, вконец изнемогший от собственной вежливости и всех этих нововведений, облегченно вздыхает, потирает руки, делает ножом всякие движения, напоминающие танцы южных народов, и иезуитским голоском спрашивает:

— Ну?! Кто следующий?!

— Я,— бодрясь, говорит паренёк, стоящий передо мной. Он достаёт пачку «Беломора», улыбается продавцу и, видимо принимая его за своего обычного сверстника и современника, предлагает ему закурить. Этот номер, конечно, не проходит, продавец рычит. Тогда паренёк делает еще одну простодушную попытку пойти на сближение и дружелюбно спрашивает:

— Слышь, земляк, что-то у тебя лицо знакомое... Ты, случайно, на втором механическом слесарем не работал?

— Кем?! — с ужасом вскрикивает продавец и вытирает выступивший на лбу холодный пот.

Очередь недовольна задержкой, на паренька кричат, грозятся сдать его в вытрезвитель, он окончательно тушует, густо краснеет и, забыв про замечательный плакат с постановлением, про все наши разговоры, по-быстрому расплачивается и отваливает. А продавец уже приглашает на лобное место меня. «Слушай, интеллигент, — спрашиваю я себя, делая этот последний шаг, — если ты боишься этого сытого сопляка, этих дурацких криков за спиной, так чего же ты тогда не боишься? Что же есть в тебе, кроме этого гадкого страха и постоянной готовности быть униженным? Ты же не веришь даже в свое крохотное, чёрным по белому написанное право на этот несчастный вырез... »

Между тем я уже кладу своего зелёного выродка на весы и в это время вижу, как из-за угла появляется тот самый дорогой родимый милиционер и быстро шагает в нашу сторону.

— Так,— говорю я, вновь ощущая решимость и смелость,— сделайте-ка мне вырез.

— На каком месте?!— спрашивает продавец.

И тут от всех этих чувств, перемен и переживаний со мной опять происходит какое-то помутнение. Я выхватываю у карателя нож и яростно оперирую свой арбуз. Конечно, он оказывается белым, я кидаюсь к загону, хватаю второй, режу, он еще белее, бегу за третьим, уже дёргаюсь за четвертым... и в этот момент отчетливо вижу, что милиционер-то идет совсем не тот... Тот был повыше, и глаза у него были голубые, а у этого, наоборот, карие. И проходит он мимо нашего объекта без остановки, даже не задерживаясь. Тогда я начинаю убежать в сторону своего дома, но продавец говорит: «Минуточку»,— и я трагически понимаю, что он говорит это мне. Он взвешивает мои арбузы, я даю ему последнюю оставшуюся до полочки десятку, говорю: «Спасибо, сдачи не надо... » — и опять начинаю убежать в сторону дома. Но он говорит: «Минуточку»,— выходит из-за прилавка, под аплодисменты многочисленных зрителей и прохожих грузит на меня четыре мокрых холодных арбуза, разворачивает меня вместе с этой пирамидой в нужную сторону, говорит на прощание: «Чтоб ты уписался!»— и возвращается на свое рабочее место. Тогда я вспоминаю про свое суверенное право сказать ему всё, что я о нем думаю. Я разворачиваюсь, вытягиваю голову так, чтобы ее было видно из-за верхнего арбуза, и начинаю говорить слова, которые я в жизни так часто слышал, читал

на стенах и заборах, но почему-то сам еще никогда не произносил. И вот я кричу эти облегчительные слова и вдруг вижу того, нашего голубоглазого милиционера... Он только что вернулся с другой стороны, стоит рядом и с нетерпением ждёт окончания моей пламенной речи. Я замолкаю, разворачиваюсь и начинаю идти в сторону дома...

— Минуточку,— слышу я за спиной уже другой голос и снова трагически понимаю, кому он принадлежит.

Милиционер начинает вести меня в отделение, но тут заступаются добрые люди, которых в очереди оказывается много. Они говорят обо мне всякие хорошие слова: мол, товарищ сержант, отпустите его, он по всем признакам тяжело психический, он ведь даже материться по-человечески не умеет, ударение не там ставит; он, мол, товарищ сержант, видно, и без того полжизни в тюрьме провёл, если так на обыкновенные арбузы набрасывается... Милиционер внимательно на меня глядит, решает, что люди правы, поправляет на мне верхний арбуз, стряхивает с меня белые семечки, разворачивает и отпускает.

И вот, весь в соку, как канатоходец, исполняющий смертельный трюк с арбузами, я иду домой, почти счастливый, что все так удачно кончилось!

Aufgaben:

Wann wurde diese Erzählung verfasst? Wie ist hier der Handel vor und nach «перестройка» dargestellt? Wie verstehen Sie die Aussage von D. Sacharov: «Перестройку каждый должен начать с самого себя, с добровольного переустройства собственного мышления и разоблачения зашоренного мировоззрения»?

Befragen Sie Ihren Dozenten, was es bedeutet – «достать из-под полы». Was gehörte in Russland vor 1990 zu den «дефицитный товар»? Wie und wann (Tageszeit), anhand der Erzählung, wurde «дефицит» verkauft?

Wer und wie verkauft die Honig- und Wassermelonen heute? Was denken Sie, kann sich heute jeder Wassermelonen und andere Lebensmittel leisten?

Suchen Sie im Text alle Wörter mit der Wurzel «-дяд-» (Onkel) und bestimmen Sie, zu welchem Stil diese Wörter gehören.

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: утолять жажду, (катиться) своим ходом, побороть желание, помутнение (мозгов), занимать очередь, строить догадки, взять моду, ни шиша не видно, обсчитывать, торговая сеть, выдвигать гипотезу, хватать за грудки, завоевать симпатию, верхнее и нижнее платье, набраться духу, общественное место, навести порядок, сойтись на мысли, стиснуть зубы, брать что попало, изнеможеть, номер не пройдет?

Was wissen Sie über die Geschichte der folgenden Wörter: деликатес, рвать (на угол), кооператор, быть кому-либо на руку, лягать, шуровать, селекционер, русалка, на четвереньках, науськивать, безобразие, пулять, морочить (голову), невесть (откуда взяться), варфоломеевская ночь, суетиться, суверенное (право), предвкушать, иезуит, лобное место, выродок, каратель, получка?

M. Gorodinskij

Der eigenartige Traum

Die Wassermelone ist, wie man weiß, nicht unbedingt eine Delikatesse. Sie ist ein völlig demokratisches Lebensmittel, sie löscht gut den Durst und muntert die Nieren des Menschen auf. Wassermelonen wachsen aus irgendeinem Grund nicht in unserer Gegend, und manchmal bringt man sie im Herbst aus Astrachan. Und so tauchte einmal Anfang Herbst in der örtlichen Zeitung eine Meldung auf, dass eine ganze Ladung astrachanischer Wassermelonen in Waggons verladen sich genau in unsere Richtung bewegte. Empfangen wir sie! Schon bald tauchten auf den Straßen und Plätzen grüne Umzäunungen auf, an denen die Großmütter in Erwartung der Ware wachten. Es verging eine Woche, eine zweite, eine dritte, aber es gab irgendwie keine Wassermelonen. Die Mutigen sprachen sogar laut von Unordnung und Diebstahl. Die schwangeren Frauen und die Intelligenz, tendierten wie immer zu der Meinung, dass nicht alles verloren sei, man müsse noch mal abwarten. Vielleicht rollten die Wassermelonen aus Astrachan von allein zu uns.

Eines Abends störten irgendwelche lauten Schreie und wilde Rennerei die Ruhe der Umgebung. Es kann keine Erdbeben in unserer Gegend geben. Spanischer Karneval, auch nicht - Gott sei Dank. Vielleicht wird einer verprügelt. Aber aus dem Grund des vollständigen Fehlens der sozialen Wurzeln des Verbrechens in der Stadt was vor einigen Jahren ein für alle Mal bekannt gegeben wurde, eilt niemand in solchen Fällen nach draußen; auch dann nicht, macht was ihr wollt. Also lief alles auf einen Brand hinaus, bis ein durchdringender Schrei ertönte:

— Dus'ka, wecke die Kinder, renne an die Ecke, dort gibt es Wassermelonen!

Natürlich ist das lächerlich und dumm, wenn mit den Menschen in einer friedlichen Zeit so eine Hysterie geschieht. Doch wie dem auch sei, ohne Wassermelone ist noch keiner gestorben. Und ein bewusster, intelligenter Mensch ist verpflichtet, dieses Verlangen in sich zu unterdrücken. Ich setze mich, also, zurück an den Fernseher. Ich sitze eine Minute, eine zweite, eine dritte ... und spüre, dass mit mir etwas Unangenehmes geschieht. Entweder habe ich zu viel von den atlantischen Heringen gegessen – man hat sie letztes Jahr in der Nacht verkauft, oder der außenpolitische Kommentator Sejful'-Muljukov hat so auf mich eine so starke Wirkung ausgeübt ... Auf jeden Fall geschah mit mir

irgendetwas Sonderbares. Den blauen Bildschirm, bemerke ich nicht mehr, den Sinn des Weltgeschehens nehme ich nicht wahr; verstehe nur tragisch, dass es aus ist, wenn ich heute vor dem Zubettgehen keine Wassermelone esse. Sejful'-Muljukov werde ich nicht mehr erleben.

Ich stürze also um die Ecke, nehme den Platz in der Schlange ein und erst jetzt bemerke ich, dass ich nicht vollständig angezogen bin. Das heißt in Unterhosen und barfuss. Einerseits, ist das natürlich unangenehm, irgendwie unintelligent und, die Hauptsache, den Füßen ist es in den Pfützen kalt. Womöglich wird es heute Nacht noch Frost geben. Aber andererseits ... ist die Lage in der Schlange so, dass wenn ich gehe und mich anziehe, dann wird man mich auf keinen Fall erkennen, auch wenn ich mich wieder bis zur Unterhose ausziehe und schwöre. Ich bleibe stehen.

Viele, muss ich sagen, sind auch nicht wie aus dem Ei gepellt. Außerdem ist es dunkel, es scheinen nur der Mond am Himmel und die goldenen Zähne im Mund des Verkäufers. Das Volk macht sich wie immer unterschiedliche Gedanken. Zum Beispiel, wieso hat man es zur Mode gemacht, nachts zu verkaufen, wenn man nichts sehen kann und es besonders leicht ist, den Käufer zu betrügen. Und was geschieht überhaupt: Dem Anschein nach sind alle Menschen herum klar und gleich. Jedoch unsere Handelskette und die Genossenschaftler – das ist irgendeine auserwählte Nation, die nur aus Terroristen besteht.

Dann fängt ein haariger Mann im Schlafanzug an zu philosophieren und sagt, dass das nicht stimme: Schließlich werfe man sie nicht zusammen mit den Direktoren bei uns aus Uruguay per Fallschirm, sondern das sind unsere eigenen Brüder und Schwestern. Und er stellt sogar eine schreckliche Hypothese auf: Dass wir an allem selbst Schuld sind, da wir keine Kultur und kein Selbstwertgefühl besitzen, was irgendwelchen Hochstaplern und Halunken gerade recht sei. Natürlich fühlen sich alle furchtbar beleidigt, fangen an dem Philosoph zuzurufen, dass er hier nicht gestanden hat und nicht stehen bleibt. Sie beschimpfen ihn als Uruguayer, versuchen ihn an den Brusthaaren zu packen und nach draußen zu stoßen. Aber dieser Philosoph stellt sich als klüger heraus. Er stößt irgendwen mit dem Ellenbogen, äußert er sich laut und vor allem deutlich, womit er sofort jeglichen Verdacht von sich abschüttelt und gar Sympathie hervorruft. Zur selben Zeit nähert sich die Schlange schon dem Zaun, wo die Vorderen heftig hantieren, um das benötigte Exemplar herauszusuchen. Natürlich werden alle still und bereiten sich auf den bewegenden Moment vor, außer einer unnachgiebigen Frau. Sie hat völlig vergessen, dass sie anstelle von Ober- und Unterbekleidung nur ein durchsichtiges Nachthemd trägt, und dass dieses Nachthemd sogar im ruhigen Zustand nicht immer ihre Knie bedeckt. Empört über das Verhalten der Vorderen, hebt sie ihre Arme, womit sie die Hintenstehenden sehr erfreut, unter denen sich auch Kinder befinden. Aber das gesunde Lachen der Nachbarn hört sie nicht, weil sie es mit ihrem eigenen Geschrei übertönt:

— Ihr kauft keine Kuh! Welche du angefasst hast, die nimm auch! Schaut an, schaut an was er macht! Alle Wassermelonen hat er umgegraben! Selektioner! Und er legt sie noch an sein dreckiges Ohr! Lege sie sofort auf die Waage! Sollen wir hier bis zum Morgen stehen, oder was?! — schreit diese Meerjungfrau.

Was die Kuh angeht, war ich mit ihr teilweise sogar einer Meinung. Hungerige und Arme gibt es jetzt nicht, letztendlich, wählst du nicht die Wassermelone für das ganze Leben aus. Welche du angefasst hast, die nimm auch. Da bewegte sich die Schlange noch ein Stück nach vorne, der Zaun war schon ganz nah ... Ich habe längst eine Wassermelone ins Auge gefasst, ich schnappe zu – und halte sie bereits an den Bauch. Ich halte also mein Melonchen und höre wie irgendeine Frau von hinten flüstert: — Du, — flüstert sie, — Vasja, so eine, nicht wie bei diesem krummbeinigen Onkel, solche sind immer unreif, Seine Melone ist völlig ohne Hinterteilchen, und du sollst eine mit Hinterteilchen suchen...

Na, ich werfe natürlich auf der Stelle meine hinterteillose Wassermelone weg, begeben mich auf allen Vieren hinter den Zaun, schnappe mir eine mit Hinterteilchen... Und die Tante flüstert zu ihrem mageren Männlein wieder:

— Dieser, — sagt sie, — dieser... hat wieder eine männliche Wassermelone genommen, und du such eine weibliche Wassermelone, sie sind immer süßer. Bei ihnen schaut gewöhnlich aus dem Hinterteilchen noch ein Schwänzchen...

Ich werfe natürlich meine schwanzlose zurück, falle hinter den Zaun, wo schon an die zwanzig Leute kriechen, und beginne in völliger Dunkelheit nach der Frucht des weiblichen Geschlechts zu suchen, mit Hinterteilchen und noch mit Schwänzchen. Doch da springt die unnachgiebige Frau im Nachthemd in die Zelle, legt sich auf die oberen Melonen drauf, winselt und verschafft sich, wie ein Maulwurf den Durchgang zu den Unteren. Ich spüre, dass ich herauskriechen muss, solange man mir nicht die Hände zerquetscht hat. Ich krieche nach draußen, spüle in der Pfütze die Füße und nähere mich der Waage, wo eine förmliche Schweinerei herrscht. Dieser junge Verkäufer wirft die staatlichen Wassermelonen auf eine staatliche Waage und nützt die schlechte Sicht aus, indem er sich die Preise ausdenkt, welche ausschließlich von seinen materiellen Bedürfnissen abhängig sind. Jemand versucht zögernd zu protestieren und hat sogar den Mut zu fragen, was das Kilo kostet. Aber der Verkäufer wirkt beleidigt, nimmt die Wassermelone des Neugierigen weg, wirft sie in den Käfig und handelt aktiv weiter. Endlich komme ich an die Reihe. Da schaut mich der Verkäufer an und entscheidet sich — die Prozedur zu vereinfachen. Deshalb legt er meine Wassermelone nicht mehr auf die Waage, sondern sagt gleich:

— Vier sechzig.

In mir erwachen mein Selbstwertgefühl und ein brennender Durst nach Gerechtigkeit.

— Bitte, wiederholen Sie, — sage ich- irgendwie höre ich nachts schlecht.

— Dann sechs zwanzig, — schreit mir der Verkäufer ins Ohr und fügt hinzu: — Und ich zähle bis drei. Entweder nimmst du sie, oder ich werde dich, fliegende Ratte, der Polizei übergeben, wegen Erscheinens an einem öffentlichen Platz in zerknitterter Unterhose.

Und ich erinnere mich mit Entsetzen an mein Aussehen, und höre von hinten das bekannte Geplapper: «Bürger, hören Sie auf den Verkäufer verrückt zu machen, er ist auch so schon müde!» — und bei der Zahl «zwei» gehe ich nach Hause. Und ich höre, wie unter meinen Fersen das erste Eis knirscht. Und ich fühle in meinem Innern eine Leere und Scham für mein wildes, wer-weiß-woher gekommenes Verlangen, eine Wassermelone zu essen. Für diesen eigenartigen Traum. Na ja, ich bin kein starker Mensch, kein Held. In solchen Situationen ist es für mich einfacher wegzugehen, alleine zu bleiben und sogar zu versuchen, sich davon zu überzeugen, dass der Kürbis mit Schwänzchen, als der sich bei Licht meine Wassermelone entpuppte, auch den Durst löscht und die Nieren erfrischt. Aber zum Glück gibt es noch andere. Das sind starke, vollendete Menschen, die an die richtige Adresse schreiben über diese Bartholomäusnacht⁴¹, über die Erniedrigung, Erpressung, Flegelei, blaue Flecken und die hinter dem Zaun verlorenen Wäsche. Sie verlangen nach Ordnung und Schutz gegen diese Gesetzlosigkeit, mit der sie beim Kauf der Astrachanischen Wassermelonen konfrontiert wurden.

Und schon nach einigen Tagen gehe ich die Straße entlang und sehe ein ganz anderes Bild. Alles hat sich verändert. An der gleichen Stelle bei hellem Sonnenschein verkauft man Wassermelonen. Der Verkäufer ist derselbe, nur nach der Nacht hat er mehr goldene Zähne bekommen. Und er sieht irgendwie menschlicher aus, knurrt nicht und stellt sogar das Preisschild gerade, wo schwarz auf weiß geschrieben steht: «1 kg. — 30 Kop.» Daneben steht ein großer, hübscher Polizist. Er beobachtet genau, dass der Verkäufer nicht die Käufer beleidigt, und die Käufer nicht hinter dem Zaun mit Füßen und Kopf eintauchen. An der Wand zwischen dem Polizisten und dem Verkäufer hängt ein großes Plakat, welches man von Weitem bemerkt: «An die Einwohner! Gemäß der Entscheidung des Stadtrates, wird der Handel mit Wassermelonen mit Aufschnitt durchgeführt. Das Aufschneiden erfolgt beim ersten Verlangen des Käufers». Beim Anblick dieser deutlichen Veränderungen zum Besseren füllt sich mein Herz mit Freude, und ich entschieße mich, mir eine echte, rote, zuckrige Wassermelone zum festen Preis zu kaufen. Natürlich langweilt sich die Schlange ein wenig, aber im Großen und Ganzen kommt sie auf den Gedanken, dass nach den neuen Regeln, mit Aufschnitt und Polizisten, man natürlich besser leben kann: Man muss sich nicht quälen, um zu hören ob die

⁴¹ Die Heirat eines blaublütigen Protestanten (Heinrich von Navarra, der spätere Heinrich IV) mit seiner katholischen Braut (der Schwester von König Karl IX) führt zum Massenmord an den französischen Hugenotten. Dieser begann in der 208

Wassermelone knackt oder nicht, stundenlang zu raten, ob sie Männlein oder Weiblein ist und wo bei ihr der Hintern und das Schwänzchen sind. Und schon hetzen wir fast nicht mehr; fast ruhig und stolz bewegen wir uns entlang des Zaunes, mit zusammengebissenen Zähnen nehmen wir das, was kommt und nähern uns gnadenlos der Waage. Dabei schauen wir mit Liebe und Hoffnung zum Polizisten herüber, dessen Schulterklappen und Körpergröße, aber viel wichtiger ist dessen Pistole an der Seite, welche uns unser souveränes Recht, auf den Aufschnitt garantiert. Nach den Heringen vom letzten Jahr plagt mich noch immer der Durst, und ich stelle mir vor, wie ich zu Hause ein großes Stück abschneide, und wie ich wie ein Junge, mit dem Kopf in das süße, saftige Fruchtfleisch eintauche. Und plötzlich, als vor mir nur ein junger Mann bleibt, streckt sich unser Polizist, schaut auf die Uhr, dreht sich um und geht schnell in Richtung Revier. Die Schlange bringt einen fassungslosen Seufzer hervor und erstarrt. Wir verstehen, dass wir uns in einer Falle befinden und solange unser Sergeant nicht um die Ecke verschwunden ist, schauen wir ihm hinterher, wie eine belogene Frau mit Kindern ihrem Mann hinterher blickt, der sie für immer verlässt. Viele fangen schon an, ihre Wassermelonen hinzuwerfen und hinter den Zaun zu springen, und der Verkäufer, am Ende völlig fertig von seiner Höflichkeit und all diesen Neuerungen, atmet erleichtert auf, reibt sich die Hände, macht mit dem Messer unterschiedliche Bewegungen, die an die Tänze südlicher Völker erinnern, und fragt mit einem Jesuitenstimmchen:

— Na?! Wer ist der Nächste?!

— Ich, — sagt der Bursche vor mir munter. Er holt eine Packung «Belomor»⁴², lächelt den Verkäufer an und ihn scheinbar für seinen gewöhnlichen Alters- und Zeitgenossen haltend, bietet ihm eine Zigarette an. Diese Nummer klappt natürlich nicht, der Verkäufer knurrt. Dann unternimmt der Bursche noch einen gutherzigen Versuch einer Annäherung und fragt freundlich:

— Hör mal, Genosse, irgendwie kommt mir dein Gesicht bekannt vor ... Du hast nicht zufällig in dem zweiten technischen Werk als Schlosser gearbeitet?

— Als was?! — ruft der Verkäufer entsetzt aus und wischt sich den austretenden kalten Schweiß von der Stirn. Die Schlange ist unzufrieden wegen der Verzögerung, man schreit den Burschen an, droht ihm, ihn in die Ausnüchterungszelle abzuschieben. Er wird endgültig verlegen, dunkelrot und vergisst das wunderbare Plakat mit dem Rechtsspruch, mitsamt alle unseren Gesprächen, zahlt sehr schnell und verschwindet. Und der Verkäufer lädt mich auf den Hinrichtungsplatz ein. «Hör mal Intelligenzler, — frage ich mich, indem ich den letzten Schritt wage, — wenn du Angst hast vor diesem fetten Rotzkerl, diesem dummen Geschrei hinter dem Rücken, wovor hast du dann keine

Nacht vom 23. auf den 24. August 1572 (Feiertag des Heiligen Bartholomäus) in Paris und kostete etwa 3000 Menschen das Leben.

Angst? Was steckt in dir, außer dieser ekligen Angst und der dauernden Bereitschaft erniedrigt zu werden? Du glaubst noch nicht einmal an dein mickriges, schwarz auf weiß geschriebenes Recht auf diesen elenden Aufschnitt»...

Nebenbei lege ich schon meine grüne Missgeburt auf die Waage und sehe gleichzeitig, wie um die Ecke derselbe teure, heiß geliebte Polizist auftaucht und schnell in unsere Richtung schreitet.

— So, — sage ich, indem in mir erneut Entschlossenheit und Mut hochsteigen, machen Sie mir doch bitte einen Aufschnitt.

— An welcher Stelle?! — fragt der Verkäufer.

Und da - von all diesen Gefühlen, Veränderungen und Erlebnissen - geschieht mit mir wieder etwas Seltsames. Ich entreiße dem Folterknecht das Messer und operiere heftig meine Wassermelone. Natürlich, sie entpuppt sich als weiß. Ich stürze zum Zaun, schnappe mir die Zweite, schneide, sie ist noch weißer; ich renne nach der Dritten, schon zucke nach der Vierten ... und in diesem Moment sehe ich genau, dass der Polizist, der da läuft, ein ganz anderer ist. Der unsrige war höher, seine Augen waren blau, und dieser hat im Gegenteil graue. Und er geht vorbei an unserem Objekt ohne anzuhalten. Dann beginne ich in Richtung meines Hauses wegzurennen, aber der Verkäufer sagt: «Ein Minutchen», — und ich begreife tragisch, dass er das zu mir sagt. Er wiegt meine Wassermelonen, ich gebe ihm den letzten Zehner, der bis zur Lohnzahlung übrig geblieben ist, ich sage: «Danke, Rückgeld nicht nötig ...», — und renne wieder in Richtung meines Hauses. Aber er sagt: «Eine Minute noch», — tritt hinter der Theke hervor, unter dem Applaus zahlreicher Zuschauer und Fußgänger, lädt auf mich vier nasse und kalte Wassermelonen, dreht mich mit dieser Pyramide in die richtige Richtung, sagt zum Abschied: «Damit du dich vollpinkelst!» — und kehrt an seinen Arbeitsplatz zurück. Dann erinnere ich mich an mein Recht, ihm alles zu sagen, was ich über ihn denke. Ich drehe mich um, strecke mein Kopf, damit man ihn hinter der oberen Wassermelone sieht, und fange an Wörter zu sagen, die ich in meinem Leben so oft gehört, an den Wänden und Zäunen gelesen habe, aber selbst noch nie gesagt habe. Und so schreie ich diese erleichternden Worte und sehe plötzlich unseren blauäugigen Polizisten... Er ist gerade eben von der anderen Seite zurückgekehrt, steht daneben und wartet ungeduldig das Ende meiner feurigen Rede ab. Ich verstumme, drehe mich um und beginne in Richtung meines Hauses zu laufen...

— Eine Minute noch, höre ich hinter dem Rücken schon eine andere Stimme und verstehe erneut, zu wem sie gehört.

Der Polizist beginnt, mich aufs Revier zu führen. Aber hier treten nette Menschen, von denen es, wie es sich herausstellt, in der Schlange viele gibt, für mich ein. Sie sagen liebevolle Worte über mich: in

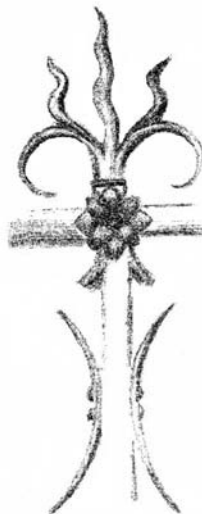
⁴² «Беломор(-канал)» — sowjetische Papierossi (eine Zigarettenart), benannt nach einem berühmten stalinschen Bauprojekt.

der Art, Herr Sergeant, lassen sie ihn laufen, er ist, allen Anzeichen nach, schwer psychisch krank, er kann nicht normal fluchen, setzt falsche Betonungen; er hat, Herr Sergeant, offensichtlich sein halbes Leben im Gefängnis verbracht, wenn er sich so auf die Wassermelonen stürzt... Der Polizist schaut mich genau an, entscheidet, dass die Leute Recht haben, rückt bei mir die obere Wassermelone zurecht, fegt von mir weiße Samen, dreht mich herum und lässt mich los.

Und so, ganz im Saft, wie ein Seiltänzer, der eine Todesnummer mit Wassermelonen durchführt, gehe ich nach Hause, fast glücklich, dass alles so gut ausgegangen ist!

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Stellen Sie sich vor, dass Sie in Moskau oder in Petersburg im Restaurant sitzen. Bestellen Sie Vorspeisen, Suppe, Getränke und Nachspeisen. Erklären Sie Ihren Freunden, was Sie eigentlich bestellt haben. Es muss sich um spezifische russische Gerichte handeln.
2. Sie müssen einkaufen gehen, um die deutsche Küche in Russland zu präsentieren. Erzählen Sie: was und wo Sie kaufen werden und wie viel Geld Sie dafür brauchen.

Bei den Nachbarn in Europa

Эксперимент

Итальянец Энрико де Помпео, находившийся в Германии, решил проверить знание истории у немецких почтовых служащих. Поэтому он послал тридцать писем в различные города на имена людей, вошедших в историю.

Каковы же были результаты этого оригинального опроса?

Письмо, отправленное на имя астронома Кеплера, вернулось из Регенсбурга со следующей пометкой: «(Впишите улицу и номер дома). Адрес неполон».

На конверте письма, адресованного Гёте во Франкфурт-на-Майне, почтовый служащий написал: «Адресат, скорее всего, умер».

Тогда как на письме Фридриху Шиллеру стояло: «Почтовому отделению № 7142 Марбаха получатель неизвестен».

Письмо Лессингу пришло назад с отметкой: «Почтовое отделение № 3340 города Вольфенбюттеля не смогло найти адресата» и примечанием о необходимости в будущем писать на конверте улицу и номер дома адресата.

Только на одном письме, отправленном в Гамбург на имя Брамса, стояло: «Брамс, 1833 – 1897. Жил в Вене, а не в Гамбурге.»

Aufgaben:

Wie charakterisiert diese Geschichte den deutschen Beamten?

Befragen Sie den Dozenten, wie sich die Russen Deutschland im 19. Jh., Anfang des 20. Jh., vor und nach dem 2. Weltkrieg, in der Stalin-, Chruščov-, Brežnev- und Gorbačov-Ära vorgestellt haben? Wie stellen sich die Russen Deutschland heute vor (in den großen Städten und in den Dörfern; unterscheiden Sie zwischen Leuten, die bereits Deutschland besucht haben bzw. die noch nie im Ausland waren)?

Das Experiment

Der Italiener Enrico di Pompeo, der sich in der Bundesrepublik Deutschland aufhielt, beschloss die Geschichtskennntnisse der deutschen Postbeamten zu überprüfen. Deshalb schickte er dreißig Briefe in verschiedene Städte an die Adressen von Menschen, deren Namen in die Geschichte eingegangen waren.

Wie waren denn die Ergebnisse dieser originellen Umfrage?

Der Brief, der an den Namen des Astronomen Kepler verschickt wurde, kam aus Regensburg mit folgendem Vermerk zurück: «Straße und Hausnummer bitte angeben. Adresse unvollständig».

Auf den Umschlag des Briefes, der an Goethe in Frankfurt am Main gegangen war, hatte der Postbeamte geschrieben: «Empfänger dürfte verstorben sein».

Während auf dem Brief an Friedrich Schiller stand: «Der Postabteilung Nr. 7142 der Stadt Marbach ist der Empfänger unbekannt».

Der Brief an Lessing kam mit dem Vermerk zurück: «Die Postabteilung Nr. 3340 der Stadt Wolfenbüttel konnte den Adressaten nicht ausfindig machen», — und mit einer Bemerkung über die Notwendigkeit, künftig Straße und Hausnummer des Empfängers anzugeben.

Lediglich auf einem Brief, der an den Namen Brahms nach Hamburg geschickt worden war, stand: «Brahms, 1833— 1897. Lebte in Wien und nicht in Hamburg».

А.П. Чехов

Добрый немец

Иван Карлович Швей, старший мастер на сталелитейном заводе «Функ и Ко», был послан хозяином в Тверь исполнить на месте какой-то заказ. Провозился он с заказом месяца четыре и так соскучился по своей молодой жене, что потерял аппетит и раза два принимался плакать. Возвращаясь назад в Москву, он всю дорогу закрывал глаза и воображал себе, как он приедет домой, как кухарка Марья отворит ему дверь, как жена Наташа бросится к нему на шею и вскрикнет...

«Она не ожидает меня», — думал он. — «Тем лучше. Неожиданная радость — это очень хорошо...»

Приехал он в Москву с вечерним поездом. Пока артельщик ходил за его багажом, он успел выпить в буфете две бутылки пива... От пива он стал очень добрым, так что, когда извозчик вёз его с вокзала на Пресню, он всё время бормотал:

— Ты, извозчик, хороший извозчик... Я люблю русских людей!.. Ты русский, и моя жена русский, и я русский... Мой отец немец, а я русский человек... Я желаю драться с Германией... Как он и мечтал, дверь отворила ему кухарка Марья.

— И ты русский, и я русский... — бормотал он, отдавая Марье багаж. — Все мы русские люди и имеем русские языки... А где Наташа?

— Она спит.

— Ну, не буди её... Тсс... Я сам разбужу... Я желаю её испугать и буду сюрприз... Тссс!

Сонная Марья взяла багаж и ушла на кухню.

Улыбаясь, потирая руки и подмигивая глазом, Иван Карлыч на цыпочках подошёл к двери, ведущей в спальную, и осторожно, боясь скрипнуть, отворил её... В спальне было темно и тихо.

«Я сейчас буду её испугать», — подумал Иван Карлович и зажжёт спичку...

Но — бедный немец! — пока на его спичке разгоралась синим огоньком сера, он увидел такую картину. На кровати, что ближе к стене, спала женщина, укрытая с головою, так что видны были одни только голые пятки; на другой кровати лежал громадный мужчина с большой рыжей головой и с длинными усами.

Иван Карлыч не поверил глазам своим и зажжёт другую спичку... Сжжёт он одну за другой пять спичек — и картина представлялась всё такую же невероятной, ужасной и возмутительной. У немца подкосились ноги и одервенела от холода спина. Пивной хмель вдруг вышел из головы, и ему уже казалось, что душа перевернулась вверх ногами. Первою его мыслью и желанием было — взять стул и хватить им со всего размаха по рыжей голове, потом схватить неверную жену за голую пятку и швырнуть её в окно так, чтобы она выбила обе рамы и со звоном полетела вниз на мостовую.

«О нет, этого мало!» — решил он после некоторого размышления. — «Сначала я буду срамить их, пойду позову полицию и родню, а потом буду убивать их...»

Он надел шубу и через минуту уже шёл по улице. Тут он горько заплакал. Он плакал и думал о людской неблагодарности... Эта женщина с голыми пятками была когда-то бедной швейкой, и он осчастливил её, сделав женою учёного мастера, который у Функа и Ко получает 750 рублей в год! Она была ничтожной, ходила в ситцевых платьях, как горничная, а благодаря ему она ходит теперь в шляпке и перчатках, и даже Функ и Ко говорит ей «Вы»...

И он думал: как ехидны и лукавы женщины! Наташа делала вид, что выходила за Ивана Карлыча по страстной любви, и каждую неделю писала ему в Тверь нежные письма...

«О, змея», — думал Швей, идя по улице. — «О, зачем я женился на русском человеке? Русский нехороший человек! Варвар, мужик! Я желаю драться с Россией, чёрт меня возьми!»

Немного погодя он думал: «И удивительно, променяла меня на какого-то каналью с рыжей головой! Ну, полюби она Функа и Ко, я простил бы ей, а то она полюбила какого-то чёрта, у которого нет в кармане гривенника! О, я несчастный человек!»

Отерев глаза, Швей зашёл в трактир.

— Дай мне бумаги и чернил! — сказал он половому. — Я желаю писать!

Дрожащею рукою он написал сначала письмо к родителям жены, живущим в Серпухове. Он писал старикам, что честный учёный мастер не желает жить с распутной женщиной, что родители — свиньи и дочери их — свиньи, что Швей желает плевать на кого угодно... В

заклучение он требовал, чтобы старики взяли к себе свою дочь вместе с её рыжим мерзавцем, которого он не убил только потому, что не желает марать рук.

Затем он вышел из трактира и опустил письмо в почтовый ящик. До четырёх утра блуждал он по городу и думал о своём горе. Бедняга похудел, осунулся и пришёл к заключению, что жизнь — это горькая насмешка судьбы, что жить — глупо и недостойно порядочного немца. Он решил не мстить ни жене, ни рыжему человеку. Самое лучшее, что он мог сделать, это — наказать жену великодушием.

«Пойду выскажу ей всё», — думал он, идя домой, — «а потом лишу себя жизни... Пусть будет счастлива со своим рыжим, а я мешать не буду...»

И он мечтал, как он умрёт и как жена будет томиться от угрызений совести.

— Моё имущество я ей оставляю, да! — бормотал он, дёргая за свой звонок. — Рыжий лучше меня, пусть-ка тоже заработает 750 рублей в год!

И на этот раз дверь отворила ему кухарка Марья, которая очень удивилась, увидев его.

— Позови Наталью Петровну, — сказал он, не снимая шубы. — Я желаю разговаривать...

Через минуту пред Иваном Карлычем стояла молодая женщина в одной сорочке, босая и с удивлённым лицом... Плача и поднимая обе руки вверх, обманутый муж говорил:

— Я всё знаю! Меня нельзя обмануть! Я собственными глазами видел рыжего скотину с длинными усами!

— Ты с ума сошёл! — крикнула жена. — Что ты так кричишь? Разбудишь жильцов!

— О, рыжий мошенник!

— Говорю же тебе, не кричи! Напился пьян и кричит! Ступай спать!

— Не желаю я спать с рыжим на одной кровати! Прощай!

— Да ты точно с ума сошёл! — рассердилась жена. — Ведь у нас жильцы! В той комнате, где была наша спальня, слесарь с женой живёт!

— А... а? Какой слесарь?

— Да рыжий слесарь с женой. Я их пустила за четыре рубля в месяц... Не кричи, а то разбудишь!

Немец выпучил глаза и долго смотрел на жену; потом нагнул голову и медленно свистнул...

— Теперь я понимаю... — сказал он.

Немного погодя немецкая душа опять уже приняла своё прежнее положение, и Иван Карлыч чувствовал себя прекрасно.

— Ты у меня русский, — бормотал он, — и кухарка русский, и я русский... Все имеем русские языки... Слесарь — хороший слесарь, и я желаю его обнимать... Функ и Ко тоже хороший Функ и Ко... Россия — великолепная земля... С Германией я желаю драться...

Aufgaben:

Welche Charaktereigenschaften der Deutschen hat der Schriftsteller in der Erzählung beschrieben?

Weshalb bevorzugen bis heute die Europäer russischen Ehefrauen?

Warum bekommt der Deutsche im Text den Vatersnamen?

Warum benutzt der Autor den Firmennamen «Функ и Ко» teilweise mit und teilweise ohne Einführungszeichen?

Suchen Sie und erklären die Fehler in der russischen Sprache von Švej.

Ist es semantisch richtig, das Wort «соскучиться» mit «vermissen» zu übersetzen? Welche russischen Gefühlsbezeichnungen haben im Deutschen keine vollen Äquivalente?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: потирать руки, на цыпочках, подкосились ноги, вверх ногами, марать руки, угрызения совести?

Kennen Sie die Geschichte der Wörter: артельщик, белошвейка, гривенник, отворять, ехидный, распутный, осунуться?

A. P. Čechov

Der gutmütige Deutsche

Ivan Karlovič Švej, Obermeister der Gussstahl Fabrik «Funk & Co.», wurde vom Fabrikeigentümer nach Tver' geschickt, um an Ort und Stelle irgendeinen Auftrag zu erledigen. Er war mit dem Auftrag ungefähr vier Monate beschäftigt und hatte so eine Sehnsucht nach seiner jungen Frau, dass er den Appetit verlor und zweimal anfing zu weinen. Während seiner Rückkehr nach Moskau, hat er auf dem ganzen Weg die Augen geschlossen gehalten und sich vorgestellt, wie er nach Hause kommt, wie die Köchin Mar'ja ihm die Tür öffnet und wie seine Frau Nataša ihm um den Hals fällt und ruft...

«Sie erwartet mich nicht», — dachte er. — «Ist auch besser so. Eine unerwartete Freude — das ist sehr gut...»

Er kam mit dem Abendzug in Moskau an. Während der Gepäckträger sein Gepäck holte, hat er es geschafft, im Buffet zwei Flaschen Bier zu trinken... Von dem Bier wurde er sehr gutmütig, sodass als der Kutscher ihn vom Bahnhof nach Presnja fuhr, er die ganze Zeit murmelte:

— Du, Kutscher, bist ein guter Kutscher... Ich liebe die russischen Menschen!... Du bist ein Russe, und meine Frau ist ein Russe, und ich bin Russe... Mein Vater ist Deutscher, und ich bin ein russischer Mensch... Ich wünsche gegen Deutschland zu kämpfen...

So wie er es sich vorgestellt hatte, öffnete ihm die Tür die Köchin Mar'ja.

— Und du bist Russe, und ich bin Russe... — murmelte er, in dem er Mar'ja sein Gepäck gab. — Wir sind alle russischen Menschen und haben alle die russische Sprache... Und wo ist Nataša?

— Sie schläft.

— Dann, wecke sie nicht auf... Tss... Ich wecke sie selbst... Ich möchte sie erschrecken und werde eine Überraschung sein... Tsss!

Die verschlafene Mar'ja nahm das Gepäck und ging in die Küche.

Lächelnd, sich die Hände reibend und mit dem Auge zwinkernd, trat Ivan Karlyč auf den Fußspitzen zur Tür, die ins Schlafzimmer führte, und vorsichtig, ängstlich das sie quietscht, öffnete er sie...

Im Schlafzimmer war es dunkel und still...

«Ich werde sie gleich erschrecken», — dachte Ivan Karlyč und zündete ein Streichholz an...

Aber — der arme Deutsche! — solange auf seinem Streichholz mit einer blauen Flamme der Schwefel brannte, sah er folgendes Bild. Auf dem Bett, das näher zur Wand war, schlief eine bis zum Kopf zugedeckte Frau, sodass man nur nackte Fußsohlen sehen konnte; auf dem anderen Bett lag ein riesiger Mann mit einem großen roten Kopf und einem langen Schnurbart...

Ivan Karlyč traute seinen Augen nicht und zündete ein anderes Streichholz an... Er zündete - eins nach den anderen, fünf Streichhölzer an, und das Bild blieb immer noch unfassbar, schrecklich und empörend. Dem Deutschen sackten die Beine weg und der Rücken wurde steif vor Kälte. Der Bierrausch war plötzlich verschwunden, und ihm schien es, dass seine Seele sich drehte - mit den Füßen nach oben. Sein erster Gedanke und Wunsch war, einen Stuhl zu nehmen und ihn mit voller Wucht auf den roten Kopf zu schleudern, danach die untreue Frau an der nackten Ferse zu schnappen und sie derart durch das Fenster zu werfen, dass sie beide Rahmen herauschlagen und mit Geklirr auf das Pflaster herunterfliegen würde.

«Nein, das ist zu wenig», — entschied er sich nach einigem Nachdenken. — «Zuerst werde ich sie beschämen, ich gehe und hole die Polizei und Verwandtschaft, und danach werde ich anfangen sie umzubringen...»

Er zog seinen Pelzmantel an und marschierte schon nach einer Minute die Straße entlang. Da fing er an, bitterlich zu weinen. Er weinte und dachte über die menschliche Undankbarkeit nach... Diese Frau mit den nackten Fersen ist einmal eine arme Näherin gewesen, und er hatte sie glücklich gemacht, indem er sie zur Frau eines gelehrten Meisters erklärte, der bei Funk & Co. 750 Rubel im Jahr verdient! Sie war ein niemand, trug Baumwollkleider, wie eine Bedienstete, aber Dank ihm geht sie jetzt mit Hut und Handschuhen, und sogar Funk & Co. sagt zu ihr «Sie»...

Und er dachte, wie boshaft und listig die Frauen sind! Nataša machte den Eindruck, dass sie Ivan Karlyč aus leidenschaftlicher Liebe geheiratet hatte, und sie schrieb ihm jede Woche nach Tver' zärtliche Briefe...

«Oh, Schlange», — dachte Švej, über die Straße gehend. — «Oh, warum habe ich einen russischen Menschen geheiratet? Der Russe ist ein schlechter Mensch! Ein Barbar, der Dorfmann! Ich wünsche mit Russland zu kämpfen, hol mich der Teufel!»

Einen Augenblick später dachte er: «Und erstaunlich, sie hat mich gegen irgendeinen Scheißkerl mit rotem Kopf getauscht! Na, wenn sie Funk & Co. geliebt hätte, ich hätte ihr verziehen, aber sie hat sich in irgendwelchen Teufel verliebt, der in der Tasche nicht einen Griven⁴³ hat! Oh, ich unglücklicher Mensch!»

Nach dem er sich die Augen abgewischt hatte, betrat Švej das Wirtshaus.

— Gib mir Papier und Tinte! — sagte er zum Kellner. — Ich wünsche zu schreiben!

Mit zitternder Hand schrieb er zuerst einen Brief an die Eltern seiner Frau, die in Serpuchov lebten. Er schrieb an die Alten, dass ein ehrlicher, gelernter Meister nicht wünscht, mit einer liederlichen Frau zu leben, dass die Eltern Schweine sind und ihre Töchter Schweine sind, dass Švej es wünscht, auf jeden zu spucken... Zum Schluss verlangte er, dass die Alten ihre Tochter zu sich nehmen, zusammen mit ihrem rothaarigen Mistkerl, den er nur nicht umgebracht hatte, weil er sich nicht die Hände schmutzig machen wollte.

Danach verließ er das Wirtshaus und warf den Brief in den Briefkasten. Bis vier Uhr morgens irrte er durch die Stadt und dachte über sein Unglück nach. Der Ärmste nahm ab, wurde hohlwangig und kam zu dem Schluss, dass das Leben ein bitterer Spott des Schicksals sei, das es dumm und unwürdig eines anständigen Deutschen sei. Er entschied, sich nicht an seiner Frau zu rächen, auch nicht an dem rothaarigen Menschen. Das allerbeste, was er tun konnte war, seine Frau mit seiner Großzügigkeit zu bestrafen.

«Ich gehe und sage ihr alles», — dachte er, als er nach Hause ging, — «und danach werde ich mir das Leben nehmen... Sie soll mit ihrem Rothaarigen glücklich werden, ich werde nicht stören...»

Und er stellte sich vor, wie er stirbt und wie seine Frau sich vor Gewissensbissen quälen wird.

— Mein Besitz werde ich ihr hinterlassen, ja! — murmelte er, die Klingel ziehend. — Der Rothaarige ist besser als ich, er soll erst ein Mal auch 750 Rubel im Jahr verdienen!

Und dieses Mal öffnete ihm die Köchin Mar'ja die Tür, sie war sehr erstaunt ihn zu sehen.

— Rufe Natal'ja Petrovna, — sagte er, ohne den Pelzmantel auszuziehen. — Ich wünsche sie zu sprechen...

Nach einer Minute stand vor Ivan Karlyč eine junge Frau in einem Nachthemd, barfuss und mit einem erstaunten Gesichtsausdruck. Weinend und beide Hände hochhebend, sprach der hintergangene Ehemann:

⁴³ Гривна – alte russische Währung.

— Ich weiß alles! Mich kann man nicht belügen! Ich habe mit eigenen Augen das rothaarige Vieh mit dem langen Schnurbart gesehen!

— Du bist verrückt geworden! — zischte die Frau. — Warum schreist du so? Du weckst die Hausbewohner auf!

— O, rothaariger Gauner!

— Ich sage dir doch, schrei nicht! Hat sich betrunken und schreit! Geh schlafen!

— Ich will nicht mit dem Rothaarigen in einem Bett schlafen! Machs gut!

— Du bist ja wirklich verrückt geworden! — die Frau wurde wütend. — Wir haben doch Mieter! In dem Zimmer, wo früher unser Schlafraum war, wohnt jetzt ein Schlosser mit seiner Frau!

— A... a? Was für ein Schlosser?

— Ja, ein rothaariger Schlosser mit Frau. Ich habe sie für vier Rubel im Monat reingelassen. Schrei nicht, sonst weckst du sie auf!

Der Deutsche riss die Augen auf und schaute lange auf seine Frau, dann beugte er den Kopf und piff langsam...

— Jetzt verstehe ich... — sagte er.

Etwas später nahm die deutsche Seele wieder ihre ursprüngliche Lage ein, und Ivan Karlyč fühlte sich wunderbar.

— Du bist Russe, — murmelte er, und die Köchin ist Russe, und ich bin Russe... Wir alle haben die russischen Sprachen... Der Schlosser — ist ein guter Schlosser, ich wünsche ihn zu umarmen... Funk & Co. ist auch ein guter Funk & Co.... Russland — ist ein herrliches Land... Mit Deutschland will ich kämpfen...

М. Зощенко

Иностранцы

Иностранца я всегда сумею отличить от наших советских граждан. У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У них морда, как бы сказать, более неподвижно и презрительно держится, чем у нас. Как, скажем, взято у них одно выражение лица, так и смотрится этим выражением лица на все остальные предметы.

Некоторые иностранцы для полной выдержки монокль в глазах носят. Дескать, это стёклышко не уроним и не сморгнём, чего бы ни случилось.

Это, надо отдать справедливость, здорово.

А только иностранцам иначе и нельзя. У них там буржуазная жизнь довольно беспокойная. Им там буржуазная мораль не позволяет проживать естественным образом. Без такой выдержки они могут ужасно осрамиться.

Как, например, один иностранец костью подавился. Курятину, знаете, кушал и проглотил лишнее. А дело происходило на званом обеде. Мне про этот случай один знакомый человек из торгпредства рассказывал.

Так дело, я говорю, происходило на званом банкете. Кругом, может, миллионеры пришли. Форд сидит на стуле. И ещё разные другие. А тут, знаете, наряду с этим человек кость проглотил. Конечно, с нашей свободной точки зрения в этом факте ничего такого оскорбительного нету. Ну, проглотил и проглотил. У нас на этот счёт довольно быстро. Скорая помощь. Мариинская больница. Смоленское кладбище.

А там этого нельзя. Там уж очень исключительно избранное общество. Кругом миллионеры расположились. Форд на стуле сидит. Опять же фраки. Дамы. Одного электричества горит, может, больше, как на двести свечей.

А тут человек кость проглотил. Сейчас сморкаться начнёт. Харкать. За горло хвататься. Ах, боже мой! Моветон и чёрт его знает что.

А выйти из-за стола и побежать в ударном порядке в уборную — там тоже нехорошо, неприлично. «Ага», — скажут, — «побежал до ветру». А там это абсолютно нельзя.

Так вот этот француз, который кость проглотил, в первую минуту, конечно, смертельно испугался. Начал было в горле копать. После ужасно побледнел. Замотался на своём стуле. Но сразу взял себя в руки. И через минуту заулыбался. Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи. Начал, может, хозяйскую собачку под столом трепать.

Хозяин до него обращается по-французски.

— Извиняюсь, — говорит, — может, Вы чего-нибудь действительно заглotalи несъедобное? Вы, — говорит, — в крайнем случае скажите.

Француз отвечает:

— Коман⁴⁴? В чём дело? Об чём речь? Извиняюсь, — говорит, — не знаю, как у Вас в горле, а у меня в горле всё в порядке.

И начал опять воздушные улыбки посылать. После на бламанже налёг. Скушал порцию.

Одним словом, досидел до конца обеда и никому виду не показал.

Только когда встали из-за стола, он слегка покачнулся и за брюхо рукой взялся — наверное, кольнуло. А потом опять ничего.

⁴⁴ Comment (franz.) — Wie?

Посидел в гостиной минуты три для мелкобуржуазного приличия и пошёл в переднюю. Да и в передней не особо торопился, с хозяйкой побеседовал, за ручку подержался, за калошами под стол нырял вместе со своей костью. И отбыл.

Ну, на лестнице, конечно, поднажал.

Бросился в свой экипаж.

— Вези, — кричит, — куриная морда, в приёмный покой!

Подох ли этот француз или он выжил, — я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, выжил. Нация довольно живучая.

1928

Aufgaben:

Aus welcher Bevölkerungsschicht stammt der Erzähler? Wie charakterisiert ihn seine Art zu sprechen?

Was bewundert der Russe bei dem Franzosen? Warum hatte der Schriftsteller genau diese Nation als Vorbild für gute Tischmanieren ausgewählt?

Wie muss man sich bei Tisch in Russland richtig verhalten?

Wie würde sich ein Russe (Intelligent und Vertreter der Arbeiter-Bauer-Klasse) in solcher Situation benehmen? Was steht bei Russen an erster Stelle: Arbeit, Geld und Anerkennung oder Leben und Gesundheit? Hat sich dies seit Anfang des 20. Jh. verändert?

Was bedeuten folgende Redewendungen: выражение лица, не сморгнув, отдать справедливость, званный обед, в ударном порядке, побежать до ветру, взять себя в руки, посылать воздушные поцелуи, приёмный покой, поднажать? Zu welchem Stil gehören sie?

Kennen Sie die Geschichte der folgenden Wörter: иностранец, монокль, осрамиться, торгпредство, бламанже, передняя, калоша?

M. Soščenko

Die Ausländer

Einen Ausländer kann ich immer von einem der unsrigen, sowjetischen Bürger unterscheiden. Bei ihnen, bourgeoisen Ausländern, ist im Maulausdruck etwas anderes versteckt. Bei ihnen verhält sich das Maul, sozusagen, unbeweglicher und herablassender, als bei uns. So formt sich bei ihnen eine Gesichtsmaske, mit der alle Gegenstände und Situationen gemustert werden. Einige Ausländer tragen zwecks Selbstbeherrschung ein Monokel. Im Sinne: Wir lassen dieses Gläschen nicht herunterfallen und zwinkern nicht, was auch immer passiert.

Das ist, ehrlich gesagt, Klasse.

Aber die Ausländer dürfen auch nicht anders. Sie haben da ein ziemlich bourgeoises Leben. Die bourgeoise Moral erlaubt es Ihnen nicht, auf natürliche Art und Weise zu existieren. Ohne solche Ausdauer könnten sie sich blamieren.

So ist beispielsweise bei einem Ausländer ein Knochen im Hals stecken geblieben. Wissen sie, er hat Hühnerfleisch gegessen. Es passierte bei einem Empfang. Über diesen Vorfall hat mir ein Bekannter von der Handwerkskammer berichtet.

Also, wie ich bereits erwähnte, geschah es auf einem Empfang. Drumherum versammelten sich wahrscheinlich Millionäre. Ford sitzt auf dem Stuhl, und verschiedene andere. Und da, wissen Sie, hat der Mensch vor diesem Hintergrund einen Knochen verschluckt. Natürlich, aus unserem freien Augenwinkel liegt in diesem Vorgang nichts Beleidigendes. Geschluckt ist geschluckt. Bei uns geht es bei solchen Fällen sehr schnell. Notarzt, Marienkrankenhaus. Smolenskij-Friedhof.

Aber dort darf man das nicht so. Dies ist schließlich eine auserwählte Gesellschaft. Drumherum haben sich die Millionäre platziert. Ford sitzt auf dem Stuhl. Immerhin im Frack. Damen. Alleine die Elektrizität entspricht vielleicht 200 Kerzen.

Und hier hat der Mensch den Knochen verschluckt. Jetzt fängt er an die Nase zu putzen, zu spucken, sich an den Kragen zu fassen. Oh mein Gott! Schlechtes Benehmen und Teufel weiß was.

Den Tisch zu verlassen und in schnellem Tempo auf die Toilette zu rennen, das ist auch nicht gut, unerzogen sozusagen. «Aha», — wird man sagen. — «Er ist pinkeln gegangen». Dort darf man so etwas überhaupt nicht.

Dieser Franzose, der den Knochen verschluckt hatte, hat sich in erster Minute zu Tode erschrocken. Fing an, im Rachen zu suchen. Danach wurde er schrecklich blass. Rutsche auf seinem Stuhl hin und her. Aber bekam sich sofort in den Griff. Und fing bereits in einer Minute an, zu lächeln. Er sandte den Damen verschiedene Luftküsse. Tätschelte das Hündchen des Gastgebers unter dem Tisch. Der Gastgeber wandte sich an ihn auf Französisch:

— Entschuldigung, — sagte er, — vielleicht haben Sie etwas Ungenießbares verschluckt? Sagen Sie bitte, — sagt er, — im Notfall Bescheid.

— Comment? Was ist los? Worum geht es? Entschuldigung ich weiß nicht, wie es mit ihrem Hals steht, aber mit meinem ist alles in Ordnung. — Und fing wieder an Lächeln durch die Luft zu senden. Danach aß er blanc manger. Die ganze Portion.

— Kurz gesagt, hat er es bis zum Ende geschafft, ohne jemanden etwas zu verstehen zu geben, ohne aufzufallen. Nur als man sich erhob, wankte er einmal leicht und fasste mit der Hand an den Bauch — anscheinend hat es da gestochen. Na, dann war ja wieder alles in Ordnung.

Er saß ungefähr drei Minuten im Gästezimmer, um kleinbürgerliche Erziehung zu zeigen und ging danach in den Vorraum. Aber auch im Vorraum hat er sich nicht sonderlich beeilt, plauderte ein wenig

mit der Gastgeberin, hielt ihr Händchen in seiner. Und ist nach seinen Überschuhen unter den Tisch getaucht, mit dem verschluckten Knochen. Danach hat er sich endlich verabschiedet.

Na ja, auf der Treppe hat er natürlich das Tempo beschleunigt, warf sich in die Kutsche:

— Fahr mich, — schrie er, — zum Hospital, du Hühnersohn!

Hat dieser Franzose abgedankt oder überlebte er, - dies kann ich euch nicht sagen, weil ich es nicht weiß. Vielleicht hat er überlebt. Die Franzosen sind eine ziemlich überlebensfähige Nation.

1928

М. Городинский

Стриптиз

Страна Италия была хоть и красивая, но мучительная. К вечеру от жары, бдительности, экономии и быстрой ходьбы скопом Пилюгин нещадно уставал. Скинув сандалеты, вытянув наконец натруженные об Неаполь ноги, он прилёг.

Его соседа по гостиничному номеру, оленевода Бельдыева ела ностальгия. Первые дни он еще как-то держался и в Риме во время экскурсии даже задал вопрос экскурсоводу. Он спросил, знает ли она, как запрягать оленя. Во Флоренции он купил мыльницу, блесну и, с рук, тамошнего мотыля, после чего совсем потерял интерес и занемог. Прошлой ночью Пилюгин проснулся от какого-то странного звука. Бельдыев сидел на полу, курил самокрутку, свёрнутую из тысячелировой бумажки, раскачивался и тоненьким голосом напевал: «Нарьян-Мар, Нарьян-Мар, городок не велик и не мал... » Теперь Бельдыев лежал на спине поперёк кровати и что-то шептал на своём северном языке.

Пилюгин мгновенно заснул и стал видеть сон, который приснился ему в первую же ночь этого заграничного путешествия и снился с тех пор даже наяву. Он видел густой домашний борщ с островками сметаны и кусок чёрного хлеба, который можно есть и не считать угробленные лиры. Вот-вот должны были появиться домашние пельмени с маслом и перцем, но вместо этого в дверь номера громко постучали, и, не дожидаясь ответа, вошёл старший их туристической группы.

— Собирайтесь, товарищи, — громко сказал старший, — нам дали «добро» на стриптиз!

Пилюгин ничего не понял, но слез с кровати и стал собираться ..

— Поднимайтесь, Бельдыев! — сказал старший. — Мы идём в ночной бар!

— Не хочу бара, хочу Нарьян-Мара... — складно проскулил маленький Бельдыев.

Старший хотел что-то объяснить, но передумал, снял Бельдыева с кровати, всунул его в одежду, крепко взял обоих туристов под руки и повёл вниз, в холл отеля, где дремали остальные мужчины группы.

— Товарищи!— разбудил старший.— Мы оказались первой туристической группой, которой доверили просмотр здешнего стриптиза. Вы, конечно, понимаете, что в связи с этим на нас ложится. Все ли готовы правильно увидеть это уродливое явление?

Мужчины молчали.

— Товарищи! — продолжил старший. — Вот как, по-вашему, должен человек гордый, непримиримый, уверенный в завтрашнем дне отреагировать, если чуждая ему женщина на чужбине под чуждую ему музыку будет снимать с себя чуждую ему одежду? К тому же не просто так, а за деньги?

— Он должен подойти и сказать: «Зря стараешься, подруга! Надевай все обратно и возвращайся в семью!» — предположил рыжий турист из Воронежа.

— Неправильно, — сказал старший, — это грубо и не по-европейски. Они подумают, что Вы — человек с узким кругозором и у себя в Воронеже никогда не видели стриптиза. Давайте рассмотрим аналогичный случай. Вот Вы стоите у себя дома у окна, а в окне напротив стоит и смотрит на Вас обнажённая женщина. Ваши действия?

— Ну, стою еще полчаса, а потом ухожу.

— Куда уходите?

— В другую комнату. Там у меня тоже окно, только побольше.

— И что Вы при этом чувствуете?

— При этом я чувствую уверенность в завтрашнем дне.

— Вы за кого меня принимаете? — яростным шёпотом спросил старший.

— А Вы за кого меня принимаете? — переспросил турист из Харькова.

Вообще этот харьковчанин был какой-то подозрительный. В Риме неожиданно выяснилось, что он знает, когда и кем основан этот город.

— Не пойду! — вдруг решительно заявил турист Мамаладзе из Батуми. Руки и губы у него дрожали.— Я никуда не пойду...

— Это еще почему? — поинтересовался старший.

— А я не уверен, что правильно отреагирую. Я человек специфический, южный. Без пищи неделю могу. Без воды пять дней могу. Без женщины, конечно, тоже... некоторое время дня могу... Но нахожусь, как сказать... в этом... в приподнятом настроении.

— Не может быть и речи, Мамаладзе! Вы же знаете, какая обстановка в мире! А мы тут оставим Вас одного, да еще в таком настроении...

Старший вскинул левую руку, посмотрел на часы, вскинул правую, посмотрел на вторые часы, выстроил всех по росту, пересчитал, загибая пальцы, затянул на Бельдыеве ремень и скомандовал: «Вперёд!».

В ночном баре тихо играла музыка. Народу было мало. Подскочивший итальянец указал на свободные места у самой эстрады, которая пока пустовала и находилась в полумраке.

— Там вам будет хорошо,— объяснил он на ломаном русском.

— Нет, нет, спасибо, нам будет лучше вон там, — сказал старший на таком же ломаном, и группа чётким строевым шагом двинулась в дальний конец зала.

Размещались недолго. Минут сорок. Правильнее всего, конечно, было бы посадить спиной к предстоящему стриптизу всех. Но столики были круглые и, как ни пробовали, кто-то все равно оказывался лицом, в лучшем случае — боком. Наконец, после многочисленных передислокаций, группа закрепилась на следующих позициях: Мамаладзе из Батуми располагался к эстраде строго задом. Всякая его попытка обернуться и даже просто пошевелиться была обречена на провал, так как слева его вплотную поджали оленеводом Бельдыевым, а на правом фланге — больно умным туристом из Харькова, возможные шевеления которого, в свою очередь, ограничивал Пилюгин — он был посажен так, что между ним и харьковчанином не оставалось никакого зазора. Бельдыева подпёрли рыжим воронежцем. Лицом к передовой сидели: семидесятипятилетний хлопкороб Толетбаев из Туркмении в тубетейке и старший.

Смугленький официант принес меню.

— Что-то сегодня ничего не хочется, — сразу выразил общее мнение старший, поспешно откладывая меню в сторону. Он сделал официанту знак, улыбнулся и объяснил: — К сожалению, бамбино, мы все за рулём...

— Причём за одним, — добавил словоохотливый воронежец.

— Так что, будьте добры, шесть порций содовой. Без виски!— заказал старший и, чтобы, не дай Бог, не принесли наоборот, дважды повторил что без чего.

Официант поклонился и пошел прочь, но его окликнул турист из Харькова.

— А я, пожалуй, оставлю автомобиль здесь и обратно поеду на такси,— заявил он,— в общем, принесите-ка мне коктейль...

Какой вкус у виски без содовой, Пилюгин не знал. Но содовую без виски он, оказывается, с детства пил на улицах родного Нижнего Тагила за одну копейку, а чаще — за удар по автомату кулаком. Однажды с женой Любашей они стучали по автомату так, что вылетели даже лёд и соломинка.

Содовую цедили молча. Сжатый до абсолютной неподвижности, Мамаладзе не моргая глядел на Толетбаева, как будто раздеваться должен был хлопкороб. Старенький Толетбаев в ожидании стриптиза то и дело вскидывал упавшую вниз голову и ловил свою тубетейку. Бельдыев выуживал из бокала и посасывал ледяные кубики, выплёвывая их обратно и, как доктор, приныкая к соломинке ухом, слушал звуки в бокале. Воронежец не отрываясь глядел в бокал харьковчанина... Пошёл уже второй час ночи, и Пилюгин чувствовал жуткую усталость. Такого напряжения не было даже в прошлом году во время рекордной плавки, когда двое суток без сна и отдыха он провел у мартена. Все эти итальянские дни он чувствовал себя человеком, которому за свои восемьсот пятьдесят рублей доверили беречь какую-то страшную тайну. И ещё эти чёртовы лиры, лиры, лиры... Куда лучше, спокойнее было с рублём, что каждое утро, кроме субботы и воскресенья, выдавала жена Любаша.

Сейчас у Пилюгина оставалось единственное желание: как-то пережить этот стриптиз, перемочь завтрашний день, а — послезавтра живым или мёртвым сесть в поезд, который повезёт их домой. Он уж, было, подумал, что пронесёт, что ввиду позднего часа или болезни этой стриптизёрки чуждое явление отменили. Но вдруг где-то сзади зажётся свет, сбоку захлопали, и музыка стала громче.

Мамаладзе напрягся, ноздри его вздулись, на шее выступили вены.

— Блондинка,— сказал он,— я спинным мозгом чувствую — блондинка!

— Тощенькая, да к тому же в возрасте. Не на что смотреть,— объяснил старший и достал из кармана полевой бинокль.

Харьковчанин тем временем отсосал из бокала очередную порцию и так проворно и лихо, что никто опять не успел опомниться, повернулся со стулом на сто восемьдесят градусов.

— Так, мужики, сейчас будет платье снимать,— обрадовал он.

— Ну и пусть снимает,— тихонько сказал воронежец. Он манипулировал соломинкой и в конце концов как бы невзначай сунул ее в бокал харьковчанина. После этого, так же как бы невзначай, припал к соломинке ртом. Золотистый коктейль стал быстро убывать.

— Осталась в неглиже,— продолжал комментировать харьковчанин.

Слову «неглиже» почему-то жутко обрадовался Бельдыев. Он вдруг захлопал в ладоши, громко засмеялся, но старший тут же засунул оленеводу в рот горсть ледяных кубиков из его же бокала.

— Ну, а сейчас... — торжественно оповестил харьковчанин.

— Слушай, дорогой,— взмолился Мамаладзе,— я тебя не как садиста, я тебя как человека прошу, не мучай... Хочешь, летом ко мне в Батуми приезжай, я тебе койку бесплатно — ну, за два рубля в сутки сдам... только помолчи, дорогой...

Пилюгин смотрел на сладко спящего Толетбаева. Нарастающий за спиной стриптиз и удущье от накрепко затянутого галстука рождали в утомлённом мозгу страшные картины. Сомкнув веки, он сразу увидел вокзал в Нижнем Тагиле, бескрайнюю толпу родственников, соседей, горожан. Они запрудили платформу, железнодорожные пути, привокзальную площадь. Он представил, как тесть и свояк извлекают его через окно вагона и по-быстрому тащат на руках в сторону родимого дома. «Пока-аж, чего привёз?!!» — стонет людское море. «А ну поберегись!!» — рокошет тёща, пробивая путь. У дома его кладут на скамеечку: «Отдохни с дороги, Колюня... » И он одиноко лежит на скамеечке у родимого дома, ему тихо воркуют голуби мира, а в доме под итальянскую мелодию, что разучил на баяне свояк, Любаша, теща, сестра, детишки, племянники, соседи и другие одарённые синхронно скидывают свои и примеряют заграничные вещи. «Я ж говорила! Я ж говорила! — плачет навзрыд Любаша.— Его в наш лабаз нельзя посылать, не то что в Италию!» «Эй, турист, ты на кого брал?!» — орёт тёща. «Я ж как лучше хотел, как лучше... » — тихо лопочет Пилюгин, но его уже подхватывают на руки и ногами вперед по-быстрому несут на вокзал, суют в окно и закидывают следом его чемоданы. «Меняй размеры, турист!» — хором кричат люди, упираясь в поезд и неумолимо толкая его в сторону Италии.

Aufgaben:

Wann wurde diese Erzählung geschrieben? Suchen Sie Hinweise dafür im Text.

Wann wurde es den Sowjetbürgern erlaubt, als Touristen ins kapitalistische Ausland zu fahren?

Welche Länder galten am längsten als «verbotene»? Welche Länder wurden von den Russen vor der Revolution 1917 und welche danach am häufigsten besucht? Warum?

Wann hat sich der «eiserne Vorhang» (железный занавес) über der Sowjetunion erhoben und wie sah es danach mit den Auslandstouren aus?

Befragen Sie Ihren Dozenten über seine Erfahrungen bezüglich Reisen außerhalb des Heimatlandes vor 1990. Was bedeutete damals für den Russen im Ausland der Begriff: «старший тургруппы»?

Welche Russen dürften früher ins Ausland reisen und wer hat solche Touren vorbereitet?

Vertreter welcher Nationen sind uns im Text vorgestellt worden? Geben Sie jedem eine ausführlichere Charakteristik. Warum erscheinen die Helden eher als lebendige Menschen, denn als Stereotypen?

Versuchen Sie, das Wort «бдительность» adäquat ins Deutsche zu übersetzen. Weshalb treffen Sie dabei auf Schwierigkeiten?

Was bedeuten folgende Wörter und Redewendungen: блесна, мотыль, угробленные (деньги), дать на что-либо «добро», приподнятое настроение, ломаный русский язык, попытка обречена на

провал, выразить (общее) мнение, (быть) за рулём, (женщина) в возрасте, полевой бинокль, сдать койку, запрудить, тесть, свояк, тёща, лопотать?

Kennen Sie die Geschichte der folgenden Wörter: скопом, занемочь, самокрутка, наяву, зазор, хлобкороб, тубитейка, цедить, мартен (печь), невзначай, неглиже?

M. Gorodinskij

Striptease

Das Land Italien war zwar schön, aber quälend. Gegen Abend war Piljugin schrecklich erschöpft, von der Hitze, der Wachsamkeit und der Sparsamkeit und wegen des schnellen Gehens in der Touristenschar. Nachdem er seine Sandalen abgestreift hatte und - endlich - seine von Neapel ermüdeten Füße ausstrecken konnte, legte er sich hin.

Seinen Hotelzimmernachbarn, den Hirschtreiber Bel'dyev fraß die Nostalgie. Die ersten Tage hatte er sich noch irgendwie gehalten und während der Exkursion in Rom hatte er sogar der Exkursionsleiterin eine Frage gestellt. Er fragte, ob sie denn wisse, wie man einen Hirsch einspannt. In Florenz kaufte er eine Seifenschale, einen Köder und vom Einzelhändler Fischfutter. Danach verlor er gänzlich das Interesse und erkrankte. In der vergangenen Nacht wachte Piljugin wegen eines eigenartigen Geräusches auf. Bel'dyev saß auf dem Boden, rauchte eine Zigarette, die aus einem tausend Lire Schein gedreht war, schaukelte und sang mit einer dünnen Stimme: «Nar'jan-Mar, Nar'jan-Mar, das Städtchen ist nicht groß und nicht klein...»

Jetzt lag Bel'dyev auf dem Rücken quer über das Bett und flüsterte etwas in seiner nordischen Sprache. Piljugin schlief sofort ein und begann den Traum zu sehen, den er schon in der ersten Nacht dieser ausländischen Reise geträumt hatte und den er seitdem sogar in wachem Zustand träumte. Er sah einen dickflüssigen, hausgemachten Boršč mit Inselchen aus saurer Sahne mit einem Stück Schwarzbrot, das man essen kann, ohne die verschwendeten Lire zu zählen. Gleich müssten schon die hausgemachten Pel'meni mit Butter und Pfeffer erscheinen. Aber stattdessen klopfte es laut an die Tür, und ohne die Antwort abzuwarten, trat der Leiter ihrer Touristengruppe ein.

— Macht euch fertig, Genossen, — sagte laut der Leiter, — man hat uns die Genehmigung für Striptease erteilt!

Piljugin verstand nichts, aber er kletterte aus dem Bett und begann sich fertig zu machen.

— Stehen Sie auf, Bel'dyev! — sagte der Leiter. — Wir gehen in eine Nachtbar!

— Ich will in keine Bar, ich will nach Nar'jan-Mar, — jaulte reimend der kleine Bel'dyev.

Der Leiter wollte etwas erklären, aber dann überlegte er es sich anders, zog Bel'dyev vom Bett, steckte ihn in seine Klamotten, nahm beide Touristen kräftig unter die Arme und führte sie nach unten in die Hotelhalle, wo die restlichen Männer der Gruppe dösten.

— Genossen! — weckte sie der Leiter. — Wir sind die erste Touristengruppe, der man anvertraut hat — den hiesigen Striptease anzuschauen. Sie verstehen natürlich, was für eine Verantwortung auf uns in diesem Zusammenhang fällt. Sind denn alle bereit dieses hässliche Geschehen richtig zu sehen?

Die Männer schwiegen.

— Genossen! — fuhr der Leiter fort. — Wie sollte sich, eurer Meinung nach ein stolzer, unversöhnlicher Mensch, der von seiner Zukunft überzeugt ist, verhalten, wenn eine fremde Frau in einem fremden Land, in Begleitung einer für ihn fremden Musik, sich eine für ihm fremde Kleidung auszieht? Dazu nicht einfach so, sondern für Geld?

— Er sollte zu ihr gehen und sagen: «Du bemühst dich umsonst, Freundin! Ziehe alles wieder an und gehe zurück zu deiner Familie!» — nahm ein rothaariger Tourist aus Voronež an.

— Falsch — sagte der Leiter, — das ist grob und nicht europäisch. Sie werden denken, dass Sie — ein Mensch mit engem Blickfeld sind und bei sich in Voronež noch nie einen Striptease gesehen haben. Kommen Sie, wir betrachten eine analoge Situation. Sie stehen bei sich Zuhause am Fenster, und am Fenster gegenüber steht und schaut zu Ihnen eine entblößte Frau. Ihre Reaktion?

— Na, ich stehe noch eine halbe Stunde und gehe dann weg.

— Wohin gehen Sie?

— In ein anderes Zimmer. Dort habe ich auch ein Fenster, nur größer.

— Und was empfinden Sie dabei?

— Dabei fühle ich die Zuversicht in den morgigen Tag.

— Für wen halten Sie mich? – fragte der Leiter mit einem wütenden Flüstern.

— Und für wen halten Sie mich? – erwiderte der Tourist aus Har'kov.

Überhaupt war dieser Har'kover irgendwie verdächtig. In Rom hat sich unerwartet herausgestellt, dass er weiß, wann und von wem diese Stadt gegründet wurde.

— Ich gehe nicht! — teilte plötzlich der Tourist Mamaladze aus Batumi entschlossen mit. Seine Hände und Lippen zitterten. — Ich gehe nirgendwo hin ...

— Warum denn das? — interessierte sich der Leiter.

— Ich bin mir nicht sicher, dass ich richtig reagieren werde. Ich bin ein spezieller Mensch, ein südlicher. Ohne Nahrung halte ich es eine ganze Woche aus. Ohne Wasser fünf Tage. Ohne Frauen, natürlich auch... einige Stunden am Tag... Aber wenn ich befinde mich, wie man sagt ... in diesem... in einer gehobenen Stimmung.

— Davon kann keine Rede sein, Mamaladze! Sie wissen doch, was für eine Situation auf der Welt herrscht! Und wir müssen Sie hier alleine lassen und auch noch in solch einer Stimmung...

Der Leiter hob seine linke Hand, schaute auf die Uhr, hob seine rechte, schaute auf die zweite Uhr, stellte alle der Größe nach auf, zählte sie, indem er die Finger umbog, zog den Gurt bei Bel'dyev fester und befahl: «Vorwärts!»

In der Nachtbar spielte leise Musik. Es gab wenig Menschen. Der heran gesprungene Italiener zeigte auf die freien Plätze in der Nähe der Bühne, die noch leer war und sich im Halbdunkel befand.

— Dort wird es Ihnen gut gehen, — erklärte er in einem gebrochenen Russisch.

— Nein, nein, danke, uns wird es dort besser gehen, — sagte der Leiter im gleichen gebrochenen Russisch, und die Gruppe begab sich im Marschschritt in die hinterste Ecke des Saals.

Man setzte sich nicht sehr lange. Zirka vierzig Minuten. Natürlich wäre am besten gewesen, wenn alle mit dem Rücken zum kommenden Striptease gesessen hätten. Aber die Tische waren rund und wie man es auch versuchte, irgendeiner war immer mit dem Gesicht, in bestem Falle – mit der Seite zur Bühne. Endlich, nach zahlreichen Umsetzversuchen, erstarrte die Gruppe auf folgenden Positionen: Mamaladze aus Batumi befand sich zur Bühne streng mit dem Rücken. Irgendwelche Versuche seinerseits sich umzudrehen oder sich einfach zu bewegen, waren zum Scheitern verurteilt: links klemmte man ihn mit dem Hirschtreiber Bel'dyev fest und an der rechten Seite der zu kluge Tourist aus Har'kov, dessen mögliche Bewegungen, seinerseits Piljugin eingrenzte. Er war so gesetzt worden, dass zwischen ihm und dem Touristen aus Har'kov überhaupt kein Abstand blieb. Den Bel'dyev stützte man mit dem rothaarigen Mann aus Voronež. Mit dem Gesicht nach vorne saßen: der fünfundsiebzigjährige Baumwollarbeiter Toletbajev aus Turkmenien mit einer Tjubeteika⁴⁵ auf dem Kopf und der Leiter.

Der dunkelhäutige Kellner brachte die Menükarte.

— Irgendwie wollen wir heute nichts, — äußerte sofort die gemeinsame Meinung der Leiter, in dem er eilig die Karte zur Seite schob. Er machte dem Kellner ein Zeichen, lächelte und erklärte: — Leider, Bambino, sind wir alle am Steuer...

— Übrigens, an einem, — fügte gesprächige Voronežer hinzu.

— Also, seien Sie so nett, sechs Portionen Sodawasser. Ohne Whisky! — bestellte der Leiter und, damit, Gott bewahre, man nicht umgekehrt brachte, wiederholte er zwei Mal, was ohne was.

Der Kellner verneigte sich und ging weg, aber der Tourist aus Har'kov rief ihn zurück.

— Und ich werde vermutlich das Auto hier lassen und zurück mit dem Taxi fahren, — verkündete er, —also, bringen Sie mir einen Cocktail...

Was für einen Geschmack der Whisky ohne Sodawasser hat, wusste Piljugin nicht. Aber Sodawasser ohne Whisky hat er offenbar schon seit seiner Kindheit auf der Straße in Nižnij Tagil für eine

⁴⁵ Тюбейка — die Kopfbedeckung mittelasiatischer Art.

Kopeijke, und sehr oft – für einen Schlag auf den Automaten mit der Faust getrunken. Einmal mit seiner Frau Ljubascha haben sie so auf den Automaten gehaut, dass sogar Eis und ein Strohhalm herausfielen.

Das Sodawasser trank man schweigend. Der bis zur völligen Unbeweglichkeit eingeklemmte Mamaladze, schaute ohne zu blinzeln auf Toletbajev, als ob der Baumwollbauer sich ausziehen müsste. Der alte Toletbaev in Erwartung des Striptease hob immer wieder den heruntergefallenen Kopf und fing seine Tjubetejka auf. Bel'dyev angelte aus dem Glas die Eiswürfel und lutschte sie. Danach spuckte er alles wieder aus und wie ein Arzt, das Ohr an den Strohhalm haltend, hörte er die Töne im Glas. Der Tourist aus Voronež schaute unentwegt in das Glas von Har'kover... Es war schon nach ein Uhr nachts, und Piljugin fühlte eine schreckliche Müdigkeit. So eine Anspannung gab es nicht einmal letztes Jahr in der Zeit der Rekordschmelze, als er ganze zwei Tage ohne Schlaf und Erholung am Schmelzofen verbrachte. All die italienischen Tage fühlte er sich als ein Mensch, dem man aufgetragen hatte für seine achthundert und fünfzig Rubel irgendein schreckliches Staatsgeheimnis zu hüten. Und dann auch noch diese Teuflischen Lire, Lire, Lire... Wo es besser war, ruhiger mit dem Rubel, den jeden Morgen, außer am Samstag und Sonntag, ihm die Ehefrau Ljubaša herausgab. Jetzt hatte Piljugin nur einen einzigen Wunsch: irgendwie diesen Striptease zu überleben, den morgigen Tag zu überstehen, und übermorgen tot oder lebendig sich in einen Zug zu setzen, der ihn nach Hause bringt. Er hat schon gedacht, dass es vorbeigeht, dass wegen der späten Stunde oder Krankheit dieser Stripperin, man das komische Geschehen absagt. Aber plötzlich irgendwo hinten ging das Licht an, von der Seite begann man zu klatschen, und die Musik wurde lauter.

Mamaladze spannte sich an, seine Nasenlöcher wölbten sich, am Hals traten die Adern hervor.

— Eine Blondine, — sagte er, — ich spüre es bis ins Rückenmark — eine Blondine!

— Dünn, und dazu noch bejahrt. Es gibt nichts zu sehen, — erklärte der Leiter und holte aus seiner Tasche ein Fernglas.

Har'kover saugte aus dem Glas eine weitere Portion und drehte sich so flink mit dem Stuhl um hundertachtzig Grad, dass niemand es schaffte, ihn daran zu hindern.

— So Männer, sie wird jetzt gleich ihr Kleid ausziehen, — erfreute er die anderen.

— Na, dann soll sie es tun, — sagte leise der Voronežer. Er manipulierte seinen Strohhalm und letztendlich, wie unbeabsichtigt, steckte er ihn in das Glas von Har'kover. Danach, genauso, ohne Absicht, näherte er sich mit dem Mund dem Strohhalm. Der goldene Cocktail begann sich schnell zu verringern.

— Sie ist im Negligé geblieben, — fuhr Har'kover fort zu kommentieren.

Über das Wort «Negligé» freute sich irgendwarum der Bel'dyev. Er fing plötzlich an in die Hände zu klatschen, und laut zu lachen, aber der Leiter steckte dem Hirschtreiber sofort einen Eiswürfel aus seinem Glas in den Mund.

— Und gleich... — teilte feierlich Har'kover mit.

— Hör mal, Lieber,— betete Mamaladze, — ich bitte dich nicht wie einen Sadisten, ich bitte dich wie einen Menschen, quäle mich nicht ... Wenn du willst, dann komm im Sommer zu mir nach Batumi, ich gebe dir ein Bett kostenlos — sagen wir, für zwei Rubel pro Nacht... aber schweige jetzt, Lieber... Piljugin schaute auf den süß schlafenden Toletbajev. Der hinter dem Rücken ausufernde Striptease und die zum Ersticken zugebundene Krawatte entwickelten in dem ermüdeten Geist furchtbare Bilder. Sobald er die Augenlider geschlossen hatte, sah er vor sich den Bahnhof in Nižnij Tagil, eine unendliche Menge von Verwandten, Nachbarn, Stadtbewohnern. Sie verstopften den Bahnsteig, die Gleise und den Bahnhofsvorplatz. Er stellte sich vor, wie seine Schwiegermutter und Schwager ihn aus dem Fenster des Waggons herauszerrten und auf den Händen in Richtung seines Hauses schleppten. «Zeig mal, was du mitgebracht hast?!» – jammerte die Menschenmenge. «Pass auf!!» – rattert die Schwiegermutter, sich den Weg freimachend. Vor dem Haus legt man ihn auf die Bank: «Ruh dich aus, Koljunja ...», — und er liegt einsam auf der Bank vor seinem Haus, leise gurren die Friedenstauben und im Haus, bei italienischer Musik, was der Schwager auf der Harmonika gelernt hatte, ziehen sich synchron Ljubaša, Schwiegermutter, Schwester, Kinder, Neffen, Nachbarn und andere Beschenkten aus und probieren die Sachen und Klamotten aus dem Ausland an. «Ich habe es doch gesagt! Ich habe es doch gesagt!» – weint erbärmlich Ljubaša. – «Man darf ihn nicht in unseren Dorfladen schicken, geschweige denn nach Italien!» «Hey, Tourist, für wen hast du das eingekauft?!» – schreit die Schwiegermutter. «Ich wollte doch das Beste...» – sagt Piljugin leise, aber man hebt ihn schon hoch und mit den Füßen nach vorne trägt schnell auf den Bahnhof, steckt durch das Fenster und wirft seine Koffer hinterher.

«Tausche die Größen um, Tourist!» — schreien die Menschen im Chor, sich gegen den Zug lehnd und ihn gnadenlos in Richtung Italien stoßend.

С. АЛЬТОВ

Фортель

Никак понять не можете! Никакого хулиганства не было! Женская честь не затронута была ничем. Но я не мог поступить иначе. Я за всех нас плавки снял. И за Вас тоже, товарищ милиционер. Да, можно снять с низкой целью, но я-то снял их с высокой! Помыслы мной владели самые благородные.

Что значит «как могло прийти в голову»? Все зависит от строения головы. Тут один товарищ похвастался, как довелось в Венгрии лежать на пляже, и пятками ему в нос загорала парочка то ли итальянцев, то ли французов, во всяком случае, магнитофончик был японский. Под музыку целовались, потом встали, он плавки снял, шорты надел и пошли! Не понимаете, в чём криминал? Следите мысленным взором за последовательностью: при всём честном народе плавки снял с себя. А потом шорты надел на себя. А в промежутке криминал все и увидели! Но главное, как товарищ сказал, загорающая общественность на эту деталь — ноль внимания! Будто человек при них не плавки снял, а очки! Ничего себе, фортель!

Вот тут я и ляпнул: «Подумаешь! Да у нас любой снимет не хуже Вашего итальянца! А может, и лучше получится!» Ну, выпорхнуло изо рта. Язык чёртов с незапамятных времён борется за независимость от мозгов. Тот тип обрадовался: «На спор, не снимешь! На червонец спорим! Что ты из себя итальянца строишь?» Понимаете, какие внутривенные струны задел? Как говорится, честь государства затронута. Тут бы и Вы сняли, товарищ милиционер!

Короче, со словами: «Это я-то не сниму?!» — вскакиваю посреди пляжа, воздуха в грудь, руки на пояс, вниз — раз! И стоп! Не идет рука дальше тазобедренного сустава! Будто государственная граница пролегла! Этот тип слюнями побрызгал и говорит: «Ну, «итальянец»?! Надо бы с тебя в лирах взять, но, как договорились, — червончик пришли!» Отдал. И не столько денег жалко, сколько за державу обидно. Итальянец смог, а я нет?

Пришёл в гостиницу, разделся, лёг и думаю: «Почему забуксовал? Да, кое в чём они нас во всём обошли, Бог с ними. Наш уровень жизни — их уровень смерти. Но тут экономика ни при чём. Так почему не снял? Неужели нечего им противопоставить? Подошел к зеркалу — есть что противопоставить! Неудобно? Кому? Людям? Я же не с них плавки стягивать собираюсь. Может, нельзя? Где написано: «Плавки снимать воспрещается!» А всё, что не запрещено, — разрешено! Я ж не за красными буями снимать собираюсь! Что за сила нас в плавках удерживает?»

Утром вышел на пляж морально хорошо подготовленный, исходную позицию занял, зажмурился, мысленно прокрутил комбинацию, руки на пояс и, как штангист штангу вверх, так я нечеловеческим усилием жму плавки вниз! Р-раз! Урал Руки аж до ступней дотянулись! Глаза открываю: руки внизу, а плавки на месте! Проскочил! Попытка мне не засчитывается! Пять дней выходил на пляж, как на помост, — безрезультатно! Не считая пятидесяти рублей, которые тому типу отдал!

А уже народ в курсе. Относятся с пониманием. Предлагали снять с меня плавки или, наоборот, напоить, чтобы сам снял. Шептали, что есть надёжные ребята, ночью в подворотне снимут всё и недорого. Но я объяснил, что должен совершить акт сам, на трезвую голову, элегантно, при

стечении народа, но не привлекая внимания. Надо доказать, что кое в чём мы не хуже итальянцев! Как бы мирное соревнование двух систем! А то они думают, тут всё по команде! Надеть, снять, надеть, снять! Точно стадо! А личность, она снимает плавки где и когда ей вздумается!

И всему пляжу стыдно стало, что такую ерунду себе позволить не можем. Но никто добровольцем не вызвался. Говорят: «Каждый должен начать с себя», — и на мои плавки смотрят пристально.

Старичок-отдыхающий, в белой панаме, речь произнес:

— Что ж Вы плавки снять с себя в затруднении? Что «неприлично»? А всё остальное вокруг — это прилично? Плавать в море, точнее, в том, в чём Вы плаваете, — прилично? Вон за забором на интуристовском пляже из шезлонгов холодное пиво пьют, а мы лежим друг на друге, через копірку загораем, — это прилично? Хотя земля наша, пиво наше, заборы наши! Так жить — неприлично! А Вы из плавков проблему делаете! Тьфу на Вас!

Ему сказали: «Если ты, дед, такой умный, взял бы и снял бы!» А старик в ответ с грустью: «Поздно, юноша. Мне снимать не с чего». Сказал и ушёл.

Ночью шквал поднялся, — унесло с пляжа все раздевалки в море. Переодеться людям негде. Слева — кустик мужской, справа — стебелёк женский. За ними и переодеваются. Кто в простыню завернется, кто в полотенце, кто зонтиком прикрыться норовит, одна дамочка — веером. Ну, цирк! На одной ноге прыгают, как цапли, падают носом в песок, с одной стороны закроются, а с другой — занавес поднят. Мальчишки довольны: они и не думали, что ураган бывает с такими последствиями! Визг, писк! Ну, маскарад, только не итальянский, а наш.

И на интуристовском пляже на все это смотрят в бинокли, пивком запивая. И так больно за нас стало! «Если не ты, то кто?! — сказал я себе такие слова. — Завтра или никогда!»

Ночью вышел на берег моря. Вокруг смех, визг, в темноте народ гольшом купается, без стеснения, чувствует себя раскрепощённо. Потому что в темноте! Неужели для того, чтобы мы себя свободными людьми почувствовали, обязательно темно должно быть?!

Тут подходит пограничник с автоматом, честь отдаёт и спрашивает:

— О чем думаем? В двадцать три часа сорок считаете, в погранзоне?

Рассказал я ему всё, как есть. Вздохнул пограничник и сказал:

— Слушай,ними завтра плавки! Покажи им, где раки зимуют! За нас всехними, браток!

Пришёл я утром на пляж, и чувство внутри такое, будто за мной вся страна стоит и на плавки смотрит.

— Граждане! — крикнул я. — Друзья! Соотечественники! Сейчас у вас на глазах, как бы невзначай, я сниму плавки, надену шорты. Прошу не обращать на это никакого внимания.

Ведите себя естественно, как и подобает. Приготовились! Внимание! Раз! Два!.. — не успел я сказать «три», как все разом отвернулись. И женщины. И мужчины.

— Товарищи! — кричу. — Вы не поняли! Повторяю задачу: вы должны сделать вид, будто ничего страшного не происходит. Не отворачивайтесь, смотрите правде в глаза, а то как же я потом докажу, что произошло снятие! Просто нет раздевалки, и мне удобнее переодеться здесь. Это естественно! А вам на это наплевать должно быть! Вы бывали в музеях, видели шедевры мирового искусства, там же не отворачивались, терпели! Смотрите на меня, как на обычный шедевр. Мол, тьфу на него!

Кто-то говорит:

— Да как же смотреть на голого, когда сами все одетые тут! Не в бане же!

А женский голосок пискнул: «Вот если бы мы в бане...»

Толстяк в кепочке по лбу себя хлопнул: «Сделаем!» И через полчаса подогнал машину с мочалками. Раздал, и люди дружно начали мыться. Визг, смех, «потрите спинку!» Мыла нет, но неважно! Всё так естественно! И сказал я себе: «Ну, гад, снимай!» Раз! Два! Три! И плавки проклятые, наконец, сорвал с себя вместе с кожей! А все ноль внимания! Молодцы! Знай мочалками без мыла друг дружку трут! То есть вышло всё как у итальянцев. Ну, конечно, на интуристовском за забором обалдели от такой нашей раскрепощённости! К решётке прижались, глаза и бинокли стали квадратные! Вот так мы им нос утёрли.

Куда? В отделение? Теперь хоть на край света, товарищ милиционер! Минуточку! Только автограф даме дам, плавки надену и пойдём!

Aufgaben:

Was verstehen die Russen unter dem Wort «unanständig»? Ist dies in Europa genau so?

Was bedeutete für einen Sowjetmenschen — frei zu sein, eine Persönlichkeit sein? Was bedeuten diese Begriffe für Sie?

Übersetzen Sie ins Deutsche: фортель, затронуть (женскую) честь, благородные помыслы, прийти в голову, во всяком случае, при всём честном народе, ляпнуть, выпорхнуть изо рта, червонец, задеть струны (душевные), брызгать слюной, уровень жизни, занять исходную позицию, быть в курсе дела, при стечении народа, поднялся шквал, норовить, сорок считать, как подобает, невзначай, разом, утереть нос, дать автограф.

S. Al'tov

Fortel (Streich)

Wieso können sie es nicht verstehen! Es gab keinen groben Unfug! Die Ehre der Frauen wurde durch nichts verletzt. Ich konnte doch nicht anders handeln. Ich habe für uns alle die Badehose ausgezogen. Auch für Sie, Genosse Polizist. Ja, man kann sie mit einer niederen Absicht ausziehen, aber ich zog sie aus mit einer hohen Absicht! Von mir haben die edelsten Gedanken Besitz ergriffen.

Was heißt: «Wie konnte jemanden so etwas in den Kopf kommen?» Alles hängt vom Bau des Kopfes ab. Ein Genosse hat hier mal angegeben, was er in Ungarn erlebt hat: Er lag am Strand und mit den Fersen zu seiner Nase – sonnte sich ein Pärchen, entweder Italiener oder Franzosen, auf jeden Fall hatten sie einen japanischen Kassettenrekorder. Sie küssten sich zur Musik, danach standen sie auf, er zog seine Badehose aus, zog Shorts an, und sie gingen! Verstehen Sie nicht, was daran kriminell ist: Vor dem ganzen ehrlichen Volk zog er sich die Badehose aus. Und danach hat er sich die Shorts angezogen. Und in der Zwischenzeit haben alle das Kriminelle gesehen! Aber die Hauptsache, wie der Genosse mitteilte, bestand darin, dass die sich sonnende Öffentlichkeit keine Notiz davon nahm! Als ob der Mensch sich vor ihnen nicht die Badehose ausgezogen hat, sondern eine Brille! Was für ein Streich!

Da lasse ich fallen: «Nichts Besonderes! Bei uns zieht sich jeder Beliebige nicht schlechter aus, als euer Italiener! Vielleicht wird es sogar besser klappen!» Es ist mir einfach aus dem Mund herausgeflattert. Die verdammte Zunge kämpft schon seit undenkbaren Zeiten für die Unabhängigkeit vom Gehirn. Der Typ freute sich: «Wetten, du ziehst dich nicht aus! Wetten wir um fünfzig Rubel! Was spielst du hier einen Italiener?» Verstehen Sie, welche intravenösen Seiten er berührt hat? Wie man so sagt, war die Ehre des Staates in Frage gestellt. Da hätten Sie sich auch ausgezogen, Genosse Polizist!

Kurz gesagt, mit den Worten: «Ich werde mich nicht ausziehen?!»- springe ich inmitten des Strandes auf, atme tief ein, stelle die Hände auf die Hüften, runter — eins! Und Stopp! Die Hand geht nicht weiter, als bis zum Hüftbeckengelenk! Als ob da eine Staatsgrenze liegt!

Der Typ geiferte und sagte: «Na, "Italiener"?! Man sollte von dir in Lire abkassieren, aber wie abgemacht gib mir fünfzig Rubel!» Ich gab. Aber es ist nicht so schade um das Geld, sondern um das Heimatland. Der Italiener konnte es, und ich nicht?

Ich kam ins Hotel, zog mich aus, legte mich hin und dachte: «Warum habe ich gekniffen? Ja, mit ein paar Dingen haben sie uns in allem überholt, Gott sei mit ihnen. Unser Lebensniveau ist ihr Todesniveau. Aber in meinem Fall kann die Wirtschaft nichts dafür. Also, warum habe ich mich nicht ausgezogen? Kann es sein, dass ich ihnen nichts entgegenstellen kann? Ich trat an den Spiegel – ich konnte ihnen wohl etwas entgegenstellen! Es ist unanständig? Für wen? Für die Menschen? Ich habe

doch nicht vor, ihnen die Badehosen auszuziehen. Vielleicht darf man es nicht? Aber wo steht geschrieben: «Badehosen ausziehen verboten!» Und alles, was nicht verboten ist, — ist erlaubt! Ich will mich doch nicht hinter den roten Bojen ausziehen! Welche Kraft hält uns in den Badehosen fest? Am Morgen trat ich moralisch gut vorbereitet an den Strand, nahm die Ausgangsposition ein, kniff die Augen zusammen, ging in Gedanken die Kombination durch, stellte die Hände auf die Hüfte und, wie ein Gewichtheber die Hantel hoch stemmt, so drückte ich mit einer unmenschlichen Anstrengung die Badehose nach unten! Eins! Hurra! Die Hände haben sogar bis zu den Fußsohlen heruntergereicht! Ich öffne die Augen: die Hände sind unten, aber die Badehose ist auf ihrem Platz! Hab sie verfehlt! Der Versuch wird mir nicht angerechnet! Fünf Tage lang trat ich an den Strand wie auf ein Podium ohne Ergebnis! Abgesehen von den fünfzig Rubeln, die ich bei diesem Typ gelassen habe!

Das Volk ist schon im Bilde. Behandelt mich mit Verständnis. Man hat sogar angeboten, mir die Badehose auszuziehen oder umgekehrt, mich so abzufüllen, dass ich sie selbst ausziehe. Man flüsterte, dass es zuverlässige Jungs gibt, die nachts im Torweg für wenig Geld alles ausziehen. Aber ich erklärte, dass ich selber diesen Akt durchführen muss, mit nüchternem Kopf, elegant, inmitten des versammelten Volkes und zwar, ohne Aufmerksamkeit auf mich zu ziehen. Es muss bewiesen werden, dass wir in irgendetwas nicht schlechter sind, als die Italiener! So gesehen, ein friedlicher Wettkampf zwischen zwei Systemen! Sonst denken sie, hier läuft alles auf Befehl! Anziehen, ausziehen, anziehen, ausziehen! Wie eine Herde! Aber eine Persönlichkeit, zieht die Badehose aus, wo und wann es ihr einfällt!

Und da wurde es dem ganzen Strand peinlich, dass man sich so einen Quatsch nicht erlauben kann. Aber niemand meldete sich als Freiwilliger. Man sagte: «Jeder muss bei sich anfangen», — und schaute durchdringend auf meine Badehose.

Ein sich sonnender Greis mit einem weißen Panamahut hielt eine Rede:

«Warum genieren sie sich, die Badehose auszuziehen? Was, heißt hier «unanständig»? Und alles andere drum herum – ist das anständig? Im Meer zu schwimmen, genauer gesagt, in dem was sie dafür halten, — ist das anständig? Da hinter dem Zaun, am Intourist-Strand in den Liegestühlen, trinken sie kaltes Bier, und wir liegen hier aufeinander und sonnen uns durch Durchschlagpapier, — ist das anständig? Obwohl das Land unser ist, das Bier, die Zäune! So zu leben ist unanständig! Und Sie machen aus der Badehose ein Problem! Pfui auf Sie!»

Man sagte zu ihm: «Wenn du, Opa, so klug bist, dann zieh dich doch aus!» Aber der Alte antwortete mit Trauer: «Zu spät, junger Mann. Ich habe nichts, was ich vorzeigen kann». Sprach und ging.

In der Nacht erhob sich ein Sturm und die ganzen Umkleidekabinen wurden ins Meer gespült. Die Leute konnten sich nirgends mehr umziehen. Links ein Busch für Männer, rechts ein Grashalm für Frauen. Dahinter zieht man sich um. Einer wickelt sich in ein Bettlaken, ein anderer in ein Handtuch,

ein dritter ist darauf erpicht, sich mit einem Schirm zu bedecken. Eine Dame versucht es mit einem Fächer. Was für ein Zirkus! Man springt auf einem Bein wie ein Reiher, fällt mit der Nase in den Sand; von einer Seite verdeckt man sich und von der anderen ist der Vorhang hochgezogen. Die Buben sind zufrieden: Sie hätten nicht gedacht, dass der Sturm solche Folgen nach sich zieht! Gekreische und Gepiepst! So ein Karneval, nur nicht italienischer, sondern unser eigener.

Und auf dem Intourist-Strand schaut man sich das alles durchs Fernglas an, Bier hinunterspülend. Es tat mir so weh für uns alle! «Wenn nicht du, wer dann?» — sagte ich zu mir selbst. — «Entweder morgen oder nie!»

In der Nacht trat ich an den Strand. Um mich herum Gelächter, Gekreische, in der Dunkelheit badet das Volk nackt, ohne Scham, fühlt sich befreit. Weil es dunkel ist. Ist es möglich, dass es unbedingt dunkel sein muss, damit wir uns als freie Menschen fühlen?! Da kommt ein Grenzsoldat zu mir mit einem Maschinengewehr, salutiert und fragt:

— Woran denken Sie? Zählen Sie etwa die Elstern im Grenzgebiet um dreiundzwanzig Uhr vierzig? Ich erzählte ihm alles, wie es ist. Der Grenzsoldat seufzte und sagte:

— Hör mal, zieh morgen die Badehose aus! Zeig ihnen, wo die Krebse überwintern! Zieh sie für uns alle aus, Brüderchen!

Ich kam morgens an den Strand und hatte das Gefühl, als ob hinter mir das ganze Land steht und auf die Badehose schaut.

— Bürger! — rief ich. — Freunde! Landsleute! Gleich, vor euren Augen, wie unabsichtlich, werde ich die Badehose ausziehen und Shorts anziehen. Ich bitte sie, der Tat keine Beachtung zu schenken. Verhalten sie sich ganz natürlich, so wie es sein muss. Auf die Plätze! Achtung! Eins! Zwei!.. — ich habe es nicht geschafft «drei» zu sagen, als sich alle auf einmal umdrehten. Frauen und Männer.

— Bürger! — rufe ich. — Sie haben mich nicht verstanden! Ich wiederhole die Aufgabe: Sie müssen so tun, als ob nichts Schreckliches geschieht. Drehen sie sich nicht um, schauen sie der Wahrheit in die Augen. Wie soll ich sonst danach beweisen, dass das Ausziehen stattgefunden hat! Es gibt einfach keine Umziehkabine, und es ist bequemer für mich, mich hier umzuziehen. Das ist natürlich! Und sie sollten drauf pfeifen! Sie waren doch in den Museen, und haben die Meisterwerke der Kunst gesehen. Dort haben sie sich doch auch nicht weggedreht, haben es ausgehalten! Schauen sie mich wie ein gewöhnliches Kunstwerk an. Sozusagen, pfui auf ihn!

Jemand sagt:

— Wie können wir denn auf einen Nackten schauen, wenn alle hier angezogen sind! Wir sind doch nicht in der Sauna!

Und ein weibliches Stimmchen piepste: «Wenn wir in der Sauna wären...»

Ein Dicker mit Kappe schlug sich auf die Stirn: «Machen wir es so!» Und nach einer halben Stunde fuhr er ein Auto mit Badeschwämmen heran. Verteilte sie, und die Leute fingen an sich zu waschen. Gekreische, Gelächter, «Scheuern Sie mir bitte den Rücken!» Es gab keine Seife, aber das ist unwichtig! Alles ist so natürlich! Und ich sagte zu mir: «Also, Mistkerl, zieh aus!» Eins! Zwei! Drei! Und ich riss die verfluchte Badehose endlich herunter, zusammen mit meiner Haut! Aber alle nahmen keine Notiz davon! Prachtkerle! Sie rieben sich gegenseitig mit den Badeschwämmen ohne Seife ein! Also ist alles so geworden, wie bei den Italienern. Natürlich, auf dem Intourist-Strand hinter dem Zaun wurde man ganz benommen von soviel Freiheit! Sie drückten sich an das Gitter, die Augen und die Ferngläser wurden quadratisch! So haben wir ihnen eins ausgewischt.

Wohin? Aufs Revier? Wenn nötig, auch bis ans Ende der Welt, Genosse Polizist! Eine Minute! Ich gebe der Dame nur ein Autogramm, ziehe die Badehose an und wir können gehen!

С. АЛЬТОВ

Хор

Последний раз Ниночка видела у директрисы такое лицо в апреле, когда стало известно, что Васильев, Никонов и Пузин после третьего урока отправились искать золото на Аляску, и неделю их не могли найти ни здесь, ни там.

Директриса закрыла за Ниночкой дверь, задёрнула занавески и при свете настольной лампы шепнула учительнице пения на ухо:

— Завтра будете выступать в австрийском посольстве!

— Слава Богу! Я уж подумала, что-то серьёзное! — обрадовалась Ниночка.

— Нина Васильевна! Не понимаю, чему Вы радуетесь?! — Елена Александровна навела на неё двустоволку близко посаженных глаз. — Можно подумать, Ваш хор по вечерам распевает в посольствах! Вы понимаете, какая это ответственность?!

— Так, может, не выступать? — упавшим голосом сказала Ниночка.

— Сказали: надо выступить! И предупредили: в случае чего... понятно? Соберите хор после уроков. Я буду говорить.

Когда Елена Александровна вошла в класс, крики чуть поутихли, а когда директриса трагическим голосом произнесла: «Товарищи!» — наступила гробовая тишина.

— Товарищи! Завтра у вас ответственнейшее мероприятие! Вам предстоит выступить в австрийском посольстве! Надеюсь, не надо объяснять, какая это честь и чем она может для вас кончиться? Я повторяю, Сигаев, не в грузинском посольстве, а в австрийском! Это не одно и то же. Другими словами, вы как бы отправляетесь за границу. Заграница — это местность, где

проявляются лучшие качества человека! Как в разведке! Ни на минуту не забывайте, что у вас самое счастливое детство из всех детств! Обувь почистить, уши вымыть! В туалет сходить заблаговременно, дома. Сигаеву подстричься как нравится мне, а не твоему папе. Чёлка - полтора пальца моих, а не его! Австрийцы говорят по-немецки, у вас — английский! Что бы ни предлагали, отвечать «данке шен», то есть спасибо! У наших австрийских друзей ничего не брать! Они должны понять, что у вас всё есть! Вы поняли? — повторила директриса. — У вас всё есть! Сигаев, и у тебя тоже! Руки в карманах не держать, матери пусть зашьют. Будут задавать вопросы — пойте! Будут угощать — не ешьте! И вообще, держитесь как можно раскованнее! Почитайте газеты, выясните, где эта Австрия, кто глава государства, чем занимается население... Кто сказал: «земледелием и бандитизмом»? Сигаев, не путай со своими родителями! Желаю отлично выступить и вернуться с победой!»

Директриса пошла к дверям улыбаясь и так приветливо помахивая рукой, что всем стало жутко. Расходились молча, по одному.

Всю ночь родители гладили, подшивали, мыли, стригли. Утром хористы появились в школе чистенькие, страшненькие, как привидения на выпускном балу.

Ровно в десять утра директрисе сообщили, что концерт отменяется. Хористы обрадовались так, как могут радоваться только дети, узнав, что учитель тяжело заболел и уроков не будет. Сама Елена Александровна улыбнулась четыре раза и прямо помолодела. Но оказалось, что помолодела она преждевременно. В половине двенадцатого ночи позвонили и сообщили, что принято решение выступать завтра в десять утра. После чего сказали «спокойной ночи» и повесили трубку.

За ночь каким-то чудом удалось оповестить всех участников. Снова родители стирали, гладили, пришивали, и утром дети, отутюженные до неузнаваемости, еле стояли на ногах. Пять человек предусмотрительно заболели.

Ровно в десять к школе подкатил иностранный автобус с тёмными, как пляжные очки, стеклами. Елена Александровна, по такому поводу в парадном кожаном пиджаке и юбке, надетой на левую сторону, проверила у всех ногти, уши, обняла крепко Ниночку, и траурная цепочка исчезла в транспортном средстве.

Минут через подъехали к трёхэтажному особняку. Ворота с чугунными кружевами распахнулись, и автобус мягко вкатился во двор, другими словами, за границу.

Навстречу вышла загорелая женщина в голубом платье и непонятно с какой стати заговорила по-русски. Наверное, приглашала идти за собой. Иностранная территория угнетала неестественной чистотой, и подозрительно пахло чем-то вкусным, очевидно, международным скандалом. Хористы подымались по лестнице, обходя расстеленный ковёр, прижимаясь к

240

стенам, но не касаясь их чистыми руками. У Потёмкина оборвалась пуговица, которую он нервно тискал свободной от Кирилловой рукой. Он хотел бросить пуговицу в урну, но, подумав, решил не рисковать, а просто сунуть пуговицу в карман. Карманы оказались зашитыми! Тогда Потёмкин принял единственно верное решение: незаметно для себя сунул пуговицу в рот и языком пристроил её к щеке слева.

В зальчике, где предстояло петь, около небольшой эстрады в креслах сидели пятеро взрослых и человек десять иностранных детей, одетых так аккуратно, будто они тоже должны были петь. Хористы парами стали взбираться на сцену, отчего возникла заминка, поскольку мальчишки, как учили, пропускали девочек вперед, при этом продолжая крепко держать каждую за руку. Блеснуть хорошими манерами в таком положении оказалось непростым делом.

Наконец, хор выстроился. Ниночка вышла вперед и, с трудом подбирая русские слова, увязая в прилипшем к гортани «данке шен», выговорила, что они рады присутствовать в этом зале у своих австрийских друзей. «Мы любим и знаем вашу страну, — бормотала Ниночка. — Особенно любим красавицу Вену, подарившую миру короля вальсов Штрауса и канцлера Крайского!»

Переводчица с трудом перевела, и, как бы поправляя причёску, наклонившись к Ниночке, шепнула: «Это не австрийское посольство, а венгерское!»

Ниночка качнулась от ужаса, лихорадочно соображая: что хуже, австрийское или венгерское? И ещё: международный это скандал или пока нет?!

Зрители ждали. Надо было что-то петь.

Ниночка отчаянно всплеснула руками, и хор, стиснув зубы, запел: «День рожденья только раз в году». Ребята пели, стоя плечом к плечу, мужественно вскинув головы, не мигая глядя в зал. Не знающему русского языка могло показаться, что это осуждённые на казнь поют последнюю песню.

Согласно утверждённому репертуару вторым шёл «Светит месяц». Солировать с третьего такта должна была Чистякова, но когда Ниночка сквозь взмах руки глянула на Иру, то поняла, что соло не будет! Чистякова стояла, закатив глаза, уронив набок голову, и не падала лишь потому, что с двух сторон ее подпёрли плечами Сигаев и Фокин. Ниночку обожгло: «Вот он, международный скандал!» Она продолжала машинально размахивать руками, и вдруг на двенадцатом такте песню повела Муханова, староста хора. В другой тональности, не тем голосом, но кто тут считает!

«Господи, миленькая моя!» — подумала Ниночка, непроизвольно загоняя темп. Ещё три песни — и, слава Богу, концерт кончился. Раздались аплодисменты. На сцену поднялся австро-венгерский посол, вручил Ниночке вымпел и тяжёлый альбом, на котором было

написано «Будапешт».

— Выходит, все-таки Швеция! — мелькнуло у Ниночки в голове. Она с ужасом смотрела, как дети спускаются со сцены и, значит, вот-вот рухнет потерявшая сознание Чистякова. Но со сцены спустились все! Сигаев и Фокин, зажав неживую Чистякову плечами, бодро снесли ее вниз и зашагали дальше с таким видом, будто с детства так и ходили втроем плечом к плечу.

— Фу! Обошлось! — имея в виду международный скандал, вздохнула Ниночка. Но оказалось, самое страшное — впереди! Гостей завели в зал, где был накрыт стол. И какой! Разноцветные бутылки с лимонадом, кока-колой, вазочки с пирожными, конфетами, жвачками! И все пахло так вкусно, что сводило челюсти! Потёмкин чуть не проглотил свою пуговицу. Посол сделал широкий жест рукой. Мол, угощайтесь. Провокатор!

Ребят тянуло к столу, но они устояли на месте. Так как смотреть на стол не было сил, все завели глаза к потолку и, сглатывая слюну, интересом принялись разглядывать роспись потолка, где упитанные амуры целились из луков в полуголых бессовестных женщин. Посол, все время рассказывая что-то смешное, налил Ниночке шампанского и предложил сигарету. Учительница пения не курила, но ухватила за сигарету и начала торопливо ее посасывать, тревожно обегая глазами маленьких сограждан, при этом улыбаясь послу и непринуждённо стряхивая пепел в карман его светлого пиджака.

В это время Сигаев (ох, этот Сигаев, что значит «неблагополучная семья»!) схватил бокал с лимонадом и опрокинул в рот. Это оказалось Ниночкино шампанское. Наступила жуткая пауза. Все ждали последствий. И они последовали буквально через две минуты. Алкоголь быстро впитался в кору детского головного мозга, и пьяный Сигаев устроил дебош! Он развязно взял из вазы пирожное и съел его! Потом взял второе и съел! Третье! Съел! Сунул в рот четыре конфеты разом! Под влиянием алкоголя, очевидно, забыв, что у него все это есть, Сигаев выпил два фужера шипящей кока-колы и, потянув посла за рукав, спросил: «А где игрушки? Витька говорил, у вас игрушки здоровские!»

Посол улыбнулся и распахнул дверь в соседнюю комнату. Все прошли вслед за ним. Да, игрушки были, действительно, здоровские! Полкомнаты занимала настоящая железная дорога. Поезда, вагончики, светофоры! Кто-то что-то включил, и красный паровозик, присвистнув, припустил по узким рельсам. При виде этого чуда Сигаев едва не протрезвел.

А в это время иностранные девочки показывали нарядных, словно живых кукол. Женская половина хора замерла в восхищении, и только староста Муханова, не растерявшись, очень к месту сказала: «А по запасам железной руды мы превосходим всю Европу, вместе взятую, между прочим!» И тут Кравцова не выдержала: пойдя на поводу у материнского инстинкта, она взяла куколку и так сжала ее, что та пискнула что-то похожее на «мама»! Судя по

вытаращенным глазам австро-венгров, до этого дня кукла молчала. Сигаев выхватил из груды игрушек почти настоящий пистолет и с аппетитом прицелился в Муханову. Черноглазый мальчик знаками объяснил, что пистолет можно забрать насовсем. Муханова, презрительно усмехнувшись, сказала: «Вот уж незначем. У нас в стране у всех есть пистолеты!»

— А железная дорога у вас есть? — спросил черноглазый через переводчицу.

— Железная дорога? — Муханова на секунду задумалась, и, словно отвечая по английскому текст «Моя семья», протарахтела:

— У меня есть железная дорога. У меня есть брат и сестра. Мы живем в пятикомнатной квартире с лужайкой. Имеем гараж и машину. По воскресеньям имеем традиционный пудинг со взбитыми сливками. И на машине отправляемся за город, где имеем уик-энд!

— А у тебя тоже есть железная дорога? — спросил назойливый черноглазый у Носова.

Носов чуть не проболтался, что у него есть настоящая железная дорога под окном, и всё время кажется, что паровоз влетит в дверь. Но взяв себя в руки, чётко повторил все, что говорила Муханова. Только вместо «взбитые» сливки, он сказал «избитые», а упомянув про традиционный пудинг, поморщился, вспомнив, как отец в воскресенье, приняв «традиционный пудинг», гонялся за матерью с утюгом...

Оказалось, что еще у четверых опрошенных есть железные дороги, пятикомнатная квартира, воскресный пудинг, машина, брат, сестра и уик-энд.

Этот черноглазый, «зануда такая», еще спросил: «У вас на всех — один отец?»

— Отцы у нас разные! Но, несмотря на это, жизнь одинаковая! — гордо ответила Муханова.

— Ну, нам, наверно, пора, — заторопилась Ниночка, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, чуя близкое окончание дружеского визита.

— А я останусь! — сказал Сигаев, радостно целясь в товарищей из пистолета.

— Как «останусь»?! — воскликнула Ниночка, представив лицо директрисы, когда та узнает, что Сигаев остался за границей.

— А что такого? — сказал Сигаев. — Поиграю и приду!

— Смотри, доиграешься! — сказала Муханова. — Мы бы все с удовольствием остались, товарищи, но надо подстригать лужайки у дома, пока не поздно! Серёженька, дай пистолетик! Муханова схватила кисть сигаевской руки и стала ее выкручивать. Сигаев рванул пистолет на себя и грянул выстрел.

Резиновая пулька с присоской ударила в люстру, срезала белоснежный плафон, и тот лихо напялился на голову посла, который уже падишахом опустился на пол.

«Нарочно люстру над Сигаевым повесили, специально!» — бормотала Ниночка, разорвав блузку и пытаясь силой перевязать посла, а тот отбивался со словами: «Не стоит беспокоиться! Вот зараза!»

Кое-как посла из плафона вынули, голову перебинтовали, пол подмели, потом долго жали друг другу руки и наконец выбрались из помещения вон. Ребята быстренько влезли в автобус и оттуда с ужасом смотрели на посла с перевязанной головой. Он помахивал рукой и, морщась, приглашал приезжать ещё.

И вот автобус выехал с территории посольства на родину. Ехали молча, только всхлипывала пришедшая в себя Чистякова да чем-то вызывающе хрустел Сигаев. И вдруг, словно по взмаху руки невидимого дирижера, весь хор разом рванул песню «Солнечный круг, небо вокруг...» Дети пели таким чистым, таким наполненным, слаженным звуком, которого Ниночка от них добиться никогда не могла! Особенной красотой и лихостью выделялся голос Потёмкина. Как потом выяснилось в больнице, он на радостях проглотил-таки пуговицу.

Aufgaben:

Was bedeutet die Redewendung: «мирное соперничество двух различных Systemen»? Wer hat diesen ‚Wettbewerb‘ zwischen der Sowjetunion und dem Westen ins Leben gerufen?

Wie sollte ein perfektes sowjetisches Kind aussehen?

Wie lebte die vorbildliche Familie in der Sowjetunion? Beschreiben Sie die Mitglieder einer solchen Familie – ihre Berufe, Lebenswege u.s.w. Was ist gemeint unter «неблагополучная семья»?

Wonach wurde in der Sowjetunion «благополучие» der Familie gemessen?

Benennen Sie die Symbole und die Realität einer «glücklichen Kindheit» (1970 – 1990) aus dem Augenwinkel eines Kindes und eines Erwachsenen.

Suchen Sie die unpersönlichen und unbestimmt-persönlichen Sätze aus dem Text heraus und erklären Sie, was sich hinter solcher «politisch konsequenten Grammatik» verborgen hat.

Übersetzen Sie ins Deutsche: навести двустволку близко посаженных глаз, упавшим голосом, в случае чего, гробовая тишина, заблаговременно, другими словами, с какой стати, возникла заминка, блеснуть хорошими манерами, с трудом подбирая слова, повести песню, староста хора, плечом к плечу, сводить челюсти, устроить дебош.

S. Al'tov

Der Chor

Das letzte Mal hat Ninočka so ein Gesicht bei der Direktorin im April gesehen, als bekannt wurde, dass Vasiljev, Nikonov und Puzin nach dem dritten Unterricht nach Alaska aufgebrochen sind, um Gold zu suchen, und man konnte sie eine Woche lang nicht finden, weder hier noch dort.

Die Direktorin schloss hinter Ninočka die Tür ab, zog die Vorhänge zu und im Licht der Tischlampe flüsterte sie der Gesangslehrerin ins Ohr:

— Morgen werdet ihr in der österreichischen Botschaft auftreten!

— Gott sei Dank! Ich dachte schon, es sei etwas Ernsthaftes! — freute sich Ninočka.

— Nina Vasil'evna! Ich verstehe nicht, weshalb Sie sich freuen? — Elena Alexandrovna zielte auf sie mit sehr eng gesetzten Augen. — Man könnte denken, Ihr Chor singt jeden Abend in den Botschaften herum! Verstehen Sie, was für eine Verantwortung es ist?!

— Dann sollte man vielleicht nicht auftreten? — sagte Ninočka mit leise werdender Stimme.

— Man sagt: Sie müssen auftreten! Und man warnte uns, falls was ist, verstanden? Versammeln Sie den Chor nach dem Unterricht. Ich werde sprechen.

Als Elena Alexandrovna die Klasse betrat, wurde das Geschrei etwas leiser, und als die Direktorin mit tragischer Stimme sagte: «Genossen!» — entstand Friedhofsstille.

— Herrschaften! Morgen habt ihr eine der wichtigsten Veranstaltungen! Euch steht bevor, in der österreichischen Botschaft aufzutreten! Ich hoffe, man muss nicht erklären, was für eine Ehre das ist und wie sie für euch ausgehen kann? Ich wiederhole, Sigaev, nicht in der georgischen Botschaft, sondern in der österreichischen! Das ist nicht dasselbe. Mit anderen Worten, es ist als ob ihr ins Ausland fahren würdet. Ausland — das ist ein Ort, wo die besten Eigenschaften des Menschen zum Vorschein kommen! Wie bei den Kundschaftern! Vergesst nicht für eine Minute, dass eure Kindheit die glücklichste Kindheit von allen ist! Die Schuhe putzen, die Ohren waschen! Rechtzeitig auf die Toilette gehen, zu Hause! Sigaev soll sich die Haare schneiden lassen. So wie es mir gefällt - und nicht deinem Vater. Der Pony muss eine und halbe Finger breit sein, und zwar meine Fingerbreite und nicht seine! Die Österreicher sprechen deutsch, ihr englisch! Was auch immer man euch anbietet, antwortet «danke scheen», was «danke» heißt! Von unseren österreichischen Freunden nichts annehmen! Sie müssen begreifen, dass ihr alles habt! Habt ihr verstanden? — wiederholte die Direktorin. — Ihr habt alles! Sigaev, du auch! Die Hände nicht in den Hosentaschen behalten, eure Mütter sollen diese besser zunähen. Wird man euch Fragen stellen — singt! Wird man euch etwas zu essen anbieten - nicht essen! Und überhaupt, haltet euch so gut es geht locker! Lest Zeitungen, findet heraus, wo sich dieses Österreich befindet. Wer regiert das Land, womit beschäftigt sich die Bevölkerung...? Wer hat da

gesagt: «Mit Landwirtschaft und Verbrechen»? Sigaev, verwechsle nicht das Land mit deinen Eltern! Ich wünsche euch, dass ihr gut auftrittet und mit einem Sieg zurückkehrt.

Die Direktorin ging zur Tür lächelnd und so freundlich mit der Hand winkend, dass es allen unheimlich wurde. Man ging einzeln, schweigend auseinander.

Die ganze Nacht lang haben die Eltern gebügelt, umgenäht, gewaschen, geschnitten. Am Morgen erschienen die Chormitglieder in der Schule, sauber und schrecklich, wie Geister auf einem Abschlussball. Um Punkt zehn Uhr morgens wurde der Direktorin mitgeteilt, dass das Konzert ausfällt. Die Chormitglieder freuten sich so, wie sich nur Kinder freuen können, wenn sie erfahren, dass der Lehrer krank geworden ist und es keinen Unterricht gibt. Selbst Elena Alexandrovna lächelte viermal und wurde deutlich jünger. Aber es stellte sich heraus, dass sie zu früh jünger geworden war. Um halb zwölf Uhr nachts rief man an und teilte mit, dass man entschieden hatte, morgen aufzutreten um zehn Uhr morgens. Danach sagte man «Gute Nacht» und legte den Hörer auf. Wie durch ein Wunder ist es gelungen, alle Teilnehmer in der Nacht zu benachrichtigen. Wieder haben die Eltern gewaschen, gebügelt, angenäht, und am Morgen standen die bis zur Unkenntlichkeit herausgeputzten Kinder, die sich kaum auf den Beinen halten konnten, bereit.

Fünf Leute wurden vorsorglich krank.

Um Punkt zehn Uhr rollte ein ausländischer Bus heran, mit dunklen Scheiben ähnlichen den Gläsern einer Sonnenbrille. Elena Alexandrovna, zu diesem Anlass in einem festlichen, ledernen Blazer und einem Rock bekleidet, der links herum angezogen war, kontrollierte bei allen die Fingernägel, Ohren, umarmte Ninočka fest, und die Trauerkette verschwand im Transportmittel.

Nach einigen Minuten fuhr man vor eine dreistöckige Villa. Das Tor mit gusseisernen Spitzen sprang auf, und der Bus rollte sacht auf den Hof, mit anderen Worten, ins Ausland.

Entgegen kam eine gebräunte Frau in einem hellblauen Kleid, und aus irgendeinem unklaren Grund fing sie an, russisch zu sprechen. Vielleicht, lud sie ein hinter ihr her zu gehen? Das ausländische Territorium beeindruckte mit einer nicht natürlichen Sauberkeit. Und es roch verdächtig nach etwas Leckerem, offenbar nach einem internationalen Skandal. Die Chormitglieder stiegen die Treppe hinauf, den Teppich umgehend, sich an die Wände drückend, die sie aber nicht mit den sauberen Händen berührten. Bei Potjomkin riss der Knopf ab, an dem er mit seiner von der Kirillova freien Hand nervös gespielt hatte. Er wollte den Knopf in die Mülltonne werfen. Aber nachdem er nachgedacht hatte, entschloss er sich, nichts zu riskieren und den Knopf einfach in die Hosentasche zu stecken. Die Hosentaschen erwiesen sich als zugenäht! Dann traf Potjomkin die einzig richtige Entscheidung: Unbemerkt für sich selbst steckte er den Knopf in den Mund und positionierte ihn mit der Zunge an seiner linken Wange.

In dem Sälchen, wo sie singen sollten, saßen fünf Erwachsene und ungefähr zehn ausländische Kinder neben einer kleinen Bühne in Sesseln. Diese waren so akkurat angezogen, als ob sie auch singen müssten. Die Chormitglieder fingen paarweise an, auf die Bühne zu steigen, was einen Stau verursachte, weil die Jungen so wie man sie gelehrt hatte die Mädchen nach vorne ließen. Dabei hielten sie jede immer noch fest an der Hand. In dieser Lage mit gutem Benehmen zu glänzen erwies sich als eine nicht einfache Sache. Endlich stellte sich der Chor auf. Ninočka trat nach vorne und mit Mühe nach russischen Wörtern ringend, die im Hals kleben gebliebenen waren, sagte sie «danke schen», und dass sie erfreut seien, in diesem Saal bei ihren österreichischen Freunden zu sein. «Wir lieben und kennen ihr Land», — murmelte Ninočka. «Vor allem lieben wir die Schönheit Wiens, das der Welt den Walzerkönig Strauß und den Kanzler Kreisky geschenkt hat».

Die Dolmetscherin übersetzte mit einigen Schwierigkeiten, und als ob sie ihre Frisur in Ordnung bringen würde, zur Ninočka gebückt, flüsterte sie: «Das ist nicht die österreichische, sondern die ungarische Botschaft!»

Ninočka schwankte vor Entsetzen und versuchte hektisch nachzudenken: Was schlimmer ist, die österreichische oder die ungarische? Und außerdem: Ist das nun ein internationaler Skandal oder noch nicht?!

Die Zuschauer warteten. Man musste etwas singen.

Ninočka fuchtelte verzweifelt mit den Armen und der Chor fing an, mit zusammengebissenen Zähnen, «Geburtstag ist nur einmal im Jahr» zu singen. Die Kinder sangen, Schultern an Schulter stehend, die Köpfe tapfer zurückgeworfen, und schauten in den Saal, ohne zu blinzeln. Jemandem, der die russische Sprache nicht kannte, konnte es so vorkommen, als seien dies Todeskandidaten, die das letzte Lied singen.

Plangemäß folgte als zweites «Es scheint der Mond». Das Solo sollte ab dem dritten Takt Čistjakova übernehmen. Aber als Ninočka zwischen dem Wedeln ihrer Arme zu Ira blickte, verstand sie, dass es kein Solo geben würde! Čistjakova stand da, die Augen verdrehend, den Kopf zur Seite geneigt. Und sie fiel nur deshalb nicht herunter, weil sie von beiden Seiten von Sigaev und Fokin gestützt wurde. Ninočka traf der Blitz: «Das ist er, der internationale Skandal!» Sie fuhr fort, automatisch mit den Armen zu wedeln, als plötzlich beim zwölften Takt Muchanova, die Älteste des Chors, das Lied anstimmte. In einer anderen Tonlage und mit einer anderen Stimme, aber wer zählt hier schon!

«Um Gotteswillen, meine Liebe!» — dachte Ninočka, unbewusst das Tempo beschleunigend. Noch drei Lieder und, Gott sei Dank, das Konzert ist zu Ende. Es erklang Applaus. Auf die Bühne stieg der österreichisch-ungarische Botschafter, überreichte Ninočka einen Wimpel und ein schweres Album, auf dem geschrieben «Budapest» war.

— Also doch, Schweden! — schoss es Ninočka in den Kopf. Sie schaute mit Entsetzen, wie die Kinder von der Bühne herunterstiegen. Jeden Augenblick konnte die – das Bewusstsein verloren habende Čistjakova herunterstürzen. Aber von der Bühne kamen alle! Sigaev und Fokin, die leblose Čistjakova mit den Schultern einklemmend, trugen sie munter von der Bühne herunter und liefen weiter, als ob sie seit ihrer Kindheit zu dritt Schulter an Schulter gelaufen seien.

— Phuuu! Alles ist glatt gelaufen, — den internationalen Skandal meinend, seufzte Ninočka. Aber es stellte sich heraus, dass das noch Schlimmste bevorstand! Die Gäste wurden in einen Saal gebracht, wo ein gedeckter Tisch stand. Und was für einer! Mehrfarbige Flaschen mit Limonade, Coca Cola, Vasen mit kleinen Törtchen, Pralinen, Kaugummi! Und alles roch so gut, dass einem das Wasser im Mund zusammenlief! Potjomkin hätte fast seinen Knopf verschluckt. Der Botschafter machte eine breite Geste mit der Hand. Als ob er sagen wollte, greift zu. Provokateur!

Die Kinder zog es zum Tisch, aber sie blieben auf ihrem Platz. Da sie keine Kraft hatten, den Tisch anzuschauen, richteten alle ihre Augen zur Decke und den Speichel schluckend, fingen sie mit Begeisterung an, die Bemalung der Decke anzuschauen. Dort zielten gut genährte Amoren mit Bögen auf schamlose Frauen. Der Botschafter erzählte die ganze Zeit etwas Lustiges, schenkte Ninočka Sekt ein und bot ihr eine Zigarette an. Die Gesangslehrerin rauchte nicht, aber sie hielt sich an der Zigarette fest und fing an, hastig an ihr zu saugen, während sie unruhig mit den Augen die kleinen Landsleute überflog, gleichzeitig den Botschafter anlächelte und ungezwungen die Asche in die Tasche seines hellen Jacketts fallen lies.

Zu dieser Zeit griff sich Sigaev (oh, dieser Sigaev, was heißt «asoziale Familie»!) ein Glas mit Limonade und kippte es in seinen Mund. Sie entpuppte sich als Ninočka's Sekt. Es trat eine unheimliche Pause ein. Alle warteten auf die Folgen. Und diese kamen praktisch nach zwei Minuten. Der Alkohol hat sich schnell in die Rinde des kindlichen Gehirns eingegraben, und der besoffene Sigaev zettelte einen Skandal an! Er nahm ungeniert aus der Vase ein kleines Törtchen und aß es! Dann nahm er ein zweites und aß! Ein drittes! Aß! Steckte sich vier Pralinen gleichzeitig in den Mund! Unter dem Einfluss des Alkohols, scheinbar vergessend, dass er das alles hat, trank Sigaev zwei Kannen zischendes Coca-Cola. Und den Botschafter am Ärmel ziehend, fragte er: «Wo sind die Spielsachen? Vitja sagte, ihr habt klasse Spielzeug!»

Der Botschafter lächelte und stieß die Tür zum nächsten Zimmer auf. Alle folgten ihm. Ja, die Spielsachen waren wirklich klasse! Das halbe Zimmer wurde mit einer echten Eisenbahn belegt. Züge, Wagons, Signale! Jemand hat etwas eingeschaltet und ein rotes Züglein fuhr pfeifend über die schmalen Gleise. Beim Anblick dieses Wunders wurde Sigaev fast nüchtern.

Gleichzeitig zeigten die ausländischen Mädchen festlich gekleidete, fast lebendige Puppen. Die weibliche Hälfte des Chors hielt inne vor Begeisterung, und nur die Chorälteste Muchanova sagte,

248

ohne die Fassung zu verlieren, sehr passend: «Und bei den Vorkommen an Eisenerz übersteigen wir ganz Europa. Zusammengenommen übrigens!» Und da hielt es die Kravcova nicht aus: Dem Mutterinstinkt folgend, nahm sie eine Puppe und drückte sie so, dass diese etwas piepste, das sich wie «Mama» anhörte! Den Blicken der österreichischen Ungarn, nach zu urteilen, hat die Puppe bis zu jenem Tag geschwiegen. Sigaev zog aus einem Haufen Spielsachen eine fast echte Pistole und zielte genüsslich auf Muchanova. Ein schwarzäugiger Junge gab zu verstehen, dass man die Pistole behalten könne. Die Muchanova sagte verächtlich lächelnd: «Es lohnt sich nicht. In unserem Land hat jeder eine Pistole!»

— Und habt ihr eine Eisenbahn? — fragte der Schwarzäugige über die Dolmetscherin.

— Eisenbahn? — Muchanova dachte eine Sekunde nach, und als ob sie im Englischunterricht den Text «Meine Familie» beantworten würde, ratterte sie herunter:

— Ich habe eine Eisenbahn. Ich habe einen Bruder und eine Schwester. Wir wohnen in einer Fünzimmerwohnung mit einer kleinen Wiese. Wir besitzen eine Garage und ein Auto. An den Sonntagen haben wir einen traditionellen Pudding mit Schlagsahne. Und mit dem Auto fahren wir aufs Land, wo wir «Weekend» haben!

— Hast du auch eine Eisenbahn? — fragte der aufdringliche Schwarzäugige den Nosov.

Nosov hätte sich fast verplappert, dass er hinter dem Fenster eine echte Eisenbahn hat. Und man wurde die ganze Zeit über das Gefühl nicht los, dass die Lokomotive gleich durch die Tür hineinfliegen würde. Und sich zusammennehmend, wiederholte er dasselbe, was die Muchanova gesagt hatte. Aber statt «Schlagsahne», sagte er «geschlagene Sahne», und als er den traditionellen Pudding erwähnte, verzog er das Gesicht, sich daran erinnernd, wie sein Vater am Sonntag, nach dem Einnehmen des «traditionellen Puddings» der Mutter mit einem Bügeleisen hinterher jagte...

Es stellte sich heraus, dass es noch bei vier Befragten Eisenbahnen gab, eine Fünzimmerwohnung, sonntäglichen Pudding, ein Auto, Bruder, Schwester und «Weekend».

Dieser Schwarzäugige, «so eine Nervensäge», fragte noch: «Habt ihr alle denselben Vater?»

— Die Väter sind bei uns verschieden! Aber, abgesehen davon, das Leben ist gleich! — antwortete Muchanova stolz.

— Also, wahrscheinlich ist es für uns Zeit, — kündigte Ninočka an, ungeduldig von einem Bein aufs andere tretend, das nahe Ende des freundschaftlichen Besuches.

— Aber ich bleibe! — sagte Sigaev, fröhlich auf seine Freunde mit der Pistole zielend.

— Wie «bleibe»?! — rief Ninočka aus, sich das Gesicht der Direktorin vorstellend, wenn diese erfahren würde, dass Sigaev im Ausland geblieben sei.

— Was ist denn schon dabei? — sagte Sigaev. — Ich spiele ein bisschen und komme dann nach!

— Pass auf, da bekommst du eine Bescherung! — sagte Muchanova. — Wir würden gerne alle bleiben Genossen, aber man muss den Rasen vor dem Haus mähen, solange es nicht zu spät ist! Serjožen'ka, gib das Pistolchen her!

Die Muchanova schnappte sich die Finger von Sigaevs Hand und fing an sie zu verdrehen. Sigaev zog die Pistole zu sich und es fiel ein Schuss.

Die Gummipatrone mit einem Sauger schlug in den Leuchter, schnitt den schneeweißen Lampenschirm ab, und dieser stülpte sich rasch auf den Kopf des Botschafters, der wie ein Pascha auf den Boden sank.

«Man hat mit Absicht den Leuchter über Sigaev aufgehängt, mit Absicht!» – murmelte Ninočka, die ihre Bluse zerriss und gewaltsam versuchte, den Botschafter zu verbinden. Er jedoch wehrte sich mit den Worten: «Man soll sich keine Sorgen machen! So ein Mist!»

Irgendwie befreite man den Botschafter aus dem Lampenschirm, verband seinen Kopf, kehrte den Boden. Danach drückte man sich lange gegenseitig die Hände und endlich kam man aus dem Gebäude frei. Die Kinder stiegen schnell in den Bus und schauten von dort mit Entsetzen auf den Botschafter mit dem verbundenen Kopf. Er winkte mit der Hand und das Gesicht verziehend lud er sie ein wieder zu kommen.

Und so fuhr der Bus vom Territorium der Botschaft in die Heimat zurück. Man fuhr schweigend, nur die wieder zu sich gekommene Čistjakova schluchzte und Sigaev knirschte herausfordernd mit irgendetwas. Und plötzlich, wie auf das Handzeichen eines unsichtbaren Dirigenten, begann der ganze Chor das Lied «Sonnenkreis, Himmel drum herum...» zu singen. Die Kinder sangen mit so einem sauberen, mit so einem gefüllten, abgestimmten Ton, den Ninočka nie aus ihnen herausbekommen hätte! Mit besonderer Schönheit und Leichtigkeit zeichnete sich die Stimme von Potjomkin aus. Wie sich später im Krankenhaus herausstellte, hat er vor lauter Freude doch den Knopf verschluckt.

К. Мелихан

И я там был

(Иронические заметки русского путешественника)

О том, что я еду в Данию, мне сообщили за три дня до отъезда. Я понял, что пришло время начинать учиться английскому языку, и позвонил своему знакомому профессору:

— Можно ли изучить английский за три дня?

— Можно, — сказал профессор. — Но для этого надо сначала изучить греческий, латинский, итальянский, испанский, португальский, немецкий и французский.

Поскольку времени у меня было мало, я успел выучить только одну фразу: «Я говорю по-английски». Да и то — по-русски.

Что касается других языков, то я довольно свободно говорил по-французски. Хотя и не понимал, что говорю.

Вообще, изучение языков мне давалось всегда легко, особенно на ранней стадии, благодаря некоторым закономерностям, которые я заметил в произношении. Я заметил, что каждый язык что-то напоминает:

Английский — жевательную резинку.

Испанский — дуэль на рапирах.

Французский — полоскание горла и носа.

Немецкий — марширующих солдат.

Польский — жарящуюся картошку.

Арабский — кашель.

Китайский — мяуканье.

Японский — сюсюканье с ребёнком.

А русский — не напоминает ничего. Свой язык — как воздух: не замечаешь, какой он, потому что только им и дышишь.

В Дании с вами говорят на том языке, на каком вам удобней. Каждый датчанин знает несколько языков: английский, немецкий, датский — обязательно. Некоторые знают — французский. Плюс для разнообразия — один из скандинавских. Ну и для развлечения — какой-нибудь экзотический: например — русский.

— Вы говорите по-немецки? — спрашивают они меня по-немецки.

— Чего? — отвечаю я.

— По-немецки говорите? — спрашивают они по-английски.

— Ась?

— По-немецки могёшь? — спрашивают они уже по-английски.

— А, по-немецки. — восклицаю я на ломаном русском. — Я, я! Я учил немецкий в школе номер пятьсот пятнадцать и могу говорить по-немецки с любым, кто учил его в той же школе.

За границу я поехал не для того, чтобы лучше узнать их, а для того, чтобы лучше узнать нас.

На финской границе в вагон поезда входит служащий: «Валюта, порнография, наркотики,

водка?..»

«Нет, чашечку кофе, пожалуйста», — шутит сидящая рядом со мной дама.

После проверки мы вздохнули и двинулись дальше. Пейзаж за окнами не изменился. Изменилось только его название.

Проглядели Финляндию. Проспали Швецию. Проснулись в Дании.

Я говорил: проблемы есть не только у нас, но и у них. Например, — как продать? У них есть с чем сравнивать. На датских прилавках — всё лучшее, что производится в мире.

Мой гид Хелен говорит:

— У испанков лучше вино.

— У испанцев, — поправляю я.

Что датчане делают хуже россиян, так это говорят по-русски.

— Мужчина, — объясняю я, — испанец. А женщина — испанка. Испанцы и испанки. Датчане и датчанки. Французы и француженки. Русские и русские.

— У вас что, нет разделения на мужчин и женщин?

— Есть, но оно не бросается сразу в глаза. У нас определить, мужчина ты или женщина, легче ночью, чем днём. А днём можно определить только по силе. У женщин сумки тяжелей.

Многие у нас требуют отменить конкурсы красоты. Стесняются смотреть на обнажённую женщину в купальнике. Привыкли видеть женщину в ватнике и кирзовых сапогах, с лопатой и ломом.

Женщины у нас красятся почти все. Старые — чтобы быть моложе. Молодые — чтобы быть старше. У нас накрашенная женщина — это красавица. А у них накрашенная женщина — это клоун.

У датчан другие понятия о красоте. Красота — это здоровье. Поэтому всё направлено на то, чтобы человек был здоровым. Всё, что делает человека здоровей, очень дёшево. Фрукты, овощи, лекарства, спорт — на дотации государства.

У нас всё это дороже. Поэтому, наверно, и живём меньше. По продолжительности жизни мы опережаем только Африку, и только центральную. А Европу мы опережаем только по продолжительности жизни курицы. Только у нас курица умирает своей смертью. А судя по мускулатуре её ног, она ходит помирать из деревни в город пешком.

Датская женщина не носит платья. Женщина в платье, в пальто, на высоком каблуке — не деловая женщина. В платье, в пальто, в туфлях трудно делать широкий шаг, неудобно ехать на велосипеде. Поэтому датская женщина — в брюках, в шортах, в куртках, в кроссовках. Сумок

в руках тоже нет. Носить сумки — слишком унылая функция для датской руки. Поэтому сумка висит на плече. Или за спиной — сумка-рюкзак.

Наше главное богатство — это наши ресурсы: лес, вода, уголь, нефть, женщины.

Наша женщина — то же горючее: выполняет самую тяжёлую работу, загорается от одного неосторожного движения мужчины и очень высоко ценится на Западе.

Многовековое смешение наций на территории нашей страны создало уникальный тип женщины, в которой есть всё лучшее от каждой нации. (Это, правда, не означает, что всё худшее от каждой нации — в нашем мужчине.)

Как российские шахматисты и музыканты увозят почти все награды с международных турниров и конкурсов, так и российские женщины увозят уже почти все награды с международных конкурсов красоты. Правда, если их женщина стала победительницей, её сразу хватают замуж, а если наша, то её выгоняют из дома.

Мы с Хелен перешли на другую сторону улицы.

— Интересно, — говорю я. — Вы переходите дорогу только на зелёный свет. Даже если нет ни одной машины.

— А у вас разве по-другому?

— Ну, мы в общем-то тоже переходим дорогу на зелёный свет. А на красный — перебегаем. Причём, умудряемся ещё перевести какую-нибудь старушку.

Но это — нарушения, которых могло бы и не быть. А есть нарушения, которых не может не быть. В Ленинграде или в Москве иногда попадаете такая широкая улица, что её невозможно успеть перейти на зелёный. Тем более — пожилой старушке. Поэтому опытная старушка начинает переходить на красный. Когда вспыхивает зелёный свет, она ещё только на середине. А когда снова вспыхивает красный свет, она мысленно уже прощается с белым.

Мы с Хелен садимся в автобус. Обычный городской рейсовый автобус. Но датский. Внутри — ковровые дорожки.

В Данииходишь в автобус только после того, как пробыл компостером специальную картонку. На ней указан час, когда ты вошёл. И этот час можно ездить бесплатно на всех автобусах города. Правда, транспорт, хоть и лучше, чем у нас, но дороже.

На следующей остановке входит датская старушка. Я, как джентльмен, встаю и уступаю ей место:

— Сит даун, плиз, мамаша!

Весь автобус оборачивается и смотрит на меня, не как на джентльмена, а как на донкихота. Оказывается, в Дании джентльмены никому не уступают место, потому что там места хватает всем.

Я вспоминаю наши венгерские автобусы. Наши автобусы — как мужчины у женщины: то нет ни одного, а то вдруг появляется сразу несколько. У нас с автобусами — так: сначала никак не дожидаться, потом не влезть, а потом не вылезти. Летом он, душегуб, отапливается, а зимой — нет, и стёкла выбиты. Но зато крыша протекает очень редко: только — когда идёт дождь. Ещё проблема — купить талоны. Потом проблема — их прокомпостировать. Потому что давка такая, что могут прокомпостировать всё что угодно, но только не талон. И пока на этом автобусе доберёшься до работы, устаёшь так, что на работе только отдыхаешь.

В общем, с нашим автобусом лучше не связываться. Быстрее — пешком.

Но я бы не сказал, что Дания уж очень от нас отличается. Ну, только по размерам. А так, в принципе, всё одинаковое. Инопланетяне и дикари вряд ли бы заметили различия. Те же люди — голова, два уха. При встрече жмут друг другу руки. Тело прикрывают одеждой. Живут в домах. Окна из стекла. Машины на четырёх колёсах. Чтобы поддерживать в организме жизнь, едят еду, пьют питьё, вдыхают воздух. Размножаются способом деления — на мужчин и женщин. В конце жизни всё-таки умирают.

Разница в нюансах.

Они говорят «Копенхаген», а мы говорим «Копенгаген».

У них за всё платят, а у нас или переплачивают, или берут бесплатно. У них большой выбор товаров, а у нас только один выбор: или ты берёшь этот товар, или нет.

Мы удивляемся, как они живут, а они удивляются, как мы ещё живы. Дания — иностранное государство, а Россия — странное.

Только в чужой стране можно почувствовать, как любишь свою. Никто так не тоскует по родине, как эмигрант. Того, о чём я пишу, я датчанам не говорил. Это я говорю своим. А им я сделал только один комплимент: «Копенгаген — лучший город в мире,— сказал я,— после Ленинграда».

Датчанам это понравилось. Вежливость не должна переходить в лесть.

Я не стал вдаваться в подробности. Не стал говорить, что Копенгагену отвожу четвёртое место, а первые три — Ленинграду. Точней — Ленинграду, Петрограду и Петербургу. И не только потому, что мой отец родился в Петербурге, мать — в Петрограде, а я — в Ленинграде.

Я не стал им говорить, как я люблю мою саамскую землю. Немецкие шпили, итальянские колонны, русские купола — в центре. И оранжевые сосны, седые валуны, тёмные озёра — вокруг.

И гранит вдоль рек наверху и вдоль тоннелей внизу. Снег осенью.

И дождь зимой.

Город-сон.

Город-корабль.

Восстающий всегда против тьмы — будь это тьма врагов или тьма ночей.

Белые ночи — наши питерские сны...

Прощай Дания, моя добрая знакомая! Здравствуй, Россия, моя прекрасная незнакомка! Ни одна страна не меняется так за несколько дней, как Россия. Мой путевой блокнот исписан почти до конца. Осталось всего несколько листочков...

Aufgaben:

Welche Charaktereigenschaften und Sitten der Dänen bewundert der Autor? Wird dabei die russische Art und Weise zu leben als negatives Gegenbild gezeichnet?

Was heißt für Sie: «верой и правдой служить Отечеству»? Kann man dem Heimatland einen Dienst erweisen, wenn man es kritisiert? Warum?

Übersetzen Sie ins Deutsche: свободно говорить (на иностранном языке), на ранней стадии, бросаться в глаза, кирзовые сапоги, на дотации государства, умереть своей смертью, унылый, прощаться с белым светом, быть донкихотом, душегуб, сделать комплимент, отвести место (кому-либо), путевой блокнот.

K. Melichan

Auch ich war dort!

(Ironische Notizen eines russischen Reisenden)

Dass ich nach Dänemark fahre, hat man mir erst drei Tage vor der Abreise mitgeteilt. Ich sah ein, dass die Zeit gekommen war, die englische Sprache zu lernen und rief einen mir bekannten Professor an:

— Kann man in drei Tagen Englisch lernen?

— Kann man, — sagte der Professor, — Aber dafür muss man zunächst Griechisch, Latein, Italienisch, Spanisch, Portugiesisch, Deutsch und Französisch beherrschen.

Da ich nur wenig Zeit hatte, gelang es mir nur, einen Satz zu lernen: «Ich spreche Englisch». Und selbst diesen auf Russisch. Was die anderen Sprachen angeht, so sprach ich ziemlich fließend Französisch — wenngleich ich nicht verstand, was ich sagte.

Überhaupt, das Erlernen von Sprachen, besonders im Frühstadium, ist mir dank einiger Gesetzmäßigkeiten, die ich an der Aussprache bemerkt habe immer leicht gefallen. Mir fiel auf, dass jede Sprache an etwas erinnert:

— Englisch — an einen Kaugummi.

— Spanisch — an ein Fechtduell.

— Französisch — an Gurgeln im Hals und in der Nase.

— Deutsch — an marschierende Soldaten.

— Polnisch — an eine brutende Kartoffel.

— Arabisch — an Husten.

— Chinesisch — an Miauen.

— Japanisch — an das Gesäusel von Kindern.

Aber Russisch erinnert an nichts. Die eigene Sprache ist wie Luft: Man bemerkt nicht wie sie ist, weil man nur sie atmet.

In Dänemark spricht man mit Ihnen in der Sprache, die für Sie bequemer ist. Jeder Däne beherrscht mehrere Sprachen: Englisch, Deutsch, Dänisch — unbedingt. Einige sprechen französisch. Zusätzlich, zur Abwechslung eine der skandinavischen Sprachen. Und zum Vergnügen noch irgendeine exotische, zum Beispiel Russisch.

— Sprechen Sie Deutsch? — fragen die mich auf Deutsch.

— Was? — antworte ich.

— Ob Sie Deutsch sprechen, — fragen sie auf Englisch.

— Hä?

— Können Sie Deutsch? — fragen sie schon auf Russisch.

— Ach, Deutsch! — schreie ich in gebrochenem Russisch auf. — Ja, ja! Ich habe Deutsch in der Schule Nr. 515 gelernt und kann mich mit Jedem auf Deutsch unterhalten, der es auch in dieser Schule gelernt hat.

Ich bin nicht ins Ausland gefahren, um die anderen besser zu erforschen, sondern um uns selbst besser kennen zu lernen.

An der finnischen Grenze betritt ein Diensthabender den Zugwagen: «Devisen, Pornographie, Drogen, Wodka?». «Nein, ein Tässchen Kaffee, bitte», — scherzt die neben mir sitzende Dame.

Nach der Grenzkontrolle atmeten wir auf und setzten uns wieder in Bewegung. Die Landschaft hinter den Fenstern hatte sich nicht verändert. Verändert hatte sich nur ihre Bezeichnung.

Finnland haben wir überflogen. Schweden haben wir verschlafen. In Dänemark sind wir aufgewacht.

Ich sagte: Probleme gibt es nicht nur bei uns, es gibt sie auch bei ihnen. Zum Beispiel, wie soll man etwas verkaufen? Die Dänen haben die Möglichkeit zu vergleichen. Auf den dänischen Ladentischen findet man das Beste, was auf der ganzen Welt hergestellt wird.

Meine Reiseführerin Helen sagt:

— Die Spaniens haben besseren Wein.

— Die Spanier, — verbessere ich.

Was die Dänen nun schlechter können, als die Russen, ist russisch sprechen.

— Ein Mann, — erkläre ich, — ist ein Spanier, eine Frau — eine Spanierin. Spanier und Spanierinnen. Dänen und Däninnen. Franzosen und Französinnen. Russen und Russen.

— Gibt es bei Euch denn keinen Unterschied zwischen Mann und Frau?

— Gibt es, aber das fällt nicht gleich ins Auge. Festzustellen, ob jemand ein Mann oder eine Frau ist, ist nachts leichter als am Tag. Denn tagsüber kann man dies nur an der Kraft feststellen: Die Taschen der Frauen sind schwerer.

Bei uns fordern viele die Abschaffung der Schönheitswettbewerbe. Man geniert sich, eine kaum bekleidete Frau im Badeanzug anzuschauen. Man ist an Frauen in wattierten Jacken, schweren Stiefeln, mit Schaufel und Brecheisen in der Hand gewöhnt.

Bei uns schminken sich fast alle Frauen. Die Alten, um jünger zu wirken. Die Jungen, um älter zu wirken. Bei uns gilt eine geschminkte Frau als Schönheit. Doch in Dänemark ist eine geschminkte Frau ein Clown.

Dänen haben ein anderes Verständnis von Schönheit. Schönheit ist gleich Gesundheit. Deshalb ist alles darauf ausgerichtet, dass der Mensch gesund ist. Alles, was den Menschen gesünder macht, ist sehr billig. Obst, Gemüse, Arzneien, Sport — wird vom Staat subventioniert.

Bei uns ist das alles teurer. Deshalb leben wir wahrscheinlich auch nicht so lange. Bei der Lebenserwartung sind wir nur Afrika voraus, und dort auch nur Zentralafrika. Und Europa sind wir nur bei der Lebenserwartung der Hühner voraus. Denn nur bei uns sterben Hühner eines natürlichen Todes. Und nach der Muskulatur ihrer Beine zu urteilen, gehen sie zum Sterben zu Fuß vom Dorf in die Stadt.

Eine dänische Frau trägt kein Kleid. Eine Frau im Kleid, im Mantel, mit hohen Absätzen — das ist keine sachorientierte Frau. In einem Kleid, im Mantel, in Pumps ist es schwierig, große Schritte zu machen und unbequem, Fahrrad zu fahren. Deshalb trägt eine dänische Frau Hosen, Shorts, Jacke und Turnschuhe.

Eine Tasche in der Hand hat sie auch nicht. Taschen zu tragen ist eine ziemlich deprimierende Tätigkeit für dänische Hände. Deshalb hängt man eine Tasche über die Schulter. Oder auf den Rücken — einen Taschenrucksack.

Unser größter Reichtum, das sind unsere Ressourcen: Wald, Wasser, Kohle, Erdöl und Frauen. Unsere Frau ist wie Brennstoff: Sie verrichtet die schwerste Arbeit, entzündet sich schon bei einer unvorsichtigen Bewegung des Mannes und wird im Westen hoch geschätzt.

Die jahrhundertelange Vermischung der Nationen auf dem Territorium unseres Landes hat einen einzigartigen Typ Frau hervorgebracht, die das Beste jeder Nation verkörpert. (Das bedeutet freilich nicht, dass das Schlechteste jeder Nation in unseren Männern vorhanden ist.)

So, wie die russischen Schachspieler und Musiker nahezu alle Auszeichnungen bei internationalen Turnieren abräumen, so nehmen auch die russischen Frauen fast alle Preise bei internationalen Schönheitswettbewerben mit. Freilich, wenn eine der ihrigen Frauen Siegerin wird, so wird sie vom Fleck weg geheiratet. Wenn jedoch eine von unseren Frauen gewinnt, dann wird sie aus dem Haus gejagt.

Helèn und ich haben die Straßenseite gewechselt.

— Interessant, — sage ich, — ihr überquert die Straße nur bei Grün. Selbst wenn kein einziges Auto da ist.

— Ist das etwa bei euch anders?

— Nun, im Allgemeinen überqueren wir die Straße auch bei Grün. Bei Rot rennen wir rüber.

Wobei wir es bei Rot auch noch fertig bringen, irgendein Mütterchen hinüberzuführen.

Das sind die Regelverletzungen, die nicht sein sollten. Doch es gibt auch Regelverletzungen, die sich nicht vermeiden lassen. In Leningrad oder in Moskau sind manche Straßen so breit, dass es unmöglich ist, sie während der Grünphase zu überqueren. Vor allem für alte Mütterchen. Deshalb beginnt ein erfahrenes Mütterchen die Überquerung bei Rot. Wenn dann das grüne Männchen aufleuchtet, ist sie erst in der Mitte. Und wenn dann erneut das Rot aufflammt, verabschiedet sie sich gedanklich schon von der Welt.

Helen und ich steigen in den Bus. Ein gewöhnlicher, städtischer Linienbus. Jedoch ein dänischer. Innen sind Teppichläufer ausgelegt.

In Dänemark betritt man einen Bus erst, nachdem man am Automaten ein spezielles Kärtchen entwertet hat. Darauf ist die Uhrzeit, zu der man eingestiegen ist, angegeben. Dann kann man eine Stunde lang umsonst in allen Bussen der Stadt fahren. Freilich ist der öffentliche Transport, wenn auch besser, so doch teurer als bei uns.

An der nächsten Haltestelle steigt ein dänisches Mütterchen ein. Ich, als Gentleman, stehe auf und biete ihr meinen Platz an: «Sit down please, Mütterchen!»

Daraufhin drehen sich alle im Bus um und sehen mich an. Aber nicht wie einen Gentleman sondern wie einen Don Quichotte. Es zeigt sich, dass in Dänemark die Gentleman niemandem einen Platz anbieten, weil dort genug Platz für alle ist.

Ich erinnere mich an unsere ungarischen Busse.

Unsere Busse sind wie Männer bei der Frau: Mal gibt es gar keinen und dann auf einmal tauchen gleich mehrere auf.

Bei uns ist es mit den Bussen so: Anfangs steht man sich beim Warten die Beine in den Bauch, dann kommt man kaum hinein und schließlich nicht wieder heraus. Im Sommer bringt er - dieser Mörder! - einen fast um, denn dann wird geheizt. Im Winter jedoch nicht, zudem sind dann die Scheiben herausgeschlagen. Dafür ist das Dach sehr selten undicht — nur dann, wenn es regnet. Noch ein Problem ist der Fahrkartenkauf, und ihrer Entwertung. Denn das Gedränge ist so groß, dass man alles Mögliche entwerten kann, bloß keinen Fahrschein. Und bis man in so einem Bus zur Arbeit gelangt ist, ist man so müde, dass man sich bei der Arbeit nur ausruht.

Alles in allem ist es besser, mit unseren Bussen nichts zu tun zu haben. Zu Fuß ist man schneller.

Doch ich würde nicht sagen, dass sich Dänemark sehr von unserem Land unterscheidet. Eigentlich, nur in der Größe. Aber sonst ist, im Prinzip, alles gleich. Außerirdische oder Wilde würden kaum Unterschiede feststellen. Die gleichen Menschen — ein Kopf, zwei Ohren. Wenn man sich trifft, schüttelt man sich gegenseitig die Hand. Ihren Körper bedecken sie mit Kleidung. Alle leben in Häusern. Die Fenster sind aus Glas. Die Autos haben vier Räder. Um das Leben in ihrem Organismus aufrechtzuerhalten, essen sie Nahrung, trinken Getränke und atmen Luft. Sie vermehren sich durch Teilung — in Männer und Frauen. Gleichwohl sterben sie am Ende ihres Lebens.

Die Unterschiede gibt es in den Nuancen.

Sie sagen «Kopenhagen» und wir sagen «Kopengagen».

Bei ihnen bezahlt man für alles, bei uns aber bezahlt man entweder zu viel oder nimmt es sich umsonst.

Sie haben eine größere Auswahl an Waren, während man bei uns nur eine Wahl hat: Entweder man nimmt diese Ware oder nicht.

Wir wundern uns darüber, wie sie leben, und sie wundern sich, dass wir noch leben.

Dänemark ist ein fremdes Land, Russland dagegen ein befremdendes.

Nur im fremden Land kann man erfüllen, wie sehr man das eigene liebt. Niemand sehnt sich so sehr nach seiner Heimat, wie der Emigrant.

Das, was ich hier schreibe, habe ich den Dänen nicht gesagt. Das sage ich nur den Unsrigen. Und ihnen habe ich nur ein Kompliment gemacht: «Kopenhagen ist die beste Stadt der Welt», — sagte ich, — «nach Leningrad».

Den Dänen hat das gefallen. Höflichkeit sollte nicht in Schmeichelei übergehen.

Ich bin nicht ins Detail gegangen. Ich habe nicht gesagt, dass ich Kopenhagen den vierten Platz zuweisen würde und die ersten drei Leningrad. Genauer gesagt: Leningrad, Petrograd und Petersburg. Und das nicht nur, weil mein Vater in Petersburg geboren ist, meine Mutter in Petrograd und ich in Leningrad.

Ich habe ihnen nicht gesagt, wie sehr ich mein samisches Land liebe. Die deutschen Spitzdächer, die italienischen Säulen, die russischen Kuppeln im Zentrum. Und die orangefarbenen Fichten, die grauen Findlinge und die dunklen Seen ringsumher.

Und den Granit entlang der Flüsse über der Erde und - längs der Tunnel - unter der Erde. Den Schnee im Herbst. Und den Regen im Winter. Die Stadt im Schlaf. Die Stadt als Schiff.

Die sich stets gegen die Dunkelheit erhebende — sei es nun die dunkle Bedrohung durch Feinde oder die Dunkelheit der Nacht.

Die weißen Nächte — unsere Petersburger Träume...

Leb wohl, Dänemark, meine liebe Bekannte! Sei begrüßt Russland, meine wunderbare Unbekannte! Kein Land verändert sich innerhalb weniger Tage so wie Russland. Mein Reisetagebuch ist beinahe voll geschrieben, es sind nur noch wenige Seiten übrig....

Die Aufgaben zu allen Texten:

1. Welche Eigenschaften der Europäer sind fremd für das russische Volk und welche werden von Russen bewundert?
2. Welche Einstellung hatten die sowjetische Regierung und die kommunistische Partei, wenn es um Ausländer in Russland und um Russen im Ausland ging? Wie hat sich diese Einstellung seit 1990 verändert?
3. Schauen Sie den Film: «Окно в Париж» (1994, Ю. Мамин) an und befragen den Dozenten zum Thema: «Was denken die Russen heute über Europa und Amerika und was dachten sie vor 1990?»
4. Schauen Sie die folgenden Filme: «Невероятные приключения итальянцев в России» (1973, Э. Рязанов), «Московские каникулы» (1995, А. Сурикова), «Особенности национальной охоты» (1995, А. Рогожкин), «Особенности национальной рыбалки» (1998, А. Рогожкин) und versuchen Sie selbst, die Fehler in dem Russen-/ Russland-Bild der Europäer zu finden.

Texte für die selbständige Arbeit

Noch etwas über die russische Sprache

И.С. Тургенев

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

1882

Тэффи (Н.А. Лохвицкая)

О русском языке

Очень много писалось о том, что надо беречь русский язык, обращаться с ним осторожно, не портить, не искажать, не вводить новшества.

Призыв этот действует. Все стараются. Многие теперь только и делают, что берегут русский язык. Прислушиваются, поправляют и учат.

— Как Вы сказали? «Семь раз примерь, а один отрежь»? Это абсолютно неправильно! Раз человек меряет семь раз, то ясно, что вид надо употребить многократный. Семь раз при-ме-ри-вай, а не примерь.

— Что? — возмущается другой. — Вы сказали — «вынь да положь»? Что это за «положь»? От глагола «положить» повелительное наклонение будет «положи», а не «положь». Как можно так портить язык, который мы должны беречь как зеницу ока!

— Как Вы сказали? Надеюсь, я ослышался. Вы сказали: «я иду за вином»? Значит, вино идёт впереди вас, а Вы за ним следуете? Иначе бы Вы сказали: «я иду по вино». Как говорят — «я иду по воду», — и так и следует говорить.

Давят, сушат, душат!

Думал ли кто-нибудь, живя в России, правильно ли он говорит? Приходило ли кому-нибудь в голову сомневаться в законности своего произношения или оборота фразы? Огромная Россия сочетала сотни наречий, тысячи акцентов. Каждая губерния, каждый уезд окали, цокали, гакали по-своему. Тот сухой академический язык, который рекомендуется нам сейчас, существовал лишь в литературе, когда автор вёл речь от себя, потому что как только он начинал писать языком живым, на котором люди говорят, сейчас перед читателем выявлялась

личность, от которой слова шли. Под безличным, гладким литературным языком автор прячется, отрекается от себя, говорит «объективно».

«Чуден Днепр при тихой погоде»... Это не значит: «я *нахожу*, что Днепр чуден». Это значит, что он чуден, и этот факт я сообщаю.

Если же Вы прочтёте восхваление Днепру, выраженное разговорным языком, то сразу увидите, кто говорит.

— Ни и Днепр! Ну и речича!.. — говорит помещик, исправник, купец.

— Днепр в хорошую погоду — это самая прелесть!.. — скажет провинциальная барышня.

Если бы пришёл к Вам приятель шофёр или репортёр, человек деловой и нормальный, сел, закурил папиросу и сказал:

— Вспомнился сегодня Днепр. Какая чудесная река, особенно при тихой погоде.

Ладно.

А если бы он сказал:

— Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит, и т.д.

Ну ладно! Подумали бы, что он спятил, даже если бы Гоголя не читали и могли допустить, что он сам так вдохновился.

Литературный язык в разговоре безобразен потому, что мёртв.

В России все мы говорили на живом языке. Он всегда менялся, отбрасывал изжитое, впитывал новое, не боялся ничего. Все участвовали в создании его, в питании новыми соками. Никто никого не одёргивал, не останавливал.

Ich singe, wie der Vogel singt.

Именно как птица, как чувствовалось.

Наш петербургский язык был самый блёклый и чопорный. Даже соседка Москва казалась немножко провинциальной и вульгарной.

— Зачем говорить «што» вместо «что»? Зачем тянуть «ску-шно» вместо быстрого «скучно»?

И когда во время войны хлынули в обе столицы беженцы с юга, с запада и с юго-запада, тут мы пришли в настоящую ярость.

— Как смеют говорить: «извиняюсь»!

— Как смеют «ехать поездом», а не «в поезде»! И почему всё время «так», и зачем «жеж» вместо «же»! «Так я жеж ехал вагоном».

Очень всё это раздражало.

Но когда мы сами двинулись в путь, хлынули сплошным потоком вниз через всю Россию, то услышанные на месте все эти горькие грехи против чистого русского языка, они уже не показались (мне, по крайней мере) такими отвратительными.

Они, оказывается, просто, как нежные фрукты, не выносили перевозки.

Русский язык, на котором говорят в Одессе, считается верхом лингвистического безобразия. Конечно, если писать на этом языке «Критику чистого разума» или «Историю романтизма Западной Европы», если бы этим языком заговорила фрейлина большого двора на приёме у императрицы — вышло бы, действительно, неладно.

Но там, в Одессе, на родной почве, на улицах, где суетятся юркие дельцы, будущие банкиры, и медленно гуляют бывшие банкиры, бывшие юркие дельцы, где всё время что-то считают и в чём-то друг друга убеждают, — там этот язык выразителен и чудесен.

В первый же день моего приезда сидела я в холле большого одесского отеля. Здесь же вертелся неизвестный мне субъект местного типа. И ясно было, что хочет заговорить. Наконец нашёлся.

— Скажите, — спросил он, — вы, значит, тоже пассажир?

— Что? — растерялась я.

— Ну да. Раз Вы живёте в этой гостинице, — значит, Вы — здешний пассажир. Вы видели море?

— Что?

— Море, так это море. Что?

Вот это был живой язык! Таким языком у нас на севере рассказывали только анекдоты, а здесь он жил, живой, юркий, гибкий и чего только не плёл.

— Скажите, ли Вы придёте к нам?

Всё правильно, только «ли» перескочило: и получается презабавная штука, от которой сразу делается весело.

Ответ иронически-любезный.

— Или!

Это значит: «Вы хотите сказать: или не придёте? Так неужели Вы можете предположить, что я не приду?!»

Видите, как сложно, как тонко!

Этот одесский язык был исключительно красочным. Но ведь недурны и наши сибирские «однако», и удивительные окрики «кrome!», когда человек недовольно прерывает собеседника, грозно подняв указательный палец.

И всё это хорошо.

Не может умереть, замереть, застыть живой язык. В одесских школах наверное тоже зубрят: «Чуден Днепр», но говорят: «таки он себе чуден».

Какие бы шлюзы не ставили сейчас нашему бедному эмигрантскому языку, он прорвёт их, и если суждено ему стать уродом, то и станет, и будет живым.

Чем питать его? Старыми нашими истрёпанными книжками?

А самим нам много ли веку осталось!

Горько, жалко, но это так.

А разве там, в России, не отошёл язык от старого русла? Разве он тот, каким мы его оставили?

Почитайте их разговорную литературу. Поговорите с приезжими. Прислушайтесь.

Мы ещё храним старые заветы, потому что любим наше прошлое, всячески его бережём. А они не любят и отходят легко и спокойно.

И мы, хотя будем очень горевать, но уйдём тоже.

Е.Л. Ка

О «ну»

Если Вы спросите у европейца: немца, француза, англичанина, — не хочет ли он, к примеру, сходить в театр или составить Вам компанию в теннис, то можете рассчитывать на прямой и однозначный ответ: «да», «нет» или «я подумаю». То же произойдет, если задать, например, американцу вопрос о его возрасте, профессии или семейном положении. Формулировка ответа не должна допускать толкований: врач, сорок лет, женат.

Попробуйте теперь поставить те же вопросы русскому человеку, пусть даже переселившемуся в Европу или Америку... Вы получите многофункциональное и практически непере译имое: «Ну...»

— Ты убрал свою комнату?

— Ну.

— Ты защитил диссертацию?

— Ну...

— Ты женился?

— Ну.....

Чем старше Ваш собеседник, тем в более длинный звуковой ряд выстраивается это самое «у-у-у».

Иногда мне представляется довольно-таки живо следующая картинка: товарищ из России оказывается на приёме у самого Господа Бога. Последний интересуется:

— Вы жили?

— Ну...

— Но умереть-то Вы умерли!

— Ну...

То есть русский человек твердо уверен что ситуация способна измениться в зависимости от отношения к ней участников, от их персональной точки зрения.

Учёные спорят по сей день о причинах появления на свет этого самого «нуканья» и утверждают, что оно свидетельствует о вырождении языка и падении культуры его носителей.

Как бы не так!

Не о вырождении языка, а о своеобразии менталитета и особенностях мировосприятия русского народа говорит это незначительное и — на первый взгляд — вредное междометие. Русский человек на протяжении многовековой истории мытарств и унижений привык приспособляться к любым, даже самым неблагоприятным условиям: зимой он отлёживался на печи, в зной скрывался под гостеприимной сенью берёзовых и дубовых рощ... А на вопросы слишком часто сменявшихся хозяев учился отвечать расплывчато: мол, как хочешь, так и понимай. В 18 веке диалог был долг и непродуктивен:

— Зерно в амбаре?

— Э... нет-с еще, но...

— Выпороть!

Век двадцатый внёс свои корректуры:

— Урожай в закромах нашей необъятной социалистической родины?

— Ну...

— Молодец, так и запишем. Наградить!

Вот Вам и вся загадка.

Правда, есть еще поговорки: «Не запряг, не нукай», «Ни тпру, ни ну», — но это уже совсем другая история, тоже о лени, но о всеобщей, интернациональной, языковыми законами закреплённой.

Разговоры всерьёз

А. Н. Радищев

Путешествие из Петербурга в Москву

Пешки

Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы. Первый раз обратил сердце к тому, что доселе по нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею, пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы — лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутой пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякой день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленной, который скоблят скребком по праздникам; корыто — кормить кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и употреблении законов и их шероховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчны, пиявцы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, по и самый свет. — Закон запрещает отнять у него жизнь. — Но только мгновенно. Сколько способов отнять ее у него постепенно! С одной стороны — почти всесилие, с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Это жребий заклепанного в узы, это жребий заключенного в смрадной темнице, это жребий вола во ярме... <... >

1790

А. И. Герцен

Москва и Петербург

Говорить о настоящем России — значит говорить о Петербурге, об этом городе без истории в ту и сторону. Москва, напротив, хранит воспоминания прошедшей славы, всегда глядит назад, идёт задом наперёд и оттого не видит европейских начал. Петербург — расхожая монета, без которой обойтись нельзя. Москва — монета редкая, возможно, замечательная для нумизмата, но не употребляемая. Итак, о городе настоящего, о Петербурге.

Ему не о чем вспоминать, кроме как о Петре I, его прошедшее сделано в один век, у него нет истории, да нет и будущего; он всякую осень может ждать шквала, который его потопит. Петербург — удивительная вещь. Я всматривался, приглядывался к нему и в академиях, и в канцеляриях, и в казармах, и в гостиных, — а мало понял, и Петербург остался загадкой как прежде.

С того дня, как Пётр увидел, что для России одно спасение — перестать быть русской, с того дня, как он решился двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась. Первый, неизбежный шаг для Петра было перенесение столицы из Москвы. С основания Петербурга Москва сделалась второстепенной, потеряла для России прежний смысл свой. Москву забыли после Петра и окружили тем уважением, которым окружают старуху-бабушку, отнимая у неё участие в управлении делами. Всё молодое, всё талантливое, появлявшееся в Москве, отправлялось в Петербург писать, служить, действовать. В Петербурге все люди вообще и каждый в особенности прескверные. Петербург любить нельзя, а я чувствую, что не стал бы жить ни в каком другом городе России. В Москве, напротив, все люди предобрые, только с ними скука смертельная; в Москве есть своего рода полудикий, полуобразованный быт, на него хорошо взглянуть, как на всякую особенность, но он тотчас надоест. Петербург и нравов своих не имеет. Оригинального, самобытного в Петербурге ничего нет, не так, как в Москве, где всё оригинально — от нелепой архитектуры Василья Блаженного до вкуса калачей. Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на все похож; Москва — тем, что она вовсе не похожа ни на какой европейский город, а есть гигантское развитие русского богатого села.

У Петербурга нет сердечной связи с страной; у него есть полиция, река, пвор, семиэтажные дома, гвардия, тротуары, и он доволен своим удобным бытом, не имеющим корней. В Москве мёртвая тишина; люди систематически ничего не делают, а только живут и отдыхают перед трудом; в Москве после 10 часов не найдёшь извозчика, не встретишь человека на иной улице. В Петербурге все до такой степени заняты, что даже не живут. Деятельность Петербурга бессмысленна, по привычка деятельности — вещь великая. Петербуржец недоволен

настоящим, он работает, у него есть ограниченная цель и он её достигает. Москвич, преблагороднейший в душе, никакой цели не имеет и большей частью доволен собою.

Петербургские литераторы вдвое менее образованны, чем московские; они упиваются, приезжая в Москву, умным вечерам и беседам в ней. А между тем вся книжная деятельность только и существует в Петербурге. Там издуются журналы, там цензура умнее, там писал и жил Пушкин, Карамзин, даже Гоголь принадлежал более к Петербургу, чем к Москве. В Москве есть люди глуббких убеждений, но они сидят сложа руки; в Москве есть круги литературные, проводящие время в том, чтобы всякий день доказывать друг другу какую-нибудь полезную мысль, например, что Запад гниёт, а Русь цветёт.

Москвич любит кресты и церемонии, петербуржец — места и деньги; москвич любит аристократические связи, петербуржец — связи с должностными людьми. В Петербурге можно прожить года два, не догадываясь, какой религии он держится; в нём даже русские церкви приняли что-то католическое. В Москве на другой день приезда вы узнаете и услышите православие и его медный голос. Вся эта святыня бережётся стенами Кремля; стены Петропавловекой крепости берегут казематы и монетный двор. Удалённая от политического движения, питаюсь старыми новостями, Москва рада посещению, даёт балы и обеды и пересказывает анекдоты, Петербург, в центре которого всё делается, ничему не радуется, никому не радуется, ничему не удивляется: если б порохом подорвали весь Васильевский остров, это сделало бы меньше волнения, чем приезд персидского послапника в Москву. В Москве принимают всякого иностранца за великого человека, в Петербурге — каждого великого человека за иностранца. Москвичи плачут, что в Рязани голод, а петербуржцы не плачут об этом, потому что они и не подозревают о существовании Рязани, а если и имеют тёмное понятие о внутренних губерниях, то абсолютно точно не знают, что там хлеб едят. Молодой москвич либерален, молодой петербуржец — формален, как деловая бумага. В Петербурге вообще либералов нет, а если появится, то отправляется отсюда не в Москву, а в Сибирь.

В судьбе Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное. Это любимое дитя северного великана. Небо Петербурга вечно серо; солнце, светящее на добрых и злых, не светит на один Петербург; сырой ветер приморский свистит по улицам. Повторяю, каждую осень он может ждать шквала, который его затопит. Взгляните на москвичей: им и не жарко и не холодно, им очень хорошо, и они довольны балаганами, экипажами, собою. И взгляните после того в хороший день на Петербург. Торопливо бегут несчастные жители из своих ломов и бросаются в экипажи, скачут на дачи, острова; они упиваются зеленью и солнцем, но

привычка заботы не оставляет их, они знают, что черерз час пойдёт дождь, что завтра, труженики канцелярии, они утром должны быть по местам.

В Москве на каждом шагу прекрасный вид, Петербург можно исходить с конца в конец и не найти ни одного даже неплохого вида; но потом нужно вернуться на набережную Невы и сказать, что все виды Москвы — ничто перед этим. В Петербурге любят роскошь, но не любят ничего лишнего; в Москве именно одно лишнее считается роскошью; оттого у каждого московского дома колонны, а в Петербурге нет; у каждого московского жителя несколько слуг, плохо одетых и ничего не делающих, а у петербургского один — чистый и ловкий.

Петербург во всю свою жизнь видел только перевороты и празднования, и вовсе не знает нашего старинного быта. Москва только по слуху знает о переворотах. В своё время приедет курьер, привезёт грамотку — и Москва верит печатному, кто царь и кто не царь, верит, что Бирон — добрый человек, а потом — что он злой человек, верит, что сам бог сходил на землю, чтоб посадить Анну Иоанновну, а потом Анну Леопольдовну, а потом Иоанна Антоновича, а потом Елизавету Петровну, а потом Петра Фёдоровича, а потом Екатерину Алексеевну на место Петра Фёдоровича. Петербург очень хорошо знает, что бог не пойдёт мешаться в эти тёмные дела, он видел оргии Летнего сада, он видел похороны Петра I и похороны Павла I.

В Москве здоровье усиливается настолько, что работа внутренних органов заменяет все действия. В Петербурге нет ни одного толстого человека. Из этого ясно, что кто хочет жить телом и духом, тот не выберет ни Москвы, ни Петербурга. В Петербурге он умрёт на полдороге, а в Москве из ума выживет. Но так как есть фатум, который за нас избирает место жительства, то это дело конченное. Есть стороны в московской жизни, которые можно любить, есть они и в Петербурге.

Обещают теперь железную дорогу между Москвой и Петербургом. Давай бог! Через этот канал Петербург и Москва взойдут под один уровень, и, наверно, в Петербурге будет дешевле икра, а в Москве двумя днями раньше будут узнавать, какие номера иностранных журналов запрещены. И то дело!

1842

А.А. Блок

Интеллигенция и революция

(Фрагмент)

«Россия гибнет», «России больше нет», «Вечная память России», — слышу я вокруг себя. Но передо мной — Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие

270

писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой. Россия — буря. Демократия приходит «опоясанная бурей», говорит Карлейль. России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и по-новому великой.

В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда. То были времена, когда царская власть в последний раз достигла, чего хотела: Витте и Дурново скрутили революцию веревкой; Столыпин крепко обмотал эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука ослабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановного лица, перешла к «поденщикам»; тогда веревка ослабла и без труда отвалилась сама. Все это продолжалось немного лет; но немногие годы легли на плечи, как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь. Распутин — все, Распутин — всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконец, годы европейской бойни; казалось минуту, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина.

<... > Думаю, я не один испытывал чувство болезни и тоски в годы 1909-1916. Теперь, когда весь европейский воздух изменен русской революцией, начавшейся «бескровной идиллией» февральских дней и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тех недавних, таких древних и далеких годов; а поток, ушедший в землю, протекавший бесшумно в глубине и тьме, — вот он опять шумит; и в шуме его новая музыка.

<... > Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию. Вспоминаются слова Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир,
Он их высоких зрелищ зритель...

Не дело художника — смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится оно или нет. У художника — все бытовое, житейское, быстро сменяющееся — найдет свое выражение потом, когда перегорит в жизни. Те из нас, кто уцелеет. Кого не «изомнет с налету вихорь шумный», окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ. Овладеть ими, вероятно, сможет только новый гений, пушкинский Арион; он, свыброшенный волною на берег», будет петь «прежние гимны» и «ризу влажную свою» сушить «на солнце, под скалою».

Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их пути в бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное, — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но это называется революцией. Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимых недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — о великом.

Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может, исполнится это желание или нет — гадать не нам), таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон, который донесет в заметенные снегом страны — теплый ветер и нежный запах апельсиновых рощ; увлажнит спаленные солнцем степи юга — прохладным северным дождем.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет её поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать..

Русские художники имели достаточно «предчувствий и предвестий» для того, чтобы ждать от России именно таких заданий. Они никогда не сомневались в том, что Россия — большой корабль, которому суждено большое плаванье. Они, как и народная душа, их вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умеренностью, аккуратностью: «все, все, что гибелью грозит», таило для них «неизъяснимы наслажденья» (Пушкин).

Чувство неблагополучия, незнание о завтрашнем дне сопровождало их повсюду. Для них, как для народа, в его самых глубоких мечтах, было все или ничего. Они знали, что только о прекрасном стоит думать, хотя «прекрасное трудно», как учил Платон. Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет: «Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке отчаянья, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна.

Жизнь прекрасна. Зачем жить тому народу или тому человеку, который втайне разуверился во всем? Который разочаровался в жизни, живет у нее «на подаянии», «из милости»? Который думает, что «жить не особенно плохо, но и не очень хорошо», ибо «все идет своим путем»: путем... эволюционным люди же так вообще плохи и несовершенны, что дай им только Бог прокряхтеть свой век кое-как, сколачиваясь в общества и государства, ограждаясь друг от друга стенками прав и обязанностей, условных законов, условных отношений...

Так думать не стоит; а тому, кто так думает, ведь и жить не стоит. Умереть легко: умирать можно безболезненно; сейчас в России — как никогда: можно даже без попа; поп не обидит отпевальной взяткой...

Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она прекрасна.

<... > Надо вот сейчас понять, что народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился и что в его мыслях, для старших братьев если не враждебных, то дурацких, есть великая творческая сила.

<... > Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожнревший поп, нкая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? -Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа ..

Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть; тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью.

Все так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают. Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби: но ведь за прошлое — отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать «лучшие».

Не беспокойтесь. Неужели может пропасть хоть крупинка истинного ценного? Мало мы любили, если трусим за любимое. «Совершенная любовь изгоняет страх». Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин и книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, — не царь. Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой.

Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что народ — паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, чер-носотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрушится вековая

распря между «черной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными», между интеллигенцией и народом? Не вас ли надо будить теперь от «векового сна»? Не вам ли надо крикнуть: «*noti tangiere circulos meos*»? Ибо вы мало любили, а с вас много спрашивается, больше, чем с кого-нибудь. В вас не было хрустального звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника — пусть художника, — но через него вы оскорбляли самую душу народную.

Любовь творит чудеса. Музыка завораживает зверей. А вы (все мы) жили без музыки и без любви.

<... > А лучшие люди говорят: «Мы разочаровались в своем народе»; лучшие люди ехидничают, надсмеиваются, злобствуют, не видят вокруг ничего, кроме хамства и зверства (а человек — тут, рядом); лучшие люди говорят даже: «Никакой революции и не было»; те, кто места себе не находил от ненависти к «царизму», готовы опять броситься в его объятия, только бы забыть то, что сейчас происходит; вчерашние «пораженцы» ломают руки над «германским засильем», вчерашние «интернационалисты» плачутся о «Святой Руси»; безбожники от рождения готовы ставить свечки, молясь об одолении врага внешнего и внутреннего. Не знаю, что страшнее: красный петух и самосуды в одном стане или эта гнетущая немзыкальность — в другом?

Я обращаюсь ведь к «интеллигенции», а не к «буржуазии». Той никакая музыка, кроме фортепьян, не снилась. Для той все очень просто: «в ближайшем будущем наша возьмет», будет «порядок», И все — по-старому; гражданский долг заключается в том, чтобы беречь добро и шкуру; пролетарии — «мерзавцы»; слово «товарищ» — ругательное; свое уберег — и сутки прочь; можно и посмеяться над дураками, задумавшими всю Европу взбаламутить, потрясти брюхом, благо, удалось урвать где-нибудь лишний кусок.

С этими не поспоришь, ибо дело их — бесспорное: брюшное дело. Но ведь это — «полупросвещенные» или совсем «непросвещенные» люди; слышали они разве только о том, что нахрюкали им в семье и школе. Что нахрюкали, то и спрашивается. <... > У буржуа — почва под ногами определенная, как у свиньи — навоз; семья, капитал, служебное положение; орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это — и все полетит вверх тормашками.

У интеллигента... такой почвы никогда не было. Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменья, знанья, методы, навыки, таланты — имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемейны, бесчинны, нищи, — что же нам терять? Стыдно сейчас насмехаться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон.

Значит, рубили не тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругом и кричать: «Ах, ах, сгорим!»

Я не говорю о политических деятелях, которым «тактика» и «момент» не позволяют показывать душу. Думаю, не так уж мало сейчас в России людей, у которых на душе весело, которые хмурятся по обязанности. Я говорю о тех, кто политики не делает; о писателях, например (если они делают политику, то грешат против самих себя, потому что «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь»: политики не сделают, а свой голос потеряют). Я думаю, что не только право, но и обязанность их состоит в том, чтобы быть нетактичными, «бестактными»: слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра.

Русской интеллигенции — точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые написаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на «дурацкие» вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в кавычках?

Это — всякий лавочник умеет. Этим можно только озлобить человека и разбудить в нем зверя. Как аукнется — так и откликнется. Если считаете всех жуликами, то одии жулики к вам и придут. На глазах — сотни жуликов, а за глазами — миллионы людей, пока «непросвещённых», пока «тёмных». Но просветятся они не от вас. Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте своей; такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы — глупые, мы понять не можем; а есть такие, в которых еще спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература.

Надменное политиканство — великий грех. Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом. Ужасна и опасна эта эластичная сухая, не вкусная «адогматическая догматика», приправленная снисходительной душевностью. За душевностью — кровь. Душа кровь притягивает.

Бороться с ужасами может лишь дух. К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно. А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом. всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию.

9 января 1918

М. Горький

Несвоевременные мысли

(Заметки о революции и культуре 1917 — 1918)

(Фрагмент)

Сегодня — Прощёное Воскресенье.

По стародавнему обычаю в этот день люди просили друг у друга прощения во взаимных грехах против чести и достоинства человека. Это было тогда, когда на Руси существовала совесть; когда даже темный; уездный русский народ смутно чувствовал в душе своей тяготение к социальной справедливости, понимаемой, может быть, узко, но все-таки — понимаемой. В наши кошмарные дни совесть издохла. <... >

Чувство справедливости направлено на дело распределения материальных благ, — смысл этого «распределения» особенно понятен там, где нищий нищему продаст под видом хлеба еловое полено, запеченное в тонкий слой теста. Полуголодные нищие обманывают и грабят друг друга — этим наполнен текущий день. И за все это — за всю грязь, кровь, подлость и пошлость — притаившиеся враги рабочего класса возложат со временем вину именно на рабочий класс, на его интеллигенцию, бессильную одолеть моральный, развал одичавшей массы. Где слишком много политики, там нет места культуре, а если политика насквозь пропитана страхом перед массой и лестью ей — как страдает этим политика советской власти — тут уже, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, об уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именует «сентиментальностью», но без чего — нельзя жить.

17 (4) марта 1918 г.

<... > Надо встать над политикой, надо учиться и уметь ограничивать свои политические змощии. При желании это возможно. Политика является чем-то подобным низшим физиологическим потребностям, с тою неприятною разницей, что потребности политические неизбежно совершаются публично. Политика, кто бы ее ни делал, всегда отвратительна, ибо ей неизбежно сопутствует ложь, клевета и насилие. И так как это правда, ее все должны знать, а это знание, в свою очередь, должно внушить сознание преимущества культурной работы над политической.

30 (17) июня 1918 г.

Очарование — дело веры, разочарование — возмездие за слепую веру, От разочарования хорошо помогает знание, и это единственное, что можно рекомендовать разочарованным. Лично я всю жизнь во всех моих чувствах, и мыслях, и делах отправлялся от человека, будучи навсегда и непоколебимо убежден, что существует только человек. Все же остальное есть его мнение и его деяние.

И в эти дни, страшные дни для всех, для всей страны, созданной множеством поколений, воспитавших нас таковыми, каковы мы есть, в эти дни безумия, ужаса, торжества глупости и пошлости, я помню одно: все это от человека идет, все это он творит...

И он же сотворил все прекрасное на земле, всю поэзию ее, все великолепные подвиги мужества и чести, все радости и праздники жизни, всю прелесть ее, ее смешное и великое, ее красивые мечты и чудесные науки, он создал свой дерзкий разум и непреклонную волю к счастью.

И это он, человек, всегда во все дни трагедий, страданий, мук — упрямо верующий в победу новых добрых начал над старыми и злыми, это он, непобедимый ничем, соединил нас здесь для дружеской человеческой беседы.

Пойдемте же к человеку, который и грязно и много грешен, но — искупает грязь и грех величайшими, невыносимыми страданиями. Можем ли мы создать что-то, чтобы им дышалось бы легче?

И можем, и должны.

1918

Н. Бердяев

Психология русского народа

1. Душа России

Отношение к государству

Для нас самих Россия остаётся неразгаданной тайной. Россия — противоречива, антиномична.

Тютчев сказал про свою Россию:

Умом России не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить.

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит факты для подтверждения своей веры. Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. Все национальные наши писатели,

мыслители, публицисты — все были своеобразными анархистами. В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землёй, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободы в государстве, сколько свободы от государства. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждёт жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Нет пределов смиренному терпению русского народа.

Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива. Рыцарство куёт чувство личного достоинства и чести, создаёт твёрдость личности. Этой личной твёрдости не создавала русская история. В русском человеке есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Русский анархизм — женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. Русский народ хочет быть невестой, которая ждёт мужа. Но Россия не была бы так таинственна, если бы в ней было только то, о чём мы сейчас говорили.

Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире. С Ивана Калиты упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Личность была придавлена огромными размерами государства. Бюрократия развилась до ужасных размеров. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души. Никакая философия не разгадала ещё, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни. Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через всё русское бытие.

Отношение к национальности

Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальности. Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы — чуждо национальное достоинство. Русский не выставляется, не презирает других. В русской стихии есть какое-то

278

национальное бескорыстие, жертвенность, неизвестная западным народам. Лев Толстой был поистине русским в своей религиозной жажде преодолеть всякую национальную ограниченность. И славянофилы хотели верить, что в русском народе живёт всечеловеческий христианский дух, и они возносили русский народ за его смирение. Достоевский прямо писал, что русский человек — всечеловек, что дух России — вселенский дух. Сверхнационализм, универсализм — такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. В этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира.

Но есть и антитезис. Россия — самая националистическая страна в мире. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия — «святая Русь». Россия грешна, но и в грехе своём она остаётся святой страной. Тот же Достоевский, который проповедовал всечеловека, проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром. Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия считает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире.

Церковный национализм — характерное русское явление. Русская религиозность — женственная религиозность, она отказывается от мужественного, активного духовного пути. Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли. Мать-земля для русского народа и есть Россия. Россия превращается в Богородицу. Такая женственная, национально-стихийная религиозность должна возлагаться на мужей, которые берут на себя тяжесть духовной активности, несут крест. И русский народ в своей религиозной жизни возлагается на святых, на старцев.

Русский народ не пытается даже думать, что святым можно подражать, что святость есть внутренний путь духа, — это было бы слишком мужественно. Русский народ хочет не столько святости, сколько преклонения перед святостью, подобно тому как он хочет не власти, а отдания себя власти. Русский народ в массе своей ленив в религиозном пути наверх, его религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение даётся ему легче, чем религиозная твёрдость личности.

Загадочная антиномичность России в отношении к национальности связана всё с тем же неверным соотношением мужественного и женственного начала, с неразвитостью и нераскрытостью личности. Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всём, вскрыть много противоречий в русской душе.

О свободе духа

Россия — страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. В ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает русских на Западе. Русский человек с большой лёгкостью преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого Быта от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник свободен от «мира», и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Русский тип странника нашёл себе выражение не только в народной жизни, но и в Лермонтове, в Гоголе, в Толстом и Достоевском, а на другом конце — у русских анархистов и революционеров, стремящихся по-своему к абсолютному. Россия — фантастическая страна духовного опьянения, страна Григория Распутина, страна самозванцев. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Душа эта целиком занята решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни.

Не раз уже указывали на то, что сам русский атеизм религиозен. Героически настроенная интеллигенция готова на смерть во имя материалистических идей. Это странное противоречие будет понято, если увидеть, что под материалистическим обликом она стремилась к абсолютному. Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников и иудеев, страна мятежная и жуткая в своей стихийности. А вот и антитезис. Россия — страна жуткой покорности, страна, лишённая сознания прав личности и не защищающая достоинства личности. Россия не любит Красоты, боится Красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности. Россия инертна, ленива, покорно мирится со своей жизнью. Все наши сословия предпочитают быть «как все». Иным кажется, что Россия обречена на рабство и что нет выхода для неё к свободной жизни.

Корень этих глубоких противоречий — в несоединённости мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество вечным застоём. Отсюда вечная зависимость от инородного. С этим связано то, что всё мужественное, освобождающее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину. Россия как бы бессильна образовать из себя личность. В жизни духа владеют ею: то Маркс, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж.

И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в её духовной

280

глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией.

О святости и честности

К. Леонтьев говорит, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность — западноевропейский идеал. русский идеал — святость. В формуле Леонтьева очень интересная проблема русской народной психологии. У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека. В нашей истории отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагоприятно для развития и для выработки личности. Русское православие не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека. Смирение было единственной формой дисциплины личности. Русский человек привык думать, что бесчестность — невеликое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится.

Высшие сверхчеловеческие задачи стоят перед святым. Обыкновенный русский человек не должен ставить себе высокой цели приближения к этому идеалу святости. Это — гордость. Православный русский старец никогда не будет направлять по этому пути. Человек должен жить в органическом коллективе, послушны его строю и ладу, создаваться своим сословием, своей традиционной профессией, всем традиционным народным бытом.

В каком же смысле русское народное право славное сознание верит в святую Русь и всегда утверждает, что Русь живёт святостью, В отличие от народов Запада, которые живут лишь честностью, т. е. началом менее высоким? Русский народ и истинно русский человек живут святостью не в том смысле, что видят в святости свой путь. Русь свята лишь в том смысле, что бесконечно уважает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания или общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности. Для русской религиозной души свят не столько человек, сколько сама русская земля. и в религиозных видениях русского народа русская земля представляется самой Богородицей.

Душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, верю, никогда ему не поклонится. Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью, он будет верить, что жизнь святого Серафима Саровского выше всех земных благ и что святой Серафим спасёт его и всех грешных русских людей. Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он ищет спасения у святых, у их посредничества. Это даже нельзя назвать лицемерием. Это — веками воспитанный особый душевный уклад, особый путь.

Европейский буржуа обогащается с сознанием своего большого совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели.

Публикация – 1918

Тэффи (Н.А. Лохвицкая)

Русские профили

В наших русских газетах часто встречаются особого рода статьи, озаглавленные обыкновенно «Силуэты», или «Профили», или «Встречи», или «Наброски с натуры». В этих «силуэтах» изображаются иностранные общественные деятели, министры или знаменитости в области науки и искусства. Представляют их всегда интересными, значительными или, в крайнем случае, хоть занятыми. О русских деятелях так не пишут.

Уж если увидите в газете русский «профиль», так я этот профиль не поздравляю. Он либо выруган, либо осмеян, либо уличён и выведен на чистую воду. Мы странно относимся к нашим выдающимся людям, к нашим героям. Мы, например, очень любим Некрасова, но больше всего радует нас в нём то, что он был картёжник. О Достоевском тоже узнаём не без приятного чувства, что он иногда проигрывал в карты всё до последней нитки. Разве не обожаем мы Толстого? А как веселились мы при рассказах очевидцев о том, что «Лев Николаевич, проповедуя воздержание, предавался чревоугодию, со старческим интересом уплетая из маленькой кастрюлечки специально для него приготовленные грибочки»?

Был народным героем Керенский. Многие, я знаю, сердятся, когда им напоминают об этом. Но это было. Солдаты плакали, дамы бросали цветы, генералы делали сборы, все покупали портреты. Был героем. И мы радовались, когда слышали лживые сплетни о том, что он, мол, зазнался, спит на постели Александра Третьего, чистит зубы щёткой Димитрия Самозванца и женится на Александре Фёдоровне. Был героем Колчак. Настоящим легендарным героем. И каждый врал про него всё, что хотел.

И всё это — любя. Странно мы любим – правда? Не ослеплённо и не экстазно. А разве не любим мы Россию, братьев наших? А что мы говорим о них?

Чужая Шарлотта Корде приводит нас в умиление и поэтический восторг. Оттого, что она чужая, и оттого, что на ней белый чепчик, а не русский бабий платок. И как мы рады, что кишат кругом нас спекулянты, и трусы, и прямо откровенные мошенники, рвущие, как псы, кусок за куском тело нашей Родины. Рады потому, что можем сказать: «Вот каковы они все оказались!»

О нашей русской Шарлотте Корде мы бы легенды не сложили. Нам лень было бы даже имя её

узнать. Так, мимоходом, по привычке, справились бы: А с кем она, она, собственно говоря, жила? На этом бы всё и кончилось.

Трагические годы русской революции дали бы нам сотни славных имён, если бы мы их хотели узнать и запомнить. То, что иногда рассказывалось вскользь и слушалось мельком, перешло бы в героические легенды и жило бы вечно в памяти другого народа. Мы, русские, этого не умеем. Помню, после корниловского наступления на Петроград один из участников его похода рассказывал побледневшими губами:

— Они были как дьяволы, эти матросы. Они бросались прямо под броневик, чтобы проколоть штыком резервуар с бензином. Я этого ужаса никогда не забуду! Колёса напозлали прямо на мягкое, на их тела, кости хрустели под нами, по живым людям ехали. Гибли одни — на их место бросались другие. Господи, что же это за люди! Откуда такие взялись!

Я вспомнила потом, через несколько месяцев, этого офицера. Вспомнила, что он рассказывал что-то интересное, что я плохо слушала и почти забыла.

— Помните, Вы говорили что-то любопытное о каких-то матросах, которые бросались под броневик... Помните? Вы ещё удивлялись, что они такие безумные...

Да, — рассеянно ответил он. — Что-то было в этом роде...

Забыли!

1924

Д.С. Лихачёв

О русской культуре

Россию упрекают. Россию восхваляют. Одни считают её культуру несамостоятельной, подражательной. Другие гордятся её прозой, поэзией, театром, музыкой, иконописью... Одни видят в России гипертрофию государственного начала. Другие отмечают в русском народе анархическое начало. Одни отмечают в нашей истории отсутствие целеустремлённости. Другие видят в русской истории «русскую идею», наличие у нас сознания гипертрофированной собственной миссии. Между тем движение к будущему невозможно без точного понимания прошлого и характерного.

Россия необъятна. И не только своим поразительным разнообразием человеческой природы, разнообразием культуры, но и разнообразием уровней — уровней во всех душах её обитателей: от высочайшей духовности до того, что в народе называют «паром вместо души». Гигантская земля. И именно земля, почва. Она же страна, государство, народ. И недаром, когда шли на поклонение к её святыням, замолить грех или поблагодарить Бога, — шли пешими, босыми, чтобы ощутить её почву и пространство, пыль дорог и траву придорожных тропинок,

увидеть и пережить всё по пути. Нет святости без подвига. Нет счастья без трудностей его достижения. Идти тысячи вёрст: до Киева, до Соловков, плыть до Афона — и это тоже частица России. А возникло это ощущение единства давно. Ведь в самой легенде оприглашении трёх братьев-варягов сказалося представление о братстве племён, ведших свои княжеские роды от родоначальников-братьев.

Русская земля, вся — с будущей Украиной, Белоруссией и Великороссией — была сравнительно слабо населена. Население страдало от этой вышужденной разобщённости, селилось преимущественно по торговым путям — рекам, селилось деревнями. Враги приходили «из невести», степь была «страной незнаемой», западные соседи — «немцы», то есть народы «немые», говорящие на незнакомых языках. Поэтому среди лесов, болот и степей люди стремились подать знак о себе высокими строениями церквей, как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегу озёр, просто на холмах, чтоб их видно было издали. Нигде в мире нет такой любви к сверкающим золотом, издали видным куполам церквей, к рассчитанному на широкие просторы «голосоведению», к хоровому пению, к ярким краскам, контрастным зелёному цвету и выделяющимся на фоне белых снегов чистым цветам народного искусства. И до сих пор, когда я увижу золотую главкуцеркви или золотой шпиль Адмиралтейства, освещающий собой весь Невский, золотой шпиль Петрошівловской крепости — меч, защищающий город, — сердце моё сжимается от сладкого чувства восторга. Золотое пламя церкви или золотое пламя свечи — это символы духовности. «Свеча бы не угасла», — так писали в своих завещаниях московские князья, заботясь о целостности Русскойземли.

Вот почему на Руси так любили странников, прохожих, купцов и привечали гостей — то есть проезжих купцов. Гостеприимство, свойственное многим народам, стало важной чертой характера — русского, украинского и белорусского. Гость разнесёт добрую молву о хозяевах. От гостя можно услышать и об окружающем мире, далёких землях. Потому и вера христианская, как бы наложившаяся на старое доброе язычество, была с таким малым сопротивлением принята на Руси, что она ввела Русь в мировую историю и мировую географию. Люди в своей вере перестали чувствовать себя одиноким народом, получили представление о человечестве в целом.

Но объединяющим началам в русской земле противостоят широкие пространства, разделяющие собой сёла и города. «Гардарикией» — «страной городов» — называли скандинавы Русь. Однако между городами и сёлами тянулись безлюдные пространства, иногда трудно преодолеваемые. И из-за этого зрели в Руси не только объединяющие, но и разъединяющие начала. Что ни город, то свой норов, то свой обычай. Русская земля всегда была славна не только тысячей городов, но и тысячей культур.

Возьмите то, что больше всего бросается в глаза и что больше всего заботило жителей России, — архитектуру. Архитектура Руси — это целый разнообразнейший мир. Мир весёлых строительных выщумок, многочисленных стилей, создававшихся поразному в разных городах и в разные времена. Одновременно воздвигаются храмы в Новгороде и во Владимире, в Смоленске и в Ярославле. и в Новгороде оказываются церкви, построенные в духе не только новгородских, но и смоленских, потом московских и волжских соборов. Ничего агрессивного, не допускающего существования зданий другого стиля или другой идеологической наполненности. В Новгороде существовала варяжская божница, быта чудинцева улица — улица угро-финского племени чуди, даже в Киеве был Чудин двор — очевидно, подворье купцов из далёкой северной Эстонии на Чудском озере. А в XIX в. на Невском проспекте, проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, быта и голландская церковь, и лютеранская, и католическая, и армянская, и только две православные — Казанский собор и Знаменская церковь.

1982

Е.Л. Ка

О причинах и следствиях несовместимости менталитетов в Германии

Изучение географии включает в себя немаловажную теорию — теорию искусств, математики и естественных наук и теорию, лежащую в основе истории и мифов... Например, если кто-нибудь расскажет историю странствования Одиссея, Менелая или Ясона, то не следует думать, что он поможет этим практической мудрости своих слушателей, разве только присоединит к своему рассказу полезные уроки, извлеченные из несчастий, которые герои претерпели.
Страбон. География.

Человечеству свойственно копаться в грязном доисторическом белье, не делая выводов о необходимости большой стирки сейчас и здесь.

Часть 1. Гора и Город

Гора накатывается на Город и взрывается его монолитом, расплзаясь меж домовых ущелий и скал. Или, иначе, - Город разбивается о грудь Горы и кроваво-красные капли оседают на черепичной кровле. Гора и Город: двугорбое чудовище с миллионом ловушек, скатерть-самодранка, чудо-юдо из кошмаров наших наивных предков...

Город. В его храмах сокрыты мощи справедливости, в его сейфах честь сдана под залог посредственности, в его залах седина и лавры застили свет разума.

Гора. В ее стволах течет лава вечной молодости, в ее кронах многоголосый хор равно славит начало и конец бытия, в ее чреве да обретет пристанище всяк сущий.

Хлеб Горы сладок. Мощь Горы неизмерима.

Власть Города необратима.

Зимой небо в Городе наливается оранжевым киселем, на который немедленно слетаются прожорливые белые мухи. Не насытившись амброй, они жадно накидываются на помои: асфальт прогрызается по корням, хрупкие стволы травы обсасываются до косточек и выплевываются на свалку истории. Только осинам удастся откупиться ржавчиной листьев. Потому остаются они да стены, дозревающие под мятым плащом эфоз; да глазницы окон, давным-давно утратившие наивную голубизну и обзаведшиеся сплошной серостью с пригорошнями морочливого тумана. А Город хорохорится из-за этой пелены тысячью клыков: колоколен, шпилей, антенн, - и огрызается на Гору плевками газа и автомобильного лая.

Весеннее половодье преобразует знакомый до рези в глазном яблочном чреве ландшафт. Гора, откровенно и бесповоротно хорошея, стряхивает с себя дымчатое покрывало, которое – легко преодолевая притяжение почвы и хваткие растопыренные лапы мерзнувших сосен – поднимается выше и выше. И течет над лесами и долинами студенистое молоко облаков, дальше и дальше уплывая от перекипевших мартовских склонов.

Гора вытягивается, топорщится галочьими и вороновыми перьями, благоухает овечьей благодатью и собачьими горизонтами. Она извергает из себя ручьи, ручейки, речушки, реки-раки, коряги, утиль-сырье. Короче, все благоприобретенное наследство Городской зимы. Дождь соперничает с ветром за право первого поцелуя ледяных еще щек, но брачную ночь суждено отпраздновать не им, а залихватски-чубарым головкам сорных трав и остроносым фонарикам подснежников.

Городу весна ни к чему: голуби без сна и отдыха резвятся в подворотнях и справляют нужду прямо на тротуары или на счастливо обнаженные головы прохожих. Освобожденные от пернатых постояльцев черепицы горько рыдают, норовя отыгратья опять-таки на неповинных в их трагедии лацканах и локонах. Ругань «пассантов» перекрывают разве что потуги железных колесниц, угодивших в очередную грязевую ванну, по глубине и приносимому ущербу не уступающую знаменитым конюшням.

Гора углубляется. Город выпячивается. Гора очищается. Город заносится сором до самого шпиля Кирхи: на земле громоздятся следы, в воздухе витают запахи, из обесцвеченных губ выстреливают слова, словечки, речи, речитативы, обогащенные локативами, вокативами, императивами и обедненные на чистосердечие и грамматическую стройность.

Лето в Городе – тягуче-терпкое, с пылом-жаром кофеен и утрадиционных кебабов; в редкими сквознячками из призывно распахнутых жерл всяческих «ХаМов», «П(е)ней» и «Цинзеров». По узким мощенным в позапрошлом столетии ребрам к городскому пупку – Ратуше – сползаются потные ручейки разнофасонных лиц. Туристы, а чаще всего – туристки, щебечут как молодые скворцы: «Ах, бульжник! Ах, витрины!» Мысль о совмещении означенных предметов для абсолютной гармонизации пространства и проявления личной потребности в творческом акте (насильственном изначально) в расплавленные мозги не вмещается.

Зато Гора предельно изобретательна: цветочный ковер, подвергающийся упорядоченным набегам овечьих стад и собачьих выгулов, пышнеет не по дням, а по часам: в 9.00 он – персидский, к 19.00 – кавказский, к часу ночи – чистокровно-арийский с аравийской примесью. А спрашивается: кто виноват, что местные «пабы» закрываются ни свет ни заря? Вот и приходится молодежи догуливать под звездным шатром. Только к восходу солнца растворятся бурые тени, оставив по себе недобрую память. Горе что сделается? Она и не такое перемалывала!

Осень примиряет единоутробных врагов. Гора и Город сливаются в шорохе дождей и листьев, вместе с травой и листьями вянут и осыпаются порталы, линяют лица.

Гора подманивает редкого прохожего прощальными дарами: с яблоками да хрусткими опятами справляются поминки по солнцу и теплу.

Город хорохорится подобно впадающему в маразм таперу: чем сумрачнее очертание окна, тем пестрее его витринные увертюры. Мелодия кипящей жизни никак не вписывается в черно-блеклые кадры судьбы.

Куртки и шляпы, зонты и башмаки с утра до вечера кривляются в лужах, удовлетворенно подставляющих главным фигурантам свои бока и скалящихся вслед массовке. В самой большой луже, наивно почитаемой соседками за озеро или, в худшем случае, болото (сколько в ней сгнуло папиросных картонок, окурков, плевков и жвачки) дрожит свет далекого серебра. Благополучно избежав преломления под колесами «Вольв» и «БМВ», по зеркальному блюдецку воды катается и не падает наливное яблочко Луны.

Часть 2. Город и люди

В нашем Городе, как в любом уважающем себя пространстве, живут стены: бревна, кирпичи, известка. Окна таращатся из одного небытия (теплого и пыльного) в другое (неотапливаемое); крыши зализывают раны от минувшей непогоды и подставляют солнцу плечики черепиц. Тротуары потягиваются спросонок, выправляя линии бордюров; морщатся и почесывают горбатые спины мостовые, кривляются в реке отражения переправ. Город вступает в день.

Но меж всего этого благолепия и образцового скульптурного ансамбля, исполняющего не менее семи столетий менуэт под названием «Германия», меж кирх, ратуш и кафедралей протискиваются мелкие серо-буро-малиновые крапинки – люди. Город старается не замечать их и уподобляется в этом исконном стремлении Горе, людей отрицающей – по причине их грандиозной при- и преходящести.

Люди же, семена по подставленным *им* ладоням булыжников, кроша на разостланные *перед ними* коврики тротуаров, увековечивают своими плевками текущее мимо время. Их сиюминутность не приучена к размышлениям (слишком узка школьная скамья – знания не помещаются на краешке, свободном от упитанного мак-дональдсами седалища). Что богу единого часа до грядущих гуннов, до археологических их открытий? Он, значительный и тем самым значимый, верит только в одно открытие – консервной банки. И потекут реки пивные в сырных берегах... А от них увеличивается слюноотделение. Потому и ходят по Городу меж заборов и порталов ограниченные их горизонтом молодые печальные верблюды.

В проёмах с лохмотьями краски по углам и на черед зализанных тротуаров обитает поколение постарше. Оно уже твердо усвоило то, о чем верблюжата пока только догадываются: плевать в души намного безопаснее – убирать не нужно и полиция не придерется. Более того, душа оботрется, умоется, а урока данного не забудет: впредь станет заранее при виде обидчика замирать, съёживаться (авось, промахнется) и так, шаг за шагом, помывка за поливкой, научится почтению и почитанию дверей с табличками и лиц с лоском. Может, со временем, остепенится и сама удосужится ступить на сияющую парадной чистотой лестницу власти.

Город выставляется напоказ и равно щурится от электровспышек и солнечных зайчиков – не фотографирует ли его кто из космического хаоса, чтобы познать самое себя и упорядочить (подстать городскому) бытие свое. Город лелеет фасады и прячет в тени опочивален внутренние удобства – пыль на абажурах, паучья пряжа под потолком, подошвы гостей трехлетней давности на ковровых покрытиях и плиточной квадратуре. Не жильё – рай натуралиста!

Город не любит суеты. Он переливается из прошлого в настоящее, медленно и оттого грациозно минует ухабы истории. Пережив войны, он перемальвает мир; переваривает турецкого хана, перетерев в порошок славянского вельможу и поэта.

Часть 3. Люди и лица

В Городе все делятся на две категории: жители (они же *люди*) и обитатели (они же *лица*). Лица приходят и уходят, их прибывает к порогам домов и уносит той же беспокойной волной; люди пребывают во веки веков и аминь. Лица характеризуются неверным произношением и высоким стилем, неусвоением правил уличного движения и общего миропорядка. Они наивно полагают, что знание – это свет, причем, свет зеленый, на всех жизненных перекрестках и распутьях; тогда как незнание – тьма. Таракань, скорпионь. И не замечают, как все глубже увязают в паутине интриг, тине связей и зависимостей.

Люди живут: спят, просыпаются, потягиваются, чистят зубы и перья, оттачивают коготки; намазывают лицам шеи, чтобы удобнее было сидеть – чисто и ароматно. Лица существуют в непрерывной борьбе с самими собой и реалиями бытия – совестью, честью, истиной и порядочностью. Они, правда, уже догадываются, что если в начале начал этого мира и стояло слово, то было оно, скорее всего, нецензурное, из тех, что украшают местные ристалища добытчиков бесплатного кайфа.

Люди имеют вес и положение, в котором он (то бишь, вес) уместается с минимальными потерями. Лица носит ветрами перемен, бьет о стены ненакрашенными мордочками диких зверьков. У людей есть дома, лицам сдаются углы. Правда, только при условии, что лицо остепенится и притворится человеком. Люди всемирны, лица национальны и оттого не представимы вне паспортного режима, проходного контроля, распорядка рабочего дня, расписания движений и предписания остановок.

Город вполне демократичен и в полном соответствии с пятилеткой борьбы за права человека допускает реморализацию лиц в людей. При условии верного заполнения анкет: нет, не был, не являлся, не брыкался, не сопротивлялся, не собирался... И вообще, при виде и в присутствии покорно снимал штаны, выстраивался шеренгой и подставлял своей новой родине измочаленный зад.

Удивительнее всего то, что и материализованные люди и нематериальные лица, согласно высшим целям, занесенным в анналы и засоряющим раз в четыре года почтовые ящики и придорожные столбы, - стремятся к одному и тому же всеобщему благоденствию. Только под ковровыми дорожками первых отчего-то время от времени похрустывают черепа вторых. Наверное, всему виной несовместимость исходных позиций и уровней жизни.

Гора, наблюдая как Город тасует тела и полирует извилины, пожимает плечами и на всякий случай сводит в колонну по четыре стволы своих верных оруженосцев – сосен. Гора боится толпы и не любит рефренов. А потому отворачивается от иллюминации, возвещающей о Рождестве очеренного Недочеловека из земель, лежащих к Востоку от парадиза, - Иешуа Га-Ноцри, прозванного людьми Христом и распятого в угоду общественной морали быта.

Часть 4. Лица и маски

Люди в Городе обладают неутолимой жаждой к карнавализации лиц. Нет-нет, не вздрагивайте! Я не про Бахтина, я про быт, про родное и наболевшее в уголках глаз и веревочках губ. Про улыбки без смеха; досаду, не умеющую выродить себя в крик и выжимаемую в оскал: мол, все в порядочке, не беспокойтесь. А главное, не задумывайтесь – с чего это нам всем так весело: продавцу, карачкающемуся с семи до семь; педагогу с через два месяца заканчивающимся контрактом и непогашенными кредитами совести; уборщице, при загнившем социализме исполнявшей обязанности областного хирурга, а ныне – в садах процветающего капитализма – умело оперирующей метлой и шваброй. Смеемся, хохочем, хихикаем, подхихикиваем.

Что делать, спрашивается, и кто виноват? Я, конечно, не Чернышевский, но и вам, господа, до Базарова далековато будет. Тут скорее Чичиковыми в гостях у Собакевичей, Алешами Карамазовыми на пиру у Воландов, Пьерами Безуховыми с Эммануилом Кантом под мышкой попахивает. Под подобное амбре и не такое привидится! В сточной яме и не тому научишься! При лицезрении конечного продукта цивилизации мороз по коже дерет:

– Бабушка, бабушка, а отчего у меня такие большие глазки?

– Чтобы преданнее кушать ими начальство, внучок.

– Бабушка, бабушка, а отчего у меня такие большие ушки?

– Чтоб внимать начальству, внучок.

– Бабушка, бабушка, а отчего у меня такая крошечная головка?

– А это чтоб мозгов не слишком разводилось. А то, чего доброго, над тоном начальственным сумление возымеешь. Грех-то какой, спаси и сохрани!

Вступает внучок в жизнь человеком – шаг упругий (не зря на кортах гонял), грудь – парусом (велосипед, знаете ли, очень способствует), а в груди – шаром покати. Пустота почище торричеллевой. Один банкомат вместо пламенного мотора щелкает, да спине сигналы подает: «Шеф! Угол сгибания – 160 градусов! Заместитель. Угол сгибания – 10 градусов. Подчиненные. Угол выпрямления – минус 25». Бр-р, айсберг проплыл: нос в потолок, глаза – в стенку. А стенка ничего, улыбается и животик подтягивает. Царских обносок жаждет. Вот и весь карнавал.

Маршируют по Городу затычки под руку с бочками, ступеньки в обнимку с пеньками, языки жареные, потроха вареные, мозги проветренные. Все такие розовые, улыбчивые, съедобные. Глотай – не подавишься!

Прав Рабле: все к лучшему в этом лучшем из миров. Глянешь сверху, а под ногами – скатерть-самодранка: жри – не хочу. Жаль, снизу картинка поскучнее выходит: пара тучек в штанах и никакого просветления.

Часть 5. Маски и судьбы

Удивительнее всего – отсутствие у маски индивидуальной судьбы. Ну, хоть самой завалющейся, отставной козы барабанщика. Ведь есть же она, тут как тут: дышит, трепыхается, произносит, поносит и выносит на суд! Ан нет, не вычерчивается на ее лапище линия тонкая, хрупкая, параллельная. Видно, сама маска недостаточно была перпендикулярна.

А в историю ой как охота! И начинает маска размножаться, делиться, ветвиться. Она и шут и пророк, и на все руки перчатка. Степенями да званиями обрастает. Из нее и песок-то сыплется теперь только золотой, 925 пробы. Но судьбы нет как нет. А кто ж без судьбы в историю угодит? Разве что в переплет, да и то – бумажный, не коленкоровый, без ленточки в середине и тиснения по бокам.

Гора, устав удивляться, наблюдает потуги горожан по обретению биографии спокойно, изредка поводя бровями, чтобы согнать с редяющих волосков облаглевших ворон. К чему ей вся эта дребедень – галочки сплетни, птичий телеграф? Пару десятилетий назад было дело: вмешивалась, терзалась, пыталась внушить Городу, что историю пишут души, а он, голубчик, обзавелся тысячью тел, закаленных коммунальным прошлым и выкованных в общее же настоящее.

Но Город отмахивался от ее посыльных-грачей и, видно, додирижировался: Гора ушла на покой и глядит в бойницы окон без сожаления и без памяти. Пишет себе историю – леса, ветра, травы, ручья. А человечество? Мало ли что! В многовековой дремоте и не такое привидится...

Часть 6. Судьбы и история

Жизнь, как всем известно (а кто сомневается, пускай пролистает на сон грядущий записки некоего господина графа товарища Толстого) полна противоречий. Маски без судьбы обожают историю. Если не с собой в главной роли, то хотя бы с двоюродной кашей на киселе – в эпизодической. И за эту эпизодическую люди выворачиваются наизнанку и вынуждают лиц к вставанию в ряды и колонны. Не абы как, а вверх тормашками.

Ну, чем, спрашивается, не угодили человечеству тихие и кошерные? В середине прошлого века их уничтожали физически, а к началу нынешнего взялись истреблять морально: мол, нету вас и точка. На прочных демократических фундаментах и с высоких плю-ралистических трибун выстроили здание нового капреализма, капризма, оризма: «Еврейского народа нет, а есть унижение человека человеком! Еврей, стало быть, - это религия, а не народ. Не нация. Не национальность!»

Та как же таки, господа хорошие? У меня ж дед по пятому пункту сосланный, отец по тому же – изгнанный, брат – не принятый. Сам с годочка язык выламывал – ивритствовал. А получается – юродствовал? А Писание? А Завет? А Одесса-мама по распределению из Петербурга по прописке в Иерусалим по нацпризнаку через Берлин по расписке? Как же быть с 30-ми, 40-ми... 80-ми? Это вам не размеры нижнего белья: перерастешь и – в утиль. Это души наши верстовыми столбами утыканные, из товарняков да хрущёвок тарашатся, маскироваться отказываются. Звезду Давида на лопатках на звезду Иуды на груди размах крыльев менять не позволяет. Топорщится. У нас же – Судьба!

Зашевелились... Перешептываются: «Не положено! Сайм решил, сейм одобрил. Еврей, коли угодно, – состояние мозгов, в Германии и Америке покуда желательное, в целом же – малополезное. Но – не народ! Не народ!»

«Нет!» – кричу: «Это те, что на Голгофу стадом, с Голгофы – толпой, - не народ! А мы в 68-ом на Красной площади индивидуально стояли; в 70-е поодиночке выпроваживались; в 80-е не истерически, а экономически мигрировали. Мы – народ».

Молчат. Демократия – не демагогия. С ней не поспоришь. Раз решила большинством – социал, значит так тому и быть. Не народ, не люди, не человеки. Без германских дипломов, следовательно – без голов. Стадо. Разделяй и властвуй!

Часть 7. История и география

Помните, в школе, у доски, за каменной спиной педагога, перед стеклянными амбразурками однокашниковых глазниц? На доске – кусок картона в сеточку: реки, озера, горы, долины... иногда города, деревни, колхозы. Широка страна моя родная, много в ней...! И история с географией на ее просторах немало накуролесила.

Немцы – в казахских степях да в сибирской тайге; русские – аж до самого Берлина на «Катюшах» докатились: ихний медведь перед нашими Топтыгинами на задние лапы сел и дело, положению приличествующее, учинил. Усвоили? Молодцы! Лет через двадцать повторим...

Не тут-то было. Карту со стены сдуло сквозняками перемен, залетевшими из форточек, пробитых в Европу и Америку Петрами да Михаилами. Наставник погруснел и списался в небытие вместе с воспитавшим его режимом и воспитанными им республиками. От первой до двадцатой. Да-да, именно девятнадцатой! Считайте сами: Туркестан, Казахстан, Узбекистан, Армения, Грузия, Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Украина, Белорусия, Россия, ..., Польша, Болгария, Югославия, Чехословакия, ГДР. Сосчитали? Вот и славно! Твердили же вам в школе: «Умом Россию не понять, аршином общим – не измерить!» У нас свой взгляд на политгеографию Европы, исторически материалистически обоснованный: мол, мы вас породили (читай: освободили), мы вас и поведем к светлому будущему. Что? Поводка не чувствуется? А мы его с 68-ого на 90-ые размеры растянули.

Они же, неблагодарные, как про растяжку прослышали, так во все стороны и рванули. Железо – что, материя тонкая, грамотного обращения требует, – попищало, поскрипело и рухнуло. Пыль по всему миру разнесло. И пошло повальное заражение: не успеешь налево «будь здоров» досказать, а уже с правого бока в носу свербит и чих доносится. Одно слово – микробы! А ведь какие шустрые оказались: едва из щелей выползли, и сразу – на трибуны, за знамена хвататься, стены крушить, булыжники из мостовых выворачивать и не по назначению потреблять...

Годков через пяток прочихались, носы прочистили и по ветру настроили. Ветер же, как назло, ост-вест намечался. И понеслось: у кого – овчарка немецкая, у кого – бабка за дедкой, внушка за бабкой, а Жучку оставили квартиру в Питере сторожить и с жильцов пошлину собирать. С кого спрос? Опять-таки с истории с географией! Учи – не учи, все по-своему повернет.

Подоспели русские немцы да немецкие евреи к самому что ни на есть пирогу. Как зайцы на медвежью свадьбу – полакомиться. Рассадили их честь по чести по койко-местам и очереди к столу ждать велели. Ну, чтоб видом их недокормленным людям пищеваренье не портить. А мы рады-радехоньки: удосужились, причастились! Теперь заживем. Месяц прошел, год на горизонте маячит, во рту от сладостей заграничных оскомины намечается. Но мы и не такое терпели, зато детки поживут, порадуются... А какая же тут радость? Одна физкульт-минутка: мать-переводчица над полами разминается, отец-ветеринар «упор лежа» под «Даймлером» изображает, а дочка-школьница бег с препятствиями осваивает. Как же иначе, если у немки-подружки родители из гостей без предупреждения вернулись, а балкон – с решеткой, сад – за забором, соседи все наперечет – антисемиты и борцы за права еврейского населения... в Израиле. Прыг-скок, перескок. Хоть на первенство мира посылай! Страшнее, чем здесь, все равно не будет.

Кому ответ нести? Правильно, истории с географией. Для Европы Россия – самая западная восточная держава, а для россиян она же – самая восточная западная. Оттенки уловили? Это в математике от перестановки мест слагаемых сумма не меняется, а лингвистика, Петруха, дело то-о-онкое. От нее для непосвященных за версту менталитетом разит.

Так что, маятся переселенцы, лица сборной национальности, меж двух стульев и потихоньку в обратную путь-дорогу собираются. Слава Богу, Жучка морально устойчивой оказалась – есть куда синяки и шишки, на исторической родине полученные, приклонить. А гражданство немецкое и в России – не помеха, а подспорье, для накопления и приумножения мозгов и капитала.

Но то – русские немцы, а евреям еще проще: им хвосты поприжало, они в маковке почесали, тыковку на сто восемьдесят градусов поворотили, смекалка и сработала: «Социальщики всех земель, соединяйтесь! Мы наш, мы новый мир построим...» И правда, вон уже посреди Берлина Стену Плача возвели, а синагоги – как грибы после Чернобыля, не по дням, а по минутам тикают. Им что, им не привыкать: их Моисей в одиночку десятилетиями по пустыне хороводил, а тут на фоне витрин прямая «Санта-Барбара»: за тридцать лет – трижды смена кадра. Веселись!

Одних жалко: самых восточных западных немцев. А и то верно – за что боролись... Старинная русская поговорка. В любой школе в сокращенном виде в клозетах выписывалась. Эх, не расшифровали! Видать, целиком писать полагалось: они же, хоть и братья по разуму, а меньшие. Мы – сильные, нас революция восемьдесят лет назад победила. А их Берлинской стеной по макушке всего с десятилетие огрело. Никак оклематься не могут: о равноправии и справедливости кричат, единого обхождения требуют. Поздно, голубчики, спохватились. Главная трибуна (почище Мавзолея!) вашими же руками на сувениры мензурочные разобрана. Теперь вам осталось – вперед и с песней. Штурмуйте Запад, не стесняйтесь, а главное – на «темное» социалистическое прошлое с жалостью не оглядывайтесь. Пускай у ФРГ – история, у вас – опыт. Ничего, что дипломы – в кустах, главное – головы на местах! Откуда большому человеку с Запада знать, что такое – родиться вместе с солнцем?

Вместо эпилога

Буря! Скоро грянет буря!

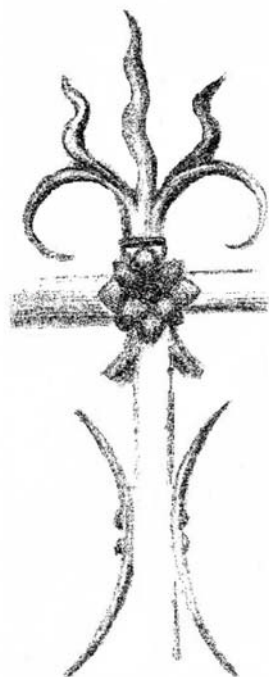
М Горький

Гора поднялась над собой и двинулась на Город. Черные перья кавалькад полосовали небо, размывая его до линии горизонта. Тучи втягивали бока, освобождая путь. Ветер взвыл сотней горл, шуранул зарослью и затих. Сигнал к наступлению был дан.

Грозные флаги выросли над крепостной стеной, чуть помедлили на острие собора и потянулись дальше, на Запад. Прохожие кутались в воротнички и манжеты, втягивали змеиные головки в жидкие плечики и шарахались в проходные дворы и тупики подъездов. Страх чумой прописался под черепичной дрожью. Ужас разбитых дорог.

А Гора плыла, становилась небом и землей, заслоня рыжие пряди заката. Она уже была неотделима от сумерек, превратилась в них, размножилась, разрослась во все небо, так что звезды казались не более чем мерцающими пуговками на ее плаще.

Рассыпались в извинениях перед вечностью куранты, один... два... шесть раз отрывая от нее по куску. Гора замкнула свой круг и легла, затаилась до потом, завтра, после нашего века.

Anstelle eines Nachwortes: Was muss man über uns wissen?

«В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращен, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что, сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа» *Ф.М. Достоевский*

«Русские держат себя совершенно нараспашку перед европейцами, а между тем характер Русского, может быть, даже еще слабее обрисован в сознании европейца, чем характер Китаецца или Японца. Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса. Скорее изобретется Perpetuum-mobile или жизненный эликсир, чем постигнется Западом русская истина, русский дух, характер его направления... Русский не может обратиться совершенно в Немца, и потому нельзя его мерить на свой аршин... И как же бы они [европейцы – Е.К.] нас постигли, когда из главнейших наших особенностей именно та, что мы не европейцы; а они не могут мерить иначе, как на свой аршин.... Вот почему европейцы совершенно не понимают Русских и величайшую особенность в их характере назвали безличностью» *Ф.М. Достоевский*

«Русская натура и русский характер сбивают нас с толку, благодаря противоположности заключающихся в нем элементов. Так, например, в русской натуре есть большая доля пассивности, а наряду с нею есть что-то необузданное, — какой-то дух, ломающий все преграды и готовый на все, — есть также элементы и несокрушимого упрямства. Поэтому опыт указывает на практическую сторону русского характера, которая влечет его ко всему реальному и внушает отвращение ко всему неестественному... Самопожертвование и бескорыстие русских резко бросается в глаза всем встречающимся с ними — и это бескорыстие проявляется как в материальном, так и в духовном отношениях... Человечность русских идет больше от сердца, чем из головы. Они самый человечный от природы народ в Европе, — или, выражаясь иначе, в России больше доброты и гуманности, чем в какой бы то ни было стране» *М. Беринг*

«Изучая влияние природы страны на человека, мы иногда пытаемся в заключение уяснить себе — как она должна была настраивать древнее население, и при этом нередко сравниваем нашу страну по ее народно-психологическому действию с Западной Европой. Этот предмет ... не свободен от серьезных опасностей... Природа нашей страны при видимой простоте и

однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия» *В.О. Ключевский*

«Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» *А.П. Чехов.*

«Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические: ее положение на земле, ее необъятные пространства. ... Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем... вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться... От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности... Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество» *Н.А. Бердяев*

«Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Два противоположные начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядование и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинственное безбожие; смиренность и наглость; рабство и бунт» *Н.А. Бердяев*

«Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена... Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы» *В.В. Розанов*

«Какими словами, в каких понятиях охарактеризовать русскость? Она дана всегда в единстве далеко расходящихся, часто противоречивых индивидуальностей. Покрыть их всех общим знаком невозможно. Что общего у Пушкина, Достоевского, Толстого? Попробуйте вынести

общее за скобку — окажется так ничтожно мало, просто пустое место. Но не может быть определение русскости, из которого были бы исключены Пушкин, Достоевский и столько еще других, на них не похожих» *Г.П. Федоров*

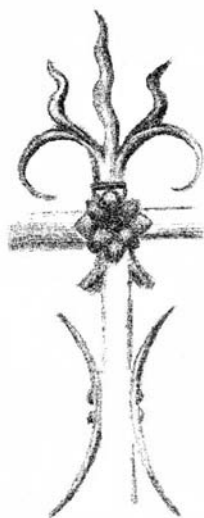
«Религиозность, православие и связанное с ними искание абсолютного добра есть наиболее глубокая черта русского народа» *Н.О. Лосский*

«В русской душе всегда жила скорбь за всех, печалование о судьбах всего мира, вселенское самосознание» *о. С. Булгаков*

«Русский человек без родни не живет» *И.А. Ильин*

«Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет... Русское понятие слова "закон" онтологично, не юридично и почти равносильно платоновской "идее". Закон — это норма не поведения, а бытия...» *П.А. Флоренский*

«Всякий настоящий русский, если только он не насилует собственной природы, смертельно боится перехвалить свое — и правильно делает, потому сто ему это не идет. Нам не дано самоутверждаться — ни индивидуально, ни национально — с той как бы невинностью, как бы чистой совестью, с тем отсутствием сомнений и проблем, как это удается порой другим» *С.С. Аверинцев*

Bibliographie

- Алексеев В. Будьте как дома: Книга для чтения с комментарием. – Düsseldorf: Brücken-Verlag, 1985
- Антология сатиры и юмора России XX века: [Сб. произведений]/ Сост. Э. Мороз. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001
- Бердяев Н.А. Судьба России: Сб-к статей. – М.: Сов. пис-ль, 1990
- Берестов В.Д. Избранные произведения: В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых: Вагриус, Б. г.
- Блок А. Собр. соч.: В 8-ми томах. Т.6: Статьи и письма. – М.-Л.: ГИХЛ, 1962
- Булгаков М.А. Собр.соч.: В 11 тт/ Сост., предисл., подгот. т-та В. Петелин. Т. 1: Дьяволиада. – М., 1995
- Василенко И.Д. Жизнь и приключения Заморыша: Повести: [Для сред. и ст. шк. возраста]/ Рис. В. В. Вторенко. – Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1988
- Герцен А.И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. – М., 1987
- Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М.: Сов. пис-ль, 1990
- Грейдина К.И. Суженый мой, ряженный мой: [Повести и рассказы]/ Рис. Я. Б. Адамова. – М.: Лит.-худож. агентство «ТОЗА», 1994
- Грейдина К.И. Тайна задумчивого кактуса: Повести, рассказы/ Рис. Ю. Владимирова. – М.: Сов. писатель, 1988
- Земля рождения, земля судьбы: Очерки. Беседы. Воспоминания. Раздумья/ Сост. Е.А. Кожурова. – М.: б.и., 1987
- Зощенко М. Собр. соч.: В 3-х томах/ Под ред. Д.А. Гранина и др. Т. 1: Рассказы и фельетоны. – М.: Худ. лит-ра, 1986
- Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок/ Рис. Кукрыниксы. – М.: Худ. лит-ра, 1971
- Карусель: Сборник. – Л.: Советский писатель, 1989
- Ключевский В.О. Курс русской истории. – <http://www.magister.msk.ru/library/history>
- Константинов В., Рацер Б. Проходной бал. – Л.: Советский писатель, 1984
- Константинов В., Рацер Б. Смех, да и только!: Сатирические стихи и фельетоны/ Рис. О. Теслера. – М.: Правда, 1991
- Кривин Ф.Д. Принцесса Грамматика, или Потомки древнего глагола Сказки для грамотных/ Худож. А. Ю. Гойда. – Ужгород: Карпати, 1981
- Ласкин Б.С. Избранное: Рассказы. Повесть. Пьесы. Киносценарий/ Сост. Н. Б. Ласкина; Вступ. ст. В. Фролова. – М.: Сов. писатель, 1990
- Ласкин Б.С. Между прочим: Юмористические рассказы/ Рис. Л. Самойлова. – М.: Правда, 1984

- Лихачёв Д.С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. – М.: Сов. Россия, 1984
- Лихачев Д.С. Раздумья о России: Сборник. – СПб.: Logos, 1999
- Мелихан К. Творческая кухня Гоголя. - http://drink.dax.ru/avtor/melihan/melih_050.shtml
- Мелочи жизни: Рус. сатира и юмор второй половины XIX-начала XX в.: Сборник/ Сост.; вступ. ст. и примеч. Ф. Кривина. – М.: Худож. лит., 1988
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Детская лит-ра, 1975
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Серия первая: Произведения. Т. 21. Новая азбука и русские книги для чтения (1874 — 1875). – М.: Худ. лит., 1957
- Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. – М.: Худ. лит-ра, 1972
- Тэффи. Собр. соч.: В 3-х томах. Т. 1: Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. – СПб.: РХГИ, 1999
- Чехов А.П. ПСС и писем в 30-ти тт. Сочинения в 18-ти тт. Том третий. 1884 — 1885. – М.: Наука, 1975
- Чехов А.П. ПСС и писем в 30-ти тт. Сочинения в 18-ти тт. Том шестой. 1887. – М.: Наука, 1976

